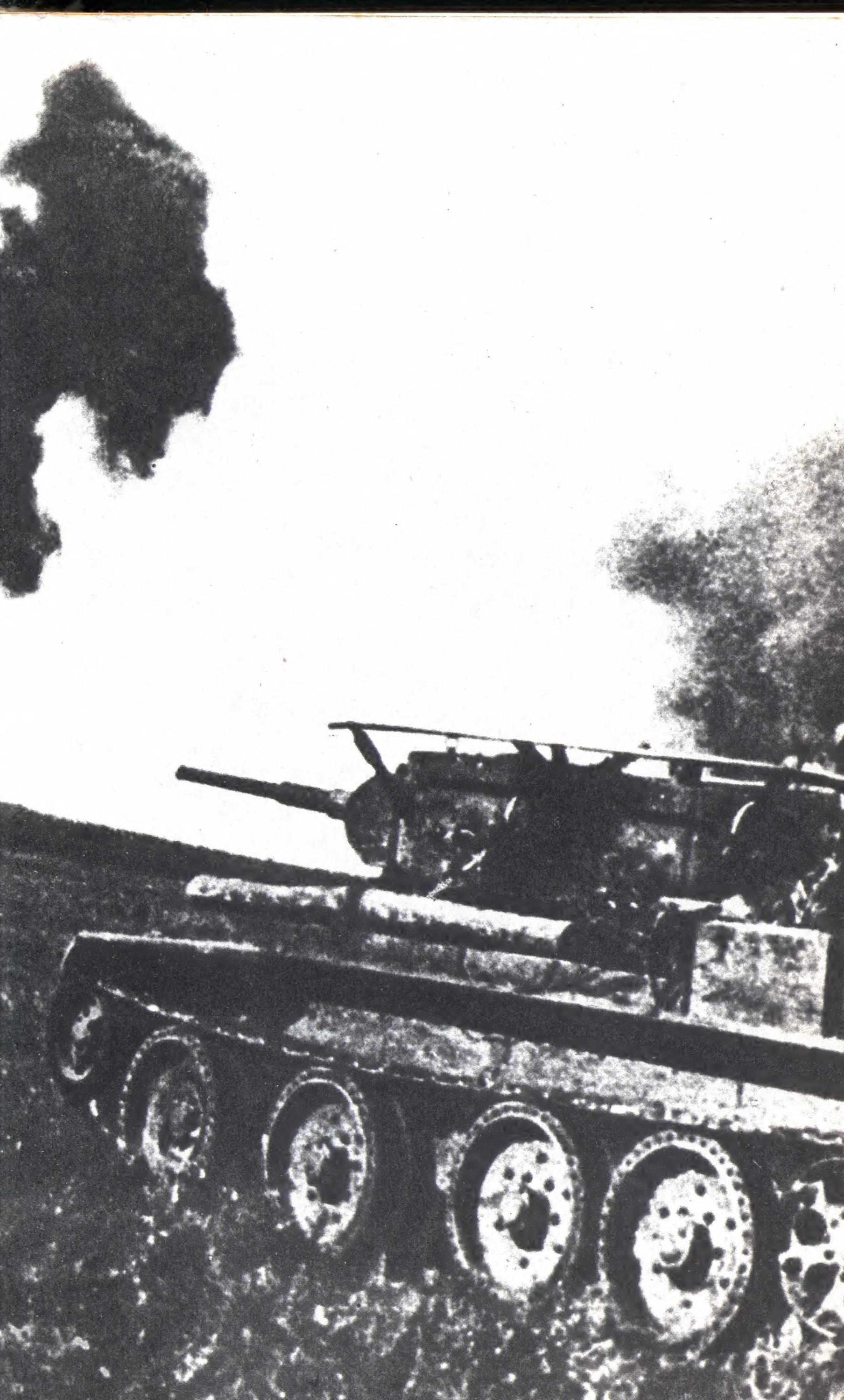
Рассказы о Красной Армии

1989г.
Алексею
Фёдоровичу в день
семидесятилетия
от коммунистов
горн. м-р-на „Совхозный".

Вечная память. Памятник в Уфе

Рассказы о Красной Армии

Воспоминания,
главы из повестей,
стихи, очерки

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1988

84Р7
Р 24

Для юношества.

Издается в цикле «Делать жизнь с кого».

«Рассказы о Красной Армии», продолжая вышедшие в цикле «Рассказы о партии» (1986), «Рассказы о Ленине и ленинской «Искре» Г. Дейча (1987), «Рассказы о революции» (1987), знакомят читателя с историей Родины.

Эта книга о том, как выстояла молодая республика на фронтах гражданской войны, как победила наша страна в Великой Отечественной, как защищают мир сегодняшние воины.

В очерках и воспоминаниях рассказывается о легендарных полководцах М. В. Фрунзе, В. К. Блюхере, М. Н. Тухачевском, Г. К. Жукове. О командирах и рядовых Великой Отечественной войны, о современной армии, традициях и преемственности поколений.

Составитель В. М. Демидов.
Составитель иллюстраций Ю. Т. Подкидышев.
Макет и оформление Е. В. Арбенева.

Р $\frac{4803010102-016}{М158(03)-88}$ 59-88

ISBN 5—7529—0016—6

Из обращения В. И. Ленина к Красной Армии[1]

Товарищи красноармейцы! Капиталисты Англии, Америки, Франции ведут войну против России. Они метят Советской рабочей и крестьянской республике за то, что она свергла власть помещиков и капиталистов и дала тем пример для всех народов земли. Капиталисты Англии, Франции и Америки помогают деньгами и военными припасами русским помещикам, которые ведут против Советской власти войска из Сибири, Дона, Северного Кавказа, желая восстановить власть царя, власть помещиков, власть капиталистов. Нет. Этому не бывать. Красная Армия сплотилась, поднялась, прогнала помещичьи войска и белогвардейских офицеров от Волги, отвоевала Ригу, отвоевала почти всю Украину, подходит к Одессе и к Ростову. Еще немного усилий, еще немного месяцев борьбы с врагом, и победа будет за нами. Красная Армия сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть.

Красная Армия непобедима, ибо она объединила миллионы трудовых крестьян с рабочими, которые научились теперь бороться, научились товарищеской дисциплине, не падают духом, закаляются после небольших поражений, смелее и смелее идут на врага, зная, что близко полное его поражение.

...Товарищи красноармейцы! Стойте крепко, стойко, дружно! Смело вперед против врага! За нами будет победа. Власть помещиков и капиталистов, сломленная в России, будет побеждена во всем мире!

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 234—235.

В. Маяковский

Десятилетняя песня

Дрянь адмиральская,
пан
  и барон
шли
  от шестнадцати
разных сторон.
Пушка —
    французская,
а́нглийский танк.
Белым
   папаша
Антантовый стан.
Билась
    Советская
наша страна,
дни
  грохотали
разрывом гранат.
Не для разбоя
битва зовет —
мы
 защищаем
поля
   и завод.
Шли деревенские,
лезли из шахт,
дрались
    голодные,
в рвани
и вшах.
Серые шлемы
с красной звездой
белой ораве
крикнули:
       — Стой! —
Били Деникина,
били
  Махно,
так же
    любого

с дороги смахнем.
Хрустнул,
проломанный,
Крыма хребет.
Красная
крепла
в громе побед.
С вами
сливалось,
победу растя,
сердце —
рабочих,
сердце —
крестьян.
С первой тревогою
с наших низов
стомиллионные
встанем на зов.
Землю колебля,
в новый поход
двинут
дивизии
Красных пехот.
Помня
принятие
красных присяг,
лава
Буденных
пойдет
на рысях.
Против
буржуевых
новых блокад
красные
птицы
займут облака.
Крепни
и славься
в битвах веков,
Красная
Армия
большевиков!

М. Кедров

Вождь Красной Армии [1]

Июль 1918 года. Гроза интервенции нависла над Архангельским краем. Мурман уже удушен союзниками, очередь за Архангельском и Вологдой, где с наглой откровенностью готовится при деятельном участии иностранных миссий переворот. В тылу подняла голову контрреволюция, и вспыхивают белокулацкие восстания в Ярославле, Муроме, Владимире. Не сегодня-завтра будет нанесен последний удар на Север, и замкнется железное кольцо вокруг рабочей республики. А у нас нет реальной силы, которую мы можем противопоставить наглому врагу.

Еду с докладом в Москву. На Северном вокзале встречает меня специально посланный Ильичем товарищ с сообщением, что тов. Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении.

Когда я докладываю, он то и дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо и слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает.

Он уже все обнял, взвесил, решил... В его шуточках нетрудно прочитать и указание на то, что не все сделано, как надо, и совет, и наставление для будущего.

Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через два-три дня выехал на Архангельск.

И, находясь в пути на Архангельск и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал неви-

---

[1] В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. М.: Политиздат, 1969.

димую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями.

На одной из станций Владимир Ильич через Бонч-Бруевича по прямому проводу запрашивает о перевороте в Архангельске и дает совет.

«Закрыто ли устье Двины,— говорится в телеграмме,— не является ли необходимым произвести заграждение последней где-нибудь далее, выполнены ли задания взорвать два ледокола в устье Двины при наступлении, возможность наступления по Двине, а также не знаете ли, выведены ли пароходы из Северной Двины, и вообще, осветите положение настоящих минут».

В первую же неделю продвижение англо-французов в глубь страны было приостановлено, и непосредственная угроза занятия Вологды устранена. Но вновь открывшемуся фронту грозила другая опасность: развалиться от отсутствия продовольствия и боевого снаряжения.

Телеграммы не имели действия. Довольствующие управления саботировали снаряжение.

Я снова выехал за помощью к Ильичу, захватив с собой управделами Эйдука.

Рано утром следующего за выездом дня мы были уже в Москве. Немедленно с вокзала явились в Кремль.

Я прочитал по записке длинный список предметов, в которых ощущалась острая нужда.

Разговор происходил стоя в зале Совнаркома, у небольшого стола, находившегося в нескольких шагах от двери кабинета Ильича. Владимир Ильич нагнулся к столу и написал записку приблизительно такого содержания:

Начальнику штаба Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу. Предписываю назначить трех ответственных сотрудников, которых обязать в течение сегодняшнего дня отправить все требуемое Северо-Восточному [1] фронту снаряжение и указать трех бывших генералов, которые будут расстреляны, если указанное задание не будет выполнено [2].

— Непременно сегодня выезжайте,— передавая записку, заметил Ильич и затем, прощаясь, сказал: — Если что нужно будет, пишите!

---

[1] М. С. Кедров и А. В. Эйдук руководили Северным фронтом.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 141.

В тот же день на заседании Высшего военного совета, когда состоялось назначение меня командующим фронтом и я собирался уходить, тов. Склянский дружески задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете приезжать в Москву без его разрешения.

Указание Ильича принял к руководству, но подписки о невыезде не дал.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что в интересах фронта должен был так поступить и что, видимо, не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы выезда.

С дороги отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и исключительное впечатление, произведенное в военных управлениях его запиской, удалось получить только небольшую часть.

— Если бы не выехал,— упорствовал я,— фронт не получил бы и этого. Польза приезда налицо.

Два дня спустя (12/VIII 1918 года) Владимир Ильич ответил телеграммой. В ней он не упоминает больше об этом случае, предоставив мне считать себя правым, и возвращается к первому моему приезду в Москву, описанному выше. Телеграмма, помеченная «секретно», гласит:

«Вологда, Губисполком, Кедрову

Вред вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине. Теперь вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало. Предсовнаркома Ленин»[1].

Защита Котласа во что бы то ни стало, но и тут Владимир Ильич, как всегда, предвидит и худший конец и, зная, что в Котласе сосредоточены громадные запасы взрывчатых веществ, не ограничивается одним приказом, а командирует ко мне двух товарищей, Уралова и Ногтева, с собственноручным письмом.

В письме Ильич рекомендует товарищей как преданных и стойких, хотя и незнакомых с подрывным делом,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 147.

и указывает цель командирования: произвести подготовительные меры к взрыву котласских огнеприпасов и взорвать их в критическую минуту.

Одновременно тов. Ленин отдает приказ тов. Муралову, бывшему тогда командующим войсками Московского округа, «разыскать отправленную из Москвы на Урал батарею тяжелой артиллерии и срочно переотправить ее в распоряжение тов. Кедрова». «Вы отвечаете за это своей головой»,— предупреждает Ильич Муралова.

Батарея направлена в Котлас и, возможно, спасла Котлас с его неисчерпаемыми запасами от уничтожения и предрешила в известной мере судьбу всей гражданской войны.

И помощь, которая оказывалась нашему фронту, который тов. Ленин считал «особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу...» [1], вне сомнения оказывалась и остальным фронтам.

В критическую минуту все спешили к нему как к якорю спасения.

Военачальников и партийных бюрократов раздражали подобные обращения не по команде. Вот телеграмма одного из таких лиц: «Указываю вам на недопустимость обращения к тов. Ленину помимо Главкома и военного Совета». Но Владимир Ильич, как мы видели, сам разрешал обращаться к нему за помощью и не оставлял без внимания ни одного вопроса, даже специально военного. Я приведу здесь еще одно письмо Ильича.

Вот это письмо:

«т. Кедров! Вы мало сообщаете фактического. Присылайте *с каждой оказией* отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

По какой линии?

Какие пункты ж. д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно такое-то* (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 240.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.

Привет!

Ленин» [1].

Заканчивая очерк, считаю необходимым подчеркнуть, что если удалось на первых же шагах парализовать наступление превосходного по численности и по технике противника и расстроить его планы, то в этом прежде всего заслуга ЦК нашей партии в лице тов. Ленина. Задача была выполнена потому, что среди общей расхлябанности и растерянности твердая рука великого кормчего вела советский корабль к намеченной цели.

Был момент, когда предательская рука готова была дать торжество белогвардейцам...

Помню день, день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича.

Дрогнул фронт...

Но то был миг... И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва...

Отомстим! Победим!

Ошиблись враги. Ленин будет жить — такова воля пролетариата. Он и раненый оставался тем незримым вождем Красной Армии, который и в донских степях, и в кавказских горах, и в сибирской тайге, и в архангельской тундре вел красные полки вперед, к конечной победе.

И смерть в бессилии отступила перед гением Ильича...

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 172.

А. Серафимович

Бой

То там, то здесь, вспыхивая белыми клубочками, стукнули винтовочные выстрелы. Затататакали пулеметы. И, наполняя осенний воздух тяжелым, значительным и угрожающим, стали бухать невидимые орудия. Неприятель перешел в наступление.

Земля холодная, чуть запорошенная снежком. Ходили туманы, и в цепи, когда лежали, было мучительно холодно.

До этого же три недели стояли красные войска на реке Ик.

Позади лежало до Симбирска четыреста с лишним верст, которые они в сентябре — октябре прошли с боем, взяли Мелекес, Бугульму, а потом гнали белогвардейцев, не успевая прийти с ними в соприкосновение: те рвали мосты, полотно, водонапорные башни, а сами в поездах торопливо уезжали по направлению к Уфе.

Но на реке Ик, верстах в семидесяти от Бугульмы, красные войска замедлили движение: надо было подтянуть правый фланг. Армия отдала несколько боевых единиц на другие фронты. Сказалась и усталость непрерывных боевых маршей.

Враг воспользовался передышкой и стал копить кулак. Стянул отборные войска: чешские полки, польский легион, офицерский студенческий отряд в пятьсот человек. И, что очень важно для гибкости движения, много кавалерии — казачьи полки.

Командование было вручено маленькому Макензену, полковнику Каппелю, специалисту по окружению и прорывам. Это он, когда Красная Армия дралась под Казанью, сделал знаменитый стовосьмидесятиверстный обход под Свияжском и стал рвать мосты в тылу нашей армии, грозя ей полным поражением. Но слишком оторвался от своей базы и был отбит.

Девятого ноября Каппель превосходными силами обрушился на наш левый фланг по реке Ик.

Красноармейцы дрались ожесточенно. По восьми раз ходили в атаку. Тыл разом переполнился ранеными. Снарядов неприятель не жалел.

К сожалению, без указаний центра часть боевых

единиц перед сражением была передвинута с левого фланга к Белебею, чтобы взять его. Победителей ведь не судят. Обошедшее перед тем все газеты известие, что Белебей взят советскими войсками, было тогда ложно — он взят был позже.

Ослабленный левый фланг стал подаваться.

Неприятель тогда кинул полки на правый фланг и центр — и прорвал. Под густым артиллерийским огнем делались все усилия, чтоб отступление шло планомерно и не обратилось в бегство.

На реке Ик рухнул мост. Артиллерия неминуемо должна была попасть в руки врагу.

Холодной ночью столпились на берегу, чуть белевшем снежком, артиллеристы, орудия, красноармейцы, зарядные ящики. Неприятель нещадно наседал. Тогда политком и несколько человек из командного состава кинулись в реку; за ними бросились красноармейцы, подхватывая орудия и перетаскивая на руках.

В ледяной воде, судорожно замирая, останавливалось сердце. Глубина была неровная — то не выше колен, а то с головой. Брод некогда было разыскивать. Кто попал в ледяную глубину, тонул на глазах товарищей. Кто удержался на более мелком месте, с нечеловеческими усилиями, борясь, чтобы не застыть, вытаскивал орудия.

Артиллерия была спасена.

Между тем на левом фланге наступление противника развивалось.

Измученные — не спали по нескольку дней подряд, голодные — кухни отбились, иззябшие от лежания день и ночь в цепи, на застывшей земле, еще в летней одежде,— красноармейцы не выдерживали, и полки стали таять.

Продолжая громить с фронта, неприятель бросил массу конницы в глубокий обход теснимого левого фланга.

Казаки лавиной обрушились на глубокий тыл, врубились в обоз и беспощадно стали рубить безоружных обозников. Они заставляли предварительно раздеваться, чтоб не окровавить и не испортить одежды, забирали сапоги, шинели, куртки, штаны, гимнастерки, а потом шашками разваливали головы.

Произошло что-то неописуемое.

Повозки, двуколки, люди, лошади — все кинулись

беспощадным потоком, давя, ломая, сокрушая друг друга и все на пути.

Пронеслись страшные слова: «Обошли!», «Продали!», «Измена!».

Весь левый фланг побежал к Бугульме. Нависла катастрофа страшного разгрома.

На правый фланг и в центр, в дыру прорыва, была двинута 26-я дивизия.

Под страшной угрозой заразиться разливающейся паникой, под напором превосходных сил противника ринулась дивизия на белогвардейцев.

Снова перетащили в ледяной воде артиллерию и дали удивленному врагу жестокий отпор: отняли орудие, несколько пулеметов и погнали. Но чтоб сохранить остатки бегущих полков на левом фланге, чтоб отвести обозы и выровнять фронт, по распоряжению штаба медленно стали отходить, удерживая противника на почтительном расстоянии. И закрепились верстах в двадцати — тридцати от Бугульмы.

Левый наш фланг не существовал — весь был разбит и рассеян. Неприятелю открывался широкий простор, совершенно не защищенный, чтоб ударить на Бугульму, перерезать дорогу и отрезать всю армию от Симбирска.

Он это и сделал.

Он пустил великолепный легион испытанных польских солдат и чехов — отборные полки.

Легионеры и чехи шли железной стеной, полторы тысячи штыков, все кося пулеметным огнем и громя артиллерией, даже тяжелой.

Красноармейское командование двинуло навстречу особый социалистический отряд «ЦИКа», как его здесь зовут. В отряде большое число коммунистов. Он нес всего триста штыков. Предстоящий результат сражения для белогвардейцев был ясен; они приготовили донесение в Уфу о взятии Бугульмы и церемониальном марше на Симбирск.

Насколько во вражьем лагере были уверены в предстоящем полном разгроме Красной Армии и восстановлении фронта по Волге — показывает их радиотелеграмма «в Совдепию, всем, всем, всем».

В этой радиотелеграмме они говорят о поражении, которое нанесли нам, перечисляют разбитые полки, и, надо отдать справедливость, с большой точностью,

и говорят о необходимости сложить оружие, так как сопротивление бесполезно.

И вот триста красных штыков, осененных волнующимся социалистическим знаменем, сошлись с полуторатысячью черных от народной крови штыков наймитов.

Закипел бой.

Уверенные в победе, которая как спелый плод, сама падала в протянутые руки, упоенные катастрофическим разгромом нашего левого фланга, чувствуя громадный численный перевес, легионеры и чехи ринулись на горсть красноармейцев.

Но «ЦИК» ощетинился.

Его пулеметы строчили страшную строчку смерти. Его орудия методически, не спеша, били врага наверняка.

Люди падали с обеих сторон.

Чтобы раздавить эту горсть, легионеры развернулись цепью и пошли в штыки. Со стороны белогвардейцев это невиданная вещь, они сами здесь никогда не шли в штыки и никогда не принимали штыкового удара.

«ЦИК» тоже развернул цепь и тоже пошел в штыки. Сошлись, на секунду скрестившись, блеснули, и полуторатысячная масса отборнейших польских и чешских бойцов отхлынула и побежала.

Их преследовали, били, кололи и гнали.

Сражение не кончилось, а пулеметы и винтовки «ЦИКа» замолчали: израсходованы все патроны и пулеметные ленты.

Легион закрепился в деревне Байряки и стал расстреливать поредевшую горсть социалистического отряда.

Это был критический момент: поляки и чехи готовились, оправившись, снова ринуться и раздавить храбрецов. Предстояло или медленно отходить, отбиваясь только штыками и кроваво устилая поле своими телами, или брать деревню без единого патрона, без единой ленты.

Командиры скомандовали, и «ЦИК», опустив штыки, кинулся развернутой цепью на деревню.

Не дожидаясь, легионеры и чехи кинулись бежать. Они пускали в ход нагайки, вырывая у крестьян подводы, толпами кидались на них и нещадно гнали лошадей, только бы ускакать от страшных, молчащих красных штыков. Десятки возов с мертвецами и сотни с ра-

неными вскачь неслись из сражения, и все поле и деревня были залиты кровью и забросаны бинтами.

Треть красных храбрецов — восемьдесят раненых и одиннадцать убитых — лежала на кровавом поле.

Неприятель был наголову разбит и бежал так стремительно, что по всему нашему фронту с ним потеряли всякое соприкосновение,— на всей полосе до реки Ик не было врага.

Но наш фронт не продвинулся вперед. Чтобы дать передышку и приготовиться, «ЦИКу» отдали приказание оттянуть назад на двадцать верст и таким образом выровнять фронт.

Красноармейцы со слезами покидали деревню — им казалось преступлением отходить с места, где легли товарищи, которое они так блестяще взяли.

Фронт выровнялся, закрепился верстах в двадцати — двадцати пяти от Бугульмы. Стали приводить в порядок полки левой группы. Они понесли огромные потери среди командного состава и политических комиссаров, и те и другие все время шли в первых рядах, беспощадно дрались и гибли. Солдаты, которые во время паники разбежались по деревням, понемногу воротились в свои полки, и части левой группы восстановились.

Производится расследование причины поражения левой группы.

Встречаются красноармейцы:

— Товарищ, дай закурить.

Другой, сбросив мизинцем пепел, благодушно протягивает папиросу.

— Ты, товарищ, какой части?

Тот, наклоняясь и приготовляясь прикурить, роняет:

— Я, товарищ, такого-то полка левой группы...

Первый разом отдергивает руку с папиросой.

— Пшел к черту!.. Еще бегунам всяким прикуривать давать. На-кась пососи... резвой!

И это — отношение всей Красной Армии к беглецам.

— Всю армию запакостили. Скидывай штаны, надевай юбку!

Удар для неприятеля был громовой.

Пленные поляки говорят, что ни разу белогвардейские войска не бежали в таком паническом ужасе, как в этот раз.

Взят был в плен денщик одного из белогвардейских

офицеров. Денщику приходилось часто вертеться в офицерском собрании. Он слышал, как офицеры говорили, что это их наступление — последняя карта, которая или должна все вернуть, или, если будет бита, с ней все рухнет.

Я ехал на фронт с легким жалом не то что недоверия к тому, что постоянно говорится о внутреннем росте, стройности, крепости и дисциплине Красной Армии,— нет; но я в известной пропорции всегда уменьшал размеры и роста, и дисциплины, и внутренней спайки и теперь с радостью убедился, что дисциплина на фронте растет и что мои «размеры» были приуменьшены.

Теперь, когда доверился своему собственному глазу, скажу: да! У русского пролетариата, у русского беднейшего крестьянства есть армия, есть своя собственная армия!

И есть в этой армии сознание, за что она борется, есть пролетарская дисциплина и, главное, есть животворящая сила внутреннего роста, внутреннего живого развития, сила воссоздания разрушенного.

Не количеством поражений, не числом побед измеряется это животворящее начало, а великой силой самоисцеления.

Разбитая, потрясенная на всем своем протяжении, Красная Армия, судорожно изогнувшись, без помощи извне, откусывает больное место и, выпрямившись, загрызает почти до смерти впившегося в болячку врага.

Одно: есть у пролетариата пролетарская армия!

С. Сиротинский

Командарм [1]

Одобрение пятым съездом Советов Постановления ВЦИК о введении всеобщей воинской повинности для трудящихся и проведение мобилизации открыло новый этап в строительстве Вооруженных Сил Советского государства. А это выдвинуло необходимость иметь во

[1] Из кн.: Сиротинский С. А. Путь Арсения. М.: Воениздат, 1956.

главе военных учреждений до конца преданных партии и Советской власти людей. В августе 1918 года Михаил Васильевич Фрунзе назначается комиссаром Ярославского военного округа; в состав этого округа вошло восемь губерний. Управление округа было перенесено в Иваново.

Военная работа захватила Фрунзе. Глубокие и разносторонние знания, приобретенные им во время упорных занятий военными науками в годы каторги и ссылки, как нельзя лучше пригодились теперь.

Михаил Васильевич проводил огромную работу в масштабе округа по организации всеобщего военного обучения, по мобилизации трудящихся. При его непосредственном участии был сформирован рабочий полк, состоявший из преданных делу революции иваново-вознесенских ткачей. Этому полку в недалеком будущем довелось сыграть славную роль на фронтах борьбы с иностранными интервентами и контрреволюционной белогвардейщиной.

Молодая Советская Республика переживала тяжелые дни. Повсюду возникали новые фронты. В союзе с контрреволюционными белогвардейскими армиями действовали войска иностранных интервентов. Англо-франко-американские войска захватили Архангельск и Мурманск и создали там белогвардейское «правительство Севера России». На Дальнем Востоке японские и американские интервенты захватили Приморье. На Украину вторглись немецкие оккупанты. На юге страны, в Одессе, высадились французские, греческие и румынские войска, в Баку — английские и турецкие интервенты. Англо-французские агенты организовали мятеж чехословацкого корпуса.

Этому корпусу, состоявшему из военнопленных бывшей австро-венгерской армии, Советское правительство разрешило выехать на родину через Сибирь и Владивосток. Мятеж чехословацкого корпуса захватил Среднюю Волгу и Сибирь.

В Омске было создано сибирское белогвардейское правительство.

Интервенты установили военную и экономическую блокаду России. Глава сибирского белогвардейского правительства царский адмирал Колчак объявлен «верховным правителем России». Англия, Франция и Америка, делавшие ставку на Колчака, в изобилии снабжа-

ли его армию оружием и снаряжением. В конце 1918 года огромная армия Колчака начала наступление.

В 1918 году Красная Армия одержала ряд крупных побед над армиями белогвардейцев и интервентов. Значительные успехи были достигнуты на всех фронтах, но на Восточном фронте, на его южном крыле, белогвардейские войска Колчака продвинулись почти до Волги. На Пермском участке белогвардейцы после упорных двадцатидневных боев заняли Пермь и начали продвижение к Вятке.

Стояли 20—35-градусные морозы. Плохо вооруженные, полураздетые, голодные бойцы Красной Армии сражались стойко, но у них не хватало патронов, не хватало снарядов. На фронте создалось крайне тяжелое положение.

Благодаря своевременно принятым ЦК партии и лично В. И. Лениным мерам положение на фронте 3-й армии в первой половине января 1919 года было резко улучшено.

В середине января 1919 года красные войска перешли в контрнаступление против колчаковцев. План Колчака о вторжении в Москву через Пермь — Вятку — Вологду потерпел крушение.

Уроки захвата Перми колчаковцами и положение, создавшееся на фронте, поставили в порядок дня необходимость создания надежных резервов, укрепления руководства Восточного фронта опытными большевиками. Еще в декабре 1918 года Центральный Комитет РКП (б) вызвал в Москву М. В. Фрунзе. Вместе с ним выехал в Москву Ф. Ф. Новицкий, военный руководитель Ярославского военного округа. Бывший генерал царской армии Ф. Ф. Новицкий одним из первых царских генералов перешел на сторону Советской власти. В Москве Реввоенсовет Республики назначил Новицкого командующим 4-й армией Восточного фронта, а М. В. Фрунзе — членом Реввоенсовета этой армии. Ф. Ф. Новицкий был недоволен этим назначением.

За несколько месяцев совместной работы с Михаилом Васильевичем Новицкий убедился в том, что Фрунзе «явится на фронте именно тем командиром, тем руководителем боевых масс, которых в то время как раз мы не имели или имели в очень ограниченном количестве».

Свои соображения Новицкий сообщил Троцкому, занимавшему пост председателя Реввоенсовета Республи-

ки. Тот недовольно пожал плечами и заявил, что все будет так, как он, Троцкий, решил. Но когда Центральный Комитет партии указал на неправильность решения Реввоенсовета, прежний приказ был отменен, и М. В. Фрунзе в тот же день, 26 декабря 1918 года, назначен командующим 4-й армией Восточного фронта, а Ф. Ф. Новицкий — начальником штаба той же армии и членом Реввоенсовета.

С волнением и с сознанием высокой ответственности, возложенной на него партией, ехал на фронт М. В. Фрунзе. Он знал о трудностях, которые ждут его. Знал, что в армии, которой он будет командовать, придется иметь дело с расстроенными, плохо вооруженными, так же плохо обмундированными и снабженными частями и соединениями.

Несмотря на сложность и трудность обстановки, Михаил Васильевич ничем не проявлял тревоги, казался таким, каким знали его,— веселым, жизнерадостным. Уже в пути он разработал план действий по оздоровлению армии, повышению ее боеспособности. Михаил Васильевич тщательно изучал тактику врагов с тем, чтобы противопоставить ей свою.

Между тем незадолго до приезда нового командарма в 4-й армии разыгрались трагические события, о которых нельзя не вспомнить.

В ноябре 1918 года 22-я стрелковая дивизия, входившая в состав 4-й армии, держала фронт против белоказачьего Уральска, прикрывая подступы к Саратову. В центре расположения дивизии, в районе Дер-Куль, стоял Орлово-Куриловский полк. Он только что был пополнен мобилизованными крестьянами, среди которых оказалось много кулаков. В самом полку окопалась группа эсеров, которая, пользуясь тем, что политико-воспитательная работа хромала на обе ноги, вела почти открыто антисоветскую, контрреволюционную агитацию.

В декабре полк восстал. Командир и комиссар были убиты. К восставшим присоединился Туркестанский полк. В момент, когда обстановка требовала немедленного наступления на Уральск, важнейший участок фронта оказался в катастрофическом положении.

В штаб 22-й дивизии прибыл член Реввоенсовета армии товарищ Линдов в сопровождении группы ответственных партийных работников.

В 5 часов утра 21 января мятежники захватили вагон члена Реввоенсовета армии товарища Линдова. Линдов, Майоров, Мягги и двое неизвестных красноармейцев на ходу выпрыгнули из вагона. Но спастись им не удалось. Пулеметным огнем с бронепоезда они были расстреляны. Перед этим кулацко-эсеровские бандиты зверски расправились с вновь назначенным комиссаром Орлово-Куриловского полка Чистяковым.

Конечно, далеко не все части 4-й армии находились в таком дезорганизованном состоянии, как Туркестанский и Орлово-Куриловский полки. Героически сражались с врагом полки 25-й Чапаевской дивизии, Пензенский и Балашевский пехотные полки, кавалерийский полк имени Гарибальди. Но и там, в этих лучших частях и соединениях армии, дисциплина была не на высоте, господствовала партизанщина.

Через десять дней после гибели Линдова и его товарищей, 31 января 1919 года, Михаил Васильевич Фрунзе прибыл в Самару и вступил в командование армией.

В центральном аппарате армии господствовали уныние и растерянность. Михаил Васильевич несколько дней посвятил изучению военной и политической обстановки. Он проверил состав командиров и комиссаров, внес решительные изменения во всю работу армейского штаба. Четкость и деловитость его приказов и распоряжений, умение видеть в работе главное, бодрость и революционный энтузиазм действовали на людей оздоровляюще.

В начале февраля Михаил Васильевич решил поехать на фронт и лично познакомиться с частями своей армии.

Без охраны, в сопровождении лишь начальника штаба Федора Федоровича Новицкого и своего адъютанта, Михаил Васильевич выехал в Уральск, только что освобожденный от белоказачьих войск.

По прибытии в Уральск Михаил Васильевич немедленно собрал в штаб 22-й дивизии весь командный состав этого соединения для того, чтобы ознакомиться с обстановкой. Командиры сидели хмурые, неразговорчивые. Многие смотрели исподлобья, а некоторые просто вызывающе. Дело в том, что по чьей-то злой воле еще в Самаре был пущен слух: «Фрунзе — царский генерал, он заведет порядки, как в царской армии».

На следующий день после совещания в штабе Фрун-

зе приказал вывести части гарнизона на парад. Он хотел видеть войска. Парад прошел в напряженной обстановке. Строго, без панибратства, Фрунзе осаживал анархиствующих командиров, делал замечания. Парад показал, что в дивизии вообще не существует никакой дисциплины. Один из комбригов, например, не дождавшись начала парада, распустил свою бригаду, хотя Фрунзе прибыл на парад точно в назначенное время. Вечером, на гарнизонном собрании командного состава, Михаил Васильевич со всей необходимой суровостью отчитывал командиров. Отметив недостатки, он указал и меры их ликвидации.

Прошла ночь. Утром конный ординарец доставил Фрунзе пакет с надписью: «Срочно. Секретно». В пакете оказалась записка следующего содержания:

«Командарму 4. Предлагаю вам прибыть в 6 часов вечера на собрание командиров и комиссаров для объяснения по поводу ваших выговоров нам за парад.

Комбриг Плясунков»

Вызов Плясункова Фрунзе оставил без ответа.

В 3 часа дня вновь прискакал ординарец из бригады Плясункова и вручил пакет с требованием:

«Командарму 4. Предлагаем дать немедленный ответ, будете ли вы на собрании или нет».

В 6 часов вечера, отказавшись от охраны, Михаил Васильевич со своим адъютантом отправился в бригаду.

Прошли какой-то двор, где стояло много саней и оседланных лошадей. Поднялись на второй этаж. Две большие смежные комнаты переполнены командирами. Оттуда доносятся страшный шум, ругань. Освещение скудное. Накурено. При появлении Фрунзе все смолкли, но никто не встал. Михаил Васильевич поздоровался и сел на скамью.

— Ну, в чем дело, товарищи? — спросил он, обращаясь к собравшимся.

Никто не ответил. Где-то, в дальнем углу, послышался шепот. Наконец кто-то поднялся и в резком, повышенном тоне заговорил:

— Мы вот здесь воюем, а тут приезжают к нам, заслуженным командирам, объявляют выговоры, учат маршировать, устраивают генеральские парады...

В полутьме не было видно лица говорившего. Когда он сел, выступил другой, затем третий. Атмосфера

накалялась, забушевала партизанская вольница. Кто-то крикнул:

— Мало мы вас учили... Забыли Линдова? Долой царских генералов!

Михаил Васильевич спокойно выслушал все угрозы по своему адресу. Когда наиболее отчаянные, горячась, потрясали в воздухе нагайками, он только усмехался. Дав всем высказаться, он встал и, отчеканивая каждое слово, громко произнес:

— Прежде всего заявляю вам, что я здесь не командующий армией. Командующий армией на таком собрании присутствовать не может и не должен. Я здесь — член Коммунистической партии. И вот от имени той партии, которая послала меня работать в армию, я подтверждаю вновь все свои замечания по поводу отмеченных мною недостатков в частях, командирами и комиссарами которых вы являетесь и ответственность за которые, следовательно, вы несете перед Республикой.

После небольшой паузы Михаил Васильевич, обведя взглядом собравшихся и чуть приподняв брови, продолжал:

— Ваши угрозы не испугали меня. Я — большевик. Царский суд дважды посылал меня на смерть, но не сумел заставить отказаться от моих убеждений. Здесь говорили, что я генерал. Да, генерал, но от царской каторги, от революции. Я безоружен и нахожусь здесь только со своим адъютантом. Я — в ваших руках. Вы можете сделать со мной все, что хотите. Но я твердо заявляю вам по поводу сегодняшнего вызова меня сюда как командующего, что в случае повторения подобных явлений буду карать самым беспощадным образом, вплоть до расстрела. Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. Советская власть этого не допустит.

Михаил Васильевич замолчал. Ошарашенные высказанной прямо в глаза правдой, молчали командиры.

— Имеете еще что-нибудь сказать мне? — спросил Фрунзе.

В комнате — тихо...

Михаил Васильевич поднялся.

— До свидания, товарищи! — сказал он и пошел к выходу.

Командиры встали и вытянулись во фронт. Некоторые побежали к дверям, услужливо распахнули их.

Когда Фрунзе и адъютант садились на коней, коман-

диры выбежали во двор — проводить командующего.

На другой день, вечером, Фрунзе выехал на фронт. Предстояло наступление в районе деревни Шапово. Бой уже начался, когда Михаил Васильевич приказал подать лошадей и сказал, что поедет к передовым наступающим частям. Командир бригады и штабные работники долго убеждали его отложить эту поездку. «Командарм не имеет права рисковать собой»,— говорили они.

— Там, где красноармейцы, должен быть и я,— заявил Михаил Васильевич.— На фронте бывают такие моменты, когда нужно, даже очень нужно, чтобы бойцы видели командующего, знали, что командарм не в тылу, а рядом с ними, под огнем. Вы говорите, бой незначительный, но на фронте незначительных боев не бывает. Сейчас каждая деревня, ставшая советской,— удар по контрреволюции.

Меньше всего Фрунзе думал об опасности. Нужно было создать перелом, поднять дух бойцов, воодушевить их личным примером. И действительно, появление Фрунзе среди наступающих было встречено восторженно. По цепям промчалась весть:

— Сам командарм с нами! Фрунзе под огнем! Вот это генерал!

— Да никакой он не генерал,— тут же отвечали другие.— Царь хотел казнить его два раза, да не вышло. Командарм сам солдатом был на западном царском фронте. Дело знает.

До этого дня бойцы в глаза не видели своих командармов. Многие находились еще под впечатлением расправы с Линдовым и считали, что после этого к ним вообще никто не покажется из руководителей армии.

Бойцы и командиры признали Фрунзе своим командармом. Но этого еще было мало. Перед армией стоял могучий и грозный враг — колчаковские полчища. 4-я армия была разута и раздета. Не было боеприпасов, не хватало орудий и пулеметов. Все это надо было раздобыть. Фрунзе вернулся в Самару, в штаб армии. Вскоре из Самары на фронт пошли новые формирования. Прибыл также знаменитый Иваново-Вознесенский полк ткачей, созданный Михаилом Васильевичем незадолго до назначения его командармом.

Большую помощь оказывал Фрунзе В. В. Куйбышев, руководитель самарских большевиков. Здесь, в Самаре, началась замечательная дружба Куйбышева и

Фрунзе, дружба, пронесенная ими через фронты гражданской войны.

Фрунзе написал письмо в Центральный Комитет.

Сообщая о положении на фронте, Михаил Васильевич опирался на реальные факты. Самая большая опасность заключалась в том, что, используя тяжелое положение красных армий, колчаковские полчища неудержимой лавиной катились к Волге. В начале марта Колчак предпринял наступление на фронте 2-й и 3-й советских армий и потеснил их. Начала отход 5-я армия.

Руководство Восточным фронтом дало указание готовить Самару к эвакуации. Это указание противоречило самому духу положения на фронте.

Защищавшая Самару 4-я армия, которой командовал Фрунзе, реорганизованная и укрепленная, была готова к контрнаступлению.

Несмотря на возражения командования фронтом, Фрунзе отдал 2 марта приказ о наступлении. Об этом он поставил в известность В. И. Ленина и в ответ получил ставшее теперь историческим указание: Колчака за Волгу не пускать. Волга должна быть советской!

Военные операции, начатые Фрунзе, развивались успешно. Александрово-Гайская группа войск 4-й армии заняла Сломихинскую, Уральская группа очистила от белых местность вдоль течения реки Урал до Скворкина. 18 марта после упорного боя был занят Лбищенск.

Незадолго до всех этих операций в штаб 4-й армии в Самаре вошел человек в валенках и башлыке. Виновато улыбаясь, он попросил разрешения пройти в кабинет командарма. Его пропустили. Строго и четко он отрапортовал:

— Чапаев. Прибыл в полное ваше распоряжение.

Фрунзе уже много слышал о Чапаеве. Это имя гремело по всему фронту. За Чапаевым бойцы шли в огонь и воду. Враг иногда отступал только потому, что его атаковали отряды Чапаева. В 1918 году Чапаева внезапно отозвали с фронта, и в самый разгар боевых действий ему было приказано отправиться в Москву — учиться в военной академии. Никакие ссылки Чапаева на то, что сейчас не время учиться, что надо бить врага, не помогли. Его отправили чуть ли не под конвоем.

В академии Чапаев скоро затосковал по своим бойцам, по фронту. Человек огромной энергии, с большим боевым опытом, он понимал, что его сняли с фронта

умышленно. И вот, улучив момент, бежал из академии на фронт.

В марте 1919 года М. В. Фрунзе вызвал к себе по телеграфу Чапаева и Фурманова для переговоров о переброске одной бригады на оренбургское направление. Вызов застал их в станице Сломихинской, и они должны были проделать трудный путь свыше 400 верст на лошадях.

Чапаев сообщил командарму много ценных сведений о районе военных операций, который он знал отлично. В тот же день Фрунзе назначил Чапаева командиром Александрово-Гайской бригады.

— По душам, товарищ Чапаев, скажите — сломим Колчака?

Чапаев задумался, нахмурив брови:

— Трудно, но побьем. Сломим, товарищ Фрунзе!

Штаб Восточного фронта вызвал Фрунзе к прямому проводу:

«Есть решение отходить к Волге,— читал он ленту,— и на другом берегу создать укрепление. Свертывайте наступательные операции на нашем участке. Начинайте планомерный отход».

«Четвертая армия держит инициативу в своих руках. Об отступлении не может быть и речи. Отступить сейчас, в момент, когда армия приходит в себя, полна готовности к упорным боям,— значит погубить все дело. Белых нельзя пускать на Волгу»,— ответил Фрунзе.

От волнения он побледнел. Телеграфная лента дрожала в его руках, настолько неожиданным был приказ фронтового командования. Столько сил, энергии стоило ему поднять дух армии, и вот теперь, когда наметились первые сдвиги, приказывают бросить все и отступать за Волгу.

«Вы,— прыгали в его глазах слова на ленте,— бросаете армию на растерзание Колчаку. Предадим вас суду военного трибунала за неисполнение приказа. Между прочим, сейчас в штабе фронта находится прибывший из Москвы, рекомендованный Троцким, Авилов, крупный военный специалист. Направляем его к вам для руководящей работы».

«Требую, чтобы Москва специально подтвердила приказ об отходе четвертой армии,— ответил Фрунзе.— Я хочу, чтобы Москва знала об этом приказе. Выполне-

ние его ставлю в зависимость от решения Москвы. Понимаю, что нарушаю дисциплину, готов предстать перед судом, но, как большевик, не могу исполнить ваш приказ без подтверждения партийного центра. Дальше, если Авилов действительно крупный специалист, прикажите ему немедленно выехать ко мне. Каждый понимающий и опытный человек мне нужен до зарезу».

Когда Фрунзе вернулся к себе от прямого провода, он, забыв о боли в колене, начал быстро ходить по комнате. Потом подошел к телефону и вызвал Куйбышева.

— Приезжайте сейчас же!

Минут через десять Куйбышев уже входил в кабинет Фрунзе.

— Что стряслось, Михаил Васильевич?

Фрунзе, все еще взволнованный, рассказал ему о переговорах по прямому проводу.

— Вы понимаете, что это значит... В такой момент! Это — нож к горлу четвертой армии, а Волга — Колчаку!

Бледное, исхудавшее лицо Валериана Владимировича потемнело.

— Ни за что,— решительно произнес он.— Хотят повторить пермскую историю. Что вы ответили?

— Ответил, что Волгу Колчаку не отдам. Потребовал, чтобы приказ об отходе за Волгу подтвердила Москва; Центральный Комитет.

— Правильно. Я сейчас же дам телеграмму Владимиру Ильичу, а вы напишите подробное донесение о положении на фронте.

После ухода Куйбышева Фрунзе склонился над столом и быстро начал писать:

«Категорически настаиваю и прошу Вашей в этом поддержки: освободить меня от назойливой и подозрительной опеки Троцкого и его агентов на Восточном фронте. Необходимо немедленно выделить особую группу армии для реализации известного Вам плана контрудара...»

Когда донесение было готово, Фрунзе вызвал начальника связи, передал ему исписанный лист бумаги и сказал:

— Отправить вне очереди — Москва, Ленину.

Ответ пришел быстро. Просьба Фрунзе была удовлетворена. Специальным приказом по Красной Армии была создана особая Южная группа Восточного фрон-

та в составе: 1-й, 4-й и 5-й армий и Оренбургской дивизии с задачей развернуть последнюю в Туркестанскую армию. Командующим Южной группой назначен М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета — В. В. Куйбышев.

Приказ о создании Южной группы войск был в полном соответствии с разработанным под руководством Центрального Комитета партии стратегическим планом действий Красной Армии на Восточном фронте. План предусматривал организацию мощного контрнаступления на главные силы Колчака и разгрома их. На Южную группу войск возлагалось выполнение этой задачи. Это решение ЦК партии пресекло выполнение предательского плана Троцкого, настаивавшего на отводе войск Восточного фронта за Волгу.

Получив приказ о создании Южной группы войск, Фрунзе с облегчением вздохнул. Теперь можно было по-настоящему взяться за дело подготовки разгрома Колчака.

Между тем сведения, поступавшие с фронта, становились все тревожнее. 5-я армия откатывалась к Волге, части 1-й и 4-й армий едва сдерживали натиск армии колчаковского генерала Ханжина и Южной армии генерала Белова. Ханжин и Белов, опираясь на войска отборного корпуса генерала Каппеля, в который входили три дивизии, развивали стремительное наступление. Силы были неравные. В войсках Ханжина, Белова и Каппеля имелось втрое больше солдат, чем во всей Южной группе Фрунзе. Кроме того, армию Ханжина поддерживала примыкавшая к ее правому флангу группа так называемой Сибирской армии. Несмотря на героическое сопротивление красных полков, войска Южной группы все теснее охватывались железным кольцом войск Колчака. На центральном участке фронта передовые части белых появились уже в районе Белебея — Бугуруслана; белогвардейская армия Белова рвалась к Оренбургу.

Фрунзе не выходил из аппаратной. Здесь он читал сводки и донесения, здесь же отдавал оперативные приказы. Обстановка требовала решительных действий. Михаил Васильевич разрабатывал план контрудара по главным силам Колчака. Этот план разрабатывался им в полном соответствии со стратегическим планом действий Красной Армии на Восточном фронте, принятым Центральным Комитетом партии.

Однажды, когда Фрунзе читал вьющуюся змейкой ленту донесений с фронта, ему доложили о прибытии Авилова. Михаил Васильевич принял его в своем кабинете.

Представившись, Авилов передал Михаилу Васильевичу свои бумаги, подождал, пока тот читал их, а затем, не ожидая вопросов, бойко и развязно начал:

— Только что узнал о назначении вас командующим Южной группой фронта. Боюсь, что вы, товарищ Фрунзе, попытаетесь посадить меня на четвертую армию. Для начала это будет мне, очевидно, архитрудно. Но в общем — на войне, как на войне.

Михаил Васильевич посмотрел прямо в глаза Авилову, слегка улыбнулся и сказал:

— Несмотря на советы высшего командования поставить вас руководителем армии, я думаю, товарищ Авилов, что это преждевременно. Мне нужны опытные командиры в частях. Четвертая армия остается под моим личным наблюдением, вас же я назначаю командиром семьдесят четвертой бригады. А дальше? Дальше видно будет. В бригаду вам надлежит выехать немедленно.

Авилов сухо поклонился и вышел.

Дни и ночи теперь Фрунзе проводил, работая над картами района, на котором предстояло развернуть боевые действия Южной группы.

В тяжелой, напряженной обстановке рождался план контрудара по Колчаку, план разгрома главных сил ставленника империалистических государств — «верховного правителя России».

Между тем белогвардейские армии Колчака продолжали свое наступление. Ими были заняты Уфа, Стерлитамак, Бугульма, Сарапул, Белебей. 5-я армия находилась на грани разгрома и этим затрудняла положение 4-й армии. Колчак неуклонно рвался к Волге. А дальше... Дальше путь его лежал на Москву...

...Начальник штаба Новицкий доложил командарму только что перехваченный красной разведкой приказ «верховного правителя».

«...Генерал Деникин,— говорилось в приказе,— начал теснить красных в Донецком каменноугольном бассейне. Генерал Юденич теснит большевиков на псковском и нарвском направлениях. Верховный правитель и верховный командующий повелел действующим армиям

уничтожить красных, оперирующих к востоку от рек Вятки и Волги, отрезав их от мостов через эти реки... Западной армии, продолжая преследование, отбросить красных от Волги на юго-восток, в степи...»

Новицкий перестал читать и поднял глаза на Михаила Васильевича. На лице Фрунзе — ни тени тревоги.

Замыслы Колчака давно были разгаданы Фрунзе, поэтому сегодняшний приказ «верховного правителя» явился лишь подтверждением правильности плана контрнаступления. Наступление Колчака поддерживалось на юге армиями Деникина, на севере — Миллера, под Петроградом — генерала Юденича. Советская Республика была отрезана от хлебных районов, не имела топлива. На центральном участке Восточного фронта, на стыке 2-й и 5-й армий, колчаковцам удалось прорвать фронт Красной Армии. Образовался глубокий разрыв. Центральный Комитет партии указал, что наступление армий Колчака создает наибольшую опасность для Советской Республики и что Восточный фронт является главным фронтом. Нужна была мобилизация всех сил на борьбу с Колчаком. Программой этой мобилизации были знаменитые «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», написанные В. И. Лениным 11 апреля 1919 года.

«Надо напрячь все силы,— говорилось в тезисах,— развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны» [1].

Лозунгом дня стало — все на борьбу с Колчаком!

Было улучшено снабжение Восточного фронта, прибыли на фронт новые соединения и части. Мобилизовано 15 тысяч коммунистов, свыше 3 тысяч комсомольцев. По профсоюзной мобилизации отправилось на фронт свыше 25 тысяч рабочих. Мобилизованные товарищи влились в действующие части. Это в значительной мере повысило боеспособность войск, усилилась и политико-воспитательная работа среди красноармейцев и командиров.

Первоочередной задачей контрнаступления Фрунзе ставил фланговый удар по белогвардейской Западной армии генерала Ханжина на стыке 3-го и 6-го корпусов этой армии, разобщение их и разгром по частям. Для

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 274.

этого Фрунзе сосредоточил в районе Бузулука ударную группу — свыше 40 тысяч пехоты и конницы. В нее входили части 31-й и 25-й Чапаевской дивизий.

10 апреля в 20 часов 30 минут М. В. Фрунзе подписал приказ № 021 по армиям Южной группы, в котором ярко сказался высокий уровень оперативного мастерства и творческой инициативы командарма.

Сжатым и точным языком Фрунзе разъяснял бойцам и командирам задачу контрудара по Колчаку. Этот приказ — для своего времени — явился образцом конкретного руководства армиями. Каждая дивизия, каждая бригада получили продуманные, точно поставленные задачи. Все частное Фрунзе подчинил основному и важнейшему в данный исторический момент делу — прорыву вражеского фронта. Командарм сознательно ослабил некоторые участки фронта, дав противнику возможность легко продвинуться и захватить некоторые территории на оренбургском и уральском направлениях с тем, чтобы сковать на этих направлениях крупные силы белоказачьей армии. Это был глубоко продуманный, гениально рискованный расчет.

Заканчивая определение конкретных задач, Фрунзе подчеркнул:

«...Требую от всех проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успехов противника... перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение... Приказываю прежде всего водворить строжайший порядок в войсках и установить беспощадную ответственность по отношению забывших свой долг революционеров и борцов за благо и свободу трудящихся масс».

В дни, когда каждый боец готовился к выполнению своего боевого революционного долга, Михаил Васильевич получил донесение:

«Командир 74 бригады Авилов, захватив важнейшие оперативные документы, в том числе приказ № 021, перебежал на сторону Колчака».

Сообщение об измене Авилова было равносильно удару ножом в спину. Весь оперативный план контрудара советских войск будет теперь известен штабу Колчака. Кроме того, изменник Авилов собрал, конечно, подробные сведения об общем состоянии войск Южной группы, об отсутствии значительных резервов, нехватке боевых припасов. Нужно было спутать карты

противника, не дать ему подготовиться к отражению удара. И Фрунзе отдал приказ начать наступление немедленно, на четыре дня раньше установленного срока.

Начальник штаба, выслушав приказ, выразил сомнение, сказав:

— Не отразится ли поспешность на ходе операции, Михаил Васильевич?

— Нужно, чтобы этого не случилось,— Фрунзе поднял на Новицкого пристальный взгляд.— Вспомните Суворова. Свою тактику он укладывал в четыре слова — быстрота, глазомер, натиск, победа. А суворовские чудо-богатыри не знали поражений. Не затем ли, чтобы дать нам пример, Суворов всегда отдавал предпочтение внезапности удара. «Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты налети на него, как снег на голову: стесни, опрокинь, гони, не давай опомниться...» Не будем сомневаться, Федор Федорович, начнем наступление. Иного выхода у нас нет.

Движение ударной группы, маскируемое маневрами назначенных для этого частей, началось успешно. Как и рассчитывал Фрунзе, разрабатывая свой план контрудара, белые генералы, увлеченные стремительным продвижением к Волге, не предполагали серьезного сопротивления красных войск. Поэтому они не позаботились о подтягивании резервов, о ликвидации больших разрывов между своими наступающими частями.

Все это было учтено и прекрасно использовано М. В. Фрунзе. Созданная им в районе Бузулука сильная ударная группа устремилась в разрыв между 3-м и 6-м корпусами белых, вырвалась в район Бугуруслан — Бугульма — Белебей и нанесла внезапный и сильный удар по флангу и тылам Западной армии генерала Ханжина, представлявшей главные силы Колчака.

В распоряжении Фрунзе в качестве основного резерва оставалась одна 25-я дивизия во главе с Чапаевым. Рассчитывать на помощь со стороны было бессмысленно. В резерве, в составе 25-й дивизии, находился и Иваново-Вознесенский рабочий полк. В самые последние дни перед решительными операциями Фрунзе ввел в свой резерв 24-ю дивизию, а 25-я Чапаевская дивизия получила приказ выйти на правый фланг ударной группы — на важнейший участок фронта.

Контрнаступление войск Фрунзе началось 28 апреля. Противник, уверенный в успехе своего продвижения к

Волге и не ожидавший сопротивления, получил первый удар. На следующий же день завязались яростные бои на всем фронте Южной группы. Только 2 мая командование белой армии сообразило, в какую ловушку оно было втянуто маневром Фрунзе.

Наступление белых прекратилось, начался их отход. Враг откатился из района Бугуруслана.

Лобовым и фланговым ударами Чапаевская дивизия разгромила отборные колчаковские части — 4-ю пехотную дивизию и Ижевскую бригаду. Чапаевцы прорвались в район Бугульмы, отрезав пути отхода белых к Уфе.

После успешного завершения Бугурусланской и Белебейской операций Фрунзе отдал приказ: не прекращая преследования белых, наступать на Уфу.

С удовлетворением отмечает Михаил Васильевич успехи Иваново-Вознесенского рабочего полка, который вместе с чапаевцами неустанно громил отборные колчаковские части.

Успех контрудара был поистине чрезвычайный. Наголову разбит и разгромлен 6-й корпус белых, 3-й корпус колчаковцев в результате огромных потерь выведен из строя; потерпел поражение и корпус Каппеля — цвет гвардии Колчака. Войска Южной группы, продолжая гнать колчаковские армии, вышли в район Уфы.

Разгром колчаковцев в районе Бугуруслана и Белебея создал условия для перехода в наступление войск Северной группы красных. В конце мая войска Северной группы, отбрасывая противника, достигли Камы и заняли выгодное положение для переправы через реку и наступления на Екатеринбург.

В этот момент, в разгар успешного контрнаступления на Колчака, Троцкий, под предлогом переброски войск с Восточного фронта на юг, против Деникина, отдал приказ: оставить Урал и дальнейшее наступление прекратить. Этот приказ коренным образом противоречил указаниям Центрального Комитета партии.

В письме ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!», написанном Лениным, Владимир Ильич указывал, что ослабление наступления на Восточном фронте, заминка его — «это было бы с нашей стороны прямо преступлением перед революцией». И дальше: «Ослаблять наступление на Урал и на Сибирь значило бы быть изменником революции, измен-

ником делу освобождения рабочих и крестьян от ига Колчака»[1].

Приказ Троцкого о прекращении контрнаступления и оставлении Урала остался невыполненным М. В. Фрунзе. Совместно с В. В. Куйбышевым они составили ответ на приказ и направили свое письмо в ЦК РКП(б). Они писали, исходя из реальных фактов, точно анализируя обстановку, создавшуюся на фронте в связи с успехом нашего контрнаступления, что не дальше как через месяц главные силы Колчака будут уничтожены, Урал и Сибирь станут советскими. Мотивируя отказ в переброске дивизий с Восточного фронта, Фрунзе и Куйбышев сообщали: «Нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг». В частях Южной группы приказ Троцкого также вызвал бурю негодования. Бойцы и командиры требовали продолжения наступления. Они знали, чувствовали, что с Колчаком скоро будет покончено навсегда.

Центральный Комитет партии и Советское правительство потребовали продолжать операции по освобождению Урала и быстрее завершить разгром Колчака. Троцкий был отстранен от руководства операциями на Восточном фронте. Командующим Восточным фронтом назначили М. В. Фрунзе.

В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта В. И. Ленин указывал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы... Следите внимательнее за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой...»

Белые, понимая важное стратегическое значение Уфимского района, сосредоточили тут крупные силы. В Уфу прибыли советники Колчака — французский и английский генералы Жанен и Нокс. Незадолго до этого в Уфе побывал сам Колчак. На вагонах его поезда бросалась в глаза надпись: «Кунгур — Уфа — Москва». Это символизировало новый вариант похода на Москву. Генерал Жанен, проинспектировав укрепления под Уфой, остался доволен.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 54, 55.

— Превосходная крепость, она сокрушит большевизм,— таково было его мнение.

Примерно с 5—6 июня завязались мелкие стычки отдельных частей Красной Армии с белогвардейцами. Используя свое значительное численное превосходство, белые начали теснить советские войска; красные отступали с боями, нанося чувствительные удары противнику. Однако это были лишь первые, авангардные бои, в которых как с той, так и с другой стороны не участвовали главные силы.

Задержка под Уфой не только позволила противнику укрепиться, но и сделала невозможным дальнейшее выполнение первоначального плана контрнаступления. Новый план — «Уфимская операция» — разрабатывался Фрунзе на ходу, в разгар военных действий.

Часть войск он сосредоточивает севернее Уфы для обхода города, другая часть выходит южнее города, отрезая белым пути отступления на Челябинск. Для того чтобы прикрыть свои тыл и фланг и ослабить давление белоказачьей армии на Оренбург, Фрунзе выделил специальную группу войск на оренбургское направление.

7 июня вместе со своим штабом Михаил Васильевич прибыл в Красный Яр. Здесь, на совещании командиров дивизий и бригад, был окончательно уточнен план операции. После обсуждения всех вопросов Фрунзе обратился к командирам с напутственной речью:

— ...Еще один смелый и решительный удар, и с Колчаком покончим! Товарищи командиры! Трудовой народ ждет от вас и ваших бойцов беззаветного героизма. Уфу надо взять, но этого мало. Надо разбить и рассеять главные силы Колчака, не дать ему опомниться. Наша задача — уничтожить его живую силу. Вся Россия ждет этой победы. Желаю вам удачи! Надеюсь девятого июня быть в Уфе...

После Фрунзе выступил Чапаев. Он сказал, что его дивизия клянется исполнить приказ командующего. Как всегда, Чапаев говорил запальчиво:

— Буду в Уфе через двадцать четыре часа!

Ночью началась переправа. После весеннего половодья река Белая еще не вошла в свои берега. Первым приблизился к переправам 220-й Иваново-Вознесенский рабочий полк. Вслед за ним на другой берег переправился Пугачевский полк. Эти полки входили в состав 25-й Чапаевской дивизии. Полки высадились и залегли

на берегу. С первыми проблесками рассвета в дело вступила красная артиллерия. Удачными попаданиями она разрушила проволочные заграждения. В них образовались широкие проходы. Белые ответили ураганным артиллерийским и пулеметным огнем.

Ивановцы и пугачевцы уже несколько раз ходили в атаку, но безуспешно. Переброска новых частей через реку Белую замедлилась: колчаковская артиллерия, обнаружив переправу, непрерывно обстреливала ее. Оправясь от неожиданности, колчаковцы сами перешли в контратаку. Они стремились во что бы то ни стало сбросить в реку переправившиеся полки, очистить захваченный ими плацдарм. Но ивановцы и пугачевцы мужественно отбили противника. В это время над переправой появились вражеские самолеты и сбросили бомбы.

Колчаковцы вновь поднялись в атаку. Силы их численно значительно превосходили.

Пока длился бой, рассвело. После недавней бомбежки и непрерывной стрельбы река окуталась густым дымом. Красные воины и на этот раз, сражаясь с непередаваемым бесстрашием и мужеством, отбросили противника. Но когда колчаковцы снова начали атаку плацдарма, ивановцы и пугачевцы, израсходовав все патроны, начали отходить к берегу.

В это время со стороны реки появилась группа всадников.

— Командарм! Фрунзе с нами! — разнеслось по цепям.

Михаил Васильевич на ходу спрыгнул с коня. Громко, так, что голос его разнесся далеко по берегу, подал команду:

— Ивановцы! Вперед, за мной!

В руках Фрунзе очутилась винтовка. Рядом с ним побежали в атаку Чапаев и начальник Политуправления Южной группы Тронин. Чапаев закричал:

— Товарищ Фрунзе! Прошу... Я приказываю, уйдите отсюда! Нельзя вам...

Упал раненый Тронин. Обе стороны сражались с нарастающим ожесточением. Фрунзе до конца боя оставался рядом с бойцами. Когда сопротивление врага было сломлено и колчаковцы начали отступать к деревне Турбаслы, Михаил Васильевич вернулся к переправе.

В это время самолет белых, пролетавший над переправой, сбросил бомбу. Воздушной волной Фрунзе вы-

бросило из седла. Михаил Васильевич получил контузию в голову. Находившийся поблизости Чапаев был ранен осколком.

К нашим частям подоспело подкрепление. Бой развернулся теперь уже вблизи от Турбаслы, перед самой Уфой. Здесь чапаевцы встретили офицерские части из армии генерала Ханжина и батальоны Каппеля. Две наши попытки оттеснить противника от Турбаслы были отбиты. На рассвете бой возобновился с новой силой.

В атаку пошли колчаковцы. Чапаевцам удалось отбросить их в исходное положение. Наступила передышка. Но уже через 30—40 минут колчаковцы, перестроясь, плотной стеной вновь пошли в атаку. Бой переместился в поле, покрытое высокой густой рожью. Подминая ее, с винтовками наперевес, молча, не стреляя, шли ударные батальоны генерала Каппеля. В темном английском обмундировании, со значками скрещенных костей и черепа на фуражках, рукавах и погонах, все с Георгиевскими крестами, они производили жуткое впечатление. Чапаевцы, затаив дыхание, следили за их движением. Каппелевцы приближались стройными колоннами — одна за другой, как волны. Чапаевцы без выстрела подпускали их ближе. Мало патронов. В пулеметы закладывались последние ленты. И когда первые ряды каппелевцев были совсем близко, треск пулеметов нарушил напряженную тишину. Но сбить строй атакующих не удалось. На место «срезанных» каппелевцев вставали новые.

Теперь, все так же без выстрела, каппелевцы шли в атаку широким охватывающим фронтом. Навстречу им поднялись чапаевцы. Это историческое сражение продолжалось почти 3 часа. То отступали чапаевцы, то офицерские батальоны Каппеля. Обе стороны дрались с непревзойденным упорством и смелостью. Тут на выручку к чапаевцам подоспел свежий полк. Сила «гвардии Колчака» была сломлена. Противник оставил на ржаном поле более трех тысяч убитых. Несжатая рожь полегла, точно ее побил град [1].

Сломив сопротивление ударных батальонов Каппеля, войска 25-й Чапаевской дивизии продвинулись вплотную к Уфе.

---

[1] Эпизоды этого боя воспроизведены в фильме «Чапаев», в кадрах «Психическая атака».

Василий Иванович Чапаев сдержал свое слово. Утром 9 июня колчаковцы были окончательно выбиты из Уфы. Полки Чапаевской дивизии вступили в город.

Занятием Красной Армией Уфы завершился разгром главных сил Колчака в Уфимском районе. Судьба колчаковщины была решена.

Контрнаступление на Восточном фронте, осуществленное по плану, разработанному М. В. Фрунзе, и под его непосредственным руководством, явилось одной из ярких страниц, вошедших в историю гражданской войны. Армии Южной группы, которой командовал Фрунзе, героически выполнили свой долг перед Советской Родиной. Поставленная Центральным Комитетом партии перед Восточным фронтом задача — освободить Урал до зимы — блестяще решена в более короткий срок.

За успешное проведение боевых операций против Колчака Михаил Васильевич Фрунзе был награжден орденом Красного Знамени.

С. Захаров

Солдат, рожденный революцией

Урал стал одним из первых фронтов гражданской войны. Атаман Дутов поднял против молодой Советской власти Оренбургское казачье войско. Руководители мятежа объявили всеобщую мобилизацию. И тех казаков, которые не хотели служить в дутовской армии, расстреливали.

В середине января 1918 года дутовцы были разбиты. В наступлении против них участвовал и сводный Екатеринбургский отряд, сформированный из красногвардейцев города и близлежащего поселка Верх-Исетского завода.

Но в феврале, собрав силы, Дутов опять начал готовиться к захвату Оренбурга, Верхнеуральска и Троицка. В Екатеринбурге спешно создавалась Вторая Уральская боевая дружина. Командиром был назначен Петр Захарович Ермаков, верх-исетский рабочий,

участник революционных событий 1905 года, а комиссаром — Иван Михайлович Малышев.

В Екатеринбурге Малышева хорошо знали. Иван Михайлович был популярен на рабочих окраинах, в солдатских казармах, возглавлял комиссию по охране труда, проводил в жизнь новое советское трудовое законодательство, по-настоящему защищающее интересы рабочих... [1]

Однако события в южноуральских степях заставили Малышева надеть шинель, которую носил в 1915 году, когда был призван на военную службу [2], и взять в руки оружие...

Екатеринбуржцы помнили, как совсем недавно, в конце января, из оренбургских степей вернулся с победой сводный красногвардейский отряд. И тогда командиром тоже был Ермаков. Дорогой ценой досталась победа. Печатая шаг по снежной мостовой, под звуки траурного марша медленно двигались по Екатеринбургу красногвардейцы, неся на плечах увитые хвоей и обитые алой материей гробы с телами убитых товарищей.

На Кафедральной площади под печальную мелодию «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», под салют из винтовок в братской глубокой могиле были погребены погибшие участники первого похода против Дутова.

И теперь, выступая на митингах и рассказывая о новой опасности, нависшей над страной, над Уралом, Малышев всегда вспоминал тех красногвардейцев-первопоходников. После его речей оказывалось, что на фронт вместе с ним готовы идти все рабочие екатеринбургских заводов и фабрик. Малышеву даже приходилось уговаривать слишком настойчивых добровольцев:

— Товарищи, но если мы все отправимся на Дутова, то кто же на заводах будет работать? Заводы — ведь теперь наши! Нельзя их останавливать...

Основу Второй Уральской боевой дружины составили рабочие Верх-Исетского завода. Многие после речей Малышева записывались целыми семьями: шли отцы с сыновьями, братья. Екатеринбургский комитет

---

[1] Подробней об этом см. в кн.: Рассказы о партии. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.

[2] На военной службе Малышев был недолго. По состоянию здоровья от армии его освободили.

Социалистического Союза рабочей молодежи по инициативе Малышева сформировал целый юношеский красногвардейский отряд. Включили этот отряд в третью молодежную сотню. Девушки, члены Социалистического Союза рабочей молодежи, стали санитарками.

Было известно, что главный враг — дутовские казаки, поэтому бывшие фронтовики прежде всего начали учить дружинников рассыпному строю и отбитию конной атаки. К сожалению, времени было мало. Молодые ребята шутили:

— Ладно, в бою доучимся!

И уже 11 марта участники нового похода на Дутова с винтовками за плечами и солдатскими сумками и котомками собрались перед коммунистическим клубом имени Карла Маркса рядом с Верх-Исетским заводом. С прощальной речью к дружинникам и жителям поселка обратился Малышев:

— Белоказачий атаман Дутов поднял казацкую шашку и казацкую нагайку на революцию. Им разгоняются Советы, расстреливаются рабочие и казацкая беднота... Все рабочие должны подняться на защиту революции. И не только те, кто идут с винтовками в руках против контрреволюционных банд Дутова, но и те, что остаются на заводе, должны чувствовать себя как на фронте — в первых рядах бойцов. Поднимайте производство, укрепляйте здесь, в тылу, Советскую власть!..

С песнями шла колонна по улицам города. Около братских могил на Кафедральной площади дружинники остановились. Медленно склонились к земле красные знамена. А затем прямо с площади — на вокзал!

На главном железнодорожном пути уже стоял подготовленный эшелон. Перрон заполнился провожающими. Малышева, шедшего вместе с Ермаковым во главе колонны, узнавали. Послышались голоса:

— Иван Михайлович тоже едет!

Но не так-то просто было ему добиться разрешения в обкоме партии, чтобы отпустили с отрядом комиссаром. Товарищи доказывали, что он нужен здесь, в Екатеринбурге. Однако Малышев для себя этот вопрос давно уже решил бесповоротно и говорил:

— Я выступаю на митингах, агитирую за создание боевых дружин... Что обо мне станут думать рабочие, их семьи, если вдруг я никуда не поеду, а спрячусь в тылу... Поймите меня!..

...На остановках в пути, а эшелон задерживался часто, в вагонах начинался ропот:

— Почему вдруг стоим!

И Малышев, переходя из одного вагона в другой, напоминал ребятам о воинской дисциплине, о военной тайне, наказывал, как надо держать себя в казачьих станицах. Порой шутил, запевал песню, вспоминал что-нибудь интересное из своей жизни.

Особенно бойцы любили слушать его рассказ о том, как он чуть не прозевал свое бракосочетание. С будущей женой Наташей Малышев близко подружился, когда им пришлось играть в любительском драматическом кружке Верх-Исетского завода. Правда, времени на репетиции у Ивана Михайловича вскоре стало не хватать. Было много дел по подпольно-революционной работе.

И он сам, и Наташа считали, что венчаться необязательно. Но ее родственники настаивали: как это так без венца! Малышев в конце концов согласился.

Утром, в день свадьбы, забежав к невесте, он быстро спросил:

— В какой церкви венчанье?

— В верх-исетской,— ответила Наташа.

Малышев, пообещав быть точно в назначенное время, тут же исчез.

Только после его ухода Наташа сообразила, что конкретную церковь не назвала. А их в Верх-Исетском поселке — три.

Подошел срок венчания, а жениха в церкви все еще не было. Невеста то и дело выбегала на улицу. Старик священник недоуменно пожимал плечами. Наконец вдали показался взмыленный, запыхавшийся Малышев. Прежде чем попал в ту церковь, где назначили венчание, он побывал в двух других.

— Ну и замотала ты меня,— устало улыбаясь, сказал Иван Михайлович Наташе.— Ну, ничего, успел... Хорошо, что в Верх-Исетске не десять божьих храмов...

И, взглянув на часы, попросил священника произвести обряд как можно скорее, дескать, нужно бежать по неотложным делам.

Старушки, находившиеся в церкви, запричитали:

— Долго не проживут... Разойдутся...

Мать невесты горько заплакала...

— Но, как видите,— заканчивал под смех слушате-

лей свой рассказ Малышев,— живем... Дочка уже появилась... Зря теща тогда сокрушалась...

Около Троицка, небольшого степного городка, расположенного в трех верстах от железнодорожной станции, эшелон обстреляли конные казаки. Поезд, резко дернувшись, затормозил, но прежде чем раздался сигнал тревоги, казаки скрылись. В самом Троицке мятежники, испугавшись прибывших екатеринбургских дружинников, начали добровольно сдавать оружие, рассказывали о зачинщиках. Однако Дутов со своим штабом сумел бежать.

Дружинники, установив орудия и пулеметы на лыжи, двинулись к Верхнеуральску, где, как стало известно, обосновался теперь дутовский штаб. По пути в каждой станице на стоянках проводились митинги. Малышев обязательно выступал, разъяснял членам казачьих семей, что такое Советская власть, за что она борется, почему надо разбить Дутова. Рассказывал о Владимире Ильиче Ленине.

Один из дружинников, матрос Александр Старостин, однажды поинтересовался у Малышева, о чем это он утром долго и обстоятельно говорил с группой подозрительных людей.

«Малышев посмотрел на меня все так же пытливо,— вспоминал потом Старостин,— но глаза его были добрыми и улыбались:

— Это ходоки-делегаты. Некоторые просто приехали узнать правду, а может, некоторые даже и разведчики Дутова. Беседа с людьми — это своего рода барометр политический, по нему мы узнаем все то, что надо нам, и решаем, что делать в данное время...» [1].

Были станицы, встречавшие отряд хлебом и солью на белоснежной скатерти. Но попадались порой и такие, где по колоннам из-за стогов сена или соломы ударяли пулеметные очереди. Поэтому дружинники были всегда начеку!

Большое внимание уделял Малышев в походе политическому и моральному состоянию своих бойцов. Все время предупреждал, чтоб зря не стреляли по дутовским конным разъездам, шнырявшим в степной дали:

— Казаки, учтите, нарочно хотят вымотать наши

---

[1] Старостин А. Парни из легенды.— Урал, 1967, № 7, с. 136—137.

силы. Да и патроны зря приходится тратить. А патронов у нас маловато!

Вместе со Второй Уральской дружиной дутовцев преследовали другие красные отряды под командованием В. Блюхера, Н. Каширина, И. Каширина, А. Чеверева, М. Калмыкова. Дутов, отступая, оказывал всюду упорное сопротивление. Бои с ним шли в районах станиц Краснинской, Кассельской, Магнитной.

Перед Верхнеуральском у бойцов Второй Уральской дружины почти не осталось снарядов и патронов. Поэтому из Центрального штаба пришел приказ: рискованное преследование пока прекратить и отходить в полном порядке к Троицку, к железной дороге.

Дутовские разъезды, как и прежде, не оставляли отряд в покое. Стычки между ними и дружинниками случались чуть ли не ежечасно. Приходилось действовать осторожно, берегли патроны. Участник того далекого похода А. Медведев рассказывал:

«Неподалеку от Троицка наш передовой дозор заметил чернеющую впереди подводу. Догнали, остановили. Ехавший оказался старым казаком.

— Откуда едешь, отец?

— Из Троицка, сынки, из Троицка! Базар там ноне был. С базара я.

— Военных не встречал по дороге?

— Нет, никого не видал.

Врет дед или не врет? Все может быть. Отпустили деда. Двинулись дальше. Но на дороге и в самом деле никого не было видно. Даже конная разведка, заезжавшая глубоко во фланги и с фронта, не обнаружила врага. Показалась впереди Черная речка. Она совсем замерзла, вдали темнел деревянный мост. Шли молча...» [1]

Было это 28 марта 1918 года. До Троицка оставалось двенадцать верст. И когда дружинники чувствовали себя уже в полной безопасности, из-за покрытого кустарником пригорка за Черной речкой засвистели пули: противник устроил засаду.

— Ложись! — раздалась команда Ермакова.

У дутовцев было превосходство в силах. Они собрали здесь и пеших и конных казаков и заняли удобную позицию на высоком берегу в густой роще. А какая-то

---

[1] Медведев А. По долинам и по взгорьям. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964, с. 72.

их часть укрылась под мостом. Но дружинники, оказавшись на открытой снежной местности, не растерялись и тут же стремительно развернулись в цепь. Наступавших конных казаков, которые с гиканьем понеслись навстречу, встретили картечью и пулеметным огнем. Недаром еще в Екатеринбурге учились, как отражать налет кавалерии!

Не ожидавшие отпора казаки дрогнули. А в это время на левом фланге их лаву прорвали наши конники. Поднялись в атаку пешие дружинники. Противнику пришлось отступить за мост.

Однако через некоторое время дутовцы возобновили атаку на позиции молодежной сотни. Командир сотни Михаил Колмогоров был сразу же убит. Молодые бойцы поначалу растерялись. Но тут медицинская сестра Шура Лошагина звонким срывающимся голосом крикнула:

— Сотня, слушай меня! Пли!

И, повинуясь этому голосу, раздались выстрелы. А Шура продолжала командовать:

— Сотня! За мной, в атаку!

Бомбометчики, которые залегли на левом фланге, ответили на ее призыв дружным залпом. Ряды конных казаков смешались. Размахивая наганом, Шура бросилась вперед. Вслед за ней дружно кинулись молодые бойцы. И, словно поднятые какой-то неведомой силой, вскакивали и бежали по белому полю, стреляя без прицела, остальные дружинники. В разгар боя по наступающим цепям пронеслась весть.

— Ермаков ранен!

Его тут же заменил командир третьей сотни. С криком «Ура!» дружинники продолжали преследовать казаков. Те кое-где пытались обороняться. Под ударом занесенной шашки чуть не погибла Шура Лошагина. Но подскочивший к казаку боец Павел Быков, в горячке забыв, что в винтовке есть патроны, так огрел его по голове прикладом, что дюжий станичник кулем свалился с седла.

Спустя несколько дней Малышев писал в Екатеринбург жене:

«...Публика сражалась геройски, на дутовскую банду навели страх, и они в панике бежали... Теперь казаки сдают все оружие, патроны и выдают своих главарей... Начатое дело придется довести до конца, и нам —

комиссарам — уходить с постов будет считаться позором...»

В том же письме были и такие строки:

«Часть красногвардейцев получают из дома письма, где указывают, что на местах не платят семьям жалованья. Это публику возмущает. И это заставляет ехать домой и навести там порядки.

Я уже телеграфировал комиссару труда, чтоб он принял меры для всей области для уплаты следуемого. Поговорили с Андреевым [1], чтоб он решительно воздействовал на Советы в этом отношении» [2].

В ночь на 29 марта уральские дружинники вступили в Троицк. Раненых везли на лошадях, несли на шинелях. Убитых решено было отправить тут же в Екатеринбург, чтобы с почестями похоронить в братской могиле на Кафедральной площади.

Малышев в новых письмах жене сообщал:

«На днях, в очень скором времени, получаем другую боевую задачу. Не знаю, сколько времени займет ее выполнение, но полагаю, что придется не раньше 3-х недель...» [3]

Главнокомандующий В. К. Блюхер отдал приказ отрядам преследовать отступающих дутовцев. Мешала начавшаяся весенняя распутица. Все же основные силы мятежников во главе с самим атаманом удалось догнать в районе станицы Бриенской. И хотя пулеметы дутовцев были установлены на колокольне и простреливали открытое поле вокруг станицы, красным отрядам удалось сломить вражеское сопротивление. Первым, перейдя через разлившуюся, бушующую речку,— а этого дутовцы никак не ожидали — ворвался в Бриенскую кавалерийский отряд Митина.

Дутов с остатками штабистов бежал в Тургайские степи.

«Продолжать погоню за Дутовым на усталых, измученных долгими переходами конях было невозможно,— вспоминал А. Медведев,— и наши дружины устроились на отдых в станице Бриенской. Здесь ждал нас, усталых и голодных, добрый обед, приготовленный молодыми

---

[1] А. А. Андреев после отъезда Малышева на дутовский фронт был в Екатеринбурге его заместителем в комиссариате труда.

[2] Письма И. М. Малышева.— Урал, 1958, № 2, с. 99.

[3] Там же, с. 100.

казачками по приказу самого Дутова,— не рассчитывал он, правда, на таких едоков...

В штабе, куда меня назначили дежурным ординарцем, над картой, разостланной на полу, спорили командиры, намечая план дальнейшего преследования Дутова.

Я задремал над столом.

— Саня! Саня! Товарищ дежурный ординарец! — будил меня знакомый голос.

Я кое-как приоткрыл глаза.

— Сходи в четвертый взвод,— распорядился Малышев,— передай приказание немедленно ехать к речке, в разведку!..»[1]

Утром, получив разведданные, отряды были готовы преследовать Дутова, но атаман придумал, как задержать погоню. Навстречу преследователям его казаки пустили степной пал — пожар. Чтобы остановить огонь, пришлось по ветру организовать свой пал. Прошел час, пожар потух, но дутовцы, запутывая следы, умчались уже далеко.

Боевой поход Вторая Уральская дружина закончила в станице Адамовка. В ночь с первого на второе мая с загорелыми и обветренными лицами екатеринбуржцы вернулись в родной город. На смену им в Тургайские степи перебросили Первый Уральский стрелковый полк...

В Екатеринбурге Малышев приступил к своим прежним обязанностям. Будучи на фронте, он продолжал оставаться председателем обкома партии и областным комиссаром труда. Но мирный период его работы оказался недолгим.

Существование молодого социалистического государства не в шутку встревожило западные державы. Однако для активной борьбы с Советской Республикой требовалась какая-то мощная вооруженная сила. Внутренняя контрреволюция такую силу весной и летом 1918 года выставить не могла.

Надежда на Дутова и других атаманов была слабая. Казачья верхушка по-настоящему поддерживала своих вождей лишь в дни удач. Беднейшее же казачество признавало и защищало Советскую власть. Поэтому Антанта остановила выбор на чехословацком корпусе, созданном в России из бывших военнопленных. Чехословацких легионеров можно было бросить на борьбу с Советами

---

[1] Медведев А. По долинам и по взгорьям, с. 82.

без всякого ущерба для фронтов империалистической войны. Солдатам реакционные офицеры заявили, что большевики якобы не хотят выпустить их из своей страны.

Спровоцировав чехословаков, зачинщики интервенции мечтали сразу захватить весь Урал с его природными богатствами и промышленностью.

Партийные, советские и профсоюзные организации призвали трудящихся к отпору контрреволюции и разъясняли в своих воззваниях сущность мятежа чехословацкого корпуса. В одном из обращений областного совета профсоюзов Урала говорилось:

«Английские и американские империалисты, не вводя на территорию Советской России своих войск, все время действовали иными способами к достижению своей цели, они субсидировали и принимали определенное участие в контрреволюционных выступлениях страны, и теперь, в момент военной опасности революционному Уралу со стороны чехословацких банд, установлено прямое участие в этом контрреволюционном выступлении «союзников», которые через командный состав этих банд хотят задушить Советскую власть» [1].

На Урале в то время еще не было крупных формирований Красной Армии. Те части, которые создавались на основе красногвардейских отрядов, воевавших с дутовцами, находились пока в стадии формирования. Конечно, поход против Дутова многому научил уральцев и заставил их задуматься о дальнейших способах борьбы с контрреволюцией. Н. Толмачев, один из участников похода, позднее писал:

«Он (поход.— **С. З.**) научил дружинников, что без настоящей военной организации с одним революционным жаром (а его было так много) нельзя побеждать, он научил тому, что надо строить настоящую дисциплинированную армию...» [2]

Да и сам Малышев еще в Троицке после боя у Черной речки утверждал:

«...У публики большая тяга домой... Не знаю, что будет дальше, но одно можно сказать, что с такой ар-

---

[1] История гражданской войны в СССР. М.: Политиздат, 1957, т. 3, с. 185.

[2] «Год пролетарской диктатуры», юбилейный газетный выпуск 7 ноября 1918 года. Цит. по кн.: В. Карамышев. Боец, комиссар, журналист. М.: Воениздат, 1960, с. 71.

мией нельзя вести правильной позиционной войны. Можно проделывать только военные гастроли. Опыт в этом убедил... и приходится считаться и бороться. Это гвоздь всего» [1].

Формировать регулярную Красную Армию на Урале пришлось уже в условиях начавшегося белочешского мятежа. 13 июня Уральский областной комитет большевистской партии созвал совещание с участием прибывших в Екатеринбург членов Высшей военной инспекции, посвященное положению на фронте. Все, кто присутствовал на нем, пришли к общему мнению, что необходимо как можно быстрее создать единый центр оперативного управления на Урале и в Сибири.

Так было образовано крупное полевое объединение — Северо-Урало-Сибирский фронт по борьбе с контрреволюцией. Командующим утвердили Р. Берзина, члена партии с 1905 года, участника II Всероссийского съезда Советов, члена Высшей военной инспекции. В состав фронта включались все действующие здесь против белочехов красноармейские части и добровольные рабочие дружины. Был создан и Политический отдел, на который возлагалась политическая работа в войсках.

Малышев еще раньше выехал на один из самых опасных участков фронта — Златоустовско-Челябинский. Там он занял пост военного комиссара, а вскоре одновременно стал и командующим здешними войсками.

Свою задачу Иван Михайлович видел прежде всего в том, чтобы, используя опыт, приобретенный в борьбе с дутовцами, создать из плохо еще обученных красных отрядов силу, которая могла бы противостоять восставшим белочехам и примкнувшим к ним местным контрреволюционерам. Действия разрозненных, мелких отрядов надо было подчинить общему руководству, наладить между ними связь. Приехавший из-под Златоуста в Екатеринбург сподвижник Малышева Акулов так говорил о нем товарищам:

«Он напряженно работал и руководил армией. Он работал буквально по 24 часа в сутки, его выносливость, его работоспособность поражали всех, кто его окружал. И несмотря на эту нечеловеческую работу, он всегда был бодр духом и телом. Он отдыхал между делом, т. к. и ночью для него не было отдыха — он ездил на пере-

---

[1] Письма И. М. Малышева, с. 99.

довые позиции, лично проверял патрули, заставы, караулы» [1].

Н. Толмачев, направленный на Златоустовско-Челябинский участок фронта и назначенный заместителем командующего, рассказывал, как ему однажды срочно понадобился Иван Михайлович. По его словам, «он бегал под сплошным огнем врага, разыскивая Малышева» [2].

И хотя красные отряды продолжали уступать противнику и по численности, и по вооружению, белочехи были задержаны в двенадцати верстах от Златоуста, около станции Уржумка. После же, дождавшись прибытия из Екатеринбурга новых отрядов, оружия, снарядов и патронов, Малышев повел своих бойцов в контрнаступление. Противника оттеснили к Миассу.

Но тут на помощь отступавшим белочехам поспешили эсеры, сколотившие в нашем тылу партизанские отряды из местных кулаков. Особенно тревожное положение создалось в начале второй половины июня в районе Кусинского завода. Сам завод заняли кулацкие бандиты. Чтобы перерезать железнодорожный путь, связывающий Златоуст с Екатеринбургом, они взорвали Айский мост, захватили его охрану, восемнадцать красноармейцев, и тут же, на месте, их расстреляли.

Малышев понимал опасность создавшейся обстановки. И решил срочно выехать в Кусу, чтобы лично возглавить операцию по подавлению мятежа. Требовалось скорейшее восстановление и железнодорожной связи с Екатеринбургом.

С передовых позиций Малышев распорядился снять роту эстонских коммунистов 6-го Туккульского полка, отряд красногвардейцев из Перми, а также включил в свою экспедицию самодельный бронепоезд златоустовских железнодорожников, который состоял из четырех платформ, забаррикадированных мешками с песком.

Утром бронепоезд и эшелон с бойцами прибыли на станцию Бердяуш. И здесь Малышеву сообщили, что на Бакальском руднике и Саткинском заводе эсеры, которых поддержал контрреволюционный «Союз фронтовиков», подняли новое восстание. Восставшие повалили телеграфные столбы, и связи со Златоустом и Уфой сейчас нет.

---

[1] Этих дней не смолкнет слава.— Уральский рабочий, 1939, 15 июля.

[2] Цит. по кн.: В. Карамышев. Боец, комиссар, журналист, с. 76.

Малышев распорядился, чтобы рота эстонцев и часть Пермского отряда пешим порядком продолжали движение на Кусу. С кулацкими бандами надо было кончать немедленно. Сам же он с небольшой группой бойцов остался в Бердяушах для уточнения обстановки.

Скоро от командира эстонской роты Вагнера поступило донесение: его отряд зашел в тыл кулацкой банды, засевшей в Кусе. Бандиты бежали.

Об этой победе Малышев сообщил своим бойцам. Раздалось громкое «Ура!». Все наперебой предлагали как можно скорей двигаться на Сатку.

Малышев созвал короткое совещание. Решено было начать наступление в сторону Саткинского района. Первым двинулся бронепоезд...

Показался железнодорожный мост через речку Сатку. И никто не знал, что около него таились в засаде бандиты. Неожиданный огонь из орудия и пулеметов вынудил команду бронепоезда быстро отойти назад. Но за первым же поворотом бронепоезд налетел на медленно следовавший эшелон. Грохот от удара, множась эхом, был такой сильный, что бандиты выскочили из своих укрытий. Догадавшись о какой-то серьезной катастрофе у красных, они с радостными воплями понеслись к месту столкновения.

Малышев, когда бронепоезд налетел на эшелон, ударился о стенку вагона и потерял сознание, но скоро очнулся. Голова кружилась, в правой ноге чувствовалась сильная боль. Рядом слышались стоны. Где-то гремели выстрелы.

Стараясь не думать о боли, Малышев, хромая, с усилием поспешил к двери. Вагон сошел с рельсов и перегородил пути. Стиснув зубы, военком спрыгнул на насыпь и выхватил из кобуры револьвер. Вслед за ним выскакивали бойцы. Сделав знак рукой, дескать, не отставайте, Малышев сбежал с насыпи вниз. Оглянувшись, он увидел, как за углом вагона командир Пермского отряда Полушин устанавливал пулемет. Ему с трудом помогал раненый красногвардеец, левая рука которого висела, словно плеть.

В этот момент на насыпи показались бандиты. Некоторые бойцы, группировавшиеся около Малышева, ринулись в стороны.

4 Заказ 501

— А ну! Смелее! — крикнул он.— Куда? Смелее! Ни шагу назад, товарищи!

Вместе со своим адъютантом Саввой Белых, молодым рабочим одного из екатеринбургских заводов, Малышев кинулся к пулемету и, отстранив раненого бойца, помог Полушину заправить ленту.

Пулемет заговорил. Бандиты, бросив убитых, скатились на другую сторону насыпи и устремились к лесу. Один из них, видимо главарь, указывал направление, а сам, согнувшись, петлял, словно заяц. Но длинная пулеметная очередь настигла и его.

Чтобы удобнее было стрелять по отступавшим бандитам, красногвардейцы поднялись теперь на насыпь. Малышев, выпустив очередную пулеметную ленту, рывком вскочил и, потрясая револьвером, приказал:

— За мной, товарищи! Вперед!..

...Сгущались уже сумерки, когда малышевцы возвратились в Бердяуш. Сам военком шел, опираясь на палку, боль в ноге чувствовалась все больше и больше. В голове стоял звон, контузия давала себя знать. На самодельных носилках красногвардейцы несли раненых. Все понимали: главное здесь сделано — саткинские бандиты почти все перебиты.

На станции Бердяуш вагон, наименее пострадавший при столкновении, переоборудовали под санитарный и прицепили к паровозу. Внесли носилки с ранеными. Малышев решил ехать в Златоуст, в штаб.

В Бердяуше были оставлены красногвардейцы из поредевшего Пермского отряда. Малышев считал: без охраны станция пока быть не может. Командирами он назначил Коротова и Мурзина, ибо Полушин, раненный в перестрелке с бандитами, направлялся теперь в санитарном вагоне в госпиталь...

...Санитарный поезд приближался к станции Тундуш. Малышев тихо рассказывал Савве Белых и нескольким пристроившимся рядом раненым бойцам, как летом прошлого года он был в Петрограде делегатом от Урала на шестом съезде большевистской партии. Проходил тот съезд полулегально на Выборгской стороне. Владимир Ильич Ленин скрывался тогда от ищеек Времен-

ного правительства, но через своих ближайших соратников руководил всей деятельностью съезда, выработавшего новую тактику партии, курс на вооруженное восстание.

Вагон мерно покачивало. И ничто не предвещало близкой беды. Но начальник станции Тундуш эсер Стемплевский каким-то образом узнал, что военком Малышев едет в Златоуст в санитарном поезде без охраны. Он срочно послал верхового с донесением к руководителю кушвинской эсеровской организации, бывшему прапорщику Пирожкову. Тот собрал человек сорок своих сообщников, эсеров и кулаков, и поспешил к Тундушу. И когда санитарный поезд остановился около станционного палисадника, бандиты кинулись на приступ. Раздались крики и выстрелы.

Малышев вместе с Саввой Белых выскочил в тамбур. За ним последовали Полушин, медсестра и легкораненые бойцы. Малышев не растерялся:

— За станцией — речка! Заросли!.. Отходим к речке, там обороняемся...

К вагону подбегали бандиты. На фуражках у них, чтобы узнавать друг друга в темноте, были пришиты белые значки. Полушин, обладавший немалой силой, выхватил у одного из бандитов винтовку и, размахивая ею, начал пробивать путь. Но слишком неравными оказывались силы. Упал, вскрикнув, Савва Белых, затем кто-то из красногвардейцев, потом еще один.

Малышев, отстреливаясь из револьвера, с горсткой своих товарищей отступал к речке. Вот уже совсем близко заросли... Взрыв гранаты... Выстрелы... Малышев без звука опускается на землю. Озверевшие бандиты кинулись к нему, стащили сапоги, кожаную тужурку, забрали револьвер.

Один лишь Полушин, теряя сознание и истекая кровью, сумел в полдень добраться до своих и рассказать о случившейся трагедии. Кроме него, погибли все: и раненые, и сестры милосердия, и санитары...

Прошло почти два года. Тело Малышева случайно было обнаружено в болоте. 23 апреля 1920 года газета «Уральский рабочий» сообщала:

«18 апреля рабочие г. Златоуста торжественно похоронили тело Ивана Михайловича Малышева, предсе-

дателя Уральского областного комитета РКП, убитого белогвардейцами в июне 1918 г. около Златоуста».

А в сентябре 1920 года в Златоусте состоялся суд над арестованными бандитами, принимавшими участие в нападении на санитарный поезд на станции Тундуш. Перед судом предстал и непосредственный убийца Малышева, некий Кондратьев...

Рабочие Верх-Исетского завода не забывали Ивана Михайловича Малышева. В сентябре 1918 года, когда шли бои около станции Шаля, Коммунистический отряд, созданный из верхисетцев, был переименован в Коммунистический батальон имени Малышева. А через месяц, после встречи в Кунгуре с частями армии В. К. Блюхера, его пополнили местными рабочими и крестьянской беднотой и развернули в полк имени Малышева. В канун первой годовщины Октября под деревней Большой Куминой он вступил в бой...

Конный разведчик этого полка — а полк входил в 30-ю Уральскую Краснознаменную дивизию — А. И. Медведев впоследствии писал:

«Коммунистический полк имени Малышева кончил свой боевой поход не на Тихом океане, как поется в песне. Первые солдаты Республики Советов, мои однополчане, громили и дутовцев, и гайдовцев, и штурмовиков Колчака, и банды барона Унгерна. И наша часть со славой прошла по степям Тургая, по лесам Удмуртии и Сибири до сопок Забайкалья. С Забайкалья Малышевский полк был переброшен на юг, на штурм Чонгара, на разгром полков Врангеля и банды Махно. Малышевцам довелось закончить боевые дела у берегов Черного моря.

Возмужали, изменились, закалились люди... Все они, молодые и старые, которые умели биться до последнего патрона,— все они кровью своей писали героическую историю Малышевского полка. От Урала до Монголии, а оттуда до Черноморья донесли они неписаную легенду о талантливом подпольщике, вожаке коммунистов Урала — Иване Михайловиче Малышеве» [1].

---

[1] Медведев А. По долинам и по взгорьям, с. 213.

А поэт Д. Константинов в своем стихотворении о Малышеве писал:

Он для Революции стал песней,
Не погасшей в пепле и золе,
В землю комиссар уходит
с честью —
Имя остается на земле.

Н. Корицкий

В дни войны и в дни мира[1]

Во главе 1-й Революционной

С Михаилом Николаевичем Тухачевским меня познакомил М. Н. Толстой, который вместе с ним учился в гимназии. Встреча произошла летом 1918 года. Я и Толстой в то время служили в инструкторском отделе Пензенского губвоенкомата.

Пенза только оправлялась после мятежа контрреволюционного чехословацкого корпуса. Город еще носил следы уличных боев: окраины были изрыты окопами, на улицах — неразобранные баррикады, на стенах домов — царапины от шрапнели.

Покинув Пензу, белочехи направились на Сызрань — Самару. Образовалось контрреволюционное правительство «Комуч», начала формироваться белогвардейская «народная» армия. В оренбургских и уральских степях разбойничали банды атамана Дутова.

Развертывался Восточный фронт гражданской войны, и Пенза стала одной из его баз.

Михаил Николаевич Тухачевский появился здесь 15 или 16 июля. А 18-го числа в губернской газете был опубликован и во многих местах города расклеен приказ:

«Для создания боеспособной Красной Армии все бывшие офицеры-специалисты призываются под знамена.

Завтра, 19 сего июля, все бывшие артиллеристы и артиллерийские техники, офицеры-кавалеристы и офицеры инженерных войск должны явиться в губернский военный комиссариат в 16 часов.

[1] Из кн.: Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965.

Все бывшие офицеры пехоты должны явиться 20 июля в 12 часов туда же.

Призываются офицеры от 20 до 50 лет. Не явившиеся будут преданы военно-полевому трибуналу».

Подписали этот документ три лица: командующий 1-й Революционной армией Тухачевский, комиссар армии Калнин и председатель губернского Совета Минкин.

Приказ взбудоражил не только офицеров, но и все население Пензы. Встревожилось и контрреволюционное подполье. Эсеры и меньшевики понимали, что военные специалисты, работая под контролем комиссаров, умножат силы Красной Армии.

Начались провокации. По городу поползли слухи: большевики, мол, собирают офицеров для того, чтобы бросить их в тюрьму и затем расстрелять. А красноармейцам нашептывалось, что на их шею опять сажают «золотопогонников», возрождают в армии старорежимные порядки.

Для разоблачения этой злостной клеветы Пензенская партийная организация приняла энергичные меры. На митингах и в беседах коммунисты разъясняли офицерам, что служба в Красной Армии — это их патриотический долг, к выполнению которого призывает Советская власть. Помню, как горячо выступал комиссар инструкторского отдела губвоенкомата тов. Соловьев:

— С кем вы, русские офицеры? — взволнованно спрашивал он.— С народом или против народа?

Наступило 19 июля. Еще задолго до 16 часов к губвоенкомату, разместившемуся в доме, который недавно занимал архиерей, стали стекаться офицеры. Приходили поодиночке и группами, некоторые с женами, с родными.

Ровно в 16 часов начался прием. В зале бывшей архиерейской трапезной за большим столом, накрытым красной кумачовой скатертью, сидели командарм Михаил Николаевич Тухачевский, политический комиссар армии Оскар Юрьевич Калнин, начальник административного управления Иван Николаевич Устичев. Представителем Совета и губкома партии был комиссар инструкторского отдела военкомата Соловьев.

Незадолго до приема Толстой представил меня Тухачевскому. Я остался в зале и мог наблюдать за Михаилом Николаевичем, слушать, как и о чем он беседует с мобилизованными.

Подходя к столу, офицеры по укоренившейся привычке оправляли гимнастерки, подтягивались и четко представлялись: «поручик такой-то», «капитан такой-то». Они обычно обращались к Устичеву. Им импонировали солидность и осанка Ивана Николаевича, седеющие пушистые усы, суровый взгляд из-под золотого пенсне. Устичев имел в старой армии звание подполковника, но по виду его вполне можно было принять за генерала. Некоторые офицеры так и обращались к нему: «Ваше превосходительство».

Иван Николаевич тактично перебивал таких и жестом указывал на сидевшего рядом с ним Тухачевского:

— Представляйтесь товарищу командующему.

Он нарочито подчеркивал «товарищу», стараясь тем самым вернуть забывшихся к действительности.

Офицеров поражала молодость командарма. Михаилу Николаевичу было тогда 25 лет.

Он сидел в туго перехваченной ремнем гимнастерке со следами погон на плечах, в темно-синих, сильно поношенных брюках, в желтых ботинках с обмотками. Рядом на столе лежал своеобразный головной убор из люфы, имевший форму не то пожарной каски, не то шлема, и коричневые перчатки.

Манеры Михаила Николаевича, его вежливость изобличали в нем хорошо воспитанного человека. У него не было ни фанфаронства, ни высокомерия, ни надменности. Держал себя со всеми ровно, но без панибратства, с чувством собственного достоинства.

Весь облик командарма, его такт и уравновешенность действовали на мобилизованных успокаивающе.

Свою беседу Тухачевский начинал обычно вопросом:

— Хотите служить в Красной Армии?

Ответы были разные, подчас маловразумительные: «Что ж, приказ есть приказ», «Раз призывают, повинуюсь». Некоторые вступали в объяснения, жаловались на усталость, ссылались на болезни, раны и т. д. Случались и другие ответы: «Я, товарищ командующий, по призванию военный, вне армии мне тяжело, я люблю свою родину, но... ведь нам, офицерам, не доверяют».

Это было понятно Михаилу Николаевичу. Он хорошо знал психологию русского офицерства, знал, как тяжело честным патриотам огульное недоверие.

Солдаты и рабочие имели основания для такого недоверия. Веками помещичье-дворянский офицерский

корпус был оплотом царского трона. В офицере солдаты видели прежде всего барина-крепостника. Еще не забылись карательные отряды, возглавляемые офицерами, расстрелы по их команде рабочих демонстраций.

Офицерам, которых от вступления в Красную Армию удерживало недоверие солдат, Михаил Николаевич говорил примерно так:

— Чувствовать по отношению к себе подозрительность очень тягостно. Я испытал это. Но ведь доверие само собой не возникает. Его надо заслужить, завоевать. А чем офицер может завоевать доверие и авторитет у солдат? Во-первых, честностью, во-вторых, отличным знанием своего дела и, в-третьих, любовью к солдату, заботой о нем, уважением в нем человеческого достоинства.

Многим, очень многим офицерам помог Михаил Николаевич стать на путь служения Советской Родине...

Массовая мобилизация офицеров в Красную Армию была мероприятием большой практической и политической важности. Своего пролетарского командного состава, обладающего хотя бы минимальной военной подготовкой, Советские Вооруженные Силы еще не имели. Для этого требовалось время. А его не оказалось. Развертывались все новые фронты, формировались новые армии, нужда в тысячах командиров всех степеней все обострялась.

Только Ленин нашел путь к решению этой неотложной проблемы кадров. Он предложил призывать в армию военных специалистов, возложив на политических комиссаров ответственность за их перевоспитание и контроль за добросовестным выполнением ими своих задач.

10 июля 1918 года V съезд Советов вынес постановление о необходимости широкого использования опыта и знаний военных специалистов. Декрет же Совета Народных Комиссаров о призыве офицеров в Красную Армию был издан 29 июля 1918 года. Таким образом, мобилизацию офицерства, проведенную Михаилом Николаевичем Тухачевским 4—5 июля в Симбирске и 19—20 июля в Пензе, надо считать первым пробным шагом. У нас нет точных данных, но можно предположить, что по этому принципиальному и очень щепетильному вопросу Тухачевский получил указания от Владимира Ильича во время беседы с ним перед отъездом на Восточный фронт.

С первых же дней моего пребывания в 1-й Революционной мне довелось наблюдать работу командарма не только в штабе, но и в непосредственной близости к полю боя.

Сразу же после захвата белыми Симбирска для обеспечения нашего левого фланга и прикрытия направления Инза — Симбирск на станцию Чуфарово был выброшен отряд под командованием М. Н. Толстого. Отряд формировался наскоро, из сил, имевшихся под рукой.

Вечером 23 июля В. В. Куйбышев и я тоже выехали на станцию Чуфарово.

Первоначально Михаил Николаевич ставил Толстому задачу овладеть Симбирском. Но это оказалось делом непосильным, и фактически действия отряда свелись к успешной разведке противника боем. Было установлено, что белогвардейцы укрепляют Симбирск, воздвигая на подступах к городу инженерные оборонительные сооружения.

Я. Я. Лацис доносил, что в полосе Инзенской дивизии враг активизируется. Особенно на стыке с отрядом Толстого.

Обеспокоенный создавшейся обстановкой, Тухачевский сам поспешил на станцию Вешкайма и в ночь на 25 июля вызвал к себе меня вместе с Толстым.

К поезду командующего мы с Толстым явились ранним утром. Проводник салон-вагона сообщил нам, что Михаил Николаевич умывается, и совсем конфиденциально добавил:

— За всю ночь только часика три вздремнул, а то все читал...

В те годы некоторые бывшие офицеры стремились всячески «опроститься»: редко брились, щеголяли в драных гимнастерках, не чистили сапог. Им казалось, что таким образом они приобретают «пролетарский вид». А чтобы еще больше приспособиться к «простому люду», некоторые даже сквернословили, сплевывали под ноги, курили козьи ножки, лущили семечки.

Михаил Николаевич не подражал этой «моде» и ни к кому не приспосабливался. При любых обстоятельствах Тухачевский был верен себе. И в то раннее утро он вышел к нам, как всегда, бодрый, подтянутый, тщательно выбритый. Совсем не чувствовалось, что «только часика три вздремнул». К слову замечу, что опрятность

командарма очень влияла на всех окружавших его. Скоро даже наши ординарцы, садясь на коня, стали надевать перчатки.

Чем ближе мы подъезжали к фронту, тем чаще приходилось спешиваться. И все-таки раза два-три попали под жестокий обстрел противника.

Михаил Николаевич держал себя с удивительным хладнокровием, вникал во все мелочи, неторопливо беседовал с бойцами и командирами передовых разведывательных дозоров и сторожевых застав. Это спокойствие командарма вселяло во всех уверенность, надежду на скорую победу.

Поздно вечером мы вернулись в Вешкайму, и Тухачевский продиктовал приказ, уточнявший задачу отряду Толстого.

Из этой поездки я вынес первое впечатление о Тухачевском как военачальнике. Михаил Николаевич был отважен, крепок и вынослив. Быстро оценивал обстановку и принимал решения. Обратило на себя внимание и его отношение к подчиненным. Со всеми он был одинаково вежлив, прост, в каждом уважал человека.

Все эти качества свидетельствовали не только о прекрасной выучке, но, я бы сказал, и о командирском призвании Тухачевского. Одно для меня оставалось еще неясным: под силу ли ему успешное руководство крупными войсковыми соединениями? Ведь военное училище, которое закончил Михаил Николаевич, готовило младших офицеров. Там отрабатывались задачи максимум за батальон на фоне полка. Да и первая мировая война была для Тухачевского не очень-то длительной школой — на фронте он провел всего 6—7 месяцев. А теперь ему доверена армия, насчитывающая 10—12 тысяч человек, занимающая фронт в 400—500 километров и к тому же еще слабо оснащенная [1].

С этими сомнениями я явился на первое для меня служебное совещание руководящего состава 1-й Революционной. Здесь присутствовали оба политических комиссара армии — В. В. Куйбышев и О. Ю. Калнин, начальник административного управления И. Н. Устичев,

---

[1] Мы располагали тогда всего 50 орудиями, примерно 150 пулеметами, 2—3 бронепоездами. Бойцу выделялось на день по 10—20 патронов, а каждое орудие могло произвести в течение суток только 5—10 выстрелов. (*Прим. авт.*)

начарт тов. Гарднер, интендант армии тов. Шевчук и другие.

Михаил Николаевич сообщил им результаты рекогносцировки и пункт за пунктом стал излагать план будущей операции по освобождению Симбирска. Он как бы отвечал на мой никому не высказанный вопрос. И ответ этот был обнадеживающим.

— Наше первое преимущество перед противником,— говорил командарм,— наш революционный боец. Главное — в его революционной сознательности, в его инициативе, сметке, отваге и выносливости.

Но Тухачевский не закрывал глаза и на наши тогдашние слабости. Перед отъездом из Москвы он слышал выступление Ленина на заседании Московской городской партийной организации, помнил слова Ильича о том, что первоочередной задачей является задача организации, которая требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей работы, строжайшей дисциплинированности. Исходя из этой ленинской установки, Михаил Николаевич делал упор на необходимость такой организации войск, которая полностью соответствовала бы принципам регулярной армии.

В. В. Куйбышев в своих воспоминаниях отмечает, что армия, возглавляемая М. Н. Тухачевским, была первой не только по номеру, но и вообще первым в Советских Вооруженных Силах регулярным объединением. Превращение ее в таковую осуществлялось в невероятно трудных условиях.

На широком пространстве от Волги до Белой и почти до западных склонов Уральского хребта были разбросаны многочисленные красногвардейские, рабочие, продовольственные отряды, точную численность которых установить нельзя. Всего насчитывалось примерно до 80 отрядов, а в каждом из них от 20 до 250 активных штыков.

Первоначально Михаил Николаевич свел эти разрозненные отряды в группы, которые в последующем становились основой дивизий. Так возникли старейшие дивизии Советской Армии — Пензенская, получившая 20-й номер, и Инзенская, имевшая номер 15-й.

По мысли Михаила Николаевича, 1-я Революционная армия на первом этапе развертывания должна была иметь четыре дивизии. Кроме того, по его инициативе

началось комплектование корпуса под командованием тов. Лончара, а также армейской конницы.

Таковы были далеко идущие планы Тухачевского. Однако события, происходившие на Восточном фронте (измена главкома Муравьева, падение Симбирска, а затем и Казани), вносили свои коррективы, план подвергался изменениям.

Новый главком Восточного фронта И. И. Вацетис сосредоточил все свое внимание на Казани. От Тухачевского он требовал одного — немедленно и во что бы то ни стало наступать на Симбирск с целью отвлечения сил противника. Эти свои требования главком нередко сопровождал угрозами по адресу Михаила Николаевича. Однако Тухачевский продолжал неуклонно и твердо проводить линию на организационное укрепление армии, бороться с партизанщиной.

— Не теряя боевого соприкосновения с противником,— говорил командарм,— надо реорганизовывать отряды в регулярные полки, батальоны, роты и тем повышать нашу боеспособность.

Тухачевский принимает решение пополнить войска за счет мобилизации в полосе армии. Для этой цели в штабе создается мобилизационный отдел. Его возглавил старый большевик тов. Ибрагимов, в помощь которому было выделено до сотни агитаторов и пропагандистов. Несмотря на все трудности, мобилизация проводилась успешно. Одновременно шло интенсивное сколачивание частей.

Одним из основных вопросов был в то время вопрос материального обеспечения войск всем необходимым для боя и жизни. Решая его, Тухачевский предложил создать в составе армейского управления отдел заготовок, не предусмотренный никакими положениями. Возглавлявший этот отдел молодой энергичный работник тов. Штейнгауз получил мандат, дававший ему право собирать по железным дорогам невостребованные грузы.

Чего только наши заготовители не обнаруживали по тупикам и пакгаузам! Там было все, начиная от текстиля и кончая пулеметами, даже пушками.

При отделе заготовок развернулись мастерские по ремонту обуви, обмундирования, пошивке белья.

Эта инициатива Тухачевского быстро получила всеобщее признание. Аналогичные отделы появились и в

других армиях, а затем даже в центре было учреждено управление заготовок.

Находил Михаил Николаевич время и для систематического изучения военной теории. Это как бы органически включалось в его текущую практическую работу. Из старых пособий Михаил Николаевич умел извлечь все мало-мальски полезное, ценное, переосмыслить опыт прошлого с учетом особенностей сегодняшнего дня. Он заново перечитывал военную историю и находил в ней то, что шло на пользу армии победившего Октября.

Страстью к учебе, любовью к книге командарм заразил и окружающих. Пензенский губвоенком получил задание — собрать библиотеки всех частей, квартировавших в Пензе до первой мировой войны. Через некоторое время к нам прибыло несколько вагонов с книгами, и при штабе 1-й Революционной была создана своя довольно обширная военная библиотека.

Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что полководческий талант М. Н. Тухачевского впервые проявился во всем своем блеске в Симбирской и Сызрано-Самарской операциях.

Учитывая сложившуюся обстановку и принимая к исполнению требование И. И. Вацетиса, Михаил Николаевич готовил Симбирскую операцию с твердым убеждением, что проводить ее придется только наличными силами, за счет их перегруппировки.

На симбирское направление, в район станции Майна, вышла Сенгилеевская группа под командованием Г. Д. Гая. Михаил Николаевич и Валериан Владимирович выехали лично встречать ее. Я их сопровождал.

После взаимных приветствий и объятий перешли к деловым разговорам. Несколько охладив пыл Гая, мечтавшего тотчас броситься на Симбирск, Михаил Николаевич приказал ему прежде всего реорганизовать группу в регулярную дивизию, немедленно приступить к сформированию штадива. Г. Д. Гай отныне становился начальником дивизии, получившей наименование Симбирской Железной. Комиссаром же этой дивизии был назначен Б. С. Лифшиц, наштадивом Э. Ф. Вилумсон.

Для помощи Г. Д. Гаю в реорганизации из штарма вызвали начальника организационно-административного управления И. Н. Устичева. Сами же Тухачевский и Куйбышев направились в части, чтобы ознакомиться с

состоянием войск. Красноармейцы и командиры были переутомлены, голодны, плохо одеты и обуты, но при всем этом бросались в глаза их спайка и дисциплинированность.

8 августа Железная перешла в наступление. Однако первая наша попытка освободить Симбирск не увенчалась успехом. Прибывшая из фронтового резерва Курская бригада, не успев еще полностью разгрузиться, на станции Охотничья подверглась артиллерийскому обстрелу и бомбежке с воздуха. Этого оказалось достаточно, чтобы бойцы в панике разбежались. Их с трудом удалось остановить лишь в районе станции Выра. А тем временем противник значительными силами стал нажимать на левый фланг Железной. Несмотря на то что правофланговые ее части, успешно продвигаясь вперед, уже выходили на ближние подступы к Симбирску, положение здесь складывалось катастрофическое.

Тухачевский сам прибыл на станцию Охотничья. Общими усилиями паника была предотвращена, порядок восстановлен. Однако о возобновлении наступления пока что не приходилось и помышлять. Командарм приказал всей дивизии вернуться в исходное положение.

Неудача наступления одних повергла в уныние, других ожесточила. К нам прибыл страшно разгневанный член Реввоенсовета Востфронта П. А. Кобозев. Кобозев, а заодно с ним и Калнин грозили Михаилу Николаевичу арестом.

На его защиту встал Куйбышев. Валериан Владимирович предложил спокойно обсудить причины неудачи и принять меры к их устранению. Слово было предоставлено Михаилу Николаевичу.

Причину нашего вынужденного отхода от Симбирска командарм усматривал прежде всего в недостаточной дисциплинированности, а также в слабом авторитете многих младших и средних командиров. Другой причиной Тухачевский считал все еще не изжитую подозрительность к военспецам. При этом он напоминал, как чуть ли не накануне операции ставился на голосование вопрос: давать или нет оружие командирам из бывших офицеров?

— Такое отношение,— говорил Михаил Николаевич,— не только оскорбительно, оно еще и связывает командира, лишает его смелости, инициативы.

Наконец, Тухачевский указал на то, что Симбирская Железная дивизия вынуждена была выступить, не закончив реорганизацию.

Совещание проходило довольно бурно, однако благодаря такту Михаила Николаевича и принципиальности В. В. Куйбышева на нем в конце концов по-деловому были обсуждены все вопросы, связанные с подготовкой нового наступления на Симбирск.

Оно возобновилось только 9 сентября. Говорю «только» потому, что Троцкий, курсировавший в то время по Восточному фронту, а вслед за ним и Вацетис, угрожая Михаилу Николаевичу трибуналом, опять требовали немедленного освобождения Симбирска. Но тут вмешался В. И. Ленин. После переговоров с ним Валериана Владимировича Куйбышева позвонил С. И. Аралов и передал, что Владимир Ильич требует привести армию в полный организационный порядок и только тогда приступать к решительным действиям.

Началась напряженнейшая работа.

Политотдел армии развернул активную агитацию. В ней приняли также участие местные партийные организации. Широкий размах приобрела политработа среди крестьянства, и это обеспечило успешное проведение мобилизации. Наши части получили значительное пополнение. Теперь Симбирскую Железную дивизию характеризовали следующие цифры: активных штыков — 3602, сабель — 188, орудий — 19.

Через неделю с небольшим наши войска перешли в наступление.

Симбирская операция, как и последующая Сызрано-Самарская, достаточно полно освещена в «Истории гражданской войны в СССР», в монографиях и мемуарах.

Командарм-5

Кажется, совсем недавно мы пожимали на прощание руки. Тухачевский отправлялся в 8-ю армию, а я, сдав должность наштарма Ф. П. Шафаловичу,— в распоряжение командующего Восточным фронтом С. С. Каменева.

И вот мы снова вместе. Нежданно-негаданно в марте

1919 года Михаил Николаевич явился ко мне на Троицкую улицу в Пензе.

За полгода, миновавшие со дня нашего расставания, много воды утекло. Я побывал в Москве, где был представлен Владимиру Ильичу Ленину, и мне выпало счастье разговаривать с ним. Из Москвы поехал в Арзамас, но штаб фронта нагнал лишь в Симбирске. Проработал там два месяца, заболел и вот теперь поправляюсь в Пензе.

— Ну а вы как, у вас что? — нетерпеливо спрашиваю Михаила Николаевича, всматриваясь в его лицо. Внешне он, пожалуй, мало изменился. Разве что стал увереннее в суждениях.

В Москве Михаил Николаевич тоже встречался с В. И. Лениным. Эта встреча была продолжительнее, чем в мае 1918 года, когда Тухачевский получил направление на Восточный фронт.

— Какой великий ум! — восхищается Тухачевский.— Какая широта и разносторонность знаний! Просто завидно...

В эту минуту я с особой силой почувствовал в Тухачевском то, что всегда давало себя знать,— тягу к знаниям, уважение к эрудиции.

— Но пока что предстоит воевать,— задумчиво говорит Михаил Николаевич.— Здесь, на Восточном фронте...

Он назначен командующим 5-й армией — той самой, которая более других пострадала от натиска колчаковцев, отступая от Уральского хребта.

Дня три-четыре мы вместе провели в Пензе, а потом Тухачевский отправился в штаб 5-й армии, куда я должен был прибыть, закончив отпуск и лечение.

9 июня 1919 года войска Южной группы Восточного фронта, в состав которой входила и наша 5-я армия, нанесли сокрушительный удар по колчаковщине: была освобождена Уфа. На этом, собственно, и завершается блестящая страница боевой истории Южной группы, во главе которой стоял М. В. Фрунзе. Войска 4-й, 1-й и Туркестанской армий покидают сибирское направление. Это направление вновь передается 5-й армии и ее соседям к северу (2-й и 3-й армиям).

Перед Михаилом Николаевичем встало бесчисленное множество проблем, решать которые надо было сразу же, немедленно, не откладывая в долгий ящик.

В. И. Ленин в группе делегатов X съезда РКП(б), участников подавления кронштадтского мятежа. Март, 1920 г.

М. Н. Тухачевский на строевом смотре частей Западного фронта. 1920 г.

Гаубичная площадка 29-й стрелковой дивизии 3-й Красной Армии. 1919 г.

М. Н. Тухачевский и Г. К. Орджоникидзе у захваченного поезда Каледина

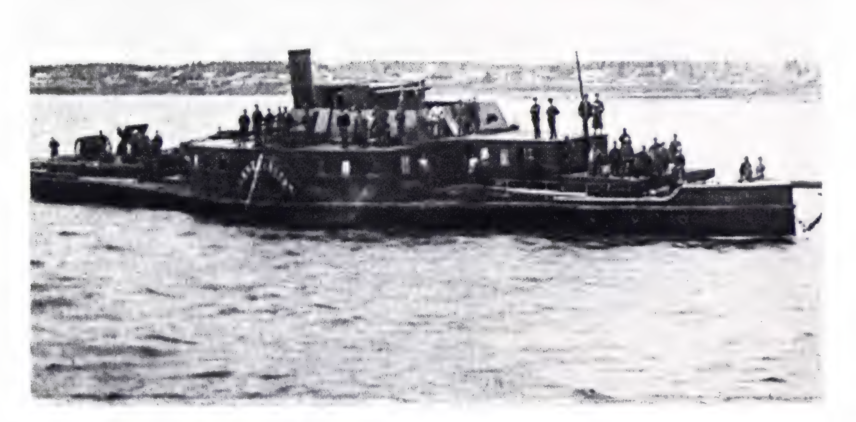

В. И. Ленин произносит речь перед войсками всевобуча. Москва, 25 мая 1919 г.

Красногвардейский отряд из рабочих Исовских приисков. 1918 г.

Артиллерия полка «Красных орлов» на Восточном фронте

Красная бронефлотилия на Каме

Подарок Облисполкома 17/6 полку «груз. автом.». Надпись на автомобиле: «Облисполком Урала лучшей части, отличившейся на маневрах»

Командир корпуса С. К. Тимошенко (первый ряд, третий справа), командир полка Г. К. Жуков (первый ряд, первый справа) в группе командиров. 1927 г.

1941 год. Первые дни Великой Отечественной войны. Западный фронт. Командир зенитной батареи А. Малеев

Инженер-лейтенант танковых войск Н. В. Трифонов

Снайперский орудийный расчет батареи ПТО. Наводчик М. С. Буланов, замковый Я. Л. Малявкин и заряжающий И. В. Цинавой
Ноябрь, 1942 г.

Берлинский парк. Май, 1945 г.

Советское знамя над рейхстагом. Берлин, 1945 г.

На марше

Присяга. 1985 г.

На учениях

Часовые мирного неба

Проход для разведчиков, или На ночных занятиях

Бой

Двадцатая весна

Предстояло преодолеть Уральский хребет, форсировать множество больших и малых рек, вести бои в лесах. Все это очень осложнялось тем, что единственная коммуникация — Сибирская железная дорога — была разрушена отступавшими колчаковцами. Поезда тащились едва-едва, то и дело останавливаясь у превращенных в руины водокачек, сбитых стрелок. Вдоль железнодорожной линии болтались на столбах порванные провода.

А впереди у армии — сибирские морозы. Впереди — тиф, косивший целые деревни...

Однажды, когда штаб армии находился еще в Бугульме, Михаил Николаевич вызвал к себе меня, начальника мобортдела Карягина, начальника оперативного отдела Ивашева, а также нескольких других бывших офицеров и предложил нам разработать систему подготовки командных кадров. При этом мы должны были исходить из установок партии о том, что пролетарской армии нужен свой, революционный командный состав из рабочих и крестьян.

Тухачевский делал ставку в первую очередь на бывших командиров красногвардейских отрядов, комиссаров и коммунистов-бойцов.

— Далее,— говорил он,— мы располагаем бывшими унтер-офицерами царской армии, окончившими учебные команды. Эти отличные практики военного дела, получив теоретическую подготовку, станут достойными командирами рот, батальонов, а быть может, даже и полков, бригад. А сколько у нас умных, дельных рядовых солдат, прошедших окопную школу! Наконец, многих бывших прапорщиков, имеющих хорошее общее образование, целесообразно переподготовить и перевести на штабные должности.

Что касается учебных программ, то Михаил Николаевич предлагал положить в основу их один принцип: учить людей только тому, что требуется на войне. В качестве преподавателей следовало привлечь наиболее опытных командиров штаба и армейских управлений.

Для руководства всей этой работой в армии учреждалась инспекция военно-учебного дела, непосредственно подчинявшаяся командарму. Подобной организации ни в царской и ни в одной из действующих красных частей еще не бывало.

Во главе инспекции Михаил Николаевич поставил меня.

5 Заказ 501

Через несколько дней мы представили командарму организационную схему и положение о подготовке командного состава. С весьма существенными коррективами, внесенными самим Михаилом Николаевичем, эти два документа были утверждены Реввоенсоветом.

В первую очередь при штабе армии создавались курсы старших строевых и штабных начальников. Между собой мы называли их академией генштаба имени Тухачевского. В программу курсов были включены: стратегия, общая тактика, топография, фортификация, администрация, а кроме того, еще и стрелковое дело, строевая подготовка.

На учебу вызывались из частей прежде всего комиссары и коммунисты из рядового состава, затем лучшие из бывших унтер-офицеров и прапорщики военного времени. Продолжительность обучения устанавливалась в зависимости от общеобразовательной подготовки курсантов, но в общем от трех до шести месяцев.

Пока в Бугульме шло комплектование курсов, Михаил Николаевич командировал меня в Москву. Надо было приобрести хоть какие-нибудь пособия и проконсультироваться в ГУВУЗе, Всероглавштабе академии. Но эта моя поездка оказалась малопродуктивной. Мне пришлось встретиться со многими бывшими генералами царской армии, работавшими тогда в центральных органах военного ведомства,— с М. Д. Бонч-Бруевичем, Н. И. Раттелем, А. Е. Снесаревым. Им были хорошо известны имя и боевая деятельность М. Н. Тухачевского. Однако к инициативе его в отношении подготовки новых командных кадров они относились скептически. Мне неоднократно приходилось слышать от них фразу:

— Удивительно, ведь у него же самого нет академического образования!

Мои горячие речи в защиту наших курсов старших строевых и штабных начальников вызывали лишь снисходительные улыбки на их лицах. Генералы невозмутимо констатировали:

— Все это, батенька мой, фантазерство увлекающегося поручика.

Но, как бы то ни было, мне удалось получить в ГУВУЗе некоторые пособия, письменные принадлежности, карты. Вдобавок к этому я прикупил небольшое количество военной литературы у Сухаревской башни, на книжных развалах.

Наши курсы старших строевых и штабных начальников приступили к планомерным занятиям лишь 13 июля 1919 года, как раз в день назначения Михаила Васильевича Фрунзе на пост командующего войсками Восточного фронта. Под них было отведено здание бывшего Уфимского реального училища.

Кроме этих курсов предстояло развернуть еще Центральную армейскую военную школу среднего и младшего командного состава. Я был назначен по совместительству начальником этой школы.

В отличие от московских генералов Михаил Васильевич Фрунзе очень сочувственно отнесся к нашему почину, безоговорочно одобрил его. Особо подчеркнул важность подготовки младшего командного состава.

А тем временем 5-я армия продолжала свой героический поход на Восток. Михаил Николаевич большую часть времени проводил в войсках. Процесс его полководческого становления, начавшийся в 1918 году, завершался. Молодой командарм твердо и уверенно принимал оперативные решения в самых сложных обстоятельствах.

С боями преодолев скалистые Уральские горы, наши войска заняли Златоуст — старинный русский промышленный центр на Урале. Впереди был Челябинск — ворота Сибири. Колчак терял одну жизненно важную позицию за другой.

24 июля, поддержанные челябинскими рабочими, части 5-й армии овладели Челябинском. 4 августа — освободили Троицк. Волна разбитых колчаковских полков неудержимо покатилась за Тобол. М. Н. Тухачевский организовал преследование отступающего противника. Он не считал его окончательно разгромленным.

Но при всем том командарм не упускал из поля зрения подготовку командных кадров. Военно-учебное дело в армии развивалось все шире. Учрежденная Михаилом Николаевичем инспекция функционировала уже как некое подобие современного отдела боевой подготовки.

К моменту передислокации штаба армии из Уфы в Челябинск мы произвели первый выпуск курсов старших строевых и штабных начальников. После 3-месячного обучения 43 командира вернулись в свои части, а на их место из войск ехали новые слушатели.

Сложнее обернулось дело с Центральной военной школой по подготовке среднего и младшего командного состава. Дислоцировалась она в Миассе. Первоначально развернулись пехотные курсы, положившие начало нынешнему Омскому военному училищу имени М. В. Фрунзе. Затем были организованы кавалерийские, артиллерийские, инженерные курсы по типу учебных команд.

Вскоре, однако, учебу там пришлось приостановить. Школа превратилась в громадный госпиталь. Тиф сразил до 90 процентов курсантов и преподавателей.

Это был враг опаснее Колчака. Для борьбы с тифом Михаил Николаевич мобилизовал не только военно-санитарные органы армии, но и местных врачей. Вспоминается его горячее выступление перед медиками, взятыми в плен. Михаил Николаевич страстно призывал их к исполнению врачебного и человеческого долга. Тут же он распорядился колчаковских военных врачей, фельдшеров, медицинских сестер, санитаров не считать пленными.

Вместе со мной М. Н. Тухачевский побывал в Миассе. Не страшась тифа, как не страшился пули в бою, сам обошел больных курсантов и преподавателей.

15 августа, к нашему всеобщему огорчению, Михаил Васильевич Фрунзе сдал командование Восточным фронтом. На его место назначили бывшего генерала Ольдероге. С новым командующим у Михаила Николаевича возникли серьезные разногласия.

Все, кто работал тогда рядом с Тухачевским, хорошо помнят, как тяжело переживал он это. Однако соблюдал такт и выдержку, всячески старался не уронить авторитет старшего начальника в глазах подчиненных.

Ольдероге отдавал очень противоречивые приказания. Вслед за Троцким он считал, что с Колчаком уже покончено, и, не сообразуясь с обстановкой, отводил с фронта одну часть за другой.

А Михаил Николаевич занимался подготовкой большого похода через безбрежные заснеженные просторы Сибири. Это был самый трудный и вместе с тем блестящий поход 5-й армии, в котором бойцы проявили величайший героизм, а командиры — не только личное мужество, но и умение руководить частями и подразделениями в самых сложных условиях.

С исключительной скрупулезностью, кропотливостью изучал Михаил Николаевич особенности театра военных действий. Впереди — полноводный и быстротечный Тобол. Грунтовых дорог мало, населенные пункты редки, в деревнях — казаки, крепкие сибирские кулаки. Сочувствующего Советской власти населения сравнительно немного, куда меньше, чем на Урале. В районе Петропавловска, по данным разведки, Колчак сосредоточивал свои отборные войска.

Как всегда, кабинетная работа над картами, документами, статистическими данными чередовалась у Михаила Николаевича с личными рекогносцировками. Опять и опять обращался он к истории, к походу в Сибирь Ермака Тимофеевича.

На время я был отозван с учебной работы, переведен в полевой штаб командарма и тоже принимал посильное участие в подготовке предстоящих операций.

Форсировав Тобол, части 5-й армии начали успешное продвижение к Петропавловску. Но в это же время, 3 сентября, перешли в наступление и колчаковцы. Разгорелись встречные бои с переменным успехом.

Не желая нести напрасных потерь, Тухачевский приказал отвести войска за Тобол и занять оборону на западном его берегу. Это был очень разумный маневр. Измотанный противник даже не попытался форсировать реку и тоже перешел к обороне. Наступила оперативная пауза.

Михаил Николаевич использовал ее для перегруппировки сил и 14 октября вновь перешел в наступление. Однако колчаковцы и на этот раз оказали сильное сопротивление. Бои приняли затяжной и очень ожесточенный характер. Только 29 октября Петропавловск был взят нашими частями и окончательный крах колчаковщины предрешен.

Путь от Петропавловска до Омска армия прошла походным маршем. Низкорослые, но крепкие сибирские лошаденки бодро тащили розвальни с бойцами.

Последний бой за Омск завязался в городском предместье Куломзино. С приближением Красной Армии куломзинские рабочие и железнодорожники Омского узла тоже взялись за оружие. 14 ноября 1919 года Омск стал советским.

С Колчаком было покончено.

ВЦИК высоко оценил подвиг 5-й армии и ее коман-

дующего. Армия была дважды награждена Красным знаменем, а Михаил Николаевич — Почетным революционным золотым оружием (шашкой).

Начальник академии

Осенью 1921 года, после подавления бандитского восстания на левом берегу Волги, я сдал командование 1-й Сибирской кавалерийской дивизией и отправился в Москву.

Наконец, думалось мне, можно будет осуществить давнюю мечту — поступить учиться в Военную академию РККА. К этому времени у меня накопился уже некоторый опыт штабной и командной работы, появилось влечение к военно-педагогической и научно-исследовательской деятельности. Последнее разбудил во мне Михаил Николаевич Тухачевский, назначив инспектором военно-учебного дела.

Приехав в Москву, к великой радости узнал, что начальником академии является не кто иной, как мой бывший командарм. Не мешкая отправился на Воздвиженку, где в роскошном особняке, некогда принадлежавшем клубу «Императорского охотничьего общества», помещалась тогда еще единственная Академия Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Особняк стоял в глубине просторного двора. На улицу выходили одноэтажные флигели. Прежде здесь жил с семьями обслуживающий персонал клуба. Теперь в одном из этих флигелей была квартира Михаила Николаевича, а рядом разместился комиссар академии Л. Ф. Печерский. Я явился к Михаилу Николаевичу прямо на квартиру. Мы не виделись с декабря 1919 года, и встреча была очень радостной. Вспоминали Восточный фронт, 1-ю Революционную армию. Михаил Николаевич, как всегда, был приветлив, доброжелателен, бодр. На нем привычная синяя гимнастерка-косоворотка из «трофейного» сукна, сшитая еще в Симбирске.

Разговор незаметно подошел к цели моего приезда в Москву. Я рассказал о своем желании учиться в академии. Михаил Николаевич выслушал меня молча, опустив глаза. Я уже знал — это верный признак несогласия. Тухачевский всегда испытывал неловкость, отказывая кому-либо в просьбе. Он словно бы долго подыски-

вал слова, намереваясь переубедить просителя. Так случилось и на этот раз.

— Если вам так уж хочется учиться,— после паузы сказал он,— можете посещать лекции на правах вольнослушателя. Но я осмелюсь вам предложить должность начальника военно-научного отдела академии...

Я ожидал чего угодно, но только не такого предложения. Какой из меня начальник научного отдела, когда кругом профессора старой николаевской академии?!

Стал горячо возражать, говорил, что мне недостает теоретических знаний, что я не силен в военной науке.

— А военная наука еще не создана,— перебил меня Михаил Николаевич.— Та военная наука, которая нужна Красной Армии. Военно-научному отделу как раз и предстоит заняться этим. Он должен обобщить опыт гражданской войны и на его основе развивать военную теорию, необходимую нашей армии. К сожалению, пока что этот опыт в академии не анализируется и зачастую даже сознательно игнорируется старыми генералами.

Я знал характер Михаила Николаевича и понимал, что переубедить его нелегко. А тут еще подошел Печерский. Михаил Николаевич представил меня как своего бывшего наштарма и... нынешнего начальника научного отдела.

Печерский сразу же одобрил решение Тухачевского:

— Нам в академии очень нужны коммунисты — участники гражданской войны!

Итак, вместо учебы мне предстояло вновь работать под началом Михаила Николаевича. Но я по опыту знал, что это тоже учеба.

Военная академия РККА представляла собой спешно реорганизованную николаевскую академию. По предложению Ленина к работе в ней была привлечена старая профессура, оставшаяся в Петрограде. Подвизался здесь и кое-кто из бывших офицеров — генштабистов, призванных теперь в Красную Армию. Иные из них предпочли педагогическое поприще «междоусобице». Участников гражданской войны можно было пересчитать по пальцам: П. И. Ермолин, Н. Н. Шварц, Н. Е. Какурин, А. Н. Де-Лазари да еще несколько человек.

Среди преподавателей, старых генералов и офицеров, насчитывалось, конечно, немало честных людей, готовых добросовестно передать свои знания красным ко-

мандирам. Но имелись и такие, которые относились к Советской власти предубежденно, а то и враждебно.

Однако даже просоветски настроенные преподаватели не всегда понимали социальную суть Красной Армии, классовый характер гражданской войны. Убеждение в «аполитичности» армии глубоко укоренилось в сознании бывших генералов и офицеров.

Гражданская война не изучалась, ее опыт не принимался во внимание. Это вызывало законное недовольство слушателей. Возникали горячие дискуссии, острые споры, в которых далеко не всегда рождалась истина, но почти всегда давала себя знать стена между преподавателями и слушателями.

Слушатели-коммунисты проявили самодеятельное начало: еще в 1920 году при партийной ячейке создался кружок по изучению опыта гражданской войны. Михаил Николаевич всемерно поддерживал его, и в дальнейшем из этого кружка выросло Всесоюзное Военно-научное общество.

Все это я рассказываю для того, чтобы нынешний читатель мог представить сложность обстановки в академии того времени, понять, каким авторитетом и доверием пользовался Михаил Николаевич, если именно ему поручили возглавить и в корне перестроить кузницу высших командных кадров для Красной Армии. Тут принимались в расчет не только выдающиеся полководческие качества Тухачевского, но и его несомненный дар военного исследователя. Только человек, соединяющий в себе блестящего организатора, опытного военачальника и пытливого ученого, мог по-настоящему возглавить научный центр армии.

Первой своей задачей Михаил Николаевич считал преодоление в академии рутины, консерватизма, отживших взглядов и предрассудков. Рубить сплеча тут нельзя. Требовались величайший такт, осторожность, выдержка. Надо было уметь самому показать, как должны по-новому решаться вопросы стратегии и тактики, проблемы, связанные со строительством Вооруженных Сил Республики. Этим завидным умением М. Н. Тухачевский обладал вполне.

Вскоре по вступлении в должность начальника военно-научного отдела мне пришлось принять участие в расширенном заседании академического совета. Кроме профессорско-преподавательского состава и других

должностных лиц здесь присутствовали с правом решающего голоса представители слушателей. Для старых профессоров это казалось чем-то немыслимым. А тут еще в зал набились слушатели — нечлены совета.

Представьте себе такую картину.

Огромный зал с большими окнами и запыленными бархатными портьерами. Разномастные стулья, резные дубовые кресла, табуретки. В первых рядах — профессора и преподаватели. Ежатся от холода, зябко кутаются в старые серые шинели (пуговицы с двуглавыми орлами обшиты материей). На генеральских брюках — следы споротых лампасов. Вот высокий, представительный, с холеным аристократическим лицом бывший генерал Андрей Медардович Зайончковский. Рядом с ним братья Юрий и Сергей Шейдеманы. Один из них лихой кавалерийский генерал, бывший командир 2-го армейского корпуса, а затем командующий армией; другой, артиллерист, во время первой мировой войны возглавлял в русской армии ТАОН (тяжелую артиллерию особого назначения).

В первых же рядах — известный ученый, военный инженер генерал К. И. Величко, генералы М. М. Зачю, А. А. Свечин, А. А. Незнамов. Если сравнивать их с белогвардейскими «вождями», такими, как Корнилов, Деникин, Дутов, по авторитету в военных кругах преимущество было, конечно, не на стороне последних.

В ногах у профессоров — тощие вещевые мешки, из которых торчат хвосты воблы, а на дне угадывается до десятка картофелин. Портфелей тогда не носили, и в тех же мешках покоились папки с лекциями по стратегии или фортификации.

За чинными профессорскими рядами — слушатели. Они выглядят куда воинственнее своих учителей. Потрепанные шинелишки затянуты офицерскими ремнями. На боку — полевые сумки, наганы, маузеры, у некоторых клинки в серебряных ножнах.

Худые лица лучше всяких слов говорят о том, что слушателям живется впроголодь и не всегда они высыпаются. На пустой желудок да еще в постоянном холоде нелегко грызть гранит военной науки. Но, несмотря ни на что, они веселы. Из угла доносится песня «Как родная меня мать провожала...». Поют бодро, с присвистом, не углубляясь в грустный смысл слов.

Но вот в дверях показались начальник и комиссар

академии. С ними начальник учебного отдела К. И. Бесядовский.

Тогда еще не существовало команды: «Товарищи офицеры!» Однако сразу воцаряется тишина, все встают. Чтобы добраться до сцены, на которой высится кафедра, напоминающая церковный аналой, надо пройти весь зал. Михаил Николаевич шагает первым, приветливо улыбается и совсем не начальническим тоном говорит:

— Здравствуйте!.. Пожалуйста, сидите... не беспокойтесь...

В руках у него маленький блокнот и карандаш. Поднявшись на сцену, он кладет этот блокнот на кафедру и начинает лекцию — новую главу из своего первого военно-теоретического труда «Стратегия национальная и классовая» [1].

В сосредоточенной тишине зала отчетливо звучит каждое слово. Я наблюдаю за профессорами. На их лицах вначале отражалось несколько ироническое любопытство: «Ну-с, послушаем, что скажет нам о стратегии этот поручик». Но очень скоро на смену любопытству пришло удивление. Им, воспитанным в духе «аполитичности» армии, было чему удивляться, когда услышали:

— Наши русские генералы не сумели понять гражданскую войну, не сумели овладеть ее формами... Мы видим перед собой не «малую» войну, а большую планомерную войну чуть ли не миллионных армий, проникнутых единой идеей и совершавших блестящие маневры. В рядах этой армии среди ее преданных, рожденных гражданской войной военачальников начинает складываться определенная доктрина этой войны, а вместе с ней и теоретическое обоснование...

Еще резче обозначились складки между бровями маститых профессоров, когда до них долетели слова:

— Изучение основ и законов гражданской войны — это вопрос коммунистической программы... Лишь на базе марксизма можно обосновать теорию гражданской войны, то есть создать классовую стратегию.

Все это было ново, необычно. Ветер революции врывался в замшелое здание академической военной науки.

Быть может, сейчас некоторые формулировки и вы-

---

[1] Конспект этих лекций с пометками Владимира Ильича и поныне хранится в личной ленинской библиотеке в Кремле. (*Прим. авт.*)

сказывания Михаила Николаевича в его «Стратегии национальной и классовой» покажутся несколько прямолинейными, даже, если хотите, наивными. Но надо помнить о времени, надо представить восприятие людей того времени. И тех, у кого за плечами были десятилетия преподавания по освященным традицией канонам. И тех, кто имел образование в объеме церковноприходской школы, а теперь, вернувшись с полей гражданской войны, приобщался к военной науке.

Задача Тухачевского состояла в том, чтобы повернуть военную науку, ее методологию и методику обучения на революционный, партийный путь. И с этой задачей он блестяще справлялся, преодолевая бесчисленные трудности.

Его выступление на академическом совете, о котором я сейчас рассказываю, закончилось под аплодисменты. Слушатели аплодировали, услышав нечто им близкое по классовому духу, отвечавшее их настроениям и думам. А профессора и преподаватели не могли не отдать должного эрудиции, широте и свободе мышления этого «офицерика», ставшего начальником академии и удивительно соответствующего своему необычному назначению. Сильное впечатление произвели на них и умение Михаила Николаевича читать лекцию, его манера держаться на кафедре, такт, удивительное сочетание скромности и чувства собственного достоинства.

Но смолкли аплодисменты, и наступило время задуматься над услышанным.

— Да! — покачивая головой, говорит мне Андрей Медардович Зайончковский.— Заставит меня этот Мишенька на старости лет прочитать «Капитал» вашего Маркса...

— Потрясающе! — восклицал бывший полковник генерального штаба Александр Халилович Базаревский.— Откуда у него все это? Теперь мне понятно, кто разрабатывал такие замечательные операции против Колчака. А мы-то ломали голову... [1]

В последующих дискуссиях на военные темы наиболее яростно Михаилу Николаевичу возражал А. А. Свечин. Один из самых образованных офицеров русской армии, Свечин еще до первой мировой войны пользо-

---

[1] А. Х. Базаревский в прошлом служил у Колчака, но потом бесповоротно разошелся с ним.

вался репутацией прогрессивного военного мыслителя. Он сразу высоко оценил Тухачевского, но, однако же, не мог не спорить с ним. Это были поединки достойных друг друга противников, наделенных остроумием, блестяще эрудированных. В доводах как с той, так и с другой стороны часты были ссылки на Юлия Цезаря и Александра Македонского, Наполеона и Тюренна, Суворова и Кутузова, Шлиффена и Мольтке. Дружески поддевая друг друга, они иногда приходили к общему выводу, но нередко каждый оставался при своем мнении.

Умение Михаила Николаевича уважать взгляды оппонента тоже, мне думается, было одной из пружин, поднимавших все выше и выше его авторитет среди бывших генералов и офицеров, профессоров и преподавателей академии. А что до слушателей, то кроме непререкаемого авторитета он пользовался у них еще и любовью, той самой бесхитростной солдатской любовью, какая выражалась обычно словами: «простой», «свой». И действительно, М. Н. Тухачевский был для них своим, для одних — «мой командарм», для других — «мой комфронта». Ведь слушатели эти только вчера под его командованием громили белогвардейцев на Востоке и на Кавказе, дрались с интервентами на Западном фронте, ликвидировали Кронштадтский мятеж и бандитизм на Тамбовщине.

М. Н. Тухачевский настойчиво требовал освобождать преподавание военных дисциплин от всего устаревшего, отжившего свой век, ненужного в условиях современной войны. Он хотел, чтобы в каждой лекции, в каждом занятии содержалось что-то новое, соответствующее развитию и совершенствованию оружия, технических средств.

— Лекция,— говорил Михаил Николаевич,— должна пробуждать в слушателе интерес к теме, стремление к самостоятельной творческой работе, должна направлять мышление...

Он не терпел казенщины, ратовал за живой, образный язык и очень рекомендовал молодым преподавателям учиться у старых культуре речи. Тухачевский терпеть не мог беспомощных лекторов, не способных оторваться от записок. В таких случаях он советовал сдать лекцию в литографию, чтобы там ее размножили.

— На досуге слушатели прочитают ее сами с

бóльшим вниманием,— добавлял Михаил Николаевич.

Считая академию не только высшим учебным заведением, но и научным центром армии, он делал все, чтобы наладить постоянную связь с частями, изучать их опыт, проверять теоретические положения, разработанные кафедрами, на войсковых маневрах и показных занятиях.

М. Н. Тухачевский вообще отличался чудесной способностью находить талантливых людей и создавал им необходимые условия для плодотворной работы, поддерживал их. И это было очень важно. Нельзя забывать о трудностях, которые возникали тогда на каждом шагу. Сама обстановка далеко не всегда способствовала успеху научной работы. Преподаватели часто имели дело с малограмотными, а то и вовсе неграмотными слушателями.

Именно поэтому Михаил Николаевич настаивал на параллельном изучении военных и общеобразовательных дисциплин. При нем в академии большое внимание уделялось русскому языку. М. Н. Тухачевский установил такой порядок, при котором преподаватель по любому предмету, будь то тактика или военная история, помогал слушателям усваивать грамматику. Точно так же при изучении фортификации и топографии преподаватели обязаны были способствовать развитию у слушателей математических навыков.

В Тухачевском жила постоянная щедрая потребность помогать людям, особенно людям искусства, науки. В этом сказывалась не только его природная доброта, но и неизменное убеждение в том, что для строительства нового общества нужны музыканты, художники, писатели, ученые. Его никогда не оставляла мысль о повышении общей культуры народа и армии. Сам он являл собой пример неустанного самоусовершенствования.

Запомнился один из вечеров, проведенных у Тухачевских. За чаем сидели Феликс Кон, Печерский, Емельян Ярославский и еще несколько человек. Разговор зашел о теории относительности Альберта Эйнштейна. Михаил Николаевич, Феликс Кон и Ярославский не уступали друг другу в эрудиции. Я, рискнув включиться в их беседу, задал вопрос: что может быть общего у теории относительности и военного дела?

Михаил Николаевич принялся увлеченно объяснять,

что в теории относительности Эйнштейн большое внимание уделяет пространству и времени, которые, как известно, и в военном деле играют не последнюю роль. Все более воодушевляясь, он развивал мысль о необходимости самых широких знаний для командиров Красной Армии. Не только генштабисты, но и строевые офицеры должны овладевать высшей математикой, механикой, физикой.

Двадцативосьмилетний начальник академии рисовал далекую для того времени перспективу. Многое, очень многое из того, что он говорил в тот вечер, давно уже стало реальностью. И этот великолепный дар предвидения, эта целенаправленность в мыслях и действиях лучше всего свидетельствовали о том, что М. Н. Тухачевский в академии, как и прежде на фронте, оказался на месте.

Пребывание Михаила Николаевича на посту начальника академии было сравнительно непродолжительным. Однако и за это время сделать он успел многое.

Д. Алексеев

Легендарный Блюхер

> Слава Блюхера — это отблеск славы величайшей в мире революции. Блюхер рожден и воспитан ею. Он — ее сын, ее солдат и один из ее полководцев.
>
> К. Г. Паустовский

В один из дней ноября 1917 года председатель Самарского военно-революционного комитета Валериан Владимирович Куйбышев вызвал к себе начальника губернской охраны революционного порядка:

— Товарищ Блюхер, ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда для освобождения Челябинска. Мы только что получили задание из Центрального Комитета от товарища Ленина и остановили свой выбор на вас. Поручение чрезвычайно ответственное... Дутовские отряды окружили Челябинск и создают угрозу движению продовольственных поездов на

запад, к Москве и Петрограду. Центральный Комитет принимает меры к ликвидации челябинской пробки. Посылаются отряды из Петрограда и с Урала. Нам поручено выделить не менее 500 человек с артиллерией из революционных полков и вновь созданных рабочих отрядов.

«...Мог ли я тогда думать,— скажет много позже Василий Константинович,— что это поручение партии будет началом моей военной работы и навсегда свяжет меня с родной Красной Армией?»

В ту пору ему исполнилось двадцать семь лет.

Подростком увез его отец из ярославской деревушки Барщинка в Питер и пристроил в услужение к оборотистому столичному купцу. Да в «мальчиках на побегушках» он долго не задержался. После Кровавого воскресенья девятьсот пятого года безо всякого расчета покинул ненавистную лавку и поступил чернорабочим на франко-прусский завод Берга.

За три года выбился там в подручные слесаря, получил первую пролетарскую закалку. За участие в рабочих собраниях попал в «черные списки» и был уволен «за ненадобностью». Поголодав несколько месяцев без работы, осел в подмосковных Мытищах. Год с лишком трудился, но в феврале 1910-го за призыв мастеровых вагонки к забастовке был арестован, судим и посажен в Бутырку.

Отмыкавшись в тюрьме, свободы толком и не почувствовал — грянула мировая война. Ратником 1-го разряда угодил в полымя сражений. Воевал храбро, помимо Георгиевских креста да медали заслужил и унтер-офицерские лычки. В январе пятнадцатого под Тернополем получил несколько тяжелых ранений. Без малого год отвалялся в госпиталях. Трижды санитары относили его с операционного стола в мертвецкую...

Не дался смертушке. Выкарабкался, но со службы, понятно, списали «по чистой». Вернулся снова в слесари. Летом шестнадцатого года в Казани стал членом партии большевиков.

Февральская революция застала Василия Константиновича в Самаре. Председатель городского комитета РСДРП(б) Куйбышев угадал, как видно, в отставном унтере-белобилетнике «военную косточку» и предложил работу среди солдат гарнизона. Рядовые 102-го запасного полка с доверием отнеслись к бывалому фронто-

вику и большевику-рабочему. Поставили во главе полкового комитета, а затем послали своим депутатом в городской Совет для руководства в нем военной секцией.

В дни Октября Блюхер был избран членом Самарского ревкома и назначен начальником губернской охраны революционного порядка.

И вот новое ответственное задание — ехать комиссаром вооруженного отряда на Урал. Вождь революции Владимир Ильич Ленин безбоязненно выдвигал ближайших своих соратников на самые высокие посты, говоря им: «нельзя воспитать ответственности, не поручая ответственных дел». И они растили себе надежных помощников, руководствуясь тем же.

20 ноября 1917 года через весь Челябинск, от вокзала в зареченские Красные казармы проследовала колонна боевиков комиссара В. К. Блюхера. С прибытием Сводного отряда самаро-сызранских красногвардейцев опасность белоказачьего вторжения в город была устранена. Вечером того же дня власть в Челябинске и его окрестностях вновь перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов.

По примеру самарских большевиков в городе был образован Военно-революционный комитет, председателем которого вскоре стал Василий Константинович. Одновременно он исполнял обязанности начальника штаба вооруженных сил Челябинского района, а в марте 1918 года возглавил и президиум исполкома городского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Забот навалилось множество. Ревком под руководством Блюхера сразу же заменил реакционно настроенных командиров запасных частей молодыми большевиками гарнизона, затем решительно взялся за ломку старого учрежденческого аппарата, за национализацию частных банков и предприятий, навел дисциплину на железной дороге, взял на учет все хлебные запасы и организовал их скорую отправку в голодающие рабочие центры Республики.

Первоочередного решения требовали и чисто военные дела. Челябинский предревкома осуществил изгнание дутовцев из Троицка, оказал энергичное содействие установлению Советской власти в Оренбурге, ликвидировал засилие правых эсеров и меньше-

виков в руководящих органах рабочего Златоуста.

В конце марта 1918 года Уральский областной военный комиссариат возложил на В. К. Блюхера руководство боевыми действиями по ликвидации белоказачьих мятежников на территории Троицкого и Верхнеуральского уездов. Ровно через месяц, 26 апреля, командующий Восточной группой советских войск доложил в Екатеринбург: «Восстание Дутова подавлено... Дальнейшее преследование дутовской банды киргизскими аулами прекращено по политическим соображениям».

Те бои явились для Василия Константиновича первым экзаменом на полководческую зрелость. А ведь в то время еще мало кто даже из ближайшего окружения знал, что за плечами Блюхера была лишь церковноприходская школа, а вся его официальная военная подготовка исчислялась двухмесячным курсом запасного учебного батальона.

Вспоминая себя в начальный период гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза в 1935 году откровенно признавался:

«Я был молод тогда по мировоззрению и по всему. Трудно было. Но когда приходилось задумываться, как быть дальше, что делать, то тут и находила свое яркое выражение моя рабочая природа. Я умел учиться у солдат и офицеров старой армии, получать хорошие советы от рядовых красноармейцев и подчиненных командиров, а затем вместе с ними отыскивать правильные решения».

Накануне первого советского Мая В. К. Блюхер был вызван в Екатеринбург. По дороге открылись старые раны, и прямо с поезда он попал в госпиталь. К облвоенкому Ф. И. Голощекину явился десять дней спустя. Коротко доложился и получил на руки новый мандат, удостоверявший, что «предъявитель сего Василий Блюхер Уральским областным военным комиссариатом назначен главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом».

— Обстановка там вновь крайне осложнилась. Дутовцы блокировали наш оренбургский гарнизон,— пояснил Филипп Исаевич.— Знаю, что не здоровы еще, но...

— С кем ехать? — только и спросил Блюхер.

12 мая 1918 года 1-й Уральский стрелковый полк РККА в составе трех полнокровных батальонов и Екатеринбургский кавалерийский эскадрон погрузились в

эшелоны. В Челябинске к ним присоединился шахтерский отряд «Народные копи» и артиллеристы местной батареи. То было самое лучшее, самое надежное, чем располагал в то время рабочий Урал для защиты своих революционных завоеваний.

Белоказачья блокада была прорвана, и уже 27 мая Василий Константинович доложил областному военному руководству:

«Положение Оренбурга прочное и безопасное... Подготавливаем широкую и глубокую операцию против казачьих сил».

Но осуществить эти намерения не удалось. Внезапно вспыхнул спровоцированный империалистами Антанты вооруженный мятеж чехословацкого корпуса бывших военнопленных, получивших от Совнаркома разрешение на проезд во Францию через Владивосток. Эшелоны мятежников были растянуты по железной дороге от Самары до Хабаровска. Против советских сил на востоке Республики выступил новый и куда более сильный враг.

Захват белочехами Челябинска, неясность положения Уфы, Екатеринбурга, Троицка, Верхнеуральска вызвали серьезную обеспокоенность в отрядах, направленных под Оренбург из разных мест Урала. Их бойцы стали требовать от командиров, чтобы те немедля оказали действенную помощь осажденным троичанам, верхнеуральцам и побежденным челябинцам.

Узнав о прибытии в Уфу председателя Высшей военной инспекции РККА, Блюхер дозвонился до Н. И. Подвойского и в телефонном разговоре с ним 18 июня заявил, что считает «своим нравственным долгом перед Родиной и революцией направить часть уральских войск на помощь Челябинску и Троицку, чем будет облегчено положение и самого Екатеринбурга».

Николай Ильич Подвойский ответил согласием и распорядился о замене частей из Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Верхнеуральска местными формированиями. Однако время было упущено. Белочешские отряды, объединившись с дутовцами, повели наступление и на юг от Самары.

28 июня 1918 года в Оренбурге состоялось совещание командиров отрядов и представителей советских учреждений. Большинство на нем высказалось за эвакуацию города и отвод войск по незанятой противником железной дороге в сторону Ташкента.

В. К. Блюхер назвал этот путь линией наименьшего сопротивления и со всей категоричностью заявил, что пойдет с вверенными ему силами через тылы врагов, пойдет в рабочие районы Урала и там будет помогать Красной Армии в ее борьбе с белогвардейцами и интервентами. Василия Константиновича поддержали лишь М. В. Калмыков и Н. Д. Каширин — командиры Сводного Уфимского рабочего и Верхнеуральского краснозачьего отрядов.

Бойцы Михаила Калмыкова выступили в район Уфы 29 июня, а в первый день следующего месяца, обеспечив полную эвакуацию из Оренбурга советских учреждений и войск, взяли курс на северо-восток отряды Василия Блюхера и Николая Каширина. С этого, собственно, и начался знаменитый Уральской армии поход...

Летом 1918 года одним из немногих советских островков в бушующем море контрреволюционных восстаний, захлестнувших Южный Урал, оставался поселок Белорецкого завода. Местный рабочий полк удержал его в своих руках. Сюда отошли с боями из Троицка и Верхнеуральска отряды Николая Томина и Ивана Каширина. В Белорецк прибыли былые защитники Оренбурга.

16 июля командиры собрались на общий совет. Ознакомившись с боевой и политической обстановкой, выявили наличие сил и средств. Насчитали 3400 бойцов пехоты, 1600 — кавалерии, 71 пулемет, 13 орудий. Позже подошли отряды из Стерлитамака, Тирляна, и число активных штыков и сабель выросло до 6 тысяч.

При составлении плана дальнейших действий к единству сразу не пришли, но большинством поднятых рук проголосовали за поход к центру, то есть — Екатеринбургу.

Вновь образованное соединение наименовали Сводным Уральским отрядом. В. К. Блюхер, Н. Д. Томин, И. Д. Каширин сохранили в нем командование Уральской, Троицкой, Верхнеуральской группами войск. Для согласованного руководства ими главнокомандующим был избран красный казак-большевик Николай Дмитриевич Каширин, которому предоставили право организовать Главный штаб по личному усмотрению.

«Общая наша задача,— указал главком в приказе от 20 июля,— выбравшись из горной и бедной хлебом по-

лосы, двинуться в направлении на север от Верхнеуральска, к линии железной дороги. Перейти железнодорожную магистраль на участке Челябинск — Златоуст и, двигаясь дальше в избранном северном направлении, соединиться с нашим центром».

Бои за прорыв из вражеского окружения начались успешно. Но вот на пути встала гора с немудреным названием Извоз, прикрывавшая узел дорог, выходящих из Верхнеуральска. Белогвардейцы перекопали ее склоны траншеями, понатыкали множество пулеметных гнезд, впереди расставили колья с колючей проволокой, нарыли волчьих ям.

Еще на подступах к Извозу тяжелое ранение получил Н. Д. Каширин. Главкома отправили в Белорецкий госпиталь. Командование Сводным отрядом временно принял его брат, Иван Дмитриевич,— в этих местах и он был в родной стихии. Вскоре разведчики принесли весть о захвате белочехами Екатеринбурга, и движение в его сторону стало бессмысленным.

Вечером 27 июля Блюхер и Томин прибыли в штаб Ивана Каширина. Тот согласился с необходимостью отвода войск в поселок Белорецкого завода, но при условии, что предварительно будет дан решительный бой здесь, под Извоз-горой. Командиры Уральской и Троицкой групп возражать не стали, понимая, что приказ о немедленном возвращении в исходный пункт похода в отряде могут посчитать за его слабость, да и противнику это на руку — бросится сразу в преследование, пойдет трепать в пух и прах.

Генеральный бой назначили на исход суток 28 июля. Уральцы из группы Блюхера со спешенными сотнями Ивана Погорельского поведут наступление в центре. Развитие на левом фланге обеспечат троичане Николая Томина. Красные казаки Ивана Каширина сперва ударят справа, а затем помогут пехоте выбить белых с их главных позиций.

Бойцы 1-го Уральского полка РККА и красные казаки-пехотинцы к рассвету следующего дня штурмом овладели вершинным плато Извоз-горы. Тогда же кавалеристы Ивана Каширина и Николая Томина смяли противника на флангах и вылетели на окраины Верхнеуральска. Белых в городе не было. Потеряв «неприступные» извозские твердыни, они спешно ретировались к востоку, под защиту Каменных сопок.

После падения Екатеринбурга задерживаться в Верхнеуральске было незачем. Конные дозоры проскочили лишь до кирпичной громады тюрьмы, освободили политзаключенных и повернули обратно.

В первом своем генеральном сражении, данном в глубоком вражеском тылу, советские отряды добились внушительной победы, но она не приблизила их к конечной цели. Значение ее было в другом. Эта победа сплотила Сводный Уральский отряд в единый воинский коллектив, дала ему настоящую боевую закалку. Именно здесь, на Извоз-горе, отмечал впоследствии Василий Константинович Блюхер, совместно пролитой кровью был окончательно скреплен братский союз рабочих и крестьян-бедняков с трудовыми казаками Урала, ставшими на защиту власти Советов.

2 августа 1918 года в рабочем поселке Белорецкого завода состоялся очередной совет командиров. На нем в связи с ранением Н. Д. Каширина главнокомандующим Сводным Уральским отрядом был избран В. К. Блюхер.

«Может быть, у многих красноармейцев возникнет сомнение в том, стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться? — прямо спрашивал Василий Константинович боевых соратников и тут же давал четкий ответ: — Товарищи, такое решение будет весьма гибельным, так как легче всего переловить и передушить нас поодиночке, а когда же мы будем двигаться кулаком, справиться с нами трудно, потому что мы сможем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой. Итак, вперед!..»

С этого приказа нового главкома и начался решающий поход южноуральских советских военных сил по глубоким вражеским тылам. Цель его оставалась прежней — пробиться во что бы то ни стало за линию фронта и соединиться там с регулярными частями Красной Армии, но осуществить ее теперь было гораздо труднее. Путь значительно удлинился, и опасностей на нем стало во много крат больше.

Когда авангард отряда спустился с гор в степи Прибельской долины, главком приказал ему некоторое время продолжать движение в сторону Стерлитамака, а основные силы повернул резко вправо, на поселки Бо-

гоявленского и Архангельского заводов, в районе которых все еще вели борьбу с врагами Советской власти сильные рабоче-крестьянские отряды М. В. Калмыкова и В. Г. Данберга.

Этот маневр дезориентировал противника. Сводный Уральский отряд оторвался от него, в спокойной обстановке пополнился двумя новыми полками и вырос в численности до размеров полнокровной дивизии.

Но вскоре белогвардейцы взяли отряд в плотный и, как им казалось, непробиваемый мешок. Около недели шли напряженнейшие бои в междуречье Зилим, Белая, Сим. И снова Блюхер проявил отчаянную смелость. Предприняв частью сил бросок в направлении Уфы, посеял в столице эсеро-меньшевистского Комуча (Комитета членов учредительного собрания) панику, а сам тем временем группами И. Д. Каширина, Н. Д. Томина, И. С. Павлищева и В. Г. Данберга прорвал линию Самаро-Златоустовской железной дороги на участке в сорок с лишним верст.

Еще более трудной была операция по форсированию реки Уфы, где драться пришлось в условиях полного вражеского окружения. Но краснопартизанский главком не спасовал и на этот раз, как и раньше, добился безусловно точного выполнения всех своих решений.

Он обладал ценнейшим даром быть всегда до предела собранным, сохранять спокойствие духа даже в самых сложных и запутанных ситуациях. Ему были чужды минутные настроения. Но когда где-либо назревала угроза поражения, когда все испробованные меры и средства к перелому не вели и удачи не приносили, тогда он без колебаний скакал под огонь, вторгался в пекло схватки, занимал место в передовой цепи бойцов. Под главкомом убивали коней, но он оставался цел, невредим. Взгляд его серых, а порой отливающих сталью глаз никогда не выражал растерянности, и голос звучал спокойно и четко.

Блюхер являл собой пример полководца нового типа, истинно народного военачальника. В дни маршевых переходов он нередко совершал пробеги верхом с одного конца огромнейшей колонны в другой. Проверял надежность разведки и всех видов боевого охранения, интересовался настроениями бойцов, самочувствием раненых, заботами беженцев.

За время многосотверстного рейда от южного Бело-

рецкого завода и до самого северного башкирского селения Аскино Блюхер сумел провести в движении несколько смотров всех сил Сводного Уральского отряда. Пропускал мимо себя полк за полком при переправе через Сим и по окончании боев за станцию Иглино. Был при этом суров, молчалив. Партизаны тогда шли на новые испытания и не ждали громких, восторженных слов. Само внимание главкома возвращало им силы, крепило веру в их правое дело.

После же форсирования Уфы, когда партизанские части окончательно оторвались от своих преследователей и вступили в ничейную полосу глухих лесов, Блюхер устроил своим частям настоящий парад.

Проходила удивительная, разноликая, разноязычная рать. Шли русские, башкиры, татары, украинцы, латыши, китайцы, мадьяры, австрийцы, немцы... Шли вчерашние шахтеры, металлисты, стеклодувы, шла мужичья крестьянская беднота... Катили в скрипе несмазанных колес телеги обозов, двуколки лазарета, подводы беженцев...

Кавалеристы, особенно красные казаки, щеголяли еще сохранившейся справой, лихо проносились в стальном блеске шашек, в радостном гиканье и свисте... Пехотинцы же были в самом пестром одеянии. Рабочие куртки, тужурки. Заскорузлые шинели. Крестьянские зипуны. Но и они марку держали. Вышагивали стройными ротами, сверкали штыками, отбивали строевой шаг разбитыми сапогами и лаптями... Возницы снимали перед главкомом шапки. Раненые приветствовали его, поднимая перевязанные лоскутами мануфактуры руки, самодельные костыли. Беженки подсказывали детям: «Вон дядя Блюхер!..»

Василий Константинович в тот день был весел, широко улыбался, радостно восклицал: «С победой, товарищи!»

«Служим Революции!..» — многоголосо неслось в ответ.

14 сентября 1918 года телеграф станции Агарзя Московско-Казанской железной дороги отстучал депешу с самыми высокими адресами: «Москва. Совнарком. Пермь. Областком. Командующим армиями и всем, всем...» В конце ее значилась подпись: «Главнокомандующий В. Блюхер».

Кончились почти три месяца безвестности. Вырвался из тисков вражеского окружения бывший командующий советскими войсками, оперировавшими под Оренбургом, не с горсткой бойцов, а во главе шести стрелковых, двух кавалерийских полков, отдельных конных сотен и артиллерийского дивизиона.

Ответ командования 3-й советской армии Восточного фронта поступил незамедлительно:

«Приветствуем доблестные отряды Блюхера и Кашириных. Ждем их — своих верных сынов...»

«...Ваши геройские подвиги не будут забыты свободной Родиной,— телеграфировал РВС страны.— Высший Военно-Революционный Совет Республики приносит вам, славные солдаты отряда Блюхера, и вашему бесстрашному командиру тов. Блюхеру горячую благодарность и выражает надежду, что скоро увидит вновь вас, оправившихся от тяжелых боев, в рядах своих революционных войск и вновь услышит о ваших великих подвигах».

О первом массовом военном подвиге советских людей в развернувшейся гражданской войне узнал и Владимир Ильич Ленин. 19 сентября 1918 года он беседовал с членом Уральского областного Совета и обкома РКП(б) А. П. Спундэ о главнокомандующем южноуральскими партизанскими отрядами В. К. Блюхере, десятитысячная армия которого проделала беспримерный переход от Оренбурга до Кунгура по глубоким тылам белогвардейцев и интервентов, прорвала вражеское кольцо и соединилась с регулярными войсками Красной Армии. А. П. Спундэ сообщал, что Блюхер участвовал в ликвидации дутовщины и во всех случаях его планы борьбы оказывались удачными.

Первый высший революционный знак боевого отличия был учрежден 16 сентября 1918 года, а ровно через двенадцать дней Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рассмотрел персональное представление Реввоенсовета 3-й армии. В нем отмечалось, что «переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии». ВЦИК вынес решение о награждении главкома южноуральских партизан орденом Красного Знамени. В постановлении, подписанном Я. М. Свердловым, было указано: «Первый по времени знак отличия присудить товарищу Блюхеру».

Легендарный поход уральских красных партизан был совершен в дни, когда, по словам В. И. Ленина, вся судьба революции стояла на одной карте, когда все зависело от быстрой победы на фронте Казань — Урал — Самара. Первые десять тысяч советских героев, одержав в сплошном окружении врага более двадцати побед и разгромив до десятка его отборных частей, дезорганизовали тыл белогвардейцев и интервентов. Тем самым они оказали непосредственное содействие развернувшемуся в начале осени 1918 года наступлению войск Восточного фронта, в результате которого были освобождены Казань, Симбирск, Самара и прилегающие к ним территории.

В двадцатых числах сентября В. К. Блюхер принял командование 4-й Уральской (впоследствии 30-й) стрелковой дивизией и сразу же «во имя спасения завоеваний революции» повел ее, увеличившую за счет влившихся краснопартизанских частей свою боевую численность более чем втрое, в наступление и выбил белогвардейцев из города Красноуфимска.

Приказ штаба армии обязывал его продвигаться дальше, вплоть до захвата участка Западно-Уральской железной дороги между станциями Гробово — Шемаха, но, правильно оценив создавшуюся обстановку не только в полосе своей дивизии, а и на всем фронте армии, Василий Константинович остановил свои бригады и полки на достигнутых ими рубежах.

Последующий ход военных действий убедил всех в мудрости такого решения, показал, что молодой начальник регулярного соединения РККА обладает и широтой оперативно-тактического мышления, и подлинной полководческой смелостью.

На исходе года новые кровопролитнейшие бои заставили дрогнуть весь левый фланг 3-й армии и сдать Пермь. Лишь дивизия В. К. Блюхера не утратила боевой способности, проявила чудеса стойкости при обороне Кунгура, Осы, Оханска, а затем во взаимодействии с обновленными частями В. Ф. Грушецкого рядом сильных контрударов вынудила сытые полчища генерала Гайды попятиться обратно к Каме и надолго уйти в глухую оборону. Судьба Перми не постигла Вятку.

В январе 1919 года пролетарский красном Блюхер был выдвинут для усиления руководства 3-й армией на

должность помощника (заместителя) ее командующего. С апреля того же года Василий Константинович одновременно исполнял обязанности начальника Вятского, а с первых чисел июля и Пермского укрепленных районов.

В разгар могучего летнего наступления Восточного фронта Блюхер вновь на передней линии огня. Из разрозненных отрядов, сражавшихся на севере Урала, он формирует в боевой обстановке новое соединение Рабоче-Крестьянской Красной Армии — 51-ю стрелковую дивизию — и вступает в командование ею.

Освободив 8 августа 1919 года Тюмень, 51-я ранее других дивизий фронта распахнула ворота в Сибирь. 1-я ее бригада, в боевых порядках которой находился и начдив, начала продвигаться к Ишиму, а 2-я круто повернула на северо-восток и 4 сентября очистила от колчаковцев былую сибирскую столицу — Тобольск.

Перейдя реку Тобол, войска 3-й и 5-й советских армий наткнулись на внезапно возросшее сопротивление неприятельских сил. Колчак решился взять реванш за свои жестокие поражения на Урале и предпринял последнее судорожное наступление.

В самое тяжелое, почти безвыходное положение в те дни попала только что созданная дивизия красного фронта. Ее 1-я бригада была отрезана от всех других частей, 2-я — 27 сентября оставила Тобольск и мелкими группами отходила к Тюмени, а 3-я бригада ничем им помочь не могла, поскольку все еще находилась в оперативном подчинении начальника 29-й стрелковой дивизии.

И что же предпринял тогда Блюхер, вновь, как и в восемнадцатом году, оказавшийся с частями 1-й бригады в плотном вражеском окружении?

Он не стал пробиваться от Ишима к Тюмени, на чем настаивал врид командарма М. И. Алафузо в последнем приказе, дошедшем до штаба бригады. Отходить на запад было бессмысленно — сильные заслоны колчаковцев перекрыли там все дороги, все тропы. Самоистреблением по той же причине явилась бы и попытка прорваться на юг, где уже не было ни одной роты былой соседки справа — 29-й дивизии.

Оставался лишь северный вариант. И Блюхер опять пошел по вражеским тылам. Перед Тобольском он резко повернул на юг и 10 октября 1919 года вышел с тя-

желыми боями на позиции полков 2-й и 3-й бригад, собравшихся наконец-то воедино.

Запланированный Колчаком разгром 51-й стрелковой дивизии не состоялся, как не состоялся и замышлявшийся им фланговый удар по тылам 3-й армии с целью захвата Тюмени и Екатеринбурга.

В середине октября, когда войска Восточного фронта возобновили общее наступление, на его крайнем левом фланге вновь победно продвигалась вперед молодая 51-я стрелковая дивизия, и 22 октября 1919 года она вторично освободила Тобольск.

«Героям-красноармейцам не страшны ни полчища белых, ни непроходимые болота, ни лишения, ни голод, — приветствовал Блюхер своих уральцев.— Во имя господства труда над капиталом вы бодро перенесли и готовы в будущем перенести все выпавшие на вашу долю невзгоды, горя единственным желанием скорее прийти к заветной цели освобождения рабочих масс от капитализма. Пусть эта победа будет путеводной красной звездой к новым подвигам и послужит залогом дальнейших успехов в борьбе с отчаявшимся в своих силах врагом».

Летом 1920 года, когда на юге России понадобилось создать надежный барьер против новой контрреволюционной волны, хлынувшей в украинские степи через теснины крымских перешейков, советское командование снимает из Сибири одно из лучших своих соединений — 51-ю стрелковую дивизию начдива-военкома В. К. Блюхера и бросает ее, по словам белой печати «сплошь коммунистическую», на борьбу с отборной армией Врангеля.

На левобережном Днепровском плацдарме, близ Каховки, Василий Константинович при участии военного инженера фронта Д. М. Карбышева впервые в РККА создает глубоко эшелонированную и противотанковую оборону, с успехом осуществляет на практике разработанные им же самим приемы уничтожения «бронированной кавалерии», а затем и танков врага.

14 октября 1920 года врангелевцы двинули на обороняющихся под Каховкой сразу 12 английских стальных чудищ. То была самая мощная танковая атака за всю историю первой мировой и гражданской войн. Однако блюхеровцы панике не поддались и сумели воздать иноземцам должные «почести». Красноармейцы

буквально облепляли огнедышащие машины, взбирались на них и бросками гранат в смотровые щели выводили из строя прислугу.

Самоотверженно сражались с танками врага уральские и сибирские артиллеристы. Они применяли тактику кочующих орудий, выкатывали их на открытые площадки и били по ползущим крепостям прямой наводкой. В этих поединках самыми везучими оказались огневики из дивизиона Л. А. Говорова, будущего Маршала Советского Союза.

В итоге трехдневных ожесточенных боев, как отмечал командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе, «геройские войска под общей командой Блюхера не только отбили атаку врага, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронеавтомашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей».

Отстояв Каховский плацдарм, советские войска ринулись к бетонированным укреплениям, воздвигнутым врангелевцами с помощью фортификаторов армий Антанты на путях, ведущих в Крым, который стал последним пристанищем контрреволюции в европейской части страны.

Готовясь к штурму Перекопа, Блюхер помнил о требовании, высказанном В. И. Лениным в телеграмме от 16 октября 1920 года: «...готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма», и первым из начальников дивизий доложил штабу фронта о возможности переправить часть своих сил по Сивашу на Литовский полуостров, где оборона врангелевцев была наиболее уязвимой.

Свои выводы Блюхер подтвердил точными данными разведки. Потому-то М. В. Фрунзе, отдавая войскам фронта директиву на овладение всем Крымом, и приказал частям 6-й армии А. И. Корка, в состав которой входила 51-я стрелковая дивизия: «Переправившись через Сиваш не позднее 8 ноября, ударить в тыл перекопским позициям, атаковав их одновременно и с фронта».

Именно так и протекал штурм Перекопского перешейка. Направив часть сил дивизии по обмелевшему в ту осень Сивашу к Литовскому полуострову, Блюхер остался в боевых порядках тех бригад, которым пред-

стояло атаковать в лоб укрепления Турецкого вала — самого мощного узла обороны врангелевцев.

К утру 8 ноября на Литовском полуострове уже были отвоеваны первые плацдармы. Весь день штурмовые волны одна за другой накатывались и на укрепления неприступного вала, но одолеть их не сумели.

Под покровом ночи атакующим в лоб удалось спуститься на дно десятиметрового рва. Узнав об этом, Блюхер без долгих раздумий вновь решился на отчаянно-смелый шаг. Он приказал командиру 453-го полка Г. И. Аксенову на вал не подниматься, а, подчинив себе один из батальонов, двинуться с ним по дну рва к Перекопскому заливу и предпринять попытку морем обойти прибрежные заграждения врага.

Часа через два бойцы Аксенова были уже позади бетонированных крепостей вала, вышли на берег и «свалились» на спины врангелевцев.

Этот дерзкий маневр в сочетании с фронтальным штурмом и ударами со стороны Литовского полуострова фактически и определил победный исход борьбы за овладение неприступным Турецким валом, а затем и Перекопским перешейком в целом.

Победы войск, подчиненных В. К. Блюхеру при обороне Каховского плацдарма и штурме Перекопа, явились вершинами ратной славы Рабоче-Крестьянской Красной Армии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Свое тридцатилетие Василий Константинович Блюхер встретил в освобожденном от врангелевцев Крыму.

Пришел долгожданный мир в города и села Республики Советов. Но ее защитникам рано было выпускать оружие из рук. В. К. Блюхеру такая судьба, по существу, не была уготована до конца дней его.

Уже в июне 1921 года Центральный Комитет партии и лично Владимир Ильич Ленин направляют Блюхера на Дальний Восток с заданием чрезвычайной важности — уничтожить белогвардейщину на территории союзной с Российской Социалистической Федерацией Дальневосточной республики, не допустив при этом развязывания войны с Японией, войска которой продолжали оккупацию Приморья.

Став в Чите военным министром и главнокомандующим всеми вооруженными силами ДВР, Василий Кон-

стантинович в течение полугода провел коренную реорганизацию Народно-революционной армии, превратив ее из полупартизанских отрядов в высокодисциплинированное регулярное войско, и в феврале 1922 года одержал блистательную победу под Волочаевской.

В заключительных строках статьи «О Волочаевском бое», написанной летом того же года по свежим впечатлениям недавних событий, главком Блюхер указывал:

«Много славных героев выбыло из наших полков, значительных жертв стоило для армии наступление, но столь страстно желаемая всеми победа венчала этот поистине редкий подвиг Волочаевского боя. Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь отдельной части, геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все.

Без ножниц, без каких бы то ни было приспособлений для резки проволоки бойцы собственными телами наваливались на проволоку и перекидывались через нее. Комсостав под бешеным огнем противника пробивал себе дорогу среди заграждений, разрубая проволоку и колья шашками...

Такую беспримерную храбрость, какую проявили народоармейцы в бою под Волочаевкой, мне приходилось редко видеть даже в Красной Армии».

За Дальним Востоком последовал переезд на самый крайний запад Республики. Оказавшись на несколько дней в Москве, Василий Константинович заикнулся было о поступлении в Военную академию РККА, но члены РВСР, приняв во внимание, что Блюхер и так на любом поручаемом ему посту действует смело, энергично и в высшей степени профессионально, посчитали направление на учебу нецелесообразным и утвердили его в должности командира-комиссара 1-го стрелкового корпуса РККА с одновременным исполнением обязанностей начальника Петроградского укрепленного района.

А осенью 1924 года — новое боевое задание. Советское правительство по просьбе вождя китайской революции Сунь Ятсена направляет В. К. Блюхера под фамилией Галина в Южный Китай в качестве главного военного советника при кантонском Национально-революционном правительстве.

Во главе руководства Национально-революционной

армии Китая Василий Константинович пробыл три года, по-прежнему оставаясь самоучкой, но в лучшем, высшем значении этого слова.

«...Этот самоучка созывал совещания 50—60 советников, вывешивал размеченную им карту Китая и делал доклад... Доклад мог длиться пять или шесть часов,— вспоминал автор книги «В штабе Блюхера» М. И. Казанин,— и все время, пока Блюхер говорил, внимание слушателей не ослабевало. Он блестяще, без запинки, без бумажки развертывал широкую картину политического положения, экономических возможностей, особенностей местности, людских ресурсов, вооружения; излагал различные варианты планов, проводил их точнейший анализ, подвергая их критике, подводя слушателей к выбранному им варианту... В военном отношении он был человеком огромной, никем не оспаривавшейся одаренности».

«Василий Константинович Блюхер,— свидетельствовал и другой его соратник по военной работе в Китае А. И. Черепанов,— обладал огромным военным талантом и подлинным даром предвидения, был не только блестящим полководцем, но и трезвым политиком, оценивавшим события не только с позиций сегодняшнего дня, но и с позиций будущего».

Весьма характерный отзыв о главном военном советнике дал полпред СССР в Китае Л. М. Карахан:

«...Тов. Блюхер, против китайского обыкновения, по которому генералу полагается сидеть, по крайней мере, за сто верст от военных действий, сам постоянно присутствует на фронте. В один из критических моментов он даже взялся командовать бронепоездом. Это очень сильно поднимает настроение у китайцев».

Случайность? Нет, Василий Константинович был солдатом революции, бойцом партии, всегда помнившим о главнейшей заповеди поведения воина-коммуниста в боевой обстановке: быть равным среди равных и первым среди первых.

Имя Блюхера, под руководством которого войска Национально-революционной армии Китая провели Восточный, а затем и Великий Северный походы, обеспечившие значительное расширение территории и социальной базы китайской революции, навсегда вошло в историю братского нам народа.

«Мы, советские люди,— подчеркивал В. К. Блюхер,—

горды тем, что на нашу долю выпала честь передать свой революционный опыт, приложить силы и знания для выполнения нашего интернационального долга — помочь великому китайскому народу освободиться от власти милитаристов и империалистического ига».

В 1929 году разразился конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Советское правительство объединило все войска, дислоцированные на Дальнем Востоке, в Особую Дальневосточную армию и поручило командование ею В. К. Блюхеру, ставшему после возвращения из Китая помощником (заместителем) командующего Украинским военным округом.

И вновь Василий Константинович достойнейше оправдал высокое доверие партии, государства и народа. Быстрым, сокрушительным ударом, при самой минимальной затрате сил и средств разгромил в Маньчжурии нацеленные на СССР группировки войск предателя китайской революции и наймита международного империализма Чан Кайши.

«Мне довелось быть свидетелем,— вспоминал в 1980 году Маршал Советского Союза В. И. Чуйков,— как внимательно и глубоко В. К. Блюхер анализировал боевую обстановку, как упорно и настойчиво проводил принятые решения в жизнь, а добившись победы, проявлял великодушие к солдатским массам противника. Вот лишь один эпизод.

Утром 18 ноября был осуществлен решительный штурм города Чжайлайнор. Тысячными толпами бежали отступавшие китайцы на восток, к Хайлару, по льду реки Аргунь. Каждый снаряд, выпущенный из орудия, косил, как траву, эти толпы. Василий Константинович приказал артиллеристам прекратить огонь, говоря: «Пусть передадут всем недругам, что нападать на советскую территорию никому не позволено». А через два дня он примерно так же поступил с гарнизоном Маньчжурия, почти без кровопролития заняв город».

Социалистическая родина высоко оценила доблестные действия воинов-дальневосточников в защите наших границ от белокитайских наймитов и международного империализма, наградив их войсковое объединение первым советским боевым орденом. С того времени и стало оно именоваться ОКДВА — Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

И на груди командарма Блюхера тогда к пяти орденам Красного Знамени добавились орден Ленина за № 78 и только что учрежденный второй знак боевого отличия — орден Красной Звезды за № 1. Такого количества правительственных наград в ту пору не имел ни один военный и государственный деятель нашей страны.

В отгремевших боях и походах В. К. Блюхер познал природу и законы революционных войн, научился мастерству их ведения всеми формами и методами, начиная от партизанских действий и кончая гигантскими операциями маневренного характера. Большие дела предстояли и в период мирного социалистического строительства. Командарм был обязан превратить самый отдаленный и тревожный край Советской Отчизны в ее неприступный бастион.

Глубоко осмыслив новые явления в военной науке и искусстве, вызванные колоссальным насыщением вооруженных сил техническими средствами борьбы, командарм Блюхер с присущей ему энергией, размахом, деловитостью вывел Особую Краснознаменную в одно из лучших объединений РККА, сумел создать в ней современные сухопутные войска, могучий военно-морской флот, первоклассные по тому времени военно-воздушные силы. В предвоенные годы ОКДВА была подлинной кузницей военных кадров всех степеней для всех Вооруженных Сил Союза ССР.

Предметом особых забот командующего было возведение в своеобразных, невероятно сложных условиях суровой окраины новых укрепленных районов. И Блюхер превратил советскую дальневосточную границу в границу из бетона, сделал ее на всем громаднейшем протяжении такой, какими возводил свои оборонительные сооружения его давний боевой друг и учитель Дмитрий Михайлович Карбышев — «по-севастопольски непреодолимо и по-каховски активно».

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, бывший в тридцатые годы начальником штаба ОКДВА, в своих мемуарах писал:

«Командующий Особой часто проводил оперативно-тактические учения и делал поучительные разборы. Практиковал проведение военных игр в масштабах округа и соединений и нередко сам являлся их участником при руководстве со стороны какого-либо высшего ра-

7 Заказ 501

ботника Генерального штаба. Старался использовать любой повод, чтобы учить части и соединения, причем отдавал предпочтение не теории в кабинете или на плацу, а практике, приближенной к боевой обстановке. Придавал огромное значение политическому воспитанию Красной Армии, причем особенно подчеркивал необходимость воспитывать в красноармейцах и командирах чувство превосходства наших Вооруженных Сил над японскими, но не терпел шапкозакидательских настроений».

Деятельность командарма Блюхера далеко выходила за пределы Дальневосточного края. В те годы он являлся членом ВЦИК и ЦИК СССР, делегатом XVI и XVII съездов ВКП(б), на которых выступал с пламенными речами, избирался кандидатом в члены Центрального Комитета партии, депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР первых созывов.

Командарм Особой состоял членом высших коллегиальных органов по управлению Советскими Вооруженными Силами. В ноябре 1935 года он в числе первых пяти выдающихся пролетарских полководцев был удостоен звания Маршал Советского Союза, а в ознаменование 20-летия РККА награжден вторым орденом Ленина.

Своим неутомимым, самоотверженным и поистине вдохновенным трудом Маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер внес неоценимый вклад в организацию, строительство Рабоче-Крестьянской Красной Армии в годы гражданской войны и военной интервенции, в дело укрепления и повышения обороноспособности СССР в период первых пятилеток, а следовательно, и в историческую победу советского народа в Великой Отечественной войне, в сражениях которой ему участвовать уже не довелось.

Последним звездным часом легендарного полководца явились августовские дни тридцать восьмого года, когда войска Краснознаменного Дальневосточного фронта под его искусным руководством наголову разбили японских агрессоров, вероломно вторгшихся в пределы СССР близ озера Хасан.

А три месяца спустя после этой славной победы, 9 ноября 1938 года, жизнь Василия Константиновича Блюхера трагически и безвременно оборвалась. Он, как и многие верные большевики-ленинцы тех лет, стал жертвой беззакония и произвола.

В последние годы, когда снаряды над головой не рвались и пули не свистели, с новой силой пробудилась в Василии Константиновиче его рабочая природа. Видно, в душе он всегда оставался творцом и созидателем.

«Мы,— говорил маршал Блюхер,— не только охраняем Дальний Восток, но меняем его лицо, превращаем его из края каторги и несчастья в край большой индустрии, в край, насыщенный техникой...»

Общественная деятельность командарма была многогранной, его творческая инициатива не знала границ. Он непрерывно разъезжал по земле дальневосточной, встречался с рабочими и строителями, с колхозниками и учащейся молодежью.

В мае 1932 года Василий Константинович вместе с комсомольцами-первопроходцами высадился в глухой тайге, на безлюдном и диком берегу Амура, в четырехстах километрах от Хабаровска, а год спустя они же, строители Города на Заре, доверили ему, Блюхеру, заложить и капсулу с их обращением к потомкам в фундамент первого цеха первого завода Комсомольска-на-Амуре.

Известный советский публицист и писатель Ю. А. Жуков, бывший очевидцем того памятного события, рассказывает о нем так:

«Командарм был строгим и прямым человеком. Он приехал сюда не для того, чтобы говорить комплименты комсомольцам. Очень хорошо, что строители сделали так много — они заставили тайгу отступить и теперь начинают наконец строить завод. Армия поможет строителям, но еще не все готово к развертыванию капитальных работ. На стройке до сих пор много беспорядка, лишней толчеи, неорганизованности.

Блюхер обвел глазами лица комсомольцев и запросто, душевно спросил их:

— Ну так как же, дадите в срок завод?

И тысячи людей подняли руки, замахали фуражками, закричали: «Дадим!..»

Находясь на Дальнем Востоке, Блюхер с пристальным вниманием следил за всем тем, что происходило на других трудовых фронтах страны. Особенно притягательным тогда для Василия Константиновича был Урал, край, в котором родилась его громкая ратная слава.

Это с легкой руки командарма Особой за Уралмашстроем прочно закрепилось название — «Перекоп тех-

ники». Это от Василия Константиновича при пуске первой турбины ЧГРЭС осенью 1930 года строители получили горячее приветствие. Доставила его в Челябинск специальная делегация бойцов и командиров ОКДВА, доставила вместе с боевым Красным знаменем, под стягом которого воины-дальневосточники участвовали в бою под Мишань-Фу...

А 1 июня 1933 года В. К. Блюхер от имени РВС ОКДВА направил в адрес ударников Челябтракторостроя телеграмму пророческого содержания:

«ЧТЗ пущен. В короткий срок выстроен и оборудован по последнему слову техники завод мощных тракторов. Пуск ЧТЗ знаменует дальнейший расцвет СССР — могучей индустриальной державы, независимой от капиталистического мира...

В то же время ОКДВА ясно представляет себе, какую громадную силу содержит социалистическая индустрия, в том числе тракторные заводы и особенно ЧТЗ, в деле обороны страны.

В случае военного нападения извне ЧТЗ превратится в могучую крепость обороны, даст Красной Армии надежную технику для отражения врага».

Когда телеграмма была зачитана, вся заводская площадь, на которой проходил митинг, запела:

Стоим на страже всегда, всегда,
Но если скажет страна труда:
«Винтовку в руку! В карьер! В упор!» —
Товарищ Блюхер, даешь отпор!..

То была «Дальневосточная», которую пела тогда вся страна и которая, как «По долинам и по взгорьям», «Каховка» и «Три танкиста», жива и поныне в памяти советского народа.

А. Твардовский

О войне

Из поэмы «Василий Теркин»

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирайся в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то что в старину —
Стенкою на стенку.

Тут не то что на кулак:
Поглядим, чей дюже,—
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить,—
Ясно все до точки.

Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Раз война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

И. Баграмян

Г. К. Жуков [1]

Уже на склоне своих дней Георгий Константинович Жуков, отвечая на юбилейные приветствия, сказал:

— Высоко вознесло меня наше государство, здесь правильно говорили, что мало кто удостаивался столь высоких званий, как я, став Маршалом Советского Со-

---

[1] Из кн.: Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. М.: Воениздат, 1984.

юза и четырежды Героем. Но самым высоким своим званием я считал и считаю звание коммуниста-большевика с более чем полувековым стажем. Всеми своими заслугами и достижениями я обязан прежде всего нашей партии, которая заботливо растила меня, выдвигала на командные посты, учила сурово и нелицеприятно, чтобы я мог двигаться вперед и выше...

...Он родился в бедняцкой, почти нищенской крестьянской семье, подростком приобщился к труду в среде московского пролетариата, побывал в окопах первой мировой войны с солдатским ранцем за спиной и трехлинейкой в руках. Досконально зная солдатскую душу, ничто не ценил будущий полководец так высоко, как истинные солдатские качества. В его характере в самой отчетливой форме проявились прекрасные черты, присущие русскому трудовому человеку,— активность, жизнестойкость, умение полной мерой ценить настоящую дружбу и боевое товарищество.

Для меня Георгий Константинович не только выдающийся военный стратег, славный герой и полководец — он был мой товарищ и сверстник, больше того — побратим, сыгравший огромную роль в моей солдатской судьбе. В Г. К. Жукове я видел живое воплощение широты и щедрости души великого русского народа по отношению к своим младшим братьям, всем другим народам нашей многонациональной Родины.

Никогда не изгладится из памяти первая встреча с Георгием Константиновичем Жуковым осенью 1924 года в Ленинграде в Высшей кавалерийской школе[1]. Мы оказались в одной учебной группе, состоявшей преимущественно из командиров полков.

Когда учеба была завершена, по просьбе Георгия Константиновича Жукова командование разрешило троим выпускникам возвратиться из Ленинграда в Минск — в свою 7-ю Самарскую кавалерийскую дивизию — пробегом на конях. В эту группу вошли Г. Жуков — командир 39-го кавалерийского полка, М. Савельев — командир 42-го кавполка и Н. Рыбалкин — командир эскадрона 37-го кавполка.

Предвоенное десятилетие стало для Г. К. Жукова пе-

[1] Вскоре школа была переименована в ККУКС — Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава.

риодом бурного роста как талантливого и всесторонне подготовленного командира.

В начале 1931 года его назначили помощником инспектора кавалерии Красной Армии. Через два года мы видим его уже командиром прославленной 4-й кавалерийской дивизии, куда его направили по личной рекомендации С. М. Буденного, поскольку дела у прежнего командира шли далеко не лучшим образом. В самый сжатый срок новому командиру удалось полностью возродить былую славу дивизии, она заняла первое место среди кавалерийских соединений. В связи с этим Советское правительство удостоило Г. К. Жукова в 1935 году высшей награды — ордена Ленина, на следующий год он стал командиром 3-го кавалерийского корпуса, а затем 6-го казачьего.

В конце 1938 года Жуков стал заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. С этой должности комкор Жуков был направлен в Монголию в связи с известными событиями на реке Халхин-Гол. Здесь в должности командира корпуса, а затем командующего 1-й армейской группой он впервые получил возможность в боевой обстановке проявить свой незаурядный талант военачальника. Войска под командованием Г. К. Жукова окружили и наголову разгромили главные силы 6-й японской армии.

За отличное руководство войсками и проявленное мужество Г. К. Жуков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В июне 1940 года ему было присвоено внеочередное звание генерала армии. Вскоре его назначили командовать Киевским военным округом.

...После командования полком, учебы в академии имени Фрунзе и работы в должности начальника штаба 5-й кавдивизии имени Блинова я был направлен в Академию Генерального штаба и окончил ее. Меня оставили в академии старшим преподавателем. Свыше двух лет пришлось мне как специалисту по кавалерии работать на кафедрах тактики высших соединений и оперативного искусства. Тогда-то Георгий Константинович и сыграл решающую роль в моей военной судьбе.

...Приезжает из Киева мой товарищ генерал-майор Рубцов.

— Ну как, где и что делаешь сейчас? — поинтересовался я.

— У Жукова,— ответил он с гордостью.— Начальником оперативного отдела.

— Эх, и везет же тебе! А мне вот никак не удается вырваться.

— Послушай,— загорелся Рубцов,— проси Георгия Константиновича. Поможет. Он же хорошо знает тебя. Одним словом, быстро пиши письмо, я передам ему лично.

На том и порешили. Письмо получилось кратким, в виде рапорта. «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй... Согласен на любую должность».

Стоит ли говорить, с каким нетерпением я ждал ответа из Киева. Когда уже потерял надежду, пришла телеграмма. Георгий Константинович сообщал, что по его ходатайству нарком назначил меня в войска Киевского особого военного округа начальником оперативного отдела штаба 12-й армии. Мне предписывалось немедленно выехать в Киев.

Получив командировочное предписание и подобрав необходимые материалы по вопросам оперативного искусства, я сентябрьским вечером простился с семьей.

Начальник отдела кадров Киевского округа, побеседовав со мной минут 10—15, отправил меня в гостиницу, сказав, что командующий раньше 11 часов завтрашнего дня меня не примет. Однако не успел я на следующее утро умыться, как в дверь постучал запыхавшийся посыльный, доложивший, что меня немедленно требует к себе командующий.

Знакомый по прежним посещениям просторный кабинет. Командующий сидел за столом и размашисто писал резолюцию на каком-то документе. Рядом лежала раскрытая папка с бумагами. Увидев меня, Жуков бросил на стол карандаш. Суровое его лицо смягчилось улыбкой. Встал, протянул руку:

— Здравствуй, Иван Христофорович. Давненько мы с тобой не виделись.

Я держался строго по-уставному. Поблагодарил командующего за то, что тот откликнулся на просьбу. Он, хмурясь, отмахнулся.

— Ну ладно... Я сделал это не только для тебя, но и на пользу службе. Нам сейчас крайне нужны в войсках всесторонне подготовленные командиры.

Официальность встречи улетучилась. Мы увлеклись

воспоминаниями о Ленинграде, о времени, когда были совсем молодыми, добрым словом отозвались о товарищах по учебе. Наконец снова перешли к делам. Я попросил разрешить мне выехать к месту новой службы, в штаб 12-й армии.

— Э, нет,— возразил Георгий Константинович.— Придется повременить. В декабре состоится важное совещание руководящего состава Наркомата обороны и всех военных округов. На меня возложен доклад по основному вопросу — «О характере современной наступательной операции». Ты, насколько я знаю, четыре года провел в Академии Генерального штаба: и учился и преподавал в ней... Догадался захватить академические разработки?

— Захватил, товарищ командующий.

— Ну вот! — оживился Жуков.— Поможешь мне подготовить доклад. Возьми в помощь любых командиров из оперативного отдела штаба округа и завтра же приступай к работе...

Я без промедления приступил к делу. Большую помощь оказал мне прибывший на стажировку выпускник Академии Генерального штаба полковник Г. В. Иванов. Работали мы, как говорится, от зари до зари.

В один из таких дней командующий пригласил меня на беседу и подробно рассказал, в какой обстановке возникла Халхин-Гольская операция и как удалось добиться решительной победы над 6-й японской армией, состоявшей из отборных войск. Он выразил мнение, что ознакомление с этой операцией поможет мне лучше разработать материалы к его докладу на предстоящем совещании в Москве.

Напомнив об обстановке, которая сложилась летом 1939 года, Георгий Константинович сказал, что советский народ завершил тогда первые два пятилетних плана и приступил к выполнению еще более крупных задач третьей пятилетки, невзиря на то, что в мире было неспокойно. Гитлеровцы уже начали перекраивать карту Европы. Черные тучи второй мировой войны нависли над планетой. В это время японские войска, оккупировавшие северо-восточный Китай, после ряда пограничных провокаций вторглись на территорию МНР близ реки Халхин-Гол. Японскому правительству, конечно, было из-

вестно, что в марте 1936 года между СССР и Монголией заключен договор о взаимной помощи.

Утром 11 мая 1939 года сильный отряд японцев, скрытно перейдя границу МНР, напал на монгольских пограничников. Правительство СССР, верное своим союзническим обязательствам, отдало приказ советским войскам, находившимся в МНР по договору, выступить в район конфликта.

Вот тогда-то Г. К. Жуков и был направлен в Монголию, где вступил в командование 57-м особым корпусом. Он быстро разобрался в обстановке. К концу мая японское командование сосредоточило здесь солидную группировку с артиллерией, бронетанковыми войсками и авиацией. Используя почти тройное численное превосходство, захватчики намеревались окружить и уничтожить советско-монгольские войска на берегу Халхин-Гола. Однако благодаря руководству Г. К. Жукова этот коварный план был сорван. Советские воины и монгольские цирики мужественно отстаивали каждую пядь монгольской земли и, получив подкрепление, отбросили захватчиков за государственную границу.

Первые поражения отнюдь не умерили пыл самураев. Они подготовили более сильный удар. Утром 2 июля японцы начали отвлекающую атаку, а в ночь на 3 июля их ударная группировка переправилась через Халхин-Гол в районе горы Баин-Цаган. Г. К. Жуков решил немедленно нанести здесь мощный контрудар, используя всю силу бронетанковых частей. Стремительной атакой танкисты 11-й танковой бригады опрокинули самураев, а разгром их довершили 24-й мотострелковый полк и 7-я мотоброневая бригада.

Но и из этого урока японское командование не пожелало сделать соответствующих выводов. Оно упрямо подтягивало новые резервы и создавало оборону по восточному берегу реки, готовясь к продолжению наступления, которое, как выяснилось позже, намечалось на 24 августа. Советское правительство вынуждено было оказать братской Монголии помощь в большем масштабе. Из войск, сосредоточенных у Халхин-Гола, была создана 1-я армейская группа. Ее командующим и стал комкор Г. К. Жуков.

Г. К. Жуков решил ликвидировать вновь вклинившуюся на монгольскую территорию группировку японцев, нанеся удары бронетанковыми войсками по флангам,

На рассвете 20 августа мощный шквал артиллерийского огня и массированный удар 250 самолетов возвестили начало тщательно подготовленной операции советско-монгольских войск. Бои, особенно 21 и 22 августа, отличались огромным напряжением. Разгромив фланговые группировки врага, наши танкисты и мотопехота завершили окружение 6-й японской армии, а спустя неделю она перестала существовать, территория МНР была полностью очищена от захватчиков. Японское командование, что называется, взмолилось, прося прекратить военные действия. Бои завершились 16 сентября 1939 года.

Халхин-Гольский котел, столь искусно спланированный и подготовленный Г. К. Жуковым, послужил суровым уроком японским агрессорам.

Американский историк Д. Макшерри отмечал впоследствии: «Демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-Голе имела далеко идущие последствия, показав японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой».

Разгром японцев на Халхин-Голе ощутимо поддержал и национально-освободительную борьбу китайского народа. Советский Союз и его Вооруженные Силы с честью выполнили свой интернациональный долг по отношению к монгольскому народу, в те дни еще более закалилось и окрепло боевое содружество Красной Армии и Народно-революционной армии МНР.

Следующая наша встреча с Георгием Константиновичем состоялась в январе 1941 года, когда я уже стал начальником оперативного отдела штаба округа и намечались сборы руководящего состава управления округа, армий, корпусов и дивизий. Предполагалось начать их серией докладов по вопросам планирования, организации и осуществления фронтовой операции и завершить оперативной игрой на картах. Командующий округом придавал большое значение этим сборам, 5 января он, будучи в Москве, позвонил мне, поинтересовался, как идет подготовка к ним, и распорядился внести в план некоторые изменения, в том числе включить несколько докладов об итогах московского совещания.

А через несколько дней мы узнали из газет, что Г. К. Жуков будет теперь возглавлять Генеральный штаб.

16 января Георгий Константинович приехал в Киев. В тот же день он вызвал меня, приказал представить ему все подготовленные к сборам материалы и уже вечером вернул их с небольшими поправками. По-видимому, остался доволен.

В окружной Дом Красной Армии съехались участники сборов — весь руководящий состав округа. На трибуне — Г. К. Жуков. Присутствующие внимательно слушали нового начальника Генерального штаба, говорившего о напряженности международной обстановки, угрозе войны, все более нависающей над нашей Родиной. Не умолчал он и о том, что главным нашим потенциальным противником остается фашистская Германия, поэтому много внимания в его докладе было уделено действиям вермахта на Западе.

Генерал армии говорил о подготовке личного состава войск. Многие наши товарищи кое-чему научились в Испании. Серьезным испытанием и большой школой явились бои на Халхин-Голе и Карельском перешейке. Сейчас с учетом этого опыта следует активно и целеустремленно совершенствовать выучку войск. К войне надо готовиться со всей серьезностью. Докладчик особо выделил современное значение тактической и оперативной внезапности, призвал к повышению бдительности и боевой готовности.

Георгий Константинович пробыл на посту начальника Генерального штаба более полугода (7 месяцев), в том числе 5 недель после начала Отечественной войны. Мне думается, что для нашего народа было благотворным то обстоятельство, что именно этот наделенный трезвым, аналитическим умом, феноменально цепкой памятью, несгибаемой волей военачальник, никогда не терявший самообладания и ясности мышления, оказался в то трудное время на таком важном для обороны Родины посту. Благодаря всем этим качествам, а также умению смело отстаивать свое мнение и идти к намеченной цели прямым путем, а не робкими зигзагами он внес существенный вклад в подготовку к отражению агрессии и в организацию отпора врагу.

Должен сказать, что в первые же дни войны Г. К. Жуков как представитель Ставки прибыл к нам на Юго-Западный фронт и оказал огромную помощь в организации контрударов силами нескольких механизирован-

ных корпусов в районе города Броды с целью сорвать попытку гитлеровского командования с ходу прорваться к Киеву своими подвижными соединениями.

Гитлеровский генерал-полковник танковых войск Герман Гот в своей книге «Танковые операции» так характеризует это крупнейшее в начале войны танковое сражение: «Тяжелее всего пришлось группе «Юг». Войска противника, оборонявшиеся перед соединениями ее северного крыла, были отброшены от границы. Но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника».

В июле 1941 года Г. К. Жуков был назначен командующим войсками Резервного фронта. Здесь он сразу же показал в полной мере свои огромные организаторские способности. Под его руководством была успешно проведена первая в ходе войны наступательная операция, в результате которой потерпела поражение ударная группировка вермахта в районе Ельни и был освобожден этот город.

В ходе операции были серьезно потрепаны две танковые, одна моторизованная и семь пехотных дивизий врага и ликвидирован Ельнинский выступ, выгодный для немецко-фашистской армии плацдарм для наступления на Москву. Здесь Г. К. Жуков впервые в войне применил двусторонний охват с целью окружения и уничтожения мощной вражеской наступательной группировки. И только недостаток танков и авиации не позволил завершить окружение Ельнинской группировки врага и полностью ее уничтожить. В Ельнинской операции родилась советская гвардия.

В годы войны Государственный Комитет Обороны и Ставка направляли Георгия Константиновича на самые решающие и угрожаемые участки войны. Так, 10 сентября 1941 года он был назначен командующим Ленинградским фронтом, именно в тот момент, когда обстановка на подступах к городу Ленина стала еще более напряженной. Чтобы остановить врага и снять непосредственную угрозу Ленинграду, требовались не только предельное моральное и физическое напряжение войск,

оборонявших город, но и железная воля, полководческий талант и безупречный авторитет их руководителя. Потому-то выбор и пал на Г. К. Жукова.

Несгибаемая воля, редкая работоспособность, самый прочный, неразрывный контакт с испытанной в борьбе Ленинградской партийной организацией, возглавляемой А. А. Ждановым, помогли Георгию Константиновичу восстановить боеспособность частей и соединений. В частности, 42-я армия получила категорический приказ любой ценой удержать Пулковские высоты. Были изысканы необходимые резервы, приказ «ни шагу назад» стал непреложным законом. В результате положение коренным образом изменилось к лучшему.

Тем временем сгустились тучи над столицей нашей Родины — Москвой. Началась одна из крупнейших операций вермахта в истории второй мировой войны, получившая кодовое наименование «Тайфун». Около 80 отборных дивизий, среди них более 20 танковых и моторизованных, были брошены против советской столицы. Напомню, кстати, что против Франции было направлено всего 11 бронетанковых дивизий. Они сыграли решающую роль в разгроме французской армии и английского экспедиционного корпуса.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) Г. К. Жуков был срочно отозван из Ленинграда и с 11 октября стал командующим войсками Западного фронта. В документе, объявлявшем Москву на осадном положении, указывалось: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—200 км западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом т. Жукову».

...Георгий Константинович развил под Москвой бурную деятельность, его неиссякаемой энергии хватало на все. Он организовал стойкую оборону на ближних подступах к столице. На огненных рубежах под Москвой была сломлена мощь танковых клиньев, фактически остановлено наступление гитлеровских полчищ. Этот стратегический успех, достигнутый войсками Западного фронта, а также своевременный подход к Москве крупных резервов, подготовленных Ставкой Верховного Главнокомандования в глубине территории страны, позволили вскоре предпринять мощное контрнаступление Красной Армии, которое завершилось полным разгромом ударных сил вермахта, пытавшихся во что бы то ни стало овладеть столицей нашей Родины и выиграть войну.

Под Москвой Красная Армия одержала первую победу, имевшую огромное военно-политическое и стратегическое значение. Навсегда был развеян миф о непобедимости немецко-фашистского вермахта. Эта победа, бесспорно, результат гигантской организаторской работы партии, титанических усилий всего нашего народа. При всем этом очень значителен был вклад в эту блистательную победу Г. К. Жукова.

Непосредственные контакты с Георгием Константиновичем у меня возобновились, когда я после неудачной Харьковской операции был назначен летом 1942 года на Западный фронт, которым командовал он и после Московской битвы. Правда, когда я прибыл на командный пункт фронта, Г. К. Жуков был в войсках. Я представился члену Военного совета Н. А. Булганину, начальнику штаба фронта В. Д. Соколовскому и уехал в 61-ю армию, заместителем командующего которой был назначен.

Через несколько дней главные силы этой армии развернули наступление из района Белева на Болхов. Выполняя приказ командующего армией, я организовывал на нашем правом фланге небольшими силами удар в районе Кирейково. Наметился успех, который необходимо было развивать, но вдруг 15 июля меня вызывают в штаб армии. Здесь командарм Павел Алексеевич Белов передал мне приказание командующего фронтом срочно ему позвонить. Вскоре в трубке телефона раздался хорошо знакомый голос Георгия Константиновича. После приветствия он сказал:

— Командующий 16-й армией Константин Константинович Рокоссовский назначен командующим войсками Брянского фронта, а тебя Ставка назначила вместо него командармом 16-й. Как ты смотришь на такое назначение?

Я выразил свою признательность за высокое доверие и заверил Георгия Константиновича, что постараюсь на посту командующего армией, что называется, не ударить лицом в грязь.

Георгий Константинович приказал немедленно выехать в 16-ю армию и вступить в командование.

Попрощавшись со старым другом генералом П. А. Беловым, я выехал в штаб 16-й армии, располагавшейся южнее Сухиничей.

В первых числах августа Г. К. Жуков вызвал меня в штаб фронта для личного доклада о положении войск армии и их готовности к обороне. Захватив с собой карты и другие необходимые документы, я вылетел на самолете У-2 в Малоярославец.

Встретились мы с Георгием Константиновичем очень тепло. Чувства свои он проявлял скупо, но все же обнял меня за плечи и, встряхнув, с грубоватой лаской сказал:

— Под Харьковом пережил ты настоящую драму, а держишься молодцом, за полмесяца Белову помог как надо.

Растроганный, я как мог серьезнее поблагодарил его за хлопоты в связи с моим новым назначением.

— Ну, это для пользы дела! — как обычно в таких случаях, сказал он.— Детище Кости Рокоссовского надо было передать в надежные руки. Но инициатор этого дела не я, а Верховный, его и благодари.

После этого Георгий Константинович, пригласив к себе начальника штаба В. Д. Соколовского, познакомился с нашим планом и утвердил его, дав несколько конкретных советов по улучшению обороны на основных танкоопасных направлениях и организации взаимодействия при контратаках и контрударах в случае, если враг вклинится в нашу оборону.

Отпустив Василия Даниловича, Георгий Константинович доверительно поделился со мной мыслями о продолжавшемся на юге страны наступлении противника. Он сказал, что все мы слишком поздно осмыслили громадную угрозу для наших войск, создавшуюся на юго-западном направлении, из-за чего своевременно не удалось направить туда резервы, необходимые для отражения мощного вражеского удара. Их начали перебрасывать уже во время тяжелых оборонительных сражений, но, как правило, войска не успевали в назначенные районы к сроку, их вводили в сражение разрозненно. Отрадно все же, заключил он, что сорван план гитлеровского командования разгромить Брянский фронт, а затем окружить войска Юго-Западного и Южного фронтов и что на сегодня Ставке удалось перебросить в район Сталинграда крупные стратегические резервы, способные остановить наступление немецко-фашистских войск, рвущихся к Волге.

— Что врагу не поздоровится под Сталинградом, я уверен, и уверенность эту придает мне опыт борьбы

за Ленинград и Москву. С нашим народом, с нашим солдатом можно поистине горы двигать. Это нам, руководителям, подчас недостает опыта и умения предвидеть ход событий,— закончил Г. К. Жуков.

В это тяжелое для Сталинграда время Ставка приказала провести на западном направлении частные наступательные операции, чтобы сковать резервы врага и не дать ему перебросить их в междуречье Дона и Волги. Поэтому на левом крыле фронта в начале июля 10, 16 и 61-я армии начали наступление с рубежа Киров — Болхов на Брянск. В районе Погорелое Городище, на правом фланге, 20-я армия, взаимодействуя с левым крылом Калининского фронта, повела в августе наступление с целью разгрома немецких войск в районе Сычевка, Ржев.

Когда немецкая оборона была прорвана и наши армии вышли к железной дороге Ржев — Вязьма, наступление войск Западного фронта было приостановлено. Ржев остался в руках противника, и 11 августа враг предпринял в свою очередь наступление крупной группировки войск против левого крыла фронта. Общий замысел гитлеровского командования сводился к тому, чтобы на первом этапе операции сильным ударом прорвать фронт обороны 61-й армии в ее центре, затем крупными силами с большим количеством танков и авиации развернуть стремительное наступление на Сухиничи и, выйдя во фланг и глубокий тыл 16-й армии, разгромить ее главную группировку. Конечной же целью этой операции врага было создать весьма серьезную угрозу левому крылу войск Западного фронта, чтобы советское командование не могло высвободить оттуда крупные силы для участия в Сталинградском сражении. В это время под Сталинградом наши войска испытывали огромное напряжение, там развертывались главные события войны. Для проведения описываемой операции, как выяснилось впоследствии, враг использовал в общей сложности около пятнадцати дивизий, в том числе пять танковых, имевших до 500 боевых машин. Наступление поддерживала мощная авиационная группировка.

В роли командующего войсками армии я принимал меры для отражения нависшей угрозы. Г. К. Жуков со свойственной ему твердостью и требовательностью умело направлял усилия армии и подошедших резер-

вов. К 18 августа ударная группировка немецко-фашистских войск была сильно ослаблена. Потеряв до 10 тысяч человек только убитыми и свыше 300 танков, вражеское командование окончательно отказалось продолжать наступление. Мало того, чтобы остановить удар войск Западного фронта, немецкому командованию пришлось спешно бросить туда несколько дивизий, предназначенных для развития наступления на сталинградском и кавказском направлениях.

В конце августа Георгий Константинович был отозван в Москву и назначен заместителем Верховного Главнокомандующего. Он выехал в район Сталинграда, где обстановка еще более усложнилась. Вместо него на Западный фронт прибыл генерал-полковник Иван Степанович Конев.

...Под Сталинградом Георгий Константинович развил энергичную деятельность: войска Сталинградского фронта воспретили свободу маневра 6-й армии Паулюса непрерывными мощными ударами по ее северному флангу; это лишало врага возможности всеми силами навалиться на наш Юго-Восточный фронт, который оборонял Сталинград. Но эти удары не привели, да и не могли привести, к коренному изменению обстановки, ибо приходились по компактной, до предела насыщенной артиллерией и танками вражеской группировке. Г. К. Жуков и А. М. Василевский пришли к мысли о необходимости искать успех на дальних флангах Сталинграда, где действовали союзники вермахта (румынские и итальянские соединения). И открывалась перспектива зажать в железное кольцо 6-ю полевую и 4-ю танковую армии врага, с фанатичным упорством стремившиеся полностью овладеть Сталинградом. Как известно, заместитель Верховного Главнокомандующего и начальник Генерального штаба в середине сентября внесли это предложение на рассмотрение И. В. Сталина.

После обмена мнениями оно было принято, и началась разработка плана Сталинградского контрнаступления, в котором затем принял участие большой коллектив военачальников. Искусная реализация этого плана привела к поистине историческим результатам — окружению и полному разгрому мощной ударной группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом. За свой огромный вклад в Сталинградскую эпопею Георгий Константинович был награжден только что

учрежденным тогда орденом Суворова I степени (орденский знак № 1). Одновременно ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В январе 1943 года Георгий Константинович искусно координировал действия Ленинградского и Волховского фронтов, осуществлявших знаменитую операцию «Искра», в результате успеха которой была прорвана блокада Ленинграда.

Летом 1943 года мне посчастливилось принять самое активное участие в разработке и осуществлении плана действий Западного фронта в контрнаступлении под Орлом. Огромный, существенный вклад внес Георгий Константинович в планирование летней кампании 1943 года, в Курскую битву, окончившуюся величественной победой.

Еще весной 1943 года, прибыв в район Курского выступа, тщательно изучив и глубоко проанализировав совместно с командованием расположенных здесь фронтов состояние советских войск и данные о противнике, Г. К. Жуков 8 апреля представил в Ставку доклад, в котором сделал верные выводы о намерениях фашистского командования и внес конкретное предложение о плане действий советской стороны летом 1943 года. Он писал в Ставку:

«Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока... Следует ожидать,— писал он далее,— что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году». В этих условиях Г. К. Жуков считал нецелесообразным переход наших войск в наступление с целью упредить противника. «Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника». Эти соображения в основном совпали с мнением Генерального штаба.

12 апреля в Ставке состоялось совещание, на кото-

ром было принято предварительное решение о преднамеренной обороне.

В ходе исторической Курской битвы мне вновь посчастливилось встретиться с Г. К. Жуковым.

Нашу армию, которая незадолго до этого была преобразована в 11-ю гвардейскую, Георгий Константинович посетил в конце июня. Я получил возможность лично поздравить его с присвоением высшего воинского звания — Маршала Советского Союза.

Георгий Константинович очень подробно ознакомился с разработанным нами планом организации и прорыва обороны противника и соображениями по развитию успеха силами танковых корпусов генералов М. Г. Сахно и В. В. Буткова.

Вопросы боевого применения артиллерии при прорыве обороны противника доложил маршалу командующий артиллерией армии генерал-лейтенант П. С. Семенов. Георгий Константинович слушал нашего артиллериста одобрительно, чувствовалось, что и план артиллерийского наступления ему нравится. Вдруг в какое-то мгновение глаза его как бы озарились, и он написал в блокноте несколько слов своим крупным почерком. Я понял, что у него родилась новая мысль. И действительно, Г. К. Жуков предложил преподнести немцам сюрприз: атаку пехоты и танков начинать не после окончания артиллерийской подготовки, как это делалось до сих пор, а в процессе артиллерийской подготовки, в момент усиления ее темпа и мощности, чтобы затруднить подготовку к отражению нашего удара.

Это предложение всем пришлось по душе. Наши артиллеристы внесли в свой план соответствующие изменения и согласовали их с командирами стрелковых корпусов и дивизий. Новшество вполне оправдало себя и вызвало у противника, как показывали пленные, растерянность, а местами и панику.

Уезжая из армии, маршал Жуков предупредил нас, что, по всем данным, немецко-фашистские войска в ближайшие дни перейдут в наступление против войск Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших Курский выступ. Он потребовал от В. Д. Соколовского и меня принять все меры для дальнейшего повышения готовности войск армии к переходу в наступление.

Не забывал нас маршал и в ходе операции. 19 июля я улетел в 16-й гвардейский корпус, который отражал

контрудар противника. На поле боя еще дымились подбитые «тигры» и «фердинанды». Части 11-й гвардейской стрелковой дивизии отважно и умело дрались с танками хваленой эсэсовской дивизии «Великая Германия».

Едва я вернулся на командный пункт корпуса, как услышал телефонный звонок. Командир корпуса генерал И. Ф. Федюнькин передал мне трубку. Член Военного совета армии генерал П. Н. Куликов, явно волнуясь, сообщил, что на наш КП в Минино приехал маршал Г. К. Жуков и просит меня немедленно вернуться на командный пункт армии.

Когда я прилетел в Минино, понял, что Георгий Константинович явно не в духе. Довольно сухо поздоровавшись, маршал резко спросил:

— Как это ты, Иван Христофорович, опытный генерал, уговорил своего командующего фронтом Василия Даниловича Соколовского принять явно неправильное решение — ввести 4-ю танковую армию на неблагоприятном для массированных действий танков болховском направлении, а не на хатынецком, где явно можно было бы добиться гораздо больших успехов. Идет третий год войны, пора бы уже научиться воевать и беречь людей и технику.

Верный своему характеру, Георгий Константинович, который никогда не откладывал тяжелых разговоров, огорошил меня, неожиданно предъявив мне обвинение в том, будто я — инициатор неудачного применения танковой армии Баданова, тем более что ее вводили в сражение в полосе моей армии. Я доложил, что это не так, что в действительности настаивал на другом решении, на том, чтобы ввести танки в сражение именно на хатынецком направлении; в этом случае они во взаимодействии с гвардейцами 11-й армии могли бы выйти в глубокий тыл главной, орловской группировки противника. Как и следовало ожидать, Георгий Константинович поверил мне, потому что давно и хорошо меня знал. К тому же я по своей инициативе перегруппировал главные силы армии, нацелив их с болховского на хатынецкое направление.

Затем я подробнее доложил о наших делах, а Г. К. Жуков в свою очередь ознакомил меня с ходом боевых действий Центрального и Воронежского фронтов.

День клонился к вечеру, и Георгий Константинович согласился поужинать. За столом беседа приобрела

дружеский характер. Вскоре представитель Ставки выехал на автомашине к В. М. Баданову. Не надо было быть пророком, чтобы понять, что Василию Михайловичу достанется на орехи. Позже я узнал, с каким искренним желанием помочь Георгий Константинович, порой рискуя жизнью, осматривал самые важные участки фронта наступления 4-й танковой армии.

В связи с этим случаем стоит сказать еще несколько слов о стиле работы Г. К. Жукова, о его взаимоотношениях с подчиненными.

Главный принцип взаимоотношений между подчиненными и начальником в армии вообще и на войне в особенности состоял в том, что старший начальник, ставя сложную и трудную, связанную с риском для жизни людей задачу, должен и свои плечи подставлять под ношу, равную, а вернее, еще более тяжелую, чем та, которую он уготовил подчиненным. А ошибочное, непродуманное, легковесное решение начальника грозит бессмысленной гибелью воинам — его соотечественникам и единомышленникам, ставит под угрозу плоды напряженного труда тысяч советских людей.

Поэтому взыскательность старшего начальника, суровая требовательность совершенно необходимы. Что касается Георгия Константиновича, то суров и требователен до предела он был прежде всего к самому себе. Должен прямо сказать, что к подчиненным он предъявлял куда более мягкие требования, чем к себе. К тем, кто с настоящей партийной ответственностью и воинской рачительностью выполнял долг перед Родиной, Георгий Константинович относился хорошо и стремился поощрить их выдвижением на более высокие должности, присвоением очередных воинских званий, награждением, скупой, но справедливой похвалой. К людям, проявившим безответственность, и разгильдяям всех мастей, а, чего греха таить, такие встречались, к глубокому сожалению, в наших рядах, он был действительно беспощаден и без обиняков называл вещи своими именами, подслащивать горькие пилюли было не в его правилах.

Не надо забывать и того, что индивидуальные различия в характере и темпераменте военачальников неизбежны. Скажем, манера поведения К. К. Рокоссовского отличалась от манеры поведения Г. К. Жукова. Но уже одно то, что они были друзьями, что называет-

ся, побратимами, свидетельствует: не было у них принципиальных разногласий в таком важнейшем деле, как отношение к подчиненным.

В дальнейшем, в Курской битве и битве за Днепр, Георгий Константинович координировал действия войск Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов, ставших затем соответственно 1, 2 и 3-м Украинскими фронтами. Их успешные действия — лучшее свидетельство плодотворности его деятельности в этот период. Георгий Константинович внес большой вклад в разработку и реализацию стратегического плана летней кампании 1943 года, а этот план состоял из целого комплекса последовательных операций, каждая из которых в свою очередь имела крупное оперативное или стратегическое значение. Теперь каждому школьнику известно, что наша победа на Курской дуге, по образному выражению Верховного Главнокомандующего, поставила немецко-фашистскую армию перед катастрофой.

Огромно было значение и битвы за Днепр. В этой битве советские войска нанесли поражение основным силам немецко-фашистской группы армий «Юг», освободили более 38 тыс. населенных пунктов, в том числе 160 городов. На Днепре советские войска проявили массовый героизм, 2438 солдат, офицеров и генералов были удостоены звания Героя Советского Союза. Захват стратегических плацдармов на Днепре создал условия для освобождения Белоруссии и Правобережной Украины.

1 марта 1944 года Г. К. Жуков в весьма сложной и своеобразной оперативной обстановке принял командование войсками 1-го Украинского фронта после гибели генерала армии Н. Ф. Ватутина, и уже 4 марта 1944 года войска этого фронта возобновили наступление, прорвали оборону противника и вышли на линию Тернополь — Проскуров, перерезав важнейшую коммуникацию крупной группировки, в которой фашистское командование сосредоточило против 1-го Украинского фронта пятнадцать полнокровных дивизий. Завязалась ожесточеннейшее сражение. Враг пытался локализовать прорыв и отбросить наши войска в исходное положение, но к 31 марта был окружен соединениями 1-го и 2-го Украинских фронтов. Напряжение боев не уменьшилось, и, хотя окруженные были уничтожены не полностью, войска фронта освободили 57 украинских городов, в их

числе Винницу, Проскуров, Тернополь, Черновцы, вышли к предгорьям Карпат. В итоге весь стратегический фронт врага на южном крыле советско-германского фронта был рассечен на две изолированные части. Это был крупный успех. Многие тысячи воинов удостоились высоких правительственных наград. Г. К. Жукову была вручена только что учрежденная высшая полководческая награда — орден «Победа» (знак № 1).

Расскажу теперь о наших контактах с Георгием Константиновичем при предварительном рассмотрении в Ставке плана знаменитой операции, которая имела своей целью освобождение от гитлеровской оккупации Белоруссии. Эта операция была известна под кодовым наименованием «Багратион».

22 мая 1944 года мы с генералом Д. С. Леоновым — членом Военного совета 1-го Прибалтийского фронта, войсками которого я командовал с ноября 1943 года, были приняты маршалами Г. К. Жуковым и А. М. Василевским. Георгий Константинович пригласил меня к карте.

— Иван Христофорович,— обратился он ко мне,— в соответствии с замыслом операции, который мы завтра с твоим участием будем докладывать Верховному Главнокомандующему, 1-му Прибалтийскому фронту на начальном ее этапе надлежит силами 4-й ударной, 6-й и 11-й гвардейских и 43-й армий, 5-й гвардейской танковой армии прорвать оборону противника северо-западнее Витебска, форсировать Западную Двину и, прикрываясь со стороны Полоцка, наступать главными силами в направлении Лепель, Молодечно, а частью сил — на Сенно с целью окружения и уничтожения витебской группировки врага во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта. Твоему соседу слева будет поставлена задача после разгрома совместно с войсками 1-го Прибалтийского витебской группировки и прорыва обороны противника в районе Орши направить главные усилия фронта для выхода в район Вильнюса. Как ты расцениваешь такое построение операции?

Я выразил глубокое удовлетворение сутью замысла, смелыми и решительными целями этой грандиозной операции, однако в связи с тем, что наш сосед справа — 2-й Прибалтийский фронт — на первом этапе операции в наступлении продолжительное время не участвовал,

высказывал опасение за свое правое крыло. Ведь войска нашего фронта привлекались не только к разгрому северного крыла группы армий «Центр», но и к глубокому охвату с северо-запада всей центральной группировки противника в Белоруссии.

— В этом случае,— сказал я,— мощная вражеская группа армий «Север» может нанести сильный удар с севера по растянутому флангу и тылу нашего фронта.

И вот здесь проявилась действительно присущая Г. К. Жукову черта — самокритичность, умение мгновенно схватить рациональное зерно в предложениях, поддержать разумную инициативу подчиненных.

— Да, угроза такого удара вполне реальна,— сказал он.— 2-й Прибалтийский перейдет в наступление значительно позднее. У противника в Прибалтике на некоторое время будут развязаны руки, а это надо учитывать. А что ты предлагаешь?

У меня был готов ответ на этот вопрос.

— После окружения и разгрома витебской группировки противника целесообразно поручить осуществление глубокого удара в юго-западном направлении правому крылу войск нашего соседа слева — 3-го Белорусского,— предложил я.— Основные же усилия нашего фронта лучше направить прямо на запад, чтобы во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта активно участвовать в разгроме войск группы армий «Центр» и одновременно отсечь их от южного крыла группы армий «Север».

Начался оживленный обмен мнениями. Всесторонне рассмотрев высказанное предложение, маршалы Жуков и Василевский обещали поддержать его при докладе Верховному Главнокомандующему окончательного варианта замысла операции. Это обещание они выполнили. А развитие боевых событий подтвердило разумность нашего предложения.

В операции «Багратион» маршал Жуков координировал действия войск 2-го и 1-го Белорусских фронтов, а еще до ее окончания переключился на южное крыло советско-германского фронта, где в это время войска начали мощное наступление с целью полностью освободить Украину и выйти на территорию Польши и Чехословакии. Летне-осенняя кампания 1944 года принесла войскам Красной Армии блистательную победу. Огромный вклад Георгия Константиновича в эту победу был

отмечен его награждением — второй медалью «Золотая Звезда».

На последнем этапе войны Георгий Константинович с ноября 1944 года командовал 1-м Белорусским фронтом, который сыграл важнейшую роль в Висло-Одерской и Берлинской операциях.

Висло-Одерская операция 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов была подготовлена в крайне сжатые сроки, так как западные союзники, получившие весьма ощутимый удар от вермахта в Арденнах, запросили срочной помощи. В ходе этой стремительной и очень напряженной операции Красная Армия освободила большую часть Польши, в том числе и Варшаву. Было продемонстрировано высокое искусство маневра крупными танковыми и механизированными силами, в итоге войска 1-го Белорусского фронта окружили крупные группировки вермахта в районах Познани и Шнейдемюля, а передовые отряды форсировали Одер и захватили плацдармы в районе Кинитц, Нойендорф, Рефельд. Появление советских войск всего лишь в 70 километрах от Берлина ошеломило гитлеровцев и их преступных заправил. За успешное руководство войсками в этой операции Г. К. Жуков 30 марта 1945 года был награжден вторым орденом «Победа».

Еще более величественной была Берлинская операция, начавшаяся 16 апреля 1945 года.

О ней немало написано, я отмечу лишь два момента. Во-первых, тот факт, что враг оборонял столицу с фанатичным упорством под лозунгом «Берлин всегда был и вечно останется немецким!». Геббельсовская пропаганда, подло игравшая на националистических чувствах солдат вермахта и берлинцев, особенно молодежи, отравленной ядом нацизма, сыграла отвратительную роль. Невзирая на, казалось бы, полную бесперспективность сопротивления, враг дрался с невиданным ранее ожесточением и упорством. Во-вторых, не секрет, что западные союзники очень хотели бы первыми попасть в Берлин, а гитлеровцы, по существу, открыли перед ними фронт, перебросив все силы против нашей армии. Советские воины, одухотворенные великими идеями ленинской партии, проявили в этой битве истинное бесстрашие и самоотверженность, мужество и доблесть, а также беспримерную воинскую предприимчивость и

боевое мастерство. Эти их качества Военный совет фронта, возглавляемый Г. К. Жуковым, направил в русло выполнения спланированной стратегической задачи. Ведь всем было ясно, что с падением Берлина наступит долгожданный мир.

Стоит ли говорить, что в битве за Берлин организаторские способности Г. К. Жукова, его несгибаемая воля и способность предвидеть развитие событий сыграли важнейшую роль. Он умело поддерживал высокий творческий настрой руководящего состава фронта, операцию готовили со скрупулезной тщательностью, командующий вникал во все принципиальные вопросы. За блестящее проведение заключительных операций Великой Отечественной войны Г. К. Жуков был удостоен третьей медали «Золотая Звезда».

Роль Г. К. Жукова в деле победы над гитлеровским фашизмом партия и правительство особо подчеркнули, поручив ему подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Местом подписания этого важнейшего исторического документа был в соответствии с логикой и справедливостью выбран Берлин, который неделю тому назад был взят войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. В полночь 8 мая Г. К. Жуков и сопровождающие его советские официальные лица, а также полномочные представители союзного верховного командования вошли в зал, украшенный флагами СССР, США, Англии и Франции[1]. Сюда же были доставлены бывший начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, а также главнокомандующие фашистскими ВМС и люфтваффе адмирал флота Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф.

Церемонию подписания Акта открыл маршал Жуков. Он приветствовал представителей союзного командования в занятом советскими войсками Берлине в исторический момент капитуляции общего врага — фашистской Германии.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и верховного коман-

---

[1] Верховное командование союзников представляли заместитель Эйзенхауэра главный маршал авиации Великобритании А. Теддер, командующий воздушными стратегическими силами США генерал К. Спаатс и главнокомандующий армией Франции генерал М.-М. де Латр де Тассиньи.

дования союзных войск... уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии,— торжественно произнес он.

Затем состоялась церемония подписания акта. После того как немецкая делегация вышла из зала, Г. К. Жуков сказал, обращаясь к своим сподвижникам:

— Дорогие друзья, нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие советского народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие их в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь!..

В своих мемуарах маршал Жуков пишет:

«Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, сами привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слез.

В 00 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооруженных сил, закрылось».

С честью представлял Георгий Константинович наше социалистическое государство во время этого исторического акта, показав, что он не только выдающийся военный, но и государственный деятель. Не случайно он стал первым Главнокомандующим Группой советских оккупационных войск в Германии и Главноначальствующим Советской военной администрацией в Германии.

Многих талантливых полководцев взрастила партия. Одним из наиболее выдающихся среди них был, несомненно, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Горжусь, что мне выпало счастье работать под его руководством, быть его товарищем и сверстником в дни мирной учебы и суровых военных испытаний.

К. Симонов

Июнь — декабрь

1

Это было 24 июня. Поезд, почему-то состоявший из дачных вагонов, отошел от темных платформ Белорусского вокзала. Горели синие фонари. К ним тогда еще не привыкли. Поезд шел в Минск. Больше всего в нем ехало командиров, возвращавшихся из отпусков в свои части. Третий день шла война, все очень спешили туда, на запад.

Рядом со мной ехал полковник-танкист, маленького роста седеющий человек с орденом Ленина на гимнастерке. Вместе с ним ехал на фронт его сын, не помню, кажется, его звали Мишей. Отцу разрешили в Наркомате обороны взять шестнадцатилетнего мальчика с собой добровольцем на фронт. Они были похожи друг на друга, отец и сын,— оба маленькие, коренастые, с упрямыми подбородками и серыми твердыми глазами.

Дальше Борисова поезд не пошел. Впереди были немцы, разрушенное полотно, полная неизвестность.

В лесу под Борисовом, на берегу Березины, собралось несколько тысяч командиров и красноармейцев, возвращавшихся в свои части.

Эти части дрались впереди, но между ними и нами были немцы, неожиданно прорвавшиеся к Борисову.

Немецкие самолеты бреющим полетом, волна за волной, шли над нашими головами. Они бомбили и обстреливали нас с рассвета до заката, а впереди громыхала артиллерия. Все были из разных частей, никто не знал друг друга, не знал, что происходит кругом. И все-таки нашелся человек, который сплотил всех, кто был тут, и поставил на свои, нужные места. Душой и сердцем людей, собравшихся в лесу под Борисовом, оказался маленький полковник, ехавший со мной в поезде.

Им первым были произнесены здесь слова: «Занять оборону!» Он первый собрал вокруг себя старших командиров, подсчитал оружие, разбил людей на роты и взводы, и люди почувствовали себя войском.

Вдруг нашлись какие-то пушки, несколько пулеметов, были посланы люди обратно в Борисов за боепри-

пасами. Мы рыли окопы и щели, мы выбирали себе места и ложились с винтовками в оборону. Тут были самые разные люди. Слева от меня лежали артиллерийский капитан и военюрист, справа — двое штатских ребят, шоферы с грузовых машин.

Я никогда не забуду сына полковника. Мальчик делал все, что было в его силах. Не снимая с плеча карабина, он бегал, выполнял поручения, доставлял еду и воду, приносил патроны и в редкие свободные секунды искоса бросал восхищенные взгляды на отца. Мальчик был доволен, что он воюет, горд тем, что именно его отец оказался в эту трудную минуту самым решительным из всех взрослых, одетых в военную форму людей, находившихся здесь.

Он был прав. Он мог гордиться своим отцом. Полковник вел себя так, как будто ничего не случилось, как будто у него под началом не самые разные, никогда не видавшие друг друга люди, а кадровый полк, которым он командует уже по крайней мере три года. Он спокойным, глуховатым голосом отдавал приказания. В этом голосе слышалась железная нотка, и все повиновались ему. При мне несколько раз произносили вслух его фамилию, тогда я ее помнил, но потом забыл.

На следующий день я расстался с полковником и больше не видел его.

В ноябре на Карельском фронте, на Рыбачьем полуострове, к нам с большим опозданием попали наконец центральные газеты. Не помню, в какой из них на первой странице был напечатан снимок с подписью: «Командир 1-й гвардейской мотострелковой дивизии Герой Советского Союза полковник Лизюков принимает гвардейское знамя».

На снимке перед строем со знаменем в руках стоял одетый по-зимнему полковник. Маленький, коренастый, с упрямым подбородком...

Я узнал его. Да, конечно, именно он был там в лесу под Борисовом, в июне. И я вспомнил тогда слышанную, а потом забытую фамилию. Полковник Лизюков. Мне хотелось почему-то увидеть на снимке рядом с ним его сына, так же рядом, как они были тогда в июне...

Все это особенно ярко вспомнилось мне именно сейчас, в эти дни декабря, когда, проехав по многим дорогам, ведущим на запад, я увидел следы отступления немцев. В эти дни, когда мы научились побеждать, мы

наконец можем позволить себе вспомнить то, о чем нам было слишком тяжело вспоминать раньше.

Я вспоминаю сейчас первые тяжелые июньские и июльские дни, первые жестокие неудачи и уроки, кровавые дороги, по которым мы отступали и по которым сейчас идем обратно.

И сейчас с особенным чувством гордости и благодарности произносишь имена людей, которые тогда были душою наших войск, глядя на которых в самые тяжелые дни верилось, что это кончится, что мы победим и вернемся, непременно победим и вернемся. Мы не знали, когда это будет, но, глядя на них, знали, что непременно будет.

Когда Русь была разорена татарским нашествием, когда ее города были сожжены, потоплены в собственной крови, народная память оставила в песнях незабываемые страницы самой черной тоски и горя. И рядом с этим во всех летописях — новгородских, суздальских, владимирских, рязанских — сохранился рассказ о рязанском богатыре Евпатии Коловрате, который, вернувшись из похода в родной город и найдя его сожженным, погнался с малой дружиною за бесчисленной татарской ратью. Догнав татар, Евпатий Коловрат перебил их великое множество и геройски погиб в неравном бою вместе со всей своей дружиной.

Кончилось татарское нашествие, была Куликовская битва, была победа, но в памяти народа рядом с именами победителей, с именем Дмитрия Донского сохранилось имя Евпатия Коловрата, народного героя первых горестных дней татарского ига.

Оно сохранилось потому, что в трудные дни кровавой година подвиг его был не только украшением, не только гордостью, но и залогом победы.

Меняются времена и враги — я не хочу делать исторических сравнений,— но сердце народа не меняется. Оно остается все таким же мужественным в испытаниях и памятливым к тем, кто в годину этих испытаний был всех чище душою и тверже духом.

Так будет и сейчас. Имена победителей не заслонят в народной памяти имен героев июньских, июльских, августовских боев. Хорошо помню, как в дни самых тяжелых неудач мы, люди, которые должны были через газету рассказывать народу о том, что происходит на фронте, искали и во множестве находили тех, рассказ

о которых вселял веру в победу. Это были армейские большевики, солдаты большевистской выучки, в самые трудные дни они брали на свои плечи всю тяжесть борьбы.

Середина июля. С восточного берега Днепра на западный был перекинут единственный деревянный мост. На нем не было ни одной пушки, ни одного зенитного пулемета. Мы переехали на западный берег, в полк, оборонявший Могилев. В этот день шел тяжелый, кровопролитный бой. Полк подбил сорок немецких танков, но и сам истек кровью. Вечером мы говорили с командиром полка полковником Кутеповым. Это был очень высокий, худой, чуть-чуть неуклюжий человек, много лет служивший в армии и все-таки имевший такой вид, будто он только вчера переоделся в военное. На его обросшем, небритом и усталом, смертельно усталом лице в самые тяжелые мгновения вдруг появлялась неожиданная мягкая, детская улыбка.

Мы сказали ему про мост. Там нет ни одного зенитного пулемета, и если немцы разбомбят мост, то он с полком будет отрезан здесь, за Днепром.

— Ну и что ж,— Кутепов вдруг улыбнулся своей детской улыбкой.— Ну и что ж,— повторил он мягко и тихо, как будто говоря о чем-то самом обычном.— Пусть бомбят. Если другие отступят, мы решили тут остаться и умереть, всем полком решили. Мы уже говорили об этом.

Я до сих пор помню, как Кутепов стоит у себя на командном пункте, как к нему подбегает связной.

— Товарищ полковник, на правом фланге еще тридцать танков,— говорит он, задыхаясь.

— Что, где еще танки? — тревожно обращается к полковнику один из рядом стоящих командиров, расслышавший только слово «танки», но не расслышавший сколько.

— Танки? Да, есть, каких-то там три паршивеньких на правом фланге,— улыбаясь, говорит Кутепов.

Я помню его тревожные глаза и улыбку. Тревожные глаза — потому что на правом фланге тридцать танков и надо принимать меры. И улыбку — потому что командир сейчас пойдет на левый фланг и пусть лучше думает, что на правом фланге не тридцать танков, а три.

Не знаю, может быть, это было неверно с военной

точки зрения, но в ту минуту, посмотрев на героя, я поверил, что мы непременно победим. Непременно, иначе не может быть.

2

Как переменились фронтовые дороги! Я никогда не забуду Минского шоссе, по которому шли, бесконечно шли беженцы. Они шли в чем были, в чем вскочили с кровати, неся в руках маленькие узелки с едой, такие маленькие, что непонятно, что же они ели эти пять, десять, пятнадцать суток, которые шли по дорогам.

Над шоссе с визгом проносились немецкие самолеты. Теперь они так не летают. Они не смеют и не могут. Но тогда были дни, когда они летели низко, как будто хотели раздавить тебя колесами. Они бомбили и обстреливали дорогу. Не выдержав, беженцы уходили с кровавого асфальта в глубь леса и шли вдоль дороги, по обеим ее сторонам, в ста шагах от нее. На второй же день немцы поняли это. Теперь их самолеты шли не прямо над дорогой, они шли немножко в стороне, по сторонам от дороги, в ста шагах от нее, и ровной полосой клали бомбы там, где, по их расчетам, двигались люди, ушедшие с дорог.

Я помню деревни, в которых нас спрашивали:

— Вы не пустите сюда немцев? А? — и заглядывали в глаза.

Спрашивали:

— Скажите, может, нам уже уезжать отсюда? А? — и снова заглядывали нам в глаза.

И было, кажется, легче умереть, чем ответить на этот вопрос.

Я не мог прежде вспоминать об этом, потому что было слишком тяжело, но сейчас вспоминаю, потому что я прошел и проехал назад, на запад, уже по многим из тех дорог, по которым мы когда-то уходили на восток.

По дорогам снова идут беженцы, но это уже другие люди. Они не уходят — они возвращаются. Только в дни испытаний понимаешь, что такое сила родной земли, как тянет людей на родные места, туда, откуда они ушли. Они не ждут и не ищут безопасности, они идут за нашей армией сейчас же по пятам. Идут еще тогда,

когда не миновала опасность, не потухли пожары, не затихла орудийная стрельба. Они не хотят потерять ни одного дня. Они должны быть дома сегодня же вечером, вслед за бойцами, пришедшими туда сегодня утром.

Сейчас война, и военные люди знают больше всех, они должны отвечать на все вопросы, они не смеют быть «немогузнайками». Люди, идущие по дорогам, любят спрашивать, им многое, очень многое хочется знать, и непременно сегодня же, сейчас.

Они спрашивали в июне и спрашивают в декабре. Но как переменились эти вопросы! Я помню, как в июле мы проезжали через Шклов. Людей, шедших по дорогам, тревожила каждая машина. Вот несколько машин прошло на запад, им навстречу. Они останавливаются, они спрашивают.

— Может быть, не уходить, может быть, здесь не будет немцев? — У них в глазах сверкает надежда.

Но вот опять проходят военные машины на восток, и беженцы провожают их печальными глазами; они погоняют лошадей, они торопятся. Они спрашивают, куда им идти: до Рославля или дальше?

Декабрь. Снова те же дороги. И в городе Одоеве нас окружают люди, только что вернувшиеся сюда. Они спрашивают нас, когда будет взят Мценск, когда будет взят Белев. У них там остались родные, они верят, что если родные еще живы, то они скоро увидят их. Они верят, что Белев непременно будет взят, их интересует только, скоро ли. Да, говорим мы, скоро. Мы тоже в это верим. Тогда они начинают спрашивать про Калугу, про Орел, про другие города.

— Когда? — повторяют они и смотрят на красноармейцев с непоколебимой верой.

И под этим взглядом наши конники невольно шпорят лошадей и рысью торопятся к заставе, ведущей из города на запад.

3

В ноябре в штабе нашей крайней северной армии ночью, когда в полнеба переливалось полярное сияние, работник особого отдела, вышедший со мной покурить

и подышать морозным воздухом, вдруг, словно что-то вспомнив, радостно сказал мне:

— Вы знаете, для вас будет интересный материал. У нас есть три пленных немецких офицера.

— В каких чинах? — спросил я.

— Пока еще не знаю.

— Что, они еще в дивизии?

— Нет.

— В полку?

— Нет. Видите ли...— мой собеседник замялся.— Видите ли, дело в том, что они еще вообще не здесь, эти пленные, они еще там, в тылу у немцев. Их захватили в шестидесяти километрах в тылу, между их штабом корпуса и штабом дивизии. Пятнадцать наших пограничников пошли туда и захватили. Они передали по радио, что ведут трех офицеров и перейдут вместе с пленными фронт через два-три дня. Так что нам с вами придется немного подождать.

Я сейчас вспомнил об этом случае потому, что это была не просто смелость горсточки храбрецов. Это была уверенность, которая крепла в армии из месяца в месяц. В июле еще не брали немцев в плен за шестьдесят километров от линии фронта. В ноябре их начали брать. И мало того, что это было сделано, главное — то, что это считалось в порядке вещей, что этому даже не особенно удивлялись.

Через три дня я увидел этих трех немецких офицеров. Их привели в заботливо захваченных с собой специально для того валенках. Одели их в валенки не от излишнего мягкосердечия, а просто по здравому расчету — чтобы легче было довести. Они имели очень жалкий, огорошенный вид, эти три офицера из знаменитой Критской горно-егерской бригады. Они еще не привыкли так воевать и так попадать в плен. Им сказали, что к этому привыкнуть вскоре придется не только им, но и другим их коллегам. Они молчали. Молчали не из фанфаронства, как это бывало раньше, а просто потому, что им нечего было сказать, потому, что они были обезволены и опустошены.

Как переменились за шесть месяцев эти солдаты «непобедимой» армии! В июле было непонятно, кто из них храбр, кто труслив. Все человеческие качества в них перекрывал гонор — общая, повсеместная наглость захватчиков. Видя, что их не бьют и не расстреливают,

они корчили из себя храбрецов. Они считали, что война кончится через две недели, что этот плен для них, так сказать, вынужденный отдых и что с ними по-человечески обращаются только от страха, оттого, что боятся их мести впоследствии.

Сейчас это исчезло. Одни из них дрожат и плачут, говорят, захлебываясь, все, что они знают, другие угрюмо молчат, замкнувшись в своем отчаянии. Армия наглецов в дни поражения переменилась. Это естественно в войске, привыкшем к легким победам и в первый раз подвергшемся поражениям.

Немцы отступают. Дерутся, но отступают. Огрызаются, но бегут.

На столе у генерала лежит оперативная карта. Я видел много этих карт за время войны, но как переменилось сейчас их лицо! Вы помните карты июля, карты августа, карты октября? На них были большие синие стрелы и красные полукружья. Сейчас карта выглядит иначе. Немцы отступают. Все дальше и дальше от Москвы идут на запад красные стрелы, все глубже врезаются они между синих линий врага. Они дробят их и разъединяют. Все меньше и меньше синие полукружья, все чаще они дробятся на полки, батальоны, роты.

Я вижу карту, на которой нанесена оперативная обстановка. Глубоким пятидесятикилометровым клином врезались наши войска в расположение отступающих немецких дивизий. В тылу еще бродят целые немецкие полки, еще каждый день прорезаются дороги кучками автоматчиков, но дивизии идут вперед, они верят, что окружат врага и истребят его. Я на минуту пробую представить себе эту картину в июле или в августе. Да, если бы тогда мы поглядели на нее, нам бы показалось, что здесь, на этом участке, окружены не немцы, а мы сами!

Окружающий сам в то же время в какой-то степени оказывается окруженным — это старая истина, но дело тут не только в том, сколько у кого полков и дивизий, а в том, кто наступает, кто считает себя окружающим и кто считает себя окруженным.

Произошла гораздо более важная вещь, чем взятие десяти или двенадцати населенных пунктов. Произошел гигантский, великолепный перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов.

Армия научилась побеждать. И даже тогда, когда ее полки находятся в трудных условиях, когда чаша военных весов готова заколебаться, они все равно сейчас чувствуют себя победителями. Продолжают наступать, бить врага.

И такой же перелом, но только в обратную сторону, произошел у немцев. Они чувствуют себя окруженными, они отходят, они беспрерывно пытаются выровнять линию фронта, они боятся даже горстки людей, зашедших им в тыл и твердо верящих в победу.

Полковнику доносят, что у него в тылу появилась рота немецких автоматчиков.

— Ну что ж,— говорит он,— сзади кто-нибудь из наших подойдет и уничтожит, а наше дело — вперед, вперед.— И, больше не вспоминая об этой роте, он дает приказ о дальнейшем наступлении.

Враг должен быть разгромлен. Это знают все наши люди, знают и, что еще важней, чувствуют всем своим сердцем. Они гонят захватчиков, и они будут окружать и гнать их по дорогам и по бездорожью, по зимним полям, где не проходят машины, где проваливаются ноги, где дьявольски трудно идти, но ведь когда ты идешь вперед, то у тебя появляется какая-то небывалая сила, второе дыхание. Мы навязываем им свою волю, мы становимся хозяевами положения. Они будут выходить из окружения через сожженные села, через непроходимые леса, они будут замерзать завтра сотнями там, где сегодня замерзают десятками. Их будут убивать не только из автоматов и орудий, их будут убивать по дороге женщины и старики кольями и вилами — так, как на этих же дорогах убивали и других пришельцев в 1812 году.

Пусть не рассчитывают на пощаду. Мы научились побеждать, но эта наука далась нам слишком дорогой и жестокой ценой, чтобы щадить врага.

Пусть так и знают и пусть помнят, что слова нашего Верховного Главнокомандующего — «истребительная война» — для рядового красноармейца не только боевой лозунг, не только великие слова, а мертвый враг, лежащий на снегу, один мертвый враг, и еще один, и еще столько мертвых врагов, сколько у каждого из нас хватит силы и жизни убить.

31 декабря 1941 г.

В. Станцев,
ветеран 3-й гвардейской стрелковой дивизии

Диво-дивизия

Уральские первогвардейцы

Вслед за солнцем

Эшелоны шли медленно. Двигались больше ночью, днем, как правило, стояли в глухих тупиках. Было приказано: у вагонов не толпиться.

— Едем, будто на войну,— говорили бывалые бойцы, знавшие Халхин-Гол и финскую.

— Сказано же — на маневры,— отвечали молодые, не нюхавшие пороха.

Солнце старалось вовсю. Майское солнце 1941-го. Войны еще не было, но эшелоны шли на войну. В Кремле знали: вот-вот...

Войска подтягивались к западной границе. Одной из первых погрузилась в эшелоны 153-я стрелковая дивизия. И года не прошло, как она была сформирована. Штаб ее находился в Свердловске, основные части в Еланских лагерях. И вот дивизия вслед за солнцем спешит на запад.

16 тысяч штыков. Сила.

В пути догнала депеша: разгрузиться западнее Витебска.

Утро выдалось тихое, светлое. Ни облачка. В небе неумолчно звенели жаворонки. Наступил самый длинный день в году — 22 июня.

По берегу Западной Двины раскинулся полотняный городок. Бойцы спокойно и деловито устраивали свой нехитрый армейский уют.

Фашистские бомбы уже рвали нашу землю. Но здесь об этом еще никто не знал. Смех, шутки, песни. Как и полагается в мирное время.

А в полдень дивизионная радиостанция приняла тяжкую весть: война! Сначала как-то не верилось — небо чистое, река спокойная. И — тишина. Но митинги уже были громом. Уральцы клялись: отдадим все силы на разгром врага, а понадобится — и жизнь...

От палаток до штаба дивизии — рукой подать. В одном из окраинных домов села Тарелки собрался командный состав: командир дивизии полковник Гаген, военком полковой комиссар Захаров и начальник штаба подполковник Черепанов. Пока втроем.

В открытые окна лилась слабая прохлада. Беспечно горланили петухи. Широкий, как колокол, репродуктор уверял с крыши сельсовета: «Если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы...»

Все трое устало молчали. Пришлось много выступать на митингах. Но усталость была скорее от ответственности, так внезапно свалившейся на их плечи. И еще оттого, что они не располагали никакими сведениями о противнике, о сложившейся боевой обстановке. Из штаба армии пока никаких указаний. Подполковник Черепанов запрашивал по рации, сказали: ждите. А на войне нет ничего тревожнее неопределенности и бездействия.

Военком дивизии Захаров вдруг резко повернулся к Гагену:

— Николай Александрович, давайте принимать решение, каждая минута дорога.

Комдив, встав, кивнул:

— Да, ждать нечего. Начнем с рекогносцировки.

За несколько часов обшарили всю местность. На машине это не так трудно. Начальник штаба на склеенных листах чистой бумаги снимал карту. Она была не ахти какой точной, но других не имелось. Обозначали на ней рубежи обороны, орудийные и пулеметные огневые точки, все, что полагается.

В Тарелки вернулись поздно. В штабных палатках никто не спал, ждали начальство,— может, что прояснится. Но начальству и самому не все было ясно.

Свет не зажигали. День не ушел, а только притемнился.

— Николай Александрович,— заговорил начальник штаба,— вот что меня волнует: у нас, как выяснилось, нет соседей и, видно, не будет. А с голыми флангами много не навоюешь.

Немного помолчав, комдив ответил спокойно и деловито, как отвечает человек, принявший окончательное решение:

— Я уже подумал об этом. Нужно максимально растянуть дивизию по фронту — километров на сорок. Если

мы сузим линию фронта до десяти километров, как требует Полевой устав, немцы нас быстро обойдут с флангов. А при сорока они надолго застрянут. Выиграть время — вот что сейчас особенно важно.

Откликнулся военком:

— А не ослабим ли мы в таком случае свою оборону?

— Конечно, ослабим. Но зря, что ли, не давали мы отдыха бойцам? Знают они свое дело крепко — это всем нам известно. Да и мужества уральцам не занимать — народ железный. По гражданской знаю, вместе Дутова били... Но, разумеется, нужно усилить политработу, пусть каждый боец еще крепче уверует в свои силы, в нашу безусловную победу. И поставить в первые ряды коммунистов и комсомольцев — примером вдохновлять на подвиги. Как было всегда... Ну, да вы все это лучше меня знаете. А теперь отдыхать: с утра на окончательную рекогносцировку.

На другой день, вернувшись из повторной рекогносцировки, комдив собрал всех командиров полков, батальонов и артдивизионов. Каждому из них были поставлены конкретные задачи, указаны места в общей обороне. И закипела работа. Рыли траншеи, оборудовали артиллерийские позиции и пулеметные точки. День и ночь, день и ночь. Времени на раздумья не было. Уже слышался отдаленный гул битвы, который ни с каким другим не спутаешь. Смертельной угрозой веяло от него.

Отдыхали три раза в сутки — в завтрак, обед и ужин. Рядом с бойцами с таким же упорством работали местные жители, все, кто мог держать лопату. За неделю подготовили крепкую оборону в три эшелона. У командира дивизии стало чуть легче на душе. Но только чуть: снарядов мало да и патронов не лишку. И гранат надо бы побольше. Да где все это взять! Где они, склады, никто не знает. Да и есть ли они вообще?

И тут наконец-то радиограмма из штаба армии: встречайте члена Военного совета дивизионного комиссара Леонова.

Комиссар приехал с одним требованием: создать мощную оборону. А она уже была подготовлена. И не как-нибудь, а по всем законам фортификационной науки.

— Ну, порадовали! Хвалю, хвалю! — повторял он.

Лучшего момента для просьбы нельзя было выбрать. И комдив осторожно высказал ее: нельзя ли полностью

обеспечить дивизию боеприпасами? Член Военного совета развел руками:

— Склады где-то застряли в пути, обходитесь тем, что есть. И помните приказ Военного совета: стоять насмерть. Случится окружение, бейтесь и в окружении. Не давайте противнику продвигаться — это сейчас самое главное.

Гул битвы с каждым днем надвигался все ближе и ближе. Разведчики доносили: идут танки, много танков.

Поднимался четырнадцатый день войны — 5 июля. И вдруг все стихло: ни орудийного грома, ни лязга гусениц. Известно: хищник перед решающим прыжком затихает, собирая силы в кулак. Так было и тут. Гитлеровцы намеревались взять Витебск с ходу. Впереди — никого! Дозаправился — и вперед.

Уже потом немцы узнали, что путь им преградила 153-я стрелковая дивизия, неизвестно когда и откуда взявшаяся. И не только она... Если говорить по-современному, то дивизии «крупно повезло». В полосе обороны 153-й стрелковой дивизии оказался 293-й тяжелый артполк, потерявший связь со своим командованием. Полковник Гаген сразу же подчинил его себе. Это подняло настроение и артиллеристов, и, конечно же, личного состава дивизии.

Испытание огнем и сталью

Зашевелились немцы. Наши бойцы — каждый на своем месте. Волнуются: какой он — враг, какие силы у него, не спасовать бы... И вот они — фашисты. Впереди — мотоциклисты, за ними танки, а за танками — машины с пехотой. Слышна какая-то маршевая песня. Весело идут, как по своей земле.

Затаились наши, команды ждут. Полковник Гаген еще раз обзванивает полки. Все готово. Последний разговор с командиром легкого артиллерийского полка майором Воробьевым:

— Бейте сразу по танкам, остальных мы — ружейным и пулеметным...

293-й тяжелый артполк получил приказ для боевых действий еще накануне.

На КП командира дивизии доложили: в колонне 26 танков.

Из-за далекого поворота танки выкатились на видное место. Люки открыты. Из люков переднего выглядывал офицер, не иначе — командир колонны.

— Пора,— выдохнул полковник и поднес к глазам бинокль.

Первой ударила батарея лейтенанта Логвинова. Командир дивизии увидел в бинокль: колонна встала, будто наткнулась на невидимую стену. Вступил в бой весь полк Воробьева. Заговорили пулеметы, винтовки. С тыловых позиций ухнули тяжелые 293-го. Взлетели в воздух искореженные мотоциклы, а там, где были машины с пехотой, осталась груда тел и обломков. Пылали четыре танка, остальные заметались по полю и поспешно скрылись за поворотом.

Бой длился не более десяти минут.

Придя в себя, немцы обрушили на наши позиции град снарядов и мин. Над окопами завыли пикировщики. Бомбы сыпались беспрерывно. Землю трясло так, что колыхались телеграфные столбы. Появились первые убитые и раненые. Но уральцы стояли. Непоколебимо. Наводчик Петр Никонов, заряжающий Иван Елисеев, наспех перевязав раны, не отходили от орудий. Оставались в строю и многие другие раненые — только бы не пропустить врага.

И опять — танки. И снова батарея Логвинова принимает бой: она ближе всего к атакующим стальным машинам. Две из них окутываются едким дымом. Чувствуя, что здесь быстрого успеха не добиться, немцы перенесли атаки на другие участки обороны. Но, получив отпор, откатились назад и затихли.

Похоронили убитых, тяжелораненых отправили в Тарелки. Восстановили разрушенные окопы, артиллерийские позиции, участки траншей. Жизнь шла своим чередом и диктовала суровые обязанности.

Наступило раннее утро 7 июля. В небе появилась «рама», покрутилась немного и тихо уплыла назад. И тут же налетели «юнкерсы», ударили орудия и минометы. Ни головы поднять, ни прицелиться. Широким фронтом, поднимая облака пыли и стреляя на ходу, двинулись танки. И с десяток из них опять на батарею Логвинова. Берегли каждый снаряд, поэтому подпускали танки на верный выстрел. У бойцов — черные лица, черные бинты на ранах. И земля вокруг черная. Новые раны, новые бинты, а бойцы стоят.

Уже пятый танк наткнулся на уральский снаряд. Но немцы все лезут и лезут.

Несколько танков насело на стрелковый батальон капитана Киселева. До этого единоборство с ними вели только артиллеристы. Теперь в бой вступили стрелки. Выдержат ли? Полковник Гаген то и дело запрашивает: как идут дела? Отвечают из батальона: с места не сойдем!

Особенно тяжко пришлось бойцам отделения сержанта Устинова. На них пришелся основной удар. В действиях бойцов чувствовалась уральская выдержка и какая-то особая деловитость. Только тогда, когда танк уже обдавал лица бойцов нестерпимым жаром, в него летели связки гранат и бутылки с бензином (сами делали).

Впереди стрелкового батальона капитана Нефёдова, прикрывая важный перекресток дорог, окопался орудийный расчет старшего сержанта Мифтахова. Танки двинулись на стрелков, но не дошли. Три выстрела, и три машины, распластав гусеницы, замерли. Целая фашистская батарея, остервенев, била по орудию. Девять стволов на один. Но один ствол — стоил девяти. Раненые продолжали вести огонь, круша технику врага. У орудия остался только наводчик рядовой Ануфриенко — за подносчика, заряжающего, за командира. Боец не замечал ни свиста снарядов, ни грохота разрывов: он просто не слышал их. Увидел вдруг — горят снарядные ящики. Ненужной уже маскировочной сеткой сбил пламя. И снова — за снаряд.

И так день за днем, день за днем. Гитлеровцы бросались от одного места к другому, стараясь разорвать нашу оборону, но, теряя живую силу и технику, отходили.

Почти неделю шел этот бой. Фашисты не продвинулись ни на шаг там, где стояла уральская дивизия. И они начали огибать ее. Обойдя нашу оборону, немцы захватили Витебск.

Вот итоги первого в истории дивизии сражения: «...фашисты оставили на поле боя 24 танка, 16 бронемашин, 12 минометных и 8 орудийных батарей, 18 мотоциклов, 42 станковых пулемета, много другой военной техники и снаряжения. Враг потерял убитыми и ранеными свыше 500 солдат и офицеров. 150 немцев взято в плен. Прикрывая витебское направление, 153-я стрел-

ковая дивизия полностью выполнила боевую задачу. Было отражено 26 массированных атак танков и пехоты. Бои показали, что сильного противника можно успешно громить малым числом» [1].

Это донесение предназначалось для штаба армии, но отправить его тогда не удалось — дивизия попала в окружение.

В огневом кольце

Было решено идти на прорыв. И дивизия двинулась на восток. Знали, что в Белоруссии много болот, но чтобы столько... Какими только словами не проклинали бойцы эту бесконечную чавкающую жижу. Но они, эти болота, были и на руку дивизии. Она как бы растворилась в них, бесследно пропала. Немцы решили: 153-я стрелковая дивизия больше не существует. Фашистское радио сообщило: «Доблестными германскими войсками полностью уничтожена 153-я стрелковая дивизия». Это сообщение было перехвачено радистами штаба дивизии. Начальник радиостанции лейтенант Николай Космодемьянский — большой знаток своего дела — записал на бланке эту «победоносную» фразу. Военком Захаров решил: пусть политработники пойдут с этой бумаженцией к бойцам, она лучше всякой беседы поднимет их настроение.

На рубеже обороны остались пустые снарядные ящики, несколько искалеченных орудий и пяток таких же автомашин. Все остальное было взято с собой. Тащили по бездорожью пушки, оставшуюся «в живых» технику — почти на плечах, теряя последние силы. Но приказ есть приказ: не оставлять немцам ни патрона.

И если попадались дороги, автомашины приходилось все равно катить вручную: не было бензина. Полковник Гаген совсем спал с лица, шинель, как на гвозде: какие сутки без сна. И военком Захаров чуть ли не падает — смертельно устал. У начальника штаба веселые искорки в глазах давно погасли. Как быть, где выход?

---

[1] Антипин Г. А. Третья гвардейская. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969.

Решили прорываться ночью на Добромысль, но разведчики доложили: в этом районе сосредоточены крупные немецкие силы — не прорваться. Оценив обстановку, полковник Гаген приказал: двигаться в сторону Дорогобужа.

Задвигалась, заколыхалась огромная человеческая масса. В первых боях ряды уральцев поредели, но, обрастая по пути отступавшими подразделениями из других частей, дивизия снова стала «штатной» — более 16 тысяч активных штыков. Не могли они остаться незамеченными, никак не могли. И немцы скоро обнаружили дивизию. К их удивлению, это была как раз та самая, что дала им жару под Витебском,— «уничтоженная» 153-я. И пошло: бомбы и снаряды, снаряды и бомбы. Тысячи. Но бойцы шли и шли, наперекор смерти.

Всего ожидали от гитлеровцев, но такого... Появился самолет, но бомбежки не последовало. Посыпались листовки, туча листовок. Они прямо лезли в глаза: «Командир вашей дивизии Н. А. Гаген — немец. Он специально завел вас в болота, чтобы уничтожить». Этого еще не хватало. Пошли разговоры — измена. Военком приказал:

— Немедленно собрать коммунистов штаба!

Секретарь партийной организации майор Дудник тут же созвал собрание. Комдив был спокоен:

— Да, происхождение мое действительно немецкое. Но дед мой и отец родились в России. Это и моя Родина. В партии с 1918 года. Воевал в гражданскую с бандами Колчака и Дутова. Готов, если понадобится, отдать жизнь за дело партии. А фашистским листовкам разве можно верить? Гитлеровцы готовы на все, только бы сломить наше сопротивление: уж очень мы им насолили. И еще насолим...

Слово взял начальник особого отдела майор Захаров:

— Полковник Гаген — преданный революции человек, я — за доверие.

Проголосовали единогласно — «за». Политработники тут же были отправлены в войска. Разъясняли, убеждали — и убедили. Разговоры об измене прекратились. И снова, увязая в тине, потянулась дивизия к Дорогобужу. Усталость валила с ног. С мучной болтушки (один раз в сутки) особенно не разбежишься. Но главная беда — снарядов раз-два и обчелся и патроны на

исходе. Как прорываться? Одна надежда — на штыки да на темную ночь. И хотя бы знать, где наши, все было бы легче. Но на сигналы радиостанции никто не отвечал. А комдив требовал: «Дайте связь!» Пробиваться вслепую — значит погубить людей. И неслось в эфир: «Клен, Клен, я — Береза, прием». Но есть ли он, этот «Клен»? Может, и нет его уже вовсе. И неслось по радиоволне, как заклинание: «Клен, Клен». Сержант Подвойский, дежуривший на станции, уже хотел сбросить наушники, как вдруг: «Е-е-есть связь, ура-а-а!»

Напарник (старый знакомый сержанта) передал:

— Если это 153-я дивизия, пригласите полковника Гагена, у аппарата командир корпуса.

Через минуту полковник Гаген уже был в машине:

— Я — Гаген.

В штабе корпуса засомневались: не провокация ли? Засомневаешься, если о дивизии столько дней — ни слуху ни духу. И хотя не очень верили сообщениям германского командования о полном уничтожении дивизии, но все же... И чтобы убедиться, что у аппарата действительно командир 153-й, командир корпуса, заядлый охотник, задал такой вопрос, на который мог ответить только и только он — полковник Гаген, тоже любивший в свободное время побродить с ружьем по уральским лесам:

— Назовите марку ружья военного прокурора дивизии Патрушкова (прокурор из той же охотничьей компании).

Полковник назвал марку ружья. И сразу же получил приказ: перемалывая технику и живую силу врага, прорываться в сторону Смоленска. Радостная весть, что наши не очень далеко, быстро облетела дивизию. А надежда на скорый прорыв из огненного кольца удваивала силы.

Говорят, беда не приходит одна. Значит, не приходит одна и радость. Во всяком случае, в этот же день дивизии еще раз здорово повезло. Просто невероятно. Полковник Гаген, обычно суровый и сдержанный, довольно потирал руки: «Живем!»

«Живем!» — повторяли и бойцы.

Майор Захаров, начальник особого отдела, нашел в лесу несколько винтовок, заваленных хворостом. Значит, здесь отходили наши части. Они могли оставить не только винтовки, но и боеприпасы. Своей догадкой он

поделился с подполковником Черепановым. Тот, не мешкая, снарядил на поиски несколько команд. К концу дня — удача. Цинковые ящики с патронами, грузовая машина, набитая снарядами, гранаты и запалы — нет, это не просто удача, а внезапно свалившееся с неба военное счастье.

А вот за горючее пришлось биться. То, что сливали из подбитых немецких танков и автомашин,— капля в море. Начальник штаба рассуждал: если у немцев столько техники, значит, есть и заправочные базы. Вызвал старшего политрука Васильева и приказал «пошуровать» в ближайших тылах противника: может, и отколется. Другого выхода не было.

Вечер тихий, легкий ветерок освежает лица. Вдруг один из бойцов насторожился: вроде бензином попахивает. И к Васильеву: «Горючее, точно». По-кошачьи пошли навстречу запаху.

И вот... Железные бочки, много бочек, а вокруг них десятка два немцев толпится. Считают, что ли? Раздумывать было некогда. Стремительной атакой, дошедшей до штыковой, бойцы захватили базу... Машины пошли своим ходом.

Но главные испытания были впереди. Гитлеровцы не могли примириться, что в тылу у них отчаянно воюет советская дивизия, нанося чувствительные потери, заставляя немецкое командование отвлекать силы, так нужные для захвата Смоленска, а затем и самой Москвы. И снова немцы решили покончить с ней одним ударом. Две танковые дивизии — 17-ю и 18-ю — бросили фашисты против уральцев. И еще тысячи бомб и тысячи снарядов.

Наступили решающие для прорыва дни. 17 июля дивизия с беспрерывными боями пробилась к речке Черница. Немцы не давали ни минуты передышки, все туже затягивая петлю. Дивизия заняла круговую оборону, чтобы дать возможность саперам навести переправу. Одновременно разведбатальон под командой майора Насырова и старшего политрука Васильева начали ложную переправу в стороне от главной. Гитлеровцы оттянули туда часть войск. Теперь — только вперед! В авангарде — главные части: два стрелковых полка и несколько артиллерийских батарей. Приказ был кратким и суровым: во что бы то ни стало захватить плацдарм на другом берегу и обеспечить переправу всей дивизии.

Наступила ночь. Бойцы бесшумно заняли исходные позиции. Артиллерийские батареи Логвинова, Потапова, Седова и Гусева поставили орудия на прямую наводку. Полковник Гаген тут же, в цепи бойцов.

Чуть посветлело. В небо взлетела серия красных ракет.

— Вперед, товарищи, вперед! — пронеслось по цепи.

Загремело «ура!». Бойцы бросаются в речку. Артиллеристы бьют по огневым точкам противника. Выскочив на противоположный берег, уральцы ворвались во вражескую траншею. Началась рукопашная. Немцы отошли, но, удвоив силы, кинулись в контратаку... Отбита одна, вторая, третья... Каждый раз гитлеровцы натыкались на пулеметные роты. Тогда они пустили танки. Не тут-то было. Батарея лейтенанта Логвинова била без промаха.

Каждый метр брали уральцы с боем, и уже не было силы, которая могла бы остановить их. И вот оно — долгожданное и завоеванное ценой многих жизней — мгновение.

24 июля в районе Смоленска дивизия вырвалась из огненного кольца.

Бойцы свалились как подкошенные — спать! Еще бы! Почти две недели бессонных дней и ночей бились они, прорываясь к своим. Потом подсчитали — более двухсот километров прошла дивизия рядом со смертью, но выжила и победила, сохранив всю технику и все вооружение. Это был поистине массовый героизм. Военный совет Западного фронта за исключительную организованность и отвагу, дисциплину и стойкость объявил всему личному составу дивизии благодарность.

Что греха таить, бойцы надеялись отдохнуть после невероятных испытаний. Но было не до отдыха: развернулось кровопролитное сражение, известное в истории войны как Смоленское.

У днепровских вод

Гитлеровцы поставили на карту все — только бы пробиться к Москве. На пути встал Смоленск. Немецко-фашистское командование бросило на город целую группировку армий «Центр». И снова путь им вместе с другими частями преградила 153-я. Всего сутки отдыхали

бойцы. Да и что это за отдых! Просто выспались немного. И умыться не успели, как опять в бой. Приказ гласил: «Задержать наступление Баварской дивизии на Смоленск».

В ранцах у солдат Баварской — новенькие мундиры для победного московского парада. Вот и лезут они напролом, горланя: «Германия, Германия превыше всего». И не сомневались эти самоуверенные баварцы: Смоленск завтра же будет у их ног. Именно завтра, ни днем позже — таков приказ самого фюрера.

Утро 25 июля. Накануне гитлеровцы овладели высотой 213,7 — одной из ключевых позиций для взятия Смоленска. Полковник Гаген получил приказ: отбить высоту!

Рассыпавшись редкой цепью, уральцы начали атаку. Немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия, «юнкерсы» засыпали бомбами. Наши бойцы залегли. Еще два раза поднимались они, но безуспешно.

Знали немцы: отдать высоту — значит, Смоленск к сроку захвачен не будет. Поэтому не жалели ни снарядов, ни бомб, ни патронов.

Бой шел уже пятый час. Уральцы выбивались из последних сил, цепь стала совсем редкой. Продвигались вперед буквально шажками, а тут чуть было совсем не встали. Вперед выдвинулись коммунисты — начальник штаба полка Лебедев, старший политрук Широбоков, политрук Бельский, командир роты старший лейтенант Авельченков. Повели бойцов в четвертую атаку. Старший лейтенант оторвал окровавленный лоскут рубахи у мертвого бойца и, нацепив его на штык, рванулся к вершине:

— За мной!

Это был ни шаг и ни бег. Это был отчаянный прыжок. На высоте затрепетал флаг из пропитанной кровью рубахи. Немцы скатились к подножию. Наступление фашистов было задержано.

Но положение под Смоленском становилось все острее и острее. Танковые и пехотные дивизии гитлеровцев оттеснили наши измотанные в боях части. Это дало возможность танкам Гудериана войти в город.

153-й дивизии было приказано оставить высоту, занять оборону на левом берегу Днепра и обеспечить переправу отходящим войскам 20-й армии у села Соловь-

ево. Дивизия вышла на рубеж 2 августа. Траншея, окопы, артиллерийские позиции — все было оборудовано за сутки. Впереди траншеи установили проволочные заграждения, привели в порядок противотанковые препятствия, отрытые местными жителями еще месяц назад.

Гитлеровцы начали наступление уверенно. Были брошены все силы, все огневые средства. Всякое видели уральцы за эти дни, но такого не видели, нет. Земля от взрывов не успевала оседать, дышать было нечем — дым, пороховая гарь, пыль смешались в одно облако. Некогда было хоронить убитых. Сущий ад! И в этом аду уральцы жили и сражались. Метким огнем они расстреливали густые цепи наседавших гитлеровцев, то и дело поднимаясь в контратаки. Артиллеристы почти в упор крушили немецкую броню. Но фашисты не замечали потерь: они нацелились на Москву, до которой оставалось каких-то триста километров.

Жила и переправа. Части 20-й армии отходили поспешно, неся крупные потери. Днепр, без преувеличения, окрасился кровью. И сколько было бы еще потерь, если бы не стойкость уральской 153-й и других частей.

Маневрируя по фронту, то рассредоточивая силы, то собирая их в кулак, дивизия держала оборону больше месяца. Больше месяца! На участке, где не осталось ни дерева, ни травинки. А люди выжили, выстояли, возмужали.

Заключительным аккордом Смоленского сражения, героическим и славным, стал бой за высоту 249,9. С этой высоты все было видно вокруг как на ладошке. И потому немцы особенно укрепили ее, поставив для защиты дивизию «СС», которая слыла образцом мужества и преданности фюреру.

Уральцы находились на старых позициях. Бои не вели: гитлеровцы внезапно прекратили атаки. Наши разведчики установили, что противник спешно перебрасывает из тыла по железной дороге свежие части и технику. Нужно было предпринимать экстренные меры. Но какие? Проще всего разбомбить вражеские эшелоны, но самолеты тогда на штуки считали. Только одна надежда — на пехоту. И штаб 20-й армии отдает приказ: «153-й стрелковой дивизии выйти в район Могилицы, атаковать сильно укрепленную высоту 249,9 у реки Днепр, перерезать коммуникацию, снабжающую войска

противника в районе Ельня, выбить гитлеровцев с этой высоты и отбросить их назад».

Приказ был получен 23 августа. Полковник Гаген вместе с новым комиссаром дивизии Хлызовым (военком Захаров погиб при прорыве из окружения) и подполковником Черепановым прикинули возможности дивизии. Мало осталось людей, совсем мало. В этом случае успех наступления решали три обязательных условия: внезапность, быстрота и скрытность. Но чтобы обеспечить эти условия, нужна была тщательная разведка. Комдив сам несколько раз побывал почти у подножия высоты, определяя опытным глазом слабые места в обороне противника. Увы, таких мест не нашлось. Значит, надо их создать. Скрытно, в темные часы, подтянули поближе артиллерию, чтобы разом ударить по огневым точкам противника и проволочным заграждениям. Огневые точки были разведаны накануне специальными наблюдательными постами.

Все политработники, весь штаб дивизии и штабы полков были здесь, на передовой. Во всех взводах и батареях проходили беседы. И вскоре каждый боец знал, где и как он должен действовать в наступлении.

Ночь выдалась душная, от болот, опоясавших высоту, поднимался белесый туман. Эта седая дымка позволила нашим бойцам тихо и незаметно выдвинуться к самому подножию высоты. Ни котелков, ни вещмешков, ни противогазов — только винтовки и подсумки, набитые патронами. Затаились бойцы, как омертвели.

И вдруг стало светло. Это ударила дальняя и ближняя артиллерия. Вспышки от выстрелов высветили всю округу. Сотни снарядов колошматили и колошматили укрепления немцев — до самого рассветного часа. За миг до атаки бойцы, взглянув на высоту, увидели облысевшую вершину (только что она была покрыта лесом) и пустоту там, где недавно в несколько рядов прочно стояли колья, густо перевитые «колючкой».

Бойцы напряглись для атаки, ждут сигнала. Красная ракета, искрясь и шипя, почти вертикально взлетела в небо. И будто сработала невидимая пружина: цепь резко выбросилась вперед. Вот уже видна вражеская траншея, еще чуть-чуть — и враг будет сломлен. И тут из полуразвалившегося дзота, захлебываясь от ярости, ударил пулемет. Цепь споткнулась и залегла. Командир 666-го стрелкового полка полковник Соколов не-

медленно дал целеуказание артиллеристам. Выстрелы были на редкость точными: крыша дзота затрещала и рухнула.

Впереди цепи встал командир полка:

— Вперед, за мной!

И словно крылья обрели бойцы. Через минуту они уже влетели в траншею. Эсэсовцы не думали уступать: они превосходили числом и потому приняли рукопашную. К тому же знали: вот-вот подойдет подкрепление. С противоположного склона выкатилась контратакующая немецкая цепь. Полковник Гаген, получив сообщение об этом, отдал срочный приказ полковнику Юлдашеву, командиру 435-го стрелкового полка, стоявшему в резерве: «Не давая врагу опомниться, навалиться на него всеми наличными силами и полностью очистить высоту от немцев!»

Гитлеровцы защищались отчаянно. Уральцы вставали и падали, падали и вставали. И только семнадцатая атака (17-я!) принесла успех: бойцы буквально выдавили эсэсовцев с высоты. Комдив (как он только держался на ногах!) устало направился на самую передовую, к своим орлам. Знал комдив: если ему уже невмоготу, то им, его бойцам, в сто раз тяжелее. Знал также, что они совершили почти немыслимое. Полковник шел подбодрить героев, сказать им свое командирское спасибо за подвиг. И знал он еще, что немцы предпримут скоро все усилия, чтобы вернуть высоту. А ее нужно было удержать, чего бы это ни стоило. Хотя бы несколько суток — так диктовала боевая обстановка.

Теперь роли поменялись. Гитлеровцы штурмовали, наши оборонялись. Десятки «юнкерсов», сотни орудий дыбили землю — сплошной огненный вал. Немецкое командование бросило в атаку сразу несколько свежих полков. С большим трудом продержались уральцы до вечера. Ночью подтащили боеприпасы, консервы. Командир корпуса подослал еще бойцов, но так мало, что поддержка была скорее моральной. И все-таки лучше, чем ничего.

Рассвет (лучше бы он не наступал!) не принес облегчения. Устилая трупами высоту, немцы продолжали штурм. Таяли ряды наших бойцов, держаться уже не было никакой возможности. Гитлеровцы все ближе и ближе. Положение становилось отчаянным. Один выход — контратака. Иначе — полный разгром. Взяв из

рук убитого бойца винтовку, полковник Гаген с возгласом «За мной, орлы!» повел уральцев в бой... Никто еще не выдерживал русского штыка. Не выдержали и эсэсовцы. На своей шкуре узнали они, «что значит русский бой удалый, наш рукопашный бой!..».

Но силы дивизии небеспредельны. По приказу командования 8 сентября она была отведена в тыл. Дивизия сделала больше, чем могла. Уральцы оттянули на себя значительные силы противника, сорвали темп его наступления. Около двух тысяч солдат и офицеров оставили на высоте фашисты. Движение по железной дороге было надолго приостановлено.

Вскоре дивизия расположилась на берегу Волги, неподалеку от Калинина: отдохнуть, пополниться, набраться новых сил для предстоящих боев — война только начиналась. В лагерной жизни никаких особенных событий не происходило. Тишина, покой. И вдруг приказ: всем на торжественный митинг! Многие недоумевали : что за торжество, если дела на фронте так круто складываются?

Перед строем вышел полковник Гаген. В новой гимнастерке, слева — серебряная шашка — награда за боевые подвиги в дни гражданской, на груди — только что полученный орден Ленина — за боевые подвиги в Отечественной. В руке комдива — лист бумаги. Раздалась команда «Смирно!». Полковник, радостно волнуясь, громко произнес:

— Слушайте приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 308 от 18 сентября 1941 года.

Тихо-тихо, только голос комдива:

«...Ставка Верховного Командования приказывает:

За боевые подвиги, организованность, дисциплину и примерный порядок... переименовать

...153-ю стрелковую дивизию — в 3-ю гвардейскую дивизию...»

Тишина взорвалась от громового «ура!». Один за другим выступали бойцы. Клялись бить врага не щадя жизни, по-гвардейски, приумножать героическую славу Красной гвардии.

И пяти дней не отдыхали бойцы. 20 сентября дивизия, пополненная людьми и техникой, погрузилась в эшелон и направилась на Ленинградский фронт — быв-

шая 153-я, а теперь 3-я гвардейская, родившаяся в кровопролитных боях. Первогвардейцы великой страны, гордость могучего Урала.

Более двух с половиной тысяч километров прошла с боями 3-я гвардейская стрелковая дивизия, показав чудеса мужества и стойкости и во всех последующих боях. Сражалась под Волховом и Ленинградом, громила танковые дивизии Манштейна под Сталинградом, освобождала Донбасс и Украину, брала Каховку, штурмовала Перекоп и Севастополь. Ее боевой путь проходил через Литву, Латвию и бывшую Восточную Пруссию. Дивизия была награждена орденами Красного Знамени и Суворова, получила почетное наименование Волновахской — за освобождение крупного и стратегически важного железнодорожного узла на Донбассе — Волноваха. В дивизии выросло 15 Героев Советского Союза, пять полных кавалеров ордена Славы. 16 230 воинов 3-й гвардейской были награждены орденами и медалями.

А. Кривицкий

Бессмертие [1]

Наступление на Москву, предпринятое Гитлером в октябре, позорно провалилось. На 147-й день войны Гитлер начал второе генеральное наступление на Москву. Немцы бросили на столицу 51 дивизию — 20 танковых и механизированных и 31 пехотную. Когда весной 1940 года против Франции на всем фронте, от моря и до Седана, действовали 10—11 бронетанковых дивизий, весь мир содрогался от ужаса перед такой концентрацией техники. А на одну Москву было брошено больше бронетанковых частей, чем против всей Франции.

10 ноября Гитлер обратился с приказом к своим войскам, в котором объявил начало последнего, «решающего» наступления. «Путь,— гласил приказ,— готов для

[1] Из кн.: Венок славы. Т. 4. М.: Современник, 1984.

сокрушительного и окончательного удара, который раздавит противника до начала зимы».

* * *

Это было 16 ноября 1941 года, в первый день нового немецкого наступления.

Панцирные колонны врага двигались по Волоколамскому шоссе. Они рассчитывали, не останавливая заведенных моторов, ворваться в Москву. Но 8-я гвардейская Краснознаменная дивизия генерала Панфилова преградила им дорогу.

Полк Карпова, в котором Клочков был политруком роты, занимал оборону на линии: высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось подразделение, которому суждено было войти в историю Отечественной войны.

В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к наступлению. В населенных пунктах Красиково, Жданово, Муромцево они сконцентрировали свыше восьмидесяти танков, два полка пехоты, шесть минометных и четыре артиллерийские батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов.

Используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка, туда устремилась рота фашистов. Они не думали встретить серьезное сопротивление.

Бойцы безмолвно следили за приближающимися автоматчиками. Сержант точно распределил цели. От окопа их отделяло уже только сто пятьдесят метров. Вокруг стояла странная, непривычная тишина.

Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский молодецкий посвист! Это было так неожиданно, что на какое-то мгновение автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулеметы и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов.

Атака автоматчиков отбита. Более семидесяти вражеских трупов валяется недалеко от окопа. Лица бойцов задымлены порохом; люди счастливы, что достойно померились силами с врагом.

Но не знают они еще своей судьбы, не ведают, что главное — впереди.

Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся

к рубежу, обороняемому двадцатью восемью гвардейцами.

Бойцы переглядывались. Предстоял слишком уж неравный бой. Вдруг они услышали знакомый бодрый голос:

— Здорово, герои!

К окопу добрался политрук Клочков.

Страна прославила его под именем Диев.

Однажды боец украинец Бондаренко сказал про него:

«Наш политрук весь час дие!»

По-украински «дие» значит — работает, действует. И верно, Клочков «весь час» — все время — был в движении. Никто не знал, когда он спит. Бойцы любили его, как старшего брата, как родного отца.

Меткое слово Бондаренко облетело не только роту, но и полк. Клочковым политрук значился только по документам. Даже командир полка звал его Диевым.

В тот день Диев первый заметил, куда направляется танковая колонна врага, и поспешил в окоп.

— Ну что, друзья,— сказал он бойцам,— двадцать танков! Меньше чем по одному на брата. Это не так много.

Добираясь к окопу, Диев понимал, что ждет его и его товарищей. Но сейчас он шутил и, ловя на себе одобрительные взгляды бойцов, думал: «Ничего, выдержим!»

Вот они все перед ним — товарищи, с которыми ему предстояло разделить и славу, и смерть.

Был еще и двадцать девятый. Он оказался трусом и предателем. Он один поднял руки вверх, когда из прорвавшегося к самому окопу танка фашистский ефрейтор закричал: «Сдавайс!» Он стоял жалкий, дрожащий, отвратительный в своей рабской трусости. Перед кем падаешь на колени, тварь? Немедленно прогремел залп: несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды выстрелили в труса и предателя. Это Родина покарала отступника. Это гвардейцы Советской Армии, не колеблясь, уничтожили одного, хотевшего своей изменой бросить тень на честь и достоинство советского человека.

— Ни шагу назад! — раздалась команда политрука Диева.

Разгорелся невиданный бой. Из противотанковых

ружей храбрецы подбивали вражеские машины, подрывали их гранатами, поджигали бутылками с горючей жидкостью.

В этот час герои не были одиноки.

С ними была великая мощь нашего народа, грудью отстаивавшего свою независимость.

С ними были доблестные воины русской гвардии, о которых фельдмаршал Салтыков еще во время Семилетней войны с пруссаками доносил в Петербург: «Что до российских гвардейцев касается, могу сказать, что противу их никто устоять не может, а сами они, подобно львам, презирают свои раны».

С ними была доблесть и честь Советской Армии, ее боевые знамена, которые в эти минуты осеняли героев.

С ними было великое народное благословение на беспощадную борьбу с врагом.

Бой продолжался более четырех часов, а бронированный кулак фашистов все еще не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Четырнадцать танков неподвижно застыли на поле боя.

Но уже, истекая кровью, лежит в окопе раненый Петренко, убиты гвардейцы Конкин, Шадрин, Тимофеев и Трофимов.

В это время в сумеречной дымке показался второй эшелон танков. Среди них — несколько тяжелых. Тридцать новых машин насчитал Клочков. Сомнений не было — они шли к железнодорожному разъезду, к окопу смельчаков.

Ты несколько ошибся, славный политрук Диев! Ты говорил, что танков придется меньше чем по одному на брата! Их уже почти по два на бойца. Родина, мать-Отчизна, дай новые силы своим сыновьям, пусть не дрогнут они в этот тяжелый час!

Воспаленными от напряжения глазами Клочков посмотрел на товарищей. Он вспомнил Москву, Красную площадь, трибуну Мавзолея.

— Тридцать танков, друзья, всем нам умереть. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!

Танки двигались к окопу. Раненый Бондаренко, пригнувшись к Клочкову, обнял его здоровой рукой и сказал:

— Давай поцелуемся, Диев!

И все они, кто был в окопе, перецеловались, вскинули ружья и приготовили гранаты.

Вражеские танки все ближе и ближе... Уже тридцать минут идет бой. Подбито и горит около десяти танков.

Но и мужественные советские люди, нанося врагу меткие удары, выходят из строя один за другим.

Танки уже у самого окопа... Немцы выскальзывают из люков, чтобы взять храбрецов живыми.

Но по команде политрука Диева герои поднимаются им навстречу:

— Гвардия умирает, но не сдается!

Кончаются боеприпасы. Гибнет Москаленко под гусеницами танка. Прямо на дуло вражеского пулемета идет, скрестив руки на груди, кто-то из уцелевших панфиловцев.

Диев сжимает последнюю связку гранат, бежит к тяжелой машине, только что подмявшей под себя Безродного. Политрук успевает перебить гусеницу чудовища и, пронзенный пулями, опускается на землю.

Убит Диев... Нет, он еще дышит. Рядом с ним, окровавленным и умирающим, голова к голове лежит раненый Натаров. Мимо них с грохотом и лязгом мчатся танки врага, а Диев говорит своему товарищу:

— Помираем, брат... Когда-нибудь вспомнят нас... Если жив будешь, скажи нашим...

Так умер политрук Клочков-Диев, отдавший свою жизнь за Москву.

Обо всем этом рассказал Натаров. Ползком он добрался в ту ночь до леса; изнемогая от потери крови, бродил несколько дней, пока не натолкнулся на группу наших разведчиков.

Умер Натаров в госпитале. Он передал нам завещание двадцати восьми героев-панфиловцев. Да и без того мы хорошо знали, что хотел сказать нам перед смертью Диев.

«Мы принесли свои жизни в жертву на благо Отечества,— сказали нам герои.— Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего мы идем на смерть. Мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу. Идите в бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили!»

Это завещание живет и вечно будет жить в сердцах воинов Советской Армии, всего советского народа.

М. Шолохов

Наука ненависти [1]

На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела, и смолистый аромат расщепленных снарядом сосен не мог заглушить удушливо-приторной, острой вони разлагающихся трупов. Казалось, что даже земля с бурыми, опаленными и жесткими краями воронок источает могильный запах.

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцевито-клейких листках.

Мы проходили через поляну. Шедший впереди меня связной красноармеец слегка коснулся рукой ствола березы, спросил с искренним и ласковым удивлением:

— Как же ты тут уцелела, милая?..

Но если сосна гибнет от снаряда, падая как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая, истекающая смолой макушка, то по-иному встречается со смертью дуб.

На провесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весною дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...

Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами, лейтенант Герасимов сидел у входа в блиндаж и обстоятельно рассказывал о сего-

[1] Из кн.: Михаил Шолохов. Слово о Родине. М.: Воениздат, 1965.

дняшнем бое, о танковой атаке противника, успешно отбитой батальоном.

Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым баском, изредка скрещивая крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но вдруг он умолк, и лицо его мгновенно преобразилось: смуглые щеки побледнели, под скулами, перекатываясь, заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших по лесу от переднего края нашей обороны трех пленных немцев и сзади — конвоировавшего их красноармейца в выгоревшей, почти белой от солнца летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно. Мерно раскачивалась в его руках винтовка, посверкивая на солнце жалом штыка. И так же медленно брели пленные немцы, нехотя переставляя ноги, обутые в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец — пожилой, со впалыми щеками, густо заросшими каштановой щетиной,— поравнялся с блиндажом, кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся, на ходу поправляя привешенную к поясу каску. И тогда лейтенант Герасимов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким лающим голосом:

— Ты что, на прогулке с ними? Прибавь шагу! Веди быстрее, говорят тебе!

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

— Ничего не поделаешь,— нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь. Он очень много пережил там, и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых! На мертвых смотрит ничего, я бы сказал — даже с удовольствием, а вот пленных увидит и либо закроет глаза

и сидит бледный и потный, либо повернется и уйдет.— Политрук придвинулся ко мне, перешел на шепот: — Мне с ним пришлось два раза ходить в атаку; силища у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает... Всякие виды мне приходилось видывать, но как он орудует штыком и прикладом, знаете ли,— это страшно!

Ночью немецкая тяжелая артиллерия вела тревожащий огонь. Методически, через ровные промежутки времени, издалека доносился орудийный выстрел, спустя несколько секунд над нашими головами, высоко в звездном небе, слышался железный клекот снаряда, воющий звук нарастал и удалялся, а затем где-то позади нас, в направлении дороги, по которой днем густо шли машины, подвозившие к линии фронта боеприпасы, желтой зарницей вспыхивало пламя и громко звучал разрыв.

В промежутках между выстрелами, когда в лесу устанавливалась тишина, слышно было, как тонко пели комары и несмело перекликались в соседнем болотце потревоженные стрельбой лягушки.

Мы лежали под кустом орешника, и лейтенант Герасимов, отмахиваясь от комаров сломленной веткой, неторопливо рассказывал о себе. Я передаю этот рассказ так, как мне удалось его запомнить.

— До войны работал я механиком на одном из заводов Западной Сибири. В армию призван девятого июля прошлого года. Семья у меня — жена, двое ребят, отец-инвалид. Ну, на проводах, как полагается, жена и поплакала, и напутствие сказала: «Защищай Родину и нас крепче. Если понадобится — жизнь отдай, а чтобы победа была нашей». Помню, засмеялся я тогда и говорю ей: «Кто ты мне есть, жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!»

Отец, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: «Смотри,— говорит,— Виктор, фамилия Герасимовых — это не простая фамилия. Ты — потомственный рабочий, прадед твой еще у Строганова работал, наша фамилия сотни лет железо для Родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным. Власть-то — твоя, она тебя командиром запаса до войны держала, и должен ты врага бить крепко».

«Будет сделано, отец».

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вовсе спуску не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. «Садись, Герасимов,— говорит мой секретарь,— перед дорогой посидим минутку по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет. Иди, бей гадов беспощадно! Парторганизация на тебя надеется». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и, черт его знает, показался он тогда мне вовсе не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что провожать мужа на фронт никакой жене невесело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и быстро так говорит:

«Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте».— «Что ты,— говорю ей,— Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи,— теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке, потом, когда стрельба прекратилась, так же внезапно, как и началась, продолжал:

— До войны на завод к нам поступали машины из Германии. При сборке, бывало, раз по пять ощупаю каждую деталь, осмотрю со всех сторон. Ничего не скажешь — умные руки эти машины делали. Книги не-

мецких писателей читал и любил и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было, в конце концов, их дело. Потом началась война в Западной Европе...

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия — тоже ничего себе. Черт возьми, с таким противником даже интересно подраться и наломать ему бока. Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцать седьмого рано утром. Сначала, в новинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу человек в пятнадцать пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто — котелок щей, кто — табаку или папирос, кто — чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете, камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими «друзьями». Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изнасиловали и убили.

Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники... Лицо ее было страшно изрублено тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как исступленный, шептал: «Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было неподалеку от Ружина. А около Сквиры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит, лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху — стопкой, как надвинутые одна на другую тарелки,— восемь красноармейских пилоток...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов... Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! — Лейтенант Герасимов надолго умолк.

— Можно здесь закурить? — спросил я его.

— Курите в руку,— охрипшим голосом ответил он. И, закурив, продолжал:

— Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили фашисты, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей... Потом мы снова отступали, но дрались, как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а фашистов мы положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь папиросой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

— Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что, не скупясь, проливали мы там свою кровь, а кровь ведь, как говорят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В сентябре я был первый раз ранен, но остался в строю. А двадцать первого, в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. С утра было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и, помню, пить хотелось до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебегали по лощине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и это — все. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу на том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойцы тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я увидел их очень отчетливо, как в хорошем кино. Я поша-

рил вокруг руками. Около меня не было оружия: ни нагана, ни винтовки, даже гранаты не было. Планшетку и оружие кто-то из наших снял с меня.

«Вот и смерть», — подумал я. О чем я еще думал в этот момент? Если вам это для будущего романа, так напишите что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа, понятно? Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался и ужасно боялся, что вот сейчас опять упаду и они меня заколют лежачего. Ни одного лица я не помню. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись, и один из них махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошел. Все лицо у меня было в засохшей крови, из раны на голове все еще бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я все же шел...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шел — значит, я был жив и мог еще действовать. Ох, как меня томила жажда! Во рту у меня спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыхалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шел и думал: «Как только напьюсь и чуточку отдохну — убегу!»

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных были ранены. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он еще раз сказал: «Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошел перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: «Юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но

смуглые лицом и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали и отобрали бумажники и все, что было из личных вещей. Я никогда не носил партбилета в бумажнике, боялся потерять; он был у меня во внутреннем кармане брюк, и его при обыске не нашли. Все же человек — удивительное создание: я твердо знал, что жизнь моя — на волоске, что если меня не убьют при попытке к бегству, то все равно убьют по дороге, так как от сильной потери крови я едва ли мог бы идти наравне с остальными, но когда обыск кончился и партбилет остался при мне, я так обрадовался, что даже про жажду забыл!

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой и ехало человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел потому, что знал, что, если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, иногда вскрикивал от боли. Прошли с километр, и тут он громко сказал:

— Нет, не могу. Прощайте, товарищи! — и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую машину, застрявшую сбоку переезда, и тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться я не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: «Вставай же, а то убьют!» Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршат колеса подъезжающего ко мне мотоциклиста. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь как пьяный, я заставил себя догнать колонну и пристроился к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и автомашины взмутили воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и она казалась нам слаще самой хорошей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог идти в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались нам навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали эту картину, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова построили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди, ничего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови, да и охраняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, где стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать через всю деревню рысью. Надо же было унизить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за огорожу. Сказать, что этот лагерь был адом,— значит ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого под-

солнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере растолкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намокших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил не переставая... Каждую ночь умирало по нескольку десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

На шестые сутки я почувствовал, что у меня еще сильнее заболело плечо и рана на голове. Началось нагноение. Потом появился дурной запах. Рядом с лагерем были колхозные конюшни, в которых лежали тяжелораненые красноармейцы. Утром я обратился к унтеру из охраны и попросил разрешения обратиться к врачу, который, как мне сказали, был при раненых. Унтер хорошо говорил по-русски. Он ответил: «Иди, русский, к своему врачу. Он немедленно окажет тебе помощь».

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченый человек. Худой до изнеможения, измученный, он был уже полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их из ран пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

«Видели? — спросил у меня врач.— Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь, у двери,— свежая зола».

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. «Ну, как? О, у ваших солдат превосходный врач! Оказал он вам помощь?» Я хотел молча пройти мимо, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и в голову. Бил до тех пор, пока не устал. Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, прика-

зывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом — по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за Родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Из этого лагеря, который являлся как бы распределительным, меня перевели в другой лагерь, находившийся километрах в ста от первого. Там все было так же устроено, как и в распределительном: высокие столбы, обнесенные колючей проволокой, ни навеса над головой, ничего. Кормили так же, но изредка вместо сырого проса давали по кружке вареного гнилого зерна или же втаскивали в лагерь трупы издохших лошадей, предоставляя пленным самим делить эту падаль. Чтобы не умереть с голоду, мы ели — и умирали сотнями... Вдобавок ко всему в октябре наступили холода, беспрестанно шли дожди, по утрам были заморозки. Мы жестоко страдали от холода. С умершего красноармейца мне удалось снять гимнастерку и шинель. Но и это не спасало от холода, а к голоду мы уже привыкли...

Стерегли нас разжиревшие от грабежей солдаты. Все они по характеру были сделаны на одну колодку. Наша охрана на подбор состояла из отъявленных мерзавцев. Как они, к примеру, развлекались: утром к проволоке подходил какой-нибудь ефрейтор и говорил через переводчика:

«Сейчас раздача пищи. Раздача будет происходить с левой стороны».

Ефрейтор уходит. У левой стороны огорожи толпятся все, кто в состоянии стоять на ногах. Ждем час, два, три. Сотни дрожащих, живых скелетов стоят на пронизывающем ветру... Стоят и ждут.

И вдруг на противоположной стороне быстро появляются охранники. Они бросают через проволоку куски нарубленной конины. Вся толпа, понукаемая голодом, шарахается туда, около кусков измазанной в грязи конины идет свалка...

Охранники хохочут во все горло, а затем резко звучит длинная пулеметная очередь. Крики и стоны. Плен-

ные отбегают к левой стороне огорожи, а на земле остаются убитые и раненые... Высокий обер-лейтенант — начальник лагеря — подходит с переводчиком к проволоке. Обер-лейтенант, еле сдерживаясь от смеха, говорит:

«При раздаче пищи произошли возмутительные беспорядки. Если это повторится, я прикажу вас, русских свиней, расстреливать беспощадно! Убрать убитых и раненых!» Гитлеровские солдаты, толпящиеся позади начальника лагеря, просто помирают со смеху. Им по душе «остроумная» выходка их начальника.

Мы молча вытаскиваем из лагеря убитых, хороним их неподалеку, в овраге... Били и в этом лагере кулаками, палками, прикладами. Били так просто, от скуки или для развлечения. Раны мои затянулись, потом, наверное от вечной сырости и побоев, снова открылись и болели нестерпимо. Но я все еще жил и не терял надежды на избавление... Спали мы прямо в грязи, не было ни соломенных подстилок, ничего. Собьемся в тесную кучу, лежим. Всю ночь идет тихая возня: зябнут те, которые лежат на самом низу, в грязи, зябнут и те, которые находятся сверху. Это был не сон, а горькая мука.

Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: «Как же я уйду отсюда?» Вот когда я проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег, спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец было объявлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожидали. У каждого проснулась надежда, хоть слабенькая, но надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы услышали орудийный гул. Все вокруг меня зашевелилось. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал:

— Товарищи, наши наступают!

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, ко-

торые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышались горячий шепот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже.. я тоже...— прерывающимся голосом быстро проговорил лейтенант Герасимов и умолк на минуту, но затем, овладев собой, продолжал уже спокойнее: — У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Кто-то слабым голосом запел «Интернационал», мы подхватили тонкими, скрипучими голосами. Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: «Лежать!» Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал, как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Фашисты могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу.

Мне не удалось в ту ночь дослушать рассказ лейтенанта Герасимова. Его срочно вызвали в штаб части. Но через несколько дней мы снова встретились. В землянке пахло плесенью и сосновой смолью. Лейтенант сидел на скамье согнувшись, положив на колени огромные кисти рук со скрещенными пальцами. Глядя на него, невольно я подумал, что это там, в лагере для военнопленных, он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать...

— Вы спрашиваете, как мне удалось бежать? Сейчас расскажу. Вскоре после того как услышали мы ночью орудийный гул, нас отправили на работу по строительству укреплений. Морозы сменились оттепелью. Шли дожди. Нас гнали на север от лагеря. Снова было то же, что и вначале: истощенные люди падали, их пристреливали и бросали на дороге...

Впрочем, одного унтер застрелил за то, что он на ходу взял с земли мерзлую картофелину. Мы шли через картофельное поле. Старшина, по фамилии Гончар, украинец по национальности, поднял эту проклятую картофелину и хотел спрятать ее. Унтер заметил, Ни слова не говоря, он подошел к Гончару и выстрелил ему в затылок. Колонну остановили, построили. «Все это — собственность германского государства,— сказал унтер, широко поводя вокруг рукой.— Всякий из вас, кто самовольно что-либо возьмет, будет убит».

В деревне, через которую мы проходили, женщины,

увидев нас, стали бросать нам куски хлеба, печеный картофель. Кое-кто из наших успел поднять, остальным не удалось: конвой открыл стрельбу по окнам, а нам приказано было идти быстрее. Но ребятишки — бесстрашный народ, они выбегали за несколько кварталов вперед, прямо на дорогу клали хлеб, и мы подбирали его. Мне досталась большая вареная картофелина. Разделили ее пополам с соседом, съели с кожурой. В жизни я не ел более вкусного картофеля!

Укрепления строились в лесу. Немцы значительно усилили охрану, выдали нам лопаты. Нет, не строить им укрепления, а разрушать я хотел!

В этот же день перед вечером я решился: вылез из ямы, которую мы рыли, взял лопату в левую руку, подошел к охраннику... До этого я приметил, что остальные немцы находятся у рва и, кроме этого, какой наблюдал за нашей группой, поблизости никого из охраны не было.

— У меня сломалась лопата... вот посмотрите,— бормотал я, приближаясь к солдату. На какой-то миг мелькнула у меня мысль, что если не хватит сил и я не свалю его с первого удара,— я погиб. Часовой, видимо, что-то заметил в выражении моего лица. Он сделал движение плечом, снимая ремень автомата, и тогда я нанес удар лопатой ему по лицу. Я не мог ударить его по голове: на нем была каска. Силы у меня все же хватило, немец без крика запрокинулся навзничь.

В руках у меня автомат и три обоймы. Бегу! И тут-то оказалось, что бегать я не могу. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле потрусил рысцой. За оврагом лес был гуще, и я стремился туда. Уже не помню, сколько раз падал, вставал, снова падал... Но с каждой минутой уходил все дальше. Всхлипывая и задыхаясь от усталости, пробирался я по чаще на той стороне холма, когда далеко застучали очереди автоматов и послышался крик. Теперь поймать меня было нелегко.

Приближались сумерки. Но если бы немцы сумели напасть на мой след и приблизиться — только последний патрон я приберег бы для себя. Эта мысль меня ободрила, я пошел тише и осторожнее.

Ночевал в лесу. Какая-то деревня была от меня в полукилометре, но я побоялся идти туда, опасаясь нарваться на немцев.

На другой день меня подобрали партизаны. Недели две я отлеживался у них в землянке, окреп и набрался сил. Вначале они относились ко мне с некоторым подозрением, несмотря на то что я достал из-под подкладки шинели кое-как зашитый мною в лагере партбилет и показал им. Потом, когда я стал принимать участие в их операциях, отношение ко мне сразу изменилось. Еще там открыл я счет убитым мною фашистам, тщательно веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне.

В январе партизаны провели меня через линию фронта. Около месяца пролежал в госпитале. Удалили из плеча осколок мины, а добытый в лагерях ревматизм и все остальные недуги буду залечивать после войны. Из госпиталя отпустили меня домой на поправку. Пожил дома неделю, а больше не мог. Затосковал, и все тут! Как там ни говори, а мое место здесь до конца.

Прощались мы у входа в землянку. Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

—...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»,— а вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю,— закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишения-

ми, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался.

В. Гроссман

Направление главного удара [1]

Ночью сибирские полки дивизии полковника Гуртьева заняли оборону. Всегда суров и строг вид завода, но можно ли найти в мире картину суровее той, что увидали люди дивизии в октябрьское утро 1942 года? Темные громады цехов, поблескивающие влагой рельсы, уже кое-где тронутые следами окиси, нагромождение разбитых товарных вагонов, горы стальных стволов, в беспорядке валяющиеся по обширному, как главная площадь столицы, заводскому двору, холмы красного шлака, уголь, могучие заводские трубы, во многих местах пробитые немецкими снарядами. На асфальтированной площадке темнели ямы, вырытые авиационными бомбами, всюду валялись стальные осколки, изорванные силой взрыва, словно тонкие лоскуты ситца. Дивизии предстояло стать перед этим заводом и стоять насмерть. За спиной была холодная, темная Волга. Ночью саперы взламывали асфальт и в каменистой почве выдалбливали кирками окопы, в мощных стенах цехов прорубали боевые амбразуры, в подвалах разрушенных зданий устраивали убежища. Полки Маркелова и Михалева обороняли завод. Один из командных пунктов был устроен в бетонированном канале, проходившем под зданиями главных цехов. Полк Сергеенко оборонял район глубокой балки, шедшей через заводские поселки к Волге. «Логом смерти» называли ее бойцы и командиры полка. Да, за спиной была ледяная, тем-

[1] Из кн.: Венок славы. Т. 4. М.: Современник, 1984.

ная Волга, за спиной была судьба России. Дивизии предстояло стоять насмерть.

...В 1941 году германские полки двигались от моря до моря. В нынешнем, 1942 году немцы всю силу своего удара сконцентрировали в юго-восточном направлении. ...Но, мало того, здесь, в Сталинграде, немцы вновь заострили свое наступательное давление. Они стабилизировали свои усилия в южных и центральных частях города. Всю огневую тяжесть бесчисленных минометных батарей, тысячи орудий и воздушных корпусов обрушили немцы на северную часть города, на стоящий в центре промышленного района завод «Баррикады». Немцы полагали, что человеческая порода не в состоянии выдержать такого напряжения, что нет на земле таких сердец, таких нервов, которые не порвались бы в диком аду огня, визжащего металла, сотрясаемой земли и обезумевшего воздуха. Здесь был собран весь дьявольский арсенал германского милитаризма — тяжелые и огнеметные танки, шестиствольные минометы, армады пикирующих бомбардировщиков с воющими сиренами, осколочными, фугасными бомбами. Здесь автоматчиков снабдили разрывными пулями, артиллеристов и минометчиков — термитными снарядами. Здесь была собрана германская артиллерия от малых калибров противотанковых полуавтоматов до тяжелых дальнобойных пушек. Здесь бросали мины, похожие на безобидные зеленые и красные мячики, и воздушные торпеды, вырывающие ямы в двухэтажный дом. Здесь ночью было светло от пожаров и ракет, здесь днем было темно от дыма горящих зданий и дымовых шашек германских маскировщиков. Здесь грохот был плотен, как земля, а короткие минуты тишины казались страшней и зловещей грохота битвы. И если мир склоняет головы перед героизмом русских армий, если русские армии с восхищением говорят о защитниках Сталинграда, то уже здесь, в самом Сталинграде, бойцы Шумилова с почтительным уважением произносят:

— Ну, что мы? Вот люди: держат заводы. Страшно и удивительно смотреть: день и ночь висит над ними туча огня, дыма, немецких пикировщиков, а Чуйков стоит.

Грозные это слова для военного человека — направление главного удара,— жестокие, страшные слова. Нет слов страшнее на войне, и, конечно, не случайно, что в

хмурое осеннее утро заняла оборону у завода сибирская дивизия полковника Гуртьева. Сибиряки — народ коренастый, строгий, привыкший к холоду и лишениям, молчаливый, любящий порядок и дисциплину, резкий на слова. Сибиряки — народ надежный, кряжистый. Они-то в суровом молчании били кирками каменистую землю, рубили амбразуры в стенах цехов, устраивали блиндажи, окопы, ходы сообщения, готовя смертную оборону.

Полковник Гуртьев, сухощавый пятидесятилетний человек, в 1914 году ушел со второго курса Петербургского политехнического института добровольцем на русско-германскую войну. Он был тогда артиллеристом, воевал с немцами под Варшавой, под Барановичами, Черторийском.

Двадцать восемь лет своей жизни посвятил полковник военному делу, воевал и учил командиров. Два сына его лейтенантами ушли на войну. В далеком Омске остались жена и дочь-студентка. И в этот торжественный и грозный день полковник вспомнил и сыновей-лейтенантов, и дочь, и жену, и много десятков воспитанных им молодых командиров, и всю свою долгую, полную труда, спартански скромную жизнь. Да, пришел час, когда все принципы военной науки, морали, долга, которые он с суровым постоянством преподавал сыновьям своим, ученикам, сослуживцам, должны были получить проверку, и с волнением поглядывал полковник на лица солдат-сибиряков: омичей, новосибирцев, красноярцев, барнаульцев — тех, с кем сулила ему судьба отражать удары врага. Сибиряки пришли к великим рубежам хорошо подготовленными. Дивизия прошла большую школу, прежде чем выступить на фронт. Тщательно и умно, беспощадно-придирчиво учил бойцов полковник Гуртьев. Он знал, что, сколь ни тяжела военная учеба — ночные учебные штурмы, утюжение танками сидящих в щелях бойцов, долгие марши,— все же во много крат тяжелее и суровее сама война. Он верил в стойкость, в силу сибирских полков. Он проверил ее в дороге, когда за весь долгий путь было лишь одно чрезвычайное происшествие: боец уронил на ходу поезда винтовку, соскочил, поднял винтовку и три километра бежал до станции, чтобы догнать идущий к фронту эшелон. Он проверил стойкость полков в сталинградской степи, где необстрелянные люди спокойно отразили внезапную атаку тридцати немецких

танков. Он проверил выносливость сибиряков во время последнего марша к Сталинграду, когда люди за двое суток покрыли расстояние в двести километров. И все же с волнением поглядывал полковник на лица бойцов, вышедших на главный рубеж, на направление главного удара.

Гуртьев верил в своих командиров. Молодой, не знающий устали начальник штаба полковник Тарасов мог дни и ночи сидеть в сотрясаемом взрывами блиндаже над картами, планировать сложный бой. Его прямота и беспощадность суждений, его привычка смотреть жизни прямо в глаза и искать военную правду, как бы горька она ни была, зиждились на железной вере. В этом небольшом сухощавом молодом человеке с лицом, речью и руками крестьянина жила неукротимая сила мысли и духа. Заместитель командира дивизии по политической части Свирин обладал крепкой волей, острой мыслью, аскетической скромностью, он умел оставаться спокойным, веселым и улыбаться там, где забывал об улыбке самый спокойный и жизнерадостный человек. Командиры полков Маркелов, Михалев и Чамов были гордостью полковника, он верил им, как самому себе. О спокойной храбрости Чамова, о несгибаемой воле Маркелова, о замечательных душевных качествах Михалева, любимца полка, по-отечески заботливого к подчиненным, мягкого и «симпатичнейшего человека», не знающего, что такое страх, все в дивизии говорили с любовью и восхищением,— и все же с волнением глядел на лица своих командиров полковник Гуртьев, ибо он знал, что такое направление главного удара, что значит держать великий рубеж Сталинградской обороны. «Выдержат ли, выстоят ли?» — думал полковник.

Едва дивизия успела закопаться в каменистую почву Сталинграда, едва управление дивизии ушло в глубокую штольню, выдолбленную в песчаной скале над Волгой, едва протянулась проволочная связь и застучали радиопередатчики, связывающие командные пункты с занявшей в Заволжье огневые позиции артиллерией, едва мрак ночи сменился рассветом, как немцы открыли огонь. Восемь часов подряд пикировали «Юнкерсы-87» на оборону дивизии, восемь часов, без единой минуты перерыва, шли, волна за волной, немецкие самолеты, восемь часов выли сирены, свистели бомбы,

сотрясалась земля, рушились остатки кирпичных зданий, восемь часов в воздухе стояли клубы дыма и пыли, смертно выли осколки. Тот, кто слышал вопль воздуха, раскаленного авиационной бомбой, тот, кто пережил напряжение стремительного десятиминутного налета немецкой авиации, тот поймет, что такое восемь часов интенсивной воздушной бомбежки пикирующих бомбардировщиков. Восемь часов сибиряки били всем своим оружием по немецким самолетам, и, вероятно, чувство, похожее на отчаяние, овладело немцами, когда эта горящая, окутанная черной пылью и дымом заводская земля упрямо трещала винтовочными залпами, рокотала пулеметными очередями, короткими ударами противотанковых ружей и мерной, злой стрельбой зениток. Казалось, все живое должно быть сломлено, уничтожено, а сибирская дивизия, закопавшись в землю, не согнулась, не сломалась, а вела огонь — упрямая, бессмертная. Немцы ввели в действие тяжелые полковые минометы и артиллерию. Нудное шипение мин и вой снарядов присоединились к свисту сирен и грохоту рвущихся авиационных бомб. Так продолжалось до ночи. В печальном и строгом молчании хоронили красноармейцы своих погибших товарищей. Это был первый день — новоселье. Всю ночь не умолкали немецкие артиллерийские минометные батареи, и мало кто спал в эту ночь.

Этой ночью на командном пункте полковник Гуртьев встретил двух своих старых друзей, которых не видел больше двадцати лет. Люди, расставшиеся молодыми, неженатыми, встретились уже седыми, морщинистыми. Двое из них командовали дивизиями, третий — танковой бригадой. Они обнялись, и все вокруг: начальники их штабов, и адъютанты, и майоры из оперативного отдела — увидели слезы на глазах седых людей.

«Какая судьба, какая судьба!» — говорили они. И в самом деле: что-то величественное и трогательное было во встрече друзей юности в грозный час, среди пылавших заводских корпусов и развалин Сталинграда. Видно, правильной дорогой шли они, если встретились вновь при выполнении высокого и тяжелого долга.

Всю ночь грохотала немецкая артиллерия, и, едва взошло солнце над вспаханной немецким железом землей, появилось сорок пикировщиков, и снова завыли сирены, и снова черное облако пыли и дыма поднялось

над заводом, закрыло землю, цеха, разбитые вагоны, и даже высокие заводские трубы потонули в черном тумане. В это утро полк Маркелова вышел из укрытий, убежищ, окопов, он покинул бетонные и каменные норы и перешел в наступление. Батальоны шли вперед через горы шлака, через развалины домов, мимо гранитного здания заводской конторы, через рельсовые пути, через садик городского предместья. Они шли мимо тысяч безобразных ям, вырытых бомбами, и над головами людей был весь ад немецкой воздушной армии. Железный ветер бил в лицо, и они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди шли в атаку, смертны ли они?

Да, они были смертны. Полк Маркелова прошел километр, занял новые позиции, закрепился на них. Только здесь знают, что такое километр. Это тысяча метров, это сто тысяч сантиметров. Ночью немцы атаковали полк во много раз превосходящими силами. Шли батальоны немецкой пехоты, шли тяжелые танки, и пулеметы заливали позиции полка железом. Автоматчики лезли с упорством лунатиков. О том, как сражался полк Маркелова, расскажут мертвые тела бойцов, расскажут друзья, слышавшие, как в ночь, и на следующий день, и снова в ночь рокотали русские пулеметы, раздавались взрывы русских гранат. Повесть об этом бое расскажут развороченные и сожженные немецкие танки и длинные вереницы крестов с немецкими касками, выстроившиеся повзводно, поротно, побатальонно...

Да, они были простыми смертными, и мало кто уцелел из них, но они сделали свое дело.

На третий день немецкие самолеты висели над дивизией уже не восемь, а двенадцать часов. Они оставались в воздухе после заката солнца, и из высокой тьмы ночного неба возникали воющие голоса сирен «юнкерсов», и, как тяжелые и частые удары молота, обрушивались на полыхавшую дымным красным пламенем землю фугасные бомбы. С утренней зари до вечерней били по дивизии немецкие пушки и минометы. Сто артиллерийских полков работало на немцев в районе Сталинграда. Иногда они устраивали огневые налеты, по ночам они вели изматывающий методический огонь. Вместе с ними работали минометные батареи. Это было направление главного удара.

По нескольку раз в день вдруг замолкали немецкие

пушки, минометы, вдруг исчезала давящая сила пикировщиков. Наступала необычайная тишина. Тогда наблюдатели кричали: «Внимание!» — и боевое охранение бралось за бутылки горючей жидкости, бронебойщики раскрывали брезентовые сумки с патронами, автоматчики обтирали ладонями свои ППШ, гранатометчики ближе подвигали ящики гранат. Эта короткая, минутная тишина не означала отдыха. Она предшествовала атаке.

Вскоре лязг сотен гусениц, низкое гудение моторов оповещали о движении танков, и лейтенант кричал:

— Товарищи, внимание! Слева просачиваются автоматчики.

Иногда немцы подходили на расстояние тридцати — сорока метров, и сибиряки видели их грязные лица, порванные шинели, слышали картавые выкрики, угрозы, насмешки, а после того как немцы откатывались, на дивизию с новой яростью обрушивались пикировщики и огневые валы артиллерии и минометов. В отражении немецких атак великую заслугу имела наша артиллерия. Командир артиллерийского полка Футенфиров, командиры дивизионов и батарей находились вместе с батальонами, ротами дивизии на передовой. Радио связывало их с огневыми позициями, и десятки мощных дальнобойных орудий на левом берегу жили одним дыханием, одной тревогой, одной бедой и одной радостью с пехотой. Артиллерия делала десятки замечательных вещей: она прикрывала стальным плащом пехотные позиции, она корежила, как картон, сверхтяжелые немецкие танки, с которыми не могли справиться бронебойщики, она, словно меч, отсекала автоматчиков, лепившихся к броне танков, она обрушивалась то на боевую площадь, то на тайные места сосредоточения, она взрывала склады и поднимала на воздух немецкие минометные батареи. Нигде за время войны пехота так не чувствовала дружбу и великую помощь артиллерии, как в Сталинграде.

В течение месяца немцы произвели сто семнадцать атак на полки сибирской дивизии.

Был один страшный день, когда немецкие танки и пехота двадцать три раза ходили в атаку. И эти двадцать три атаки были отбиты. В течение месяца каждый день, за исключением трех, немецкая авиация висела над дивизией десять — двенадцать часов. Всего за

месяц триста двадцать часов. Оперативное отделение подсчитало астрономическое количество бомб, сброшенных немцами на дивизию. Это — цифра с четырьмя нолями. Такой же цифрой определяется количество немецких самолето-налетов. Все это происходило на фронте длиной около полутора — двух километров. Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнем и металлом можно было сжечь и уничтожить государство. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они полагали, что перекрыли предел сопротивления человеческих сердец и нервов. Но удивительное дело: люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильней и спокойней. Молчаливый, кряжистый сибирский народ стал еще суровей, еще молчаливей, ввалились у красноармейцев щеки, мрачно смотрели глаза. Здесь, на направлении главного удара германских сил, не слышно было в короткие минуты отдыха ни песни, ни гармоники, ни веселого легкого слова. Здесь люди выдерживали сверхчеловеческое напряжение. Бывали периоды, когда они не спали по трое, четверо суток кряду, и командир дивизии, седой полковник Гуртьев, разговаривая с красноармейцами, с болью услышал слова бойца, тихо сказавшего:

— Есть у нас все, товарищ полковник, и хлеб — девятьсот граммов, и горячую пищу непременно два раза в день приносят в термосах, да не кушается.

Гуртьев любил и уважал своих людей, и знал он — когда солдату «не кушается», то уже крепко, по-настоящему тяжело ему. Но теперь Гуртьев был спокоен. Он понял: нет на свете силы, которая могла бы сдвинуть с места сибирские полки. Великим и жестоким опытом обогатились красноармейцы и командиры за время боев. Еще прочней и совершенней стала оборона. Перед заводскими цехами выросли сложные переплетения саперных сооружений — блиндажи, ходы сообщения, стрелковые ячейки; инженерная оборона была вынесена далеко вперед, перед цехами. Люди научились быстро и слаженно производить подземные маневры, сосредоточиваться, рассыпаться, переходить из цеха в окопы ходами сообщения и обратно, в зависимости от того, куда обрушивала свои удары авиация противника, в зависимости от того, откуда появлялись танки и пехота атакующих немцев. Были сооружены подземные «усы»,

«щупальца», по которым истребители подбирались к тяжелым немецким танкам, останавливающимся в ста метрах от здания цехов. Саперы минировали все подходы к заводу. Мины приходилось подносить на руках, по две штуки, держа их под мышками, как хлебы. Этот путь от берега к заводу шел на протяжении шести — восьми километров и полностью простреливался немцами. Само минирование производилось в глубоком мраке, в предрассветные часы, часто на расстоянии тридцати метров от фашистских позиций. Так было заложено около двух тысяч мин под бревна разнесенных бомбежкой домиков, под кучи камней, в ямки, вырытые снарядами и минами. Люди научились защищать большие дома, создавая плотный огонь от первого этажа до пятого, устраивали изумительно тонко замаскированные наблюдательные пункты перед самым носом у неприятеля, использовали в обороне ямы, вырытые тяжелыми бомбами, всю сложную систему подземных заводских газопроводов, маслопроводов, водопроводов. С каждым днем совершенствовалась связь между пехотой и артиллерией, и иногда казалось, что Волга не отделяет пушек от полков, что глазастые пушки, мгновенно реагирующие на каждое движение врага, находятся рядом со взводами, с командными пунктами.

Вместе с опытом росла внутренняя закалка людей. Дивизия превратилась в совершенный, на диво слаженный единый организм. Люди дивизии не чувствовали, сами не понимали, не могли ощутить тех психологических изменений, которые произошли в них за месяц пребывания в аду, на переднем крае обороны великого Сталинградского рубежа. Им казалось, что они те же, какими были всегда: они в свободную, тихую минуту мылись в подземных банях, им так же приносили горячую пищу в термосах, и заросшие бородами Макаревич и Карнаухов, похожие на мирных сельских почтарей, приносили под огнем на передовую в своих кожаных сумках газеты и письма из далеких омских, тюменских, тобольских, красноярских деревень. Они вспоминали о своих плотницких, кузнечных, крестьянских делах. Они насмешливо звали шестиствольный немецкий миномет «дурилой», а пикирующие бомбардировщики с сиренами — «скрипунами» и «музыкантами». На крики немецких автоматчиков, грозивших им из развалин соседних зданий и кричавших: «Эй, рус, буль-буль, сда-

вайся», они усмехались и меж собой говорили: «Что это немец все гнилую воду пьет или не хочет волжской»? Им казалось, что они те же, и только вновь приезжавшие с лугового берега с почтительным изумлением смотрели на них, уже не ведавших страха людей, для которых не было больше слов «жизнь» и «смерть». Только глаза со стороны могли оценить всю железную силу сибиряков, державших смертную оборону, их равнодушие к смерти, их спокойную волю до конца вынести тяжкий жребий.

Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой. Героизм всюду и во всем. Героизм был в работе поваров, чистивших под сжигающим огнем термитных снарядов картошку. Великий героизм был в работе девушек-санитарок, тобольских школьниц Тони Егоровой, Зои Калгановой, Веры Каляды, Нади Кастериной, Лели Новиковой и многих их подруг, перевязывавших и поивших водой раненых в разгаре боя. Да, если посмотреть глазами со стороны, то героизм был в каждом будничном движении людей дивизии: и в том, как офицер связи Батраков, аккуратно протирая очки, вкладывал в полевую сумку донесения и отправлялся в двадцатикилометровый путь по «логу смерти» с будничным спокойствием, и в том, как автоматчик Колосов, засыпанный в блиндаже разрывом по самую шею землей и обломками досок, повернул к заместителю командира Свирину лицо и рассмеялся, и в том, как машинистка штаба краснощекая толстуха-сибирячка Клава Копылова начала печатать в блиндаже боевой приказ и была засыпана, откопана, перешла печатать во второй блиндаж, снова была засыпана, снова откопана и все же допечатала приказ в третьем блиндаже и принесла его командиру дивизии на подпись.

Вот такие люди стояли на направлении главного удара.

Об их несгибаемом упорстве больше всего знают сами немцы. Ночью в блиндаж к Свирину привели пленного. Руки и лицо его, поросшие седой щетиной, были совершенно черные от грязи, превратившийся в тряпку шерстяной шарф прикрывал шею. Это был немец из пробивных отборных частей немецкой армии, участник всех походов, член нацистской партии. После обычных вопросов пленному перевели вопрос Свирина:

«Как расценивают немцы сопротивление в районе завода?» Пленный стоял, прислонившись плечом к каменной стене блиндажа. «О!» — сказал он и вдруг разрыдался.

Да, настоящие люди стояли на направлении главного удара, их нервы и сердца выдержали.

К концу второй декады немцы предприняли решительный штурм завода. Восемьдесят часов подряд работала авиация, тяжелые минометы и артиллерия. Три дня и три ночи превратились в хаос дыма, огня и грохота. Шипение бомб, скрипящий рев мин из шестиствольных «дурил», гул тяжелых снарядов, протяжный визг сирен одни могли оглушить людей, но они лишь предшествовали грому разрывов. Рваное пламя взрывов полыхало в воздухе, вой истерзанного металла пронизывал пространство. Так было восемьдесят часов. Затем подготовка кончилась, и сразу же в пять утра в атаку перешли тяжелые и средние танки, пьяные орды автоматчиков, пехотные немецкие полки. Немцам удалось ворваться в завод, их танки ревели у стен цехов, они рассекали нашу оборону, отрезали командные пункты дивизии и полков от переднего края обороны. Казалось, что лишенная управления дивизия потеряет способность к сопротивлению, что командные пункты, попавшие под непосредственный удар противника, обречены уничтожению, но произошла поразительная вещь: каждая траншея, каждый блиндаж, каждая стрелковая ячейка и укрепленные руины домов превратились в крепости со своими управлениями, со своей связью. Сержанты и рядовые красноармейцы стали командирами, смело и мудро отражавшими атаки. И вот в горький и тяжелый час командиры, штабные работники превратили командные пункты в укрепления и сами, как рядовые, отражали атаки врага. Десять атак отбил Чамов. Огромный рыжий командир танка, оборонявший командный пункт Чамова, расстреляв все снаряды и патроны, соскочил на землю и стал камнями бить подошедших автоматчиков. Командир полка сам стрелял из миномета. Любимец дивизии командир полка Михалев погиб от прямого попадания бомбы в командный пункт. «Убило нашего отца»,— говорили красноармейцы. Сменивший Михалева майор Кушнарев перенес свой командный пункт в бетонированную трубу, проходящую под заводскими цехами. Несколько часов вели бой у входа в эту трубу

Кушнарев, его начальник штаба Дятленко и шесть человек командиров. У них имелось несколько ящиков гранат, и этими гранатами они отбили все атаки немецких автоматчиков.

Этот невиданный по ожесточенности бой длился не переставая несколько суток. Он шел уже не за отдельные дома и цеха, он шел за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода. Ни один человек не отступал в этом бою. И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев. Все дрались так, как рыжий великан-танкист, фамилии которого так и не узнал Чамов, как сапер Косиченко, выдергивавший чеку из гранаты зубами, так как у него была перебита левая рука. Погибшие словно передали силу оставшимся в живых, и бывали такие минуты, когда десять активных штыков успешно держали оборону, занимаемую батальоном. Много раз переходили заводские цеха от сибиряков к немцам, и снова сибиряки захватывали их. В этом бою немцам удалось занять ряд зданий и заводских цехов. В этом бою немцы достигли максимального напряжения атак. Это был самый высокий потенциал их удара на главном направлении. Словно подняв непомерную тяжесть, они надорвали какие-то внутренние пружины, приводившие в действие их пробивной таран.

Кривая немецкого напора начала падать. Три немецкие дивизии — 94, 305, 389-я — дрались против сибиряков. Пяти тысяч немецких жизней стоили сто семнадцать пехотных атак. Сибиряки выдержали это сверхчеловеческое напряжение. Две тысячи тонн превращенного в лом танкового металла легло перед заводом. Тысячи тонн снарядов, мин, авиабомб упали на заводской двор, на цеха, но дивизия выдержала напор. Она не сошла со смертного рубежа, она ни разу не оглянулась назад, она знала: за спиной ее была Волга, судьба страны.

Невольно думаешь о том, как выковывалась эта великая стойкость. Тут сказался и народный характер, и высокое сознание великой ответственности, и угрюмое, кряжистое сибирское упорство, и отличная военная и политическая подготовка, и суровая дисциплина. Но мне хочется сказать еще об одной черте, сыгравшей не-

малую роль в этой великой и трагической эпопее,— об удивительной целомудренной морали, о крепкой любви, связавшей всех людей сибирской дивизии. Дух спартанской скромности свойственен всему командному составу дивизии. Он сказывается и в бытовых мелочах, и в разумной, нешумливой деловитости. Любовь, связывающую людей дивизии, я увидел в той скорби, с которой говорят о погибших товарищах.

Я увидел ее в трогательной встрече седого полковника Гуртьева с вернувшейся после второго ранения батальонной санитаркой Зоей Калгановой. «Здравствуйте, дорогая девочка моя»,— тихо сказал Гуртьев и быстро, с протянутыми руками, пошел навстречу худой стриженой девушке. Так лишь отец может встречать свою родную дочь. Эта любовь и вера друг в друга помогали в страшном бою красноармейцам становиться на место командиров, помогали командирам и работникам штаба браться за пулемет, ручную гранату, бутылку с горючей жидкостью, чтобы отражать немецкие танки, вышедшие к командным пунктам.

Жены и дети никогда не забудут своих мужей и отцов, павших на великом Волжском рубеже. Этих хороших, верных людей нельзя забыть. Наша Красная Армия может лишь одним достойным способом почтить святую память павших на направлении главного удара противника — освободительным, не знающим преград наступлением. Мы верим, что час этого наступления близок.

В. Очеретин

Батальон «стрижей»

В феврале 1943 г. партийные организации Свердловской, Челябинской областей и других партийных организаций Урала с одобрения ГКО начали формировать Уральский танковый корпус. Весь личный состав корпуса был укомплектован из уральцев. На сбережения трудящихся, на отчисленный двух-трехдневный заработок были приобретены танки и вооружение. В мае закончилось формирование и боевая учеба, в июне корпус был направлен на фронт. Боевое крещение Уральский танковый корпус принял в летних сражениях на Курской дуге. В 1943 г. корпусу было присвоено гвардейское звание [1].

Поздней осенью сорок третьего наш Уральский корпус, в боях уже удостоенный звания гвардии, стоял, замаскировавшись в густых Брянских лесах, на переформировании. Нас отвели с передовой линии фронта немного в тыл — привести в порядок, пополнить людьми, техникой.

До фронта я был прокатчиком-листокатальщиком. Работа грубая, с клещами в руках — профессия не сильно связанная с тонкостями техники. Поэтому на переформировке в Брянском лесу меня не послали в танковый батальон, в экипаж, а, учитывая, что перед боями в нашей танкодесантной роте автоматчиков выбирался комсоргом, командование решило сделать из меня политработника.

И фронтовая судьба прочно связала меня с нашим Батей.

Батей мы за глаза называли заместителя командира батальона по политической части Александра Андреевича Татарченко. Обычно — уважительно, иногда, среди командиров, чуть фамильярно. Он слыл малоразговорчивым, суховатым и суровым офицером, основную долю жизни он прослужил в Красной Армии и до всего дошел практическим опытом. Намного старше любого нашего солдата, сержанта или офицера, Александр Ан-

[1] Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 года — 1945 год): Документы и материалы. М.: Политиздат, 1961, с. 670.

древич относился к каждому по-отцовски, что получалось у него всегда с трогательной искренностью и, я сказал бы, мудростью. Потому и — Батя.

Своих отцов из-за войны многие из нас не видели давно, некоторые и вовсе потеряли. А парни остро чувствуют их отсутствие. Поэтому и получалось, что нашего батальонного Батю мы все любили. Любили и побаивались. Бывало, и дерзили ему, но повиновались беспрекословно, как полагается в воинском коллективе.

Так вот Батя — тогда он был еще капитаном — вызывает меня и говорит:

— По моей рекомендации политотдел бригады назначил вас, товарищ младший сержант, комсоргом батальона. Приступайте...

— Но, товарищ капитан...— попытался я артачиться.

— Разговоры отставить,— прервал он.— Думаешь, комсоргом тебе будет легче?..— И неожиданно добавил, с сердцем: — Чокнутые вы, добровольцы,— вот что я тебе скажу. Рвались в армию, на фронт, а любое выдвижение по службе воспринимаете как оскорбление. Темнота!..

И вот прибыло пополнение.

Когда сейчас, бывает, по радио передают «Мальчишки, мальчишки, вы первыми ринулись в бой. Мальчишки, мальчишки, страну заслонили собой...» — я ухожу: от этой песни душа переворачивается.

С первых дней войны на фронте в основном дрались молодые люди. Семнадцатый, восемнадцатый год рождения... двадцатый, двадцать первый, двадцать второй — наше быстро поредевшее поколение. В 1943-м пришел черед призываться двадцать пятому году. Ребятам едва исполнилось восемнадцать. А многие сумели попасть в армию и раньше своего времени, прибавив себе год; делалось это просто: шестерка в документах подскабливалась и поправлялась — получалась пятерка, двадцать пятый год рождения вместо двадцать шестого.

Грустна была сцена появления мальчишек, что прислали нам в Брянский лес. Моросил плотный дождь, и дрожавшие меж могучих сосен густые осиннички роняли последние багровые листки. Стелились дымки печурок нашего батальона. «Пришли!.. Пришли!» — разнеслось окрест. Мы вышли из землянок, что успели выко-

пать с расчетом и на пополнение, закрыть добротным накатом, протопить, прогреть. Нас было совсем мало.

Перед нами, на аллее, вырубленной в чащобе, стоял неровный строй худеньких солдат. Невысокие, они еще и сутулились в набрякших шинелях не по росту. Снимали шапки, подолгу вытирали подкладкой мокрые, словно заплаканные, лица, отряхивались, будто капли дождя были им уже непосильной дополнительной тяжестью. И изморось белесой пыльцой оседала на их остриженных под машинку головах.

Мы все понимали. И то, что война длится третий год. И бескормицу у нас, на заводском Урале, который, как и вся страна, лучшее отдавал фронту. И то, что они устали с дороги. И то, что они еще недостаточно подготовлены, придется их подучить. Мы-то бывалые, уже гвардейцы, среди нас есть уже и орденоносцы, иные успели пройти не только бои, но и госпиталь. И все-таки мы были смущены. Мы выглядели по сравнению с вновь прибывшими просто богатырями. Да и летами постарше. Кое-что видавшие бойцы, хоть и сами еще мальчишки, но чубатые, кудлатые, грудастые, сытые. А они — голомозые, подыстощенные пацаны.

Принял рапорт, поздоровался с ними, поздравил с прибытием зампострой Иван Куцурак, исполнявший обязанности комбата. Он до того огорчился, что тут же ушел к себе в землянку поуспокоиться, собраться с мыслями. Что делать, с чего начать? Ведь скоро — в бои.

Перед строем остался Батя: политработнику падать духом не положено, у него должна быть выдержка на весь батальон. И, может быть, поэтому Александр Андреевич так рано стал седым. И брил голову наголо. «Так оно — помоложе. Иначе неловко в молодежном батальоне», — шутя оправдывался он.

— Ну, как... стрижи?..— начал он с ничего не значащего вопроса, насмешливо и нежно оглядывая ребят.

Молчание.

— А мы не стрижи,— наконец возразил кто-то из строя, с самого левого фланга, тихо и обиженно.

Батя добродушно улыбнулся.

— Ого! И ерши есть?.. Как зовут?

— Доброволец рядовой Бадяев! — громко ответил паренек. И добавил: — Михаил Георгиевич! — Наверное, для солидности добавил.

— Молодец,— сказал Батя.

— Служу Советскому Союзу!

— Совсем молодец. Если все такие, значит, будете орлами. А пока — стрижи: стриженые все... как я...— Батя, словно ненароком, снял фуражку и деловито стряхнул с нее капли. В строю заулыбались. Нет, весь строй улыбнулся, осветился как-то. А Батя продолжал: — Кто из вас добровольцы — поднимите руку. (Он не стал командовать по-военному — «шаг вперед».) Я имею в виду тех, кто еще не должен был призываться, ну, скажем, год себе как-то прибавил или еще как-нибудь схитрил. У нас высоко ценятся хитрые, смекалистые.

Без малого треть из четырехсот подняли руку.

— Ну, вот...— Батя обернулся к нам, ветеранам, и подморгнул: — Видите, сколько прибыло новых добровольцев?.. Все правильно!.. Нам сообщили, что с Урала едет отличное пополнение. Надеюсь, все остальные тоже не возражали пойти на фронт?.. У кого отцы воюют?

Больше половины парнишек подняли руку.

Батя увидел помрачневшие физиономии остальных ребят, что не подняли, и добавил:

— А у кого отцы погибли?

Подняли руку почти все остальные.

В пыли дождя закружились снежинки. Батя задумчиво поймал одну на ладонь, вздохнул, глянул на серое, почти черное небо:

— Ну, вы не думайте, что погода здесь у нас все время невеселая. Бывает и солнце... Значит, станем считать наше знакомство начатым. Фамилия моя — Татарченко, служу в батальоне заместителем командира по политической части... Сейчас вас разведут по землянкам. Обсушитесь — потом будет обед...— Он опять кивнул ветеранам и закончил серьезно: — Это замечательно, что к нам прибыл настоящий боевой народ, не сынки от маменькиной юбки. Именно такие нам и нужны... Я поздравляю вас, дорогие наши новые однополчане, с прибытием к землякам, в свой кровный Уральский добровольческий корпус. Это для вас большая удача... Старшины, разведите свои роты!..

Как сейчас, вижу нашего балагура и плясуна, никогда не унывающего старшину Васю Корякина, же-

лезнодорожного машиниста из Кировограда. Несмотря на дождь со снегом, без шинели (взамен прожженной в нескольких местах, залитой танковым газойлом, ничего достать еще не успел), идеально заправленный, начищенный и на три метра пахнущий одеколоном «Жди меня», Вася Корякин подошел к строю по-парадному. Словно на асфальтовом плацу. Словно светило солнце и был праздник, а он собрался вести своих «стрижей» на танцы или в кино:

— Вторая рота! Напра-а-а-во!.. Левое плечо вперед — шагом... марш!..

И «стрижи» пошли, расправив плечи, подняв головы.

Мальчишки... Мальчишки...

Не было более беспокойного и предприимчивого старшины. С ним мог соперничать разве что Николай Куликов, старшина 1-го танкового батальона, доброволец из Каменска-Уральского. Как-то на 1-м Украинском фронте, при переброске с фланга на фланг, нас занесло далеко в тыл, и старшин замучили инспекторы. Один требовал, чтобы все бойцы носили портянки, другой возмущался, почему не все в носках. И эти старшины распорядились, чтобы все ребята на правой ноге носили портянку, а на левой носок. При инспекции им оставалось только сообразить, что надо проверяющему.

Даже наш Батя — до чего уж знаток самых деликатных подробностей армейской жизни — и то, услыхав об этом нововведении, усомнился. Встретил роту возле полевой кухни и скомандовал: «Снять правый сапог, потом левый!»

— Это издевка над бойцами, товарищ старшина!

— Никак нет! Не над бойцами!..

Хитры были добровольцы...

После того как прибыли наши «стрижи», назавтра самого маленького из них — Костю Верховых — атаковала собака. Среди бела дня. Он стоял на посту у склада с консервами, в каске, похожий на гриб, с автоматом на груди, и тщательно нес службу. И чего вздумалось пробегавшей мимо дворняге, которую где-то подобрали и прикормили танкисты второго батальона, заинтересоваться нашим Костей?

— Стой!.. Стой!.. Назад!..— отгонял он ее.

Но собака — то ли решила поиграть с ним, то ли рассердилась — схватила его за полу шинели. Могая

головой, потащила, порвала. Потом еще раз. И еще. И парень заревел от неожиданности и с досады.

Наверное, такое нападение на часового и его растерянность выглядели презабавно: два других «стрижа» стояли в стороне и хохотали, пока не прибежал разводящий и не выручил Костю — отогнал собаку...

Стало известно, что нашему Уральскому добровольческому корпусу на днях будут вручать гвардейское знамя. Батя дал «стрижам» разговориться. Выяснили, что после очередного боя каждого можно рассматривать и представлять к званию гвардии. Но шустрый Миша Бадяев, что при первой встрече обиделся на прозвище «стрижи», сделал вывод безнадежный:

— Не видать нам гвардейского значка как своих ушей. Сперва со щенками надо научиться воевать...

Передо мной лежит старая Мишкина фотография: он в госпитале, в нательной рубахе, с привинченным на ней значком «Гвардия». Это у него любимый снимок на всю жизнь. Есть и другой: он идет в колонне ветеранов Отечественной войны по праздничному Челябинску в день 25-летия Победы. Михаил Георгиевич стал отцом четверых детей, теперь и дедушкой. Подковырщик в разговорах — как прежде...

Тогда, в Брянском лесу, наш Батя взял перед ним Костю Верховых под защиту:

— Я не согласен с Бадяевым. Конечно, случай необычный. Но я уверен: если б это была не собака...

— Я им то же самое говорю! — не выдержал Костя Верховых. — И собака-то наша, не немецкая...

— А если б немецкая? — язвительно спросил Миша.

— Я дал бы из автомата предупредительный, а потом — очередь в нее! — не задумываясь, ответил Костя.

— Смерть фашистским оккупантам?

— А как же! Они у нас все уничтожают. И мы им...— В запале не хватало слов.— Вот дойдем до Германии!..

— Стоп, стоп, стоп,— утихомирил их Батя.— Мы, конечно, придем в Германию. Но с чем? Голова-то на плечах у нас останется?.. И думать, наверное, будем. А?.. Народ-то в Германии разный, не одни фашисты. Кто из вас объяснит смысл таких, например, фактов? Первый. Все знают недавний судебный процесс в Краснодаре: группу наших изменников и немцев-эсэсовцев мы приговорили к смерти за зверства, за уничтоже-

ние беззащитных людей; суд был открытым — все увидели подробности гнусных дел гитлеровцев и их пособников, наших предателей. Это как бы одно отношение к Германии. Верно? И второе: все так же хорошо знают, что в Москве состоялось собрание представителей немецких военнопленных, сформирован антифашистский комитет «Свободная Германия». И мы со всей душой поддерживаем этот комитет. И разве противоречим самим себе?

— Так то — не фашисты, демократия,— сказал Миша Бадяев.

— Да, на демократической, рабоче-крестьянской основе они собрались. В комитете есть даже какой-то внук Бисмарка, но тоже антифашист...

В сорок пятом, на последнем этапе прорыва к Берлину, то ли в Люббене, то ли в Котбусе, возле ворот какой-то фабричонки мы натолкнулись на двух пожилых немцев. В старых кожаных фуражках, в коротких грубых пальто, они молча стояли и смотрели на колонну ворвавшихся в город наших танков. И каждый держал поднятый кулак у плеча. Наши автоматчики, сидя на броне, тоже поприветствовали их — тоже подняли к плечу кулак: со времен войны в Испании, с детства, мы знали антифашистский салют — рот-фронт.

Через два квартала начался бой. Гитлеровские офицеры действовали по своему шаблону: чтобы уничтожить нас, пустили наши танки в улицы города, совсем не учитывая, что мы уже хорошо научились вести уличные танковые бои. Наши танкисты с десантом на броне старались проскочить как можно ближе к центру тесного городишки. Затем автоматчики спрыгнули на ходу, и танкисты, взаимодействуя с ними, терпеливо выковыривали врагов, оборонявшихся в улицах, в административных зданиях. Маневренность и мощность наших Т-34 позволяли делать замысловатые и самые неожиданные обходы через дворы и закоулки, сквозь дома (орудием назад). А десантники помогали своим танковым экипажам, просачиваясь, проникая везде и всюду, орудуя откуда придется, даже с крыш.

И вот закончился тяжелый бой. Догорают два сожженных наших танка, потрескивает и коптит резина опорных катков в мелких язычках огня. Машины, остав-

шиеся в строю, урчат, выстраиваясь в колонну, чтобы следовать дальше.

На искореженной центральной площади городка, среди изломанных кустов по-весеннему зеленеющей акации, танкисты-безлошадники роют братскую могилу. Работают молча и остервенело: танкист-безлошадник — это тот, кто потерял в бою машину, а значит, почти всегда, и товарищей. Автоматчики помогают.

На асфальте, исцарапанном, в бороздах от гусениц, а кое-где и пропаханном снарядами, разостлали брезент. На нем ровным рядом — погибшие. Обгоревшие, изуродованные тела в черных шлемах, в комбинезонах и несколько простреленных стрижей в бушлатах защитного цвета....

Подходит наш Батя, замполит батальона, стаскивает с себя фуражку, смотрит исподлобья на убитых. Голова — в седой щеточке: давно не брита, некогда. И это старит его. А может, не только это.

Он подолгу глядит на каждого лежащего на брезенте. Он хорошо знает каждого и не произносит никаких слов. Да и стоящие тут же в молчании танкисты и автоматчики все равно ничего не услышали бы, погруженные в свои горькие мысли: прощание с друзьями навсегда — ничего нет хуже на свете!..

Вдруг Батя всполошился: рядом с мертвыми гвардейцами лежал морщинистый человек в кожаной старой кепке, в гражданском полупальто. Грудь прошита автоматной очередью.

— Это, товарищ гвардии майор, тот самый, что вышел встречать нас,— объяснил подскочивший автоматчик.— Помните? Только мы за окраину зацепились...

— Он же немец,— жестко произнес кто-то.

— Ну и что? — возразил другой.— Он же рабочий.

А механик-водитель Полугрюмов, сталевар нашего Верх-Исетского завода, со слезами на глазах заговорил:

— Да что вы, ребята, не видели, что ли?... Он же вышел со своим товарищем. Оба стояли, подняли кулаки к плечу — рот-фронт, значит... Все же видели! И свои же его застрелили, немцы... то есть не свои немцы, а фашисты... Второго тоже ранили...

Все смотрели на замполита. Батя опустил голову и прикрыл глаза, офицеру не следует выказывать свои чувства перед подчиненными, особенно когда чувства

сложны. Многих своих бойцов похоронил наш Батя за войну. А сейчас? Почти возле Берлина? Гражданина вражеского государства класть в одну братскую могилу с нашими?

— Пригласите на похороны гражданских немцев из ближайших подвалов,— наконец сказал Батя.— Да повежливее.

— Все сделаем в лучшем виде, товарищ гвардии майор,— заверили его.

В этом городе будущей Германской Демократической Республики мы были первыми представителями армии нашей страны.

...Свердловская танковая до вечера 11 января 1945 года, до нового наступления, стояла в Польше, за Вислой, западнее Сандомира, в районе Грызикамня, в низинном лесу. И за несколько месяцев после осенних боев на Сандомирском плацдарме, выбросить с которого нас приказывал сам Гитлер («Вырезать этот аппендицит!..»), уральцы ладно обжились и благоустроились, если такое выражение уместно употребить для фронтовой обстановки. Пополнившись техникой и людьми, готовясь к новым боям, много делали и для того, чтобы жизнь была удобнее, уютнее. Народ-то мастеровой, на выдумку неутомимый. И соревновались беспрестанно — в конструировании коптилок, в совершенствовании труб к печуркам в землянках (чтоб и тянуло сильно, и дым стелился по земле, рассеивался), в маскировке, в устройстве дренажа под лежаками (болото не болото, а водичка просачивалась).

Наш Батя часто ворчал:

— Вечно у тебя комсомольцы что-нибудь мастачат!.. Надо все свободное время, после боевой подготовки, использовать на политическую работу. Не у себя дома находимся, в Европе!.. Уже темнеет, а где твои агитаторы?

— Истина конкретна, товарищ майор. В данный момент помогают дяде Васе делать мишени к завтрашним стрельбам.

На фронте, к сожалению, почти не было никаких пособий для учебы. И больше всего поэтому приходилось в нашем батальоне «выкручиваться» дяде Васе — Василию Ивановичу Сосновскому, артмастеру батальона. Надо приготовить мишени, но нет ни досок, ни

гвоздей, ни краски. И дядя Вася, который пользовался всеобщим уважением и даже поклонением, потому что умел вмиг устранять любую неисправность у автомата и с трех патронов отрегулировать прицел по наивысшему классу точности, быстро изыскивал выход из положения, имея всегда помощников в любом количестве. Брали осину потолще, раскалывали на плашки, топором вытесывали поясной силуэт. Гвозди нарубали из немецкой колючей проволоки, ее в Европе было везде сколько угодно. Для черноты мишень обжигали на костерке.

Занятия по боевой подготовке велись очень интенсивно, ежесуточно, не менее десяти часов, и постоянно ночные. С сентября по январь на Сандомирском плацдарме — в дождь и слякоть, в мокрый снег и промозглый туман, днем и ночью — войска, находясь в напряженной обороне, учились. Поднимается батальон по тревоге, и не знаешь — то ли противник снова предпринял наступление, чтобы скинуть нас назад, за Вислу, то ли очередная «отработка взаимодействия танкового экипажа с автоматчиками десанта»: бросок на пяток километров «пеше-по-танковому», т. е. бесшумно, без машин.

Работали курсы немецкого языка. Тренировались действовать ночью мелкими, по три-четыре бойца, группами. Овладевали новым автоматом ППС, поступившим на смену ППШ,— более легким, более совершенным. Снова — прыжки с танка на полном ходу, и умей догнать его, взобраться на броню при любом маневре. А у танкистов — свое, но по тому же закону: «Все самое лучшее, обретенное в боях, должно стать достоянием всех». Это взаимозаменяемость экипажа. Это опыт боеукладки снарядов, сверх положенного. Опыт вождения ночью, в полной темноте. Опыт длительных дальних рейдов без остановки. И крупички опыта — действия танкистов с автоматчиками «в условиях улиц городского типа».

— Дальше, на западе, братцы, тесно: там не будет российских и украинских просторов, там не развернешь танки по фронту, станем действовать колоннами, маневрировать среди каменных зданий...

Эти слова командира нашей бригады гвардии полковника Николая Григорьевича Жукова вспоминаются до сих пор: далеко вперед умели глядеть наши командиры.

На занятиях организованной политшколы, где подробно все знакомились с Германией, на комсомольском собрании, на бюро, на ежедневных оперативках, в любом разговоре — главным были мысли о том, как мы станем действовать. Бывалый коллектив корпуса готовился к новым боям вдумчиво и серьезно. Разумеется, не без волнения. Еще бы! «Враг изгнан из пределов нашей Родины... Наступают последние, решающие бои за победу над гитлеровской Германией». Началась «освободительная миссия Красной Армии, очищающая Европу от фашизма»...

Это я привожу слова из газет того времени. И из фронтовой армейской, и нашей, корпусной,— «Доброволец». Это мысли, которыми мы тогда жили. Ими жили и комсомольцы (батальон стал полностью комсомольским) — наши «стрижи». Их продолжали так называть, хотя волосы у всех давно отросли, самодеятельные ротные и взводные парикмахеры исхитрялись делать самые модные прически.

В нашем батальоне ежедневно продолжала выходить «рукописная многотиражка» — «Автоматчик». Гвардии рядовой Слава Якубович, изготовлявший ее в десяти, а потом в двадцати экземплярах, настолько приспособился, что эта работа занимала у него час, не больше. Он очень ревностно выполнял это комсомольское поручение. После разгрома какого-то немецкого штаба в прошлых боях у Славы была кипа великолепной копирки и отличной тонкой, но плотной бумаги. Он закреплял на специально приспособленной дощечке десять экземпляров сразу и (уже имея наметанный глаз, набитую руку при несомненном природном даровании) рисовал тонким твердым карандашом всю страницу. По макету, который мы перед этим составляли, прикинув все заголовки, колонки, размеры заметок. Танк, гвардейский значок, автомат и прочие элементы оформления Слава умел изобразить несколькими штрихами.

Уникальная газета — своя, родная, батальонная, от желающих выступить в ней отбоя не было — не только пользовалась у всех популярностью, но и особой любовью: ее не раскуривали.

Один только наш Батя относился к ней несколько скептически. Нет, ему, конечно, было приятно, что во вверенном ему батальоне есть многотиражный боевой листок, известный среди политработников на весь 1-й

Украинский фронт. Но он не давал нам — комсомольскому бюро — почивать на лаврах передового опыта.

— Ну-ну, — обычно бурчал он, прочитав очередной номер от строчки до строчки.— На бумаге у вас здорово получается: вы уже готовы и Берлин штурмовать, и Гитлера повесить... Но как тут? — и он выразительно постукивал себя пальцем по огромному лысому лбу.

Чем он был доволен, так это повальным увлечением нашего комсомольского актива географией. Карту Европы, границы, линии фронтов ребята могли нарисовать на память. Могли перечислить все города и городишки от Сандомира до Берлина. Знали последние известия не только со всех наших фронтов, но и со всей страны, о делах тыла. И о делах союзников — о их трудных оборонительных сражениях в Арденнах. Да и стали «стрижи» дерзче, увереннее в себе: и боевой опыт появился за год беспрерывных действий, и своя-то земля освобождена... А свежий, постоянно возбужденный будоражащим настроением мозг впитывал столько, как теперь говорят, информации, что Батя только покряхтывал.

— Ну-ну,— напускал он на себя скепсис, охлаждающий нас. И медленно, нарочито нудно начинал перечислять промахи: — А во второй роте вчера стреляли на зачетных не все отлично. А в первой — часовой на посту уснул. Не у себя дома, бдительность нужна тройная, а вы, наверное, и не знаете — кто это опозорился.

— Знаем! Обсудили! Чистая случайность, товарищ майор. Танкисты механиков-водителей от наряда освобождают? Механик теперь в боях будет на особом положении. Тот, кто должен был пойти, письмо с Урала получил — его тоже от наряда освободили, ответ писать! А этого уговорили взамен постоять — он согласился, хотя сам две ночи не спал. Заметили-то сразу и заменили. Чепуховое дело!

— Вам, молодым, все — чепуховое. Вы готовы еще хоть десять лет воевать.

— Никак нет, товарищ гвардии майор! — подчеркнуто официально возражал Саша Перминов.— Дома работы накопилось много. В этом году обязательно должны отвоеваться.

Батя замолкал. Возможно, думал: «Выросли «стрижи». Сашу Перминова в роте молодые коммунисты уже выбрали парторгом...» А может, Батя вспомнил, как

однажды решил проверить солдатские вещевые мешки («Многие лишним барахлом обросли»), — и почти у каждого «стрижа» обнаружил всякие портативные инструменты. У кого отвертку, у кого тисочки, плоскогубцы, надфили, сверлышки — трофеи из немецких походных мастерских после разгрома их танковых частей. И не лень было таскать с собой!.. Зато артмастер дядя Вася в своей летучке снабжался трофейным инструментом сверхотлично.

Когда гул артподготовки возвестил о наступлении 1-го Украинского фронта, каждый из нас чувствовал не только плечо товарища по батальону, но и левый и правый фланги до самого дальнего далека, насколько хватало воображения. Как-то даже буднично, с обычным легким возбуждением, словно на очередных занятиях, бригада оставила накануне свой лагерь и передвинулась на исходную позицию, к передовой линии.

И только когда заговорили разом сотни орудий...

— Наверное, у союзников дела совсем плохи в Арденнах — нам придется начинать досрочно,— предположил кто-то.

И оказался прав.

Известно, что утром 12 января 1945 года Советская Армия начала крупнейшее наступление. К нему приготовилось пять фронтов по всему советско-германскому фронту. Взаимно увязывалось несколько операций — славные страницы Великой Отечественной: Восточно-Прусская — силами 3-го и 2-го Белорусских фронтов и Висло-Одерская — войсками 1-го Белорусского, 1-го и 4-го Украинских фронтов. Была задача, которую знал каждый солдат: разгромить стратегические группировки врага и открыть путь на Берлин.

Уральский добровольческий танковый пошел вперед в составе 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта. В многочисленных мемуарах о войне, в том числе у командующего 4-й танковой армии Дмитрия Даниловича Лелюшенко, который воздал нашему 10-му гвардейскому корпусу должное, подробно описана эта операция. После двухчасового огня артиллерии оборона гитлеровцев была взломана, перепахана — живого места не осталось, огневой вал перенесли в глубину расположения противника, а славная пехота 13-й армии

пошла в атаку. И к вечеру танковые армии фронта были введены в сражение.

Освещаемая ракетами ночь. Лавина танков, окрашенных в белый цвет, стремительно течет по заснеженным полям. В несколько рядов.

Как сейчас, вижу какой-то высокий огромный сарай, и река танков, раздвоившись, чтоб не задеть его, огибает справа и слева чье-то мирное строение. Но оборачиваюсь, когда миновали его,— сарай развалился. Его никто не зацепил, он просто рассыпался: так дрожала земля под топотом массы тяжелых машин.

Уральский корпус двигался в голове 4-й танковой армии. Свердловская бригада вошла в прорыв вслед за Челябинской, чтобы, когда та задержится при встрече с противником, обогнать ее и мчаться дальше. Когда наткнется на тяжелый бой Свердловская, ее обойдет таким же маневром Пермская танковая бригада. А Челябинская тем временем сделает свое и догонит Пермскую. Так было задумано — кулак за кулаком, сменяя друг друга.

Главное — на запад. На запад!.. Через 40—50 километров танковые армии разошлись, каждая на свой маршрут, территория, занятая противником, резалась на лоскутья, и наступающий фронт успешно продвигался вперед. Под напором танков, прикрываясь группами разрозненных частей, враг не успевал откатываться на запад, разбегался по сторонам. Почти сутки наши «тридцатьчетверки» мчались без особых боев, сбивая на ходу в коротких стычках гарнизоны гитлеровцев, не успевавших подготовиться к встрече с нами.

Больше всего было работы автоматчикам десанта. Ящики с запасными патронами, приторочённые прямо на броне, быстро истощались. Хорошо — снабжение не подводило. Ребята нашего батальона, не знавшие перебоев с патронами и гранатами, до сих пор, когда вспоминают, говорят спасибо начальнику боепитания свердловскому добровольцу Михаилу Алексеевичу Зыкову. Он всегда поспевал вовремя, не дожидаясь, когда окончится бой.

Сейчас, через столько лет, мне очень трудно передать чувства танкиста, прорвавшегося во вражеские тылы, чувства автоматчика на броне (как только оставались живыми: ведь на броне, а не за броней. Атлеты были, циркачи!..).

...Челябинская бригада, обходя узлы сопротивления, быстро двигалась вперед. И в два часа ночи 13 января встретила сильный отпор врага на рубеже Гуменице — Малешова. Завязался жестокий бой.

Командир Свердловской бригады полковник Жуков, согласно своей задаче, оставил для прикрытия 1-й танковый батальон и повел бригаду на свой маршрут.

Снова наступил рассвет... Как обычно движется на больших скоростях колонной в тылах ошарашенного врага танковая бригада? Впереди — три танка, взвод разведки. На некотором расстоянии — головной батальон или рота. Еще далее — основные силы.

Помню, три танка вырвались на шоссе. Только что смяли, нагнав на ходу, группу противника. Раздавлены грузовики, гитлеровцы. Автоматчики с брони своим огнем, очередями и гранатами, уничтожали разбегающихся. Впереди — пока никого. Справа и слева, по всем приметам, подмерзшее болото. Надо быстро проскочить — место для боя, который возможен каждую минуту, не из лучших: шоссейка узкая. Вокруг пустынно. А головная машина вдруг останавливается.

Командир танка кричит механику-водителю по ТПУ (телефонно-переговорное устройство):

— Что там еще?

— Конь, товарищ лейтенант,— отвечает водитель.

— Какой конь? Я спрашиваю: что остановился?

— Конь... Живой.

Командир откидывает люк башни, встает, по пояс наружу, но ему не видно — что там, перед танком. Автоматчики спрыгивают на дорогу, вылезает из машины водитель.

— Конь, товарищ лейтенант. Раненый.

— Будь ты!...— Командир нервничает. По рации из задних танков запрашивают, ругаются. «Что случилось? Нашел где останавливаться! Приспичило, что ли?..».

Он тоже слезает, идет ко лбу машины. Там, перед самыми гусеницами, поперек шоссейки лежит лошадь с перебитыми ногами. Механик с автоматчиками пытается отодвинуть ее, но окровавленный круп пристыл, не поддается.

— Давай трос! — командует лейтенант.

Через минуту танки помчались дальше. И лошадь с обочины смотрит на них большими умными глазами...

К восходу солнца разведка влетела в Петроковице.

Через десяток минут к Петроковице подъехала с запада вражеская разведка. На двух бронетранспортерах. Их подпустили поближе. Выстрел нашего танка — и еще через десять минут, когда примчалась вся бригада, помощник начальника штаба майор Рязанцев допрашивал пленных. По данным противника, советские танки могли ему встретиться только в полусотне километров восточнее. А на Петроковице движется навстречу русским колонна в 60 танков 17-й немецкой танковой дивизии...

Комбриг полковник Жуков — невысокий, кудлатый, чернявый, шинель внакидку поверх комбинезона. Его познабливает: третьи сутки без сна, танки почти не останавливаются. Но голова свежа, он хитренько посмеивается и решает:

— От боя уклоняемся — выполняем свою задачу. Обходим стороной. Наша цель — Лисув: перекрестки дорог в первую очередь должны быть нашими. Пусть их колонна продвигается себе на здоровье — чем дальше они окажутся позади нас, тем хуже для них: там у наших артиллеристов стомиллиметровые противотанковые... По машинам!..

Обходной марш. Весь день и всю ночь. Гитлеровцы разбегаются из попутных деревушек, а некоторые гарнизончики так и спят, их и не будим: нам некогда. А вон какой-то часовой в рогатой каске, освещенный лучами наших ручных фонариков, открывает колонне шлагбаум, принимая за своих...

Утром передовой отряд ворвался в Лисув. Командовал старший лейтенант (разумеется, гвардии старший лейтенант) Володя Марков — блестящий, удалой офицер, любимец всей Свердловской бригады, танкист, как говорится, с головы до ног, парень, словно рожденный для воинской службы, для боя. Впоследствии командовал нашим самым лучшим 2-м танковым батальоном, стал Героем Советского Союза.

Гарнизон противника пытался дать отпор, но «тридцатьчетверки» давили и громили все, что попадалось на улицах городка. Автоматчики десанта прочищали квартал за кварталом. Отделенный Гена Балков — шустрый белобрысый «стриж» — со своими бойцами захватил штаб и командира 248-го артполка 168-й пехотной дивизии, который не успел и одеться как следует.

— Спишь много!.. — заметили ему ребята,

Но гитлеровцы не всё проспали. Через полчаса их 168-я дивизия бросила в контратаку на Лисув батальон пехоты с 20 танками, подвезла шестиствольные минометы.

Первый натиск наши отбили. Противник подтянул тогда дополнительные силы. На помощь Володе Маркову примчался командир бригады с двумя батальонами танков и двумя ротами автоматчиков. Но вражеских танков появилось уже 60. Да еще полсотни бронетранспортеров попытались прорваться в центр городка во время второй и третьей контратак. Затем подошло еще 15 немецких штурмовых орудий и дивизион артиллерии. Шестиствольные минометы начали стрельбу по гвардейцам-добровольцам. Запылали дома...

Двенадцать контратак пришлось отбить танкистам и автоматчикам Свердловской бригады за этот день. Восемь часов непрерывного боя. Лисув горел, взрывы снарядов и мин вздымали с клубами дыма кирпич, штукатурку, доски. «Тридцатьчетверки» то маневрировали, отстреливаясь, то рвались вперед. Трассы бронебойных снарядов — «болванок», раскаленных добела, линовали воздух.

Вот строки из сохранившегося письма добровольца-прокатчика Николая Верховца на свой завод:

«...Новые, 85-миллиметровые орудия на «тридцатьчетверках», доложу вам, подходящи. Командир танка Михаил Побединский в поединке с последней моделью немецкого — «королевским тигром» — великолепно пробил ему трехсотмиллиметровый лоб и прошил насквозь. Сам видел. Несколько десятков танков и бронетранспортеров уничтожили наши.

Некоторые наши тоже были подбиты, потеряли способность двигаться, но продолжали вести огонь, дрались. Пять «королевских» и восемь обыкновенных «тигров» стояли мертвыми впереди нас и мешали самому противнику, тогда он пошел в обход, «тигры» начали таранить крайние дома, где засели наши «стрижи». Еле отбили.

Но тут, дорогие товарищи, нашу бригаду облетела горькая весть. Погиб командир Жуков. Полковник Жуков погиб! Представляете? И наши рассвирепели. Рванули в атаку. Автоматчики вытаскивали снаряды из подбитых и горящих танков — переносили на действующие. Нелегко нашим «стрижам» в кромешном столкновении железа с железом. Но они молодцы!...

Танки с черными крестами на броне остановились, потом попятились, потом уползли. Преследуя их, наши рванули на их артиллерию и минометы... Рассчитались сполна...»

В дни сумасшедшей езды на танках, когда наша Свердловская бывала и за 80, и за 120 километров впереди линии наступающего фронта, какая в бригаде была организованность! На скоростях ни одна машина не должна отставать, бригада всегда в едином кулаке, готовая дать бой противнику в любую минуту.

А сколько раненых оставалось в строю? Чуть полегче ранение — не хочет парень отправляться в госпиталь. Его гонят, самолет предоставляют, казалось — радуйся, отдохнешь. А парень отказывается, продолжает действовать, стараясь, перевязанный, лишь начальству не попадаться на глаза. И сейчас, через много лет, уже можно признаться, что им помогал начальник санслужбы бригады майор Ираклий Матешвили. Его видавшая виды машина с красным крестом всегда была в боевых порядках танков, он подбирал себе только беззаветно смелых санитаров. «Не хочешь в госпиталь? Можешь не лежать? Правильно! Шевелиться надо — быстрее заживет. Жизнь — это движение!..» Норма работы мотора танка Т-34-85 была 250 часов. Но механики-водители в сложных маневренных операциях выжимали и по 320 и 350. Золотые руки Н. Яненкова, И. Морина, П. Морозова! И в скоростях не стеснялись: «Пока «тигр» поворотится, я вокруг него на своей «тридцатьчетверке» объеду»,— говорилось ради красного словца, но не без основания.

15 января мимо освобожденного с боем Промника, где был ранен Володя Марков (это после городка Хенцины, который брали челябинцы, и мы снова сменили их, пойдя в голове корпуса), вечером в полутьме стала пробираться большая колонна войск. «Стрижи» Петя Чашин и Женя Троицкий, в боевом охранении, заспорили — наши или не наши: колонна шла с востока и в таком порядке, будто в наступление. Но поскольку знали, что со взятием станции Промник (г. Пекошув) наши танковые армии завершили окружение Кельце-Радомской группировки противника и отрезали ей последний

путь отхода по железной дороге, ребята правильно решили, что колонна выскальзывает из кольца.

Доложили в штаб. Рота танков Владимира Гребнева ринулась колонне наперерез. В итоге атаки — подбитый вражеский танк, несколько бронетранспортеров, полсотни раздавленных автомашин, полторы сотни целых, брошенных гитлеровцами, 126 пленных. Но пропал сам Владимир Гребнев с «тридцатьчетверкой» Нестерова. Хороший экипаж, да еще командир роты! «Стрижи» больше часа искали исчезнувших. Облазили все рощицы, овраги, пока наконец танк не появился, вернувшись из погони за остатками разбитой колонны.

Новый командир бригады, бывший начальник штаба Василий Иванович Зайцев вызвал Гребнева и спокойно, коротко отчитал: ротного ищут, а он на танке за недобитыми гитлеровцами гоняется, мелочится.

— Мы, товарищ подполковник, за легковыми машинами,— оправдывался Гребнев.— И увлеклись.

— За легковыми? На танке?

— Ну, да. Дорога неважнецкая, их сдерживает, а нам — ничего. Штук пятнадцать нагнали, а две все-таки пришлось — снарядами: шоферы, видать, были высокой квалификации, и, наверное, начальство их драпало... А что? Наша «тридцатьчетверка» не хуже легковой ходит...

Комбриг смягчился и отдал распоряжение представить экипаж Нестерова к наградам — и механика-водителя Волкова, и стреляющего Былытова.

— А вас предупреждаю. Чтоб в последний раз — такие авантюры,— добавил он.— Мы прибыли сюда не на мотогонки.

Однако и наши марши с короткими боями очень напоминали именно мотогонки. Окруженная Кельце-Радомская группировка германских войск уничтожалась соединениями фронта. А танковые бригады дезорганизовывали действия противника западнее. Свердловская была ежесуточно в движении, отсыпались на ходу: в экипаже на время сменяли механика-водителя, за рычаги садились командиры танков и научившиеся водить машину; «стрижи» дремали на теплом жалюзи позади башни, попеременке, не выпуская из рук автоматов.

...Налет на Радошице — и круговая оборона: опередили какую-то часть противника, направившегося туда. Марш на Коньске, где был разгромлен штаб 4-й

танковой армии гитлеровцев, а они, не зная положения дел, продолжали двигать туда свои колонны, прибывающие из резервов и с Западного фронта. Затем приказ — махнуть и ворваться в Петроков (60 км северо-западнее), где пришлось «поработать» только автоматчикам десанта — вылавливали не успевших убежать солдат и офицеров вермахта.

Местное население, высыпавшее на улицы, помогало «стрижам». Толпы восторженных людей обступали наши машины, несли угощение, восхищались, обнимали ребят, звали к себе:

— Мы ждали вас! Но не думали, что вы придете так быстро и такими сильными. Пойдемте ужинать...

И мы с удовольствием рассказывали, что наши соседи справа — войска 1-го Белорусского фронта и Армия Войска Польского — освободили накануне Варшаву, поздравляли.

Удивительно, как наши автоматчики быстро овладели польским языком. Потом так же было и с немецким, и с чешским. Говорят, у уральцев природные способности — прирожденные полиглоты. Возможно, потому, что наш край от века многонациональный? В Свердловской танковой бригаде служили ребята 20—30 национальностей, точно не знаю: тогда на это не обращал внимания.

Помню, заполняли наградной лист на Ревaза Магомедова, спросили, какой он национальности, Магомедов, не задумываясь, ответил:

— Уралец, конечно.

В те дни, когда мы пробивались от Вислы к Одеру, Геббельс объявил на всю Германию, что изобретено новое сверхсекретное оружие, которое остановит лавины русских танков и совершит какой-то решающий поворот в войне.

— Тут что-то не так,— усомнился наш Батя.— О настоящем секрете по радио не рассказывают. Или дела у них совсем плохи, выдумкой себя успокаивают? В общем, ищите, ребята, будьте бдительнее...

И на самом деле что-то появилось. Среди танкистов пошли разговоры о неких «фаустниках». Несколько машин было выведено из строя неожиданно, невесть откуда прилетающими снарядами, проламывающими

броню. Автоматчикам Пете Чащину и Саше Печенкину удалось захватить «фаустника». Фаустпатрон, коим гитлеровцы начали вооружать самых отчаянных, действительно теоретически мог остановить любой танк. Это легкая труба с мощной кумулятивной гранатой (то есть ее разрывной заряд действует направленно). Она с хвостом и стабилизатором — выталкивается из трубы сильным запалом, летит довольно точно в цель и взрывается, едва прикоснется к какой-нибудь поверхности.

Поначалу в нашем корпусе попробовали приваривать на кронштейнах по бокам танков фальшборты из тонких железных листов или металлических сеток. В правильном расчете, что фаустграната, коснувшись преграды, взорвется и самого танка не повредит. Получилось вроде бы эффективно. Но как действовать автоматчикам на броне, когда появились этакие загородки? Ребята приуныли.

Собрали комсомольский актив батальона:

— Этот геббельсовский фаустпатрон — соломинка тонущего. Изобретение шаблонное, оно дало бы результат против самих фашистских танков — они всю войну нарывались на засады, вот и придумали. Против тех, кто видит плохо. А на наших «тридцатьчетверках» на самой броне три-четыре пары глаз дополнительно. Верно? Или автоматчики десанта забыли, что их главная обязанность — охранять машины в бою?..

«Овладеть новейшим секретным оружием противника»,— постановило комсомольское бюро.

И танкисты от своих фальшбортов очень скоро отказались.

— Стыдоба была какая-то! — вспоминая, посмеивается один из лучших механиков-водителей нашей бригады, мастер вождения танка Николай Яненков.— Давали и эсэсовцам копоти на высшем уровне, принеслись Европу от фашизма освобождать, а машины с этими антифаустными экранами — ни тебе фигуры у «тридцатьчетверки», ни красоты. Едет железный сарай какой-то...

Отказались и потому, что в стремительном наступлении пронырливые, вездесущие и всюду успевающие «стрижи»-автоматчики не только понадоставали множество фаустпатронов, которые гитлеровцы не успевали применять, но и инструкции к ним на папиросной бумаге («фаустники» съедали ее, чтоб не попала противнику). И изучили. И начали стрелять сами. И в счи-

танные дни почти все овладели этим новым сверхсекретным оружием.

Оказалось, по старой поговорке: не так страшен черт, как его малюют. Во-первых, выстреливающий фауст-гранатой непременно обнаруживал себя: он должен был, водрузив трубу на плечо, встать так, чтобы позади не оказалось стены или преграды, иначе спину и ниже ему обожжет вырывающееся пламя. Значит, если зорко глядеть, «фаустника» можно вовремя уничтожить, пока он приноравливается, прицеливается, подпуская танк, чтоб был не далее 150 метров. Во-вторых, гранату в полете видно, а значит, ее можно расстрелять в воздухе хорошей автоматной очередью, и десантники наловчились делать это, словно на охоте за утками.

Передо мной — старый фронтовой снимок, сделанный погибшим впоследствии фотографом политотдела Алешей Кошковским. На нем в облачке дыма — Слава Якубович. «Производит выстрел из секретнейшего фашистского оружия — фаустпатрона»,— как написано на обороте. И вспоминается случай перед самым Одером.

Несколько танков с автоматчиками должны были взять деревушку где-то на фланге. Едем, осталось с километр, ее уже видно. И возвращавшийся из разведки наш корпусной маленький самолет сбросил вымпел с запиской: «Осторожнее. Полно фаустников. Приехали на бронетранспортерах».

Танкисты развернули машины по фронту, чтобы, приблизившись, сбить обороняющихся — снарядами, огнем пулеметов. Вот уже видна на окраине сплошная шеренга «фаустников», выставивших свои трубы с грушами-дулями, гранатами, на концах. Приготовились встретить, будто заранее ждали нас.

Осталось четыреста метров, триста, двести пятьдесят... И танки остановились.

Пауза длилась секунду-две. Десантники спрыгнули с брони (клянусь, никакой команды никто не подавал) привычно, легко и ловко. Все водрузили на каждое плечо по трофейному «фаусту», развернулись в цепь и пошагали по полю к деревне, в полный рост, автоматы на груди...

«Мальчишки, мальчишки...» — поется в песне. Это все еще «стрижи», озорные и азартные, лихие, бесшабашные. Но это были уже уральцы-гвардейцы, уверенные в своем умении бить врага и в правоте своего дела.

А главное, с отличным знанием своего противника, с тонким психологическим, даже, сказал бы,— политическим расчетом своих дружных действий.

Они дали из «фаустов» залп, следом — другой. С криками — «Фауст!.. Фауст!..» — гитлеровцы побежали.

— Урр-а-а!..

Наши танки двинулись в деревню, деморализованные «фаустники» повскакивали в свои бронетранспортеры и дали полный газ. Кто не сумел, разбегались в «пешем порядке», падая под огнем автоматчиков. Отстреливался, пока не был уничтожен, лишь один пожилой офицер, высокий, в очках, со множеством наград на груди. И ему удалось смертельно ранить Костю Верховых — того самого Костю, на которого в первые дни службы напала собака.

«С 21 января войска 1-го Украинского фронта начали выходить на Одер... Раньше других к Одеру прорвались войска 4-й танковой армии...» — так написано в «Истории Великой Отечественной...». Среди танковых войск 1-го Украинского шел наш Уральский добровольческий, шла наша Свердловская бригада. В ней — наш батальон. В нем — наши родные «стрижи».

Они дошли до Берлина, затем освободили Прагу... И наша бригада стала к концу войны называться так: 61-я гвардейская Свердловско-Львовская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковая бригада. Горжусь, что служил в ней.

П. Кодочигов

Тихая оборона

Я не видел его тридцать пять лет. Не знал, жив ли он. И на фронте мы встречались от случая к случаю, когда полк выводили с передовой на учения или перебрасывали на другой участок обороны. А фамилию помнил, помнил его легкую, хотя и чуть вперевалочку, походку, крепко сбитую фигуру, выдававшую недюжин-

ную силу, широкое лицо, нос пуговкой, быстрые, все подмечающие глаза и характерную скороговорку.

Я помнил его хорошо, будто мы расстались совсем недавно, и потому на встрече ветеранов нашей 225-й Краснознаменной Новгородской ордена Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии едва увидел его, узнал сразу.

— Вы командир шестой роты Евдокимов, да?

— Евдокимов,— подтвердил он.— А вы кто?

Я назвал себя. Он начал вспоминать, но безуспешно, а я тем временем разглядел на его пиджаке орден Александра Невского.

— Разве командиров рот награждали такими орденами?

Он улыбнулся совсем так, как улыбался раньше:

— После ранения в сорок четвертом я попал в 53-ю Краснознаменную гвардейскую стрелковую дивизию. Там доверили батальон.

Потом, уже в письме, он радостно сообщал, что вспомнил наконец-то, каким был и я три с половиной десятилетия назад. Были новые встречи в Москве, где он живет, и в Новгороде, были письма и поздравительные открытки...

Ночь началась, как всегда. Привычно посвистывали над брустверами пули, шлепками бились в дерновые стены траншей. Привычно высвечивали испанцы нейтральную полосу ракетами (против полка в обороне стояла «Голубая дивизия» генерала Франко), и тогда на несколько секунд пропадало усыпанное бледными звездами небо, на излете ракет косо неслись к земле тени деревьев. Пользуясь хорошей погодой, над передовой то и дело пролетали ночные бомбардировщики. В близком тылу врага они выключали моторы, какое-то время планировали, выискивая цели, и сбрасывали бомбы.

Ночное время самое подходящее для разведки и самое тревожное для часовых. Поэтому и не спят командиры взводов, рот и батальонов, ходят от точки к точке, проверяют, хорошо ли несут службу бойцы, будят заснувших и дают разгон за притупление бдительности — бывает и такое.

Утром на землю пал туман, густой и непроглядный. Снова пришлось не спускать глаз с ничейной земли.

Успокоились после того, как показалось солнце.

Принесли завтрак. Скинули сапоги, брюки, чтобы подсушить их на солнце,— после вчерашнего дождя в траншеях стояла вода, все перемазались и перемокли за ночь.

Готовились к завтраку и соседи — пулеметчики. Двое делили хлеб и сахар. Один вызвался быть арбитром. Старший на точке сержант Бовздоренко предупредил часового, чтобы смотрел в оба, и пошел в ближайшие кусты, к большой воронке, где он каждое утро мылся до пояса.

Тихо было. Начало припекать солнце. На передовой ни одного выстрела. В дзоте только о чем-то спор пошел. Часовой пулеметчиков просунулся в дверь, чтобы узнать, из-за чего сыр-бор разгорелся, и получил нож в спину.

Группа захвата испанцев бесшумно прирезала еще двоих. Третий, красноармеец Внуков, оказал сопротивление. В схватке его подкололи, да сильнее, чем хотели: «язык» был нужен живой, свеженький, а тут, чего доброго, и мертвяка принести можно. Раненого перетащили через бруствер, оставили с ним охрану, а сами двинулись за более надежным пленным — первый успех окрылил, решили и дальше по-тихому сработать.

У соседнего дзота в траншее сушились портянки и брюки, на палках подметками к небу торчали сапоги. Часовой был на месте, но следил за нейтральной полосой и нападения с тыла не ожидал.

На передовой, пока война на подъем идет и конца ей не видно, остаться живым и невредимым надежды мало. Люди привыкают к этой мысли быстро, и она кажется единственно верной. Больше другое гнетет: как бы живым или раненым в плен не угодить. Пытать ведь начнут сволочи, нужные им сведения из тебя выбивать и вдруг замучают до того, что язык сам собой развяжется и выдашь тайну.

Такие именно мысли пронзили тихого и спокойного красноармейца Леонова, когда он, почуяв недоброе, оглянулся и наткнулся глазами на крадущихся к нему испанцев. От охватившего его ужаса Леонов забыл о винтовке, о гранатах на поясе, взвыл благим матом и в два прыжка оказался в дзоте:

— Товарищ лейтенант! Немцы! — Леонов, как и все,

не видел большого различия между немцами и солдатами «Голубой дивизии».

Первым выбегая из дзота, Евдокимов был уверен, что испанцы на нейтральной полосе, еще только подбираются к передовой. Нейтралка однако оказалась пустой, а позади лейтенанта по траншее хлестнула автоматная очередь — вражеские разведчики загоняли в дзот выскочившего вслед за Евдокимовым сержанта Крылова.

Лейтенант успел добежать до ниши, где хранились боеприпасы, успел схватить винтовку, но развернуться с ней ему не дали. С тыльной стороны траншеи на него прыгнул испанец, сбил с ног, и оба оказались на дне траншеи, в луже. Пока барахтались, в траншею запрыгнули еще двое. Трое против одного! Он рванулся в одну сторону и сразу же в другую, на секунду выскользнул из их рук, нанес несколько ударов, каким-то образом умудрился сесть, вдавиться спиной в одну стенку траншеи и ногами, намертво, в другую. Его схватили за волосы, стали тянуть. Потная рука соскользнула с коротких, не успевших отрасти после училища волос. Снова схватили.

Уже работал пулемет его дзота, вел огонь по нейтральной полосе ручной пулемет сержантов Комолова и Кудряшова, соседей слева. Испанцы спешили и все-таки щадили его, он был нужен им живой и невредимый — лейтенант с двумя кубарями в петлицах. Евдокимов сопротивлялся молча — верил, что отобьется, что его не утащат. Удачно подцепил локтем по скуле одного, другого пнул в живот. Тот охнул, согнулся, но тут же распрямился и в бешенстве ударил кулаками по голове. Тело лейтенанта обмякло, ноги потеряли упор, согнулись. Испанцы склонились над ним, чтобы поднять, перекинуть через бруствер, и в этот момент пришло спасение — рядом с клубком тел взорвалась граната. Ее бросил пробившийся из дзота сержант Крылов. Двое разведчиков были убиты. Третий, раненый, перепрыгнул через бруствер и попал под пулеметную очередь.

На глазах изумленного Крылова лейтенант зашевелился, столкнул с себя трупы, поднялся и, очумело потряхивая головой, пошел к дзоту. Вид его был стра-

шен. Лейтенант схватил Крылова за плечи, прижал к себе и прошептал:

— Спасибо тебе! Молодец!

— Да я что,— засуетился Крылов,— я что? Вижу, берут вас и подумал: чем мучения там, лучше смерть здесь. Извините, товарищ лейтенант! Вы не ранены?

— Вроде бы нет... Голова только гудит. Тащи один пулемет сюда — надо проучить этих сволочей.

Уже ощетинились огнем обе обороны. Все заволокло дымом. Но хорош короткий танковый «дегтярь» для ведения боя из узких траншей, и бегал по ним лейтенант, выискивая просветы, чтобы лучше видеть нейтральную полосу, и стрелял, пока не столкнулся лицом к лицу с командиром роты Демьянюком. Хотел перед докладом гимнастерку заправить и вспомнил, что он босиком, без брюк и без ремня. Оглянулся в растерянности — с другой стороны подходил комиссар батальона капитан Щукин.

Евдокимов не знал, как докладывать, оказавшись перед начальством в таком виде, не знал, что делать со своими большими, в крови и грязи руками, с пальцами ног, которые почему-то непроизвольно сгибались и разгибались, а остановить эти нелепые движения он был не в силах. Он видел, как подрагивает разделенный надвое глубокой ямочкой подбородок комиссара, как ковыряет сырую землю носком сапога ротный Демьянюк. Все это чувствовал, понимал, видел Евдокимов, но что делать, не знал. Выход из положения нашел комиссар:

— Пойдем-ка, Демьянюк, до станкового, пока лейтенант приведет себя в порядок. Потом он нам все и расскажет.

Все бросились одеваться и только тут обнаружили исчезновение красноармейцев Белозерова и Гайматулина. Сапоги и брюки — на месте, а бойцов не было.

— Неужели уволокли? — ахнул лейтенант.

— Не должно быть — они же в дзоте находились. В тыл, поди, сбежали? — предположил старший сержант Крылов.

«А если не в тыл?» От этой мысли такая тяжесть навалилась на Евдокимова, что он долго стоял с ремнем в руке, не зная, надевать его или нет. Поведут его отсюда без ремня, потом трибунал, штрафная рота. И есть за что: испанцы застали врасплох, сам чуть не угодил в плен...

Траншеи осваивали полковые разведчики. Они опробовали станковый пулемет, пронесли до повозки раненого Внукова — его отбил у испанцев ординарец командира роты Михалев, ползали по ничейной земле с надеждой найти там раненых испанцев.

Крылов и Леонов, посланные на поиски исчезнувших, вернулись ни с чем:

— Кричали, звали их — не откликнулись. Видать, далеко сиганули,— доложил Крылов и предупредил: — Комиссар идет!

Евдокимов хотел рассказать о ЧП в конце доклада, но, семь бед — один ответ, выпалил о нем сразу.

— Как исчезли? Куда? — дернул подбородком комиссар, и лицо его напряглось в ожидании.

— Думаю, товарищ капитан, в тыл...

— Думаю! Разведчиков ко мне,— зло бросил Щукин и, когда те вытянулись перед ним, приказал:— Тут двое пятки смазали. Найдете?

— Найдем, товарищ капитан,— бодро заверил старший сержант-разведчик.— Есть два босых следа! — крикнул он через минуту.

Щукин взглянул на Евдокимова:

— Рассказывай дальше, но подробнее и без вранья. Понял?

Лейтенант не собирался врать и раньше, но после такого предупреждения смешался. Начал медленно, с запинками, обдумывая каждое слово, чтобы не сказать того, что нельзя подтвердить, но увлекся, как увлекается каждый после только что закончившегося боя, начал махать руками, изображать все в лицах, в действии. Лицо комиссара постепенно разглаживалось, добрело. Демьянюк и совсем подбадривал его взглядом. Щукин подвел итог:

— Разведку прохлопали все! Ну а за то, что отбиться сумели и испанцев много положили, спасибо! Дезертиров — в полк, будут отвечать перед трибуналом,— приказал подошедшему командиру разведки.— Товарищей бросили в критический момент, командира! — Замолчал, сдерживая готовую прорваться ярость, и продолжал уже спокойно и будто советуясь с Демьянюком: — Кое-кто, по-моему, заслуживает поощрения. Вот так! — громко сказал комиссар, утверждаясь в принятом решении.— С вами же,— повернулся к командиру пулеметчиков Бондаренко,— разговор будет особый,

Рассказывая об этой схватке с вражескими разведчиками, дивизионная газета писала: «Потеряв до двадцати убитых и раненых, испанцы бежали с поля боя...— и далее: — За мужество и отвагу командование объявило благодарность лейтенанту Евдокимову, сержантам Крылову и Комолову, красноармейцам Болотину, Доронину, Михалеву и Кудряшову».

Четверо из них — Михалев, Крылов, Комолов и лейтенант Иван Евдокимов — чуть позднее были представлены и награждены медалями «За отвагу!».

На фронт Иван Евдокимов попал в начале мая сорок второго года, но война обожгла его еще в первую военную осень, еще на гражданке, когда он работал механиком на одном подмосковном заводе, а ночами дежурил на крыше производственного цеха и сбрасывал оттуда зажигательные бомбы, зажигалки, как окрестили их бойцы объектовой дружины. Дело это нехитрое и не особенно страшное, пока не появились зажигалки с сюрпризами — с гранатами, которые рвались, накаляясь в адской зажигательной смеси. Тут уж малейшее промедление смерти подобно. Однако он пострадал не от гранаты и не на крыше, а в подвале, где рвались и горели бутылки с бензином. Огнетушители оказались под рукой, и он боролся с огнем до приезда пожарных команд. Обгорел он тогда сильно, особенно лицо и руки. В подвал вбежал на своих двоих, оттуда вынесли на носилках, погрузили в санитарную машину. Месяц после этого его поджаривало, как на угольях.

Еще не успел поправиться как следует, пришла повестка. Красненькая — на призыв. Семнадцатого октября сорок первого. Через полгода — окончив Владимирское пехотное училище — стал лейтенантом.

Получив на КП дивизии назначение в 299-й стрелковый полк, Евдокимов вместе с группой других вновь испеченных лейтенантов подходил к Волхову. За рекой, говорили в штабе, передовая, но боя слышно не было. Пулеметы иногда постреливали, но без азарта. Приглушенные расстоянием их не очень длинные очереди походили на перестук молотков. Донеслось несколько взрывов. Все напряженно вытянули шеи: снаряды пристрелочные, после них начнется настоящая стрельба. Однако ничего не началось.

У переправы через Волхов контрольно-пропускной

пункт. Сержант и боец проверяли документы и по одному отпускали на другую сторону по перекинутому между берегами наплавному мостику из бревен шириной не более метра и перилами с одной, левой, стороны. Вверх по течению, метрах в двадцати от мостика, с берега на берег была перекинута цепочка, в каждом звене которой по одному бревну. Это-то зачем?

— Если фриц плавающую мину пустит, то подорвет бревна, а мост целым останется, — пояснил сержант,— а по очереди вас пускаем, чтобы не побило. С аэростата, чтоб ему пусто было, все видно. Вон он над лесом висит — посмотрите.

Плавающая мина не взорвалась, и вражеская артиллерия не стала тратить снаряды на небольшую кучку русских. До КП полка добрались благополучно и здесь узнали, что дивизия держит оборону на левом берегу Волхова, отвоеванном у фашистов зимой. Дальше тогда продвинуться не смогли — немцы не пустили, сохраняя за собой шоссе и железную дорогу от Ленинграда до Новгорода. Они устроились в деревнях, на возвышенных местах, и дивизии пришлось занимать оборону там, где остановилась, чаще всего на болотах. Плацдарм невелик — километров двадцать в длину и пять-шесть в глубину, но его надо держать во что бы то ни стало для будущего наступления.

На следующий день связной повел Евдокимова в 3-й батальон. Шли сначала сосновым лесом, почти таким, к какому он привык дома, потом стали попадаться березы, а когда вступили в чернолесье, едва приметная тропка исчезла, под ногами захлюпала вода, кое-где она едва не захлестывала голенища, а связной, рыженький, в лихо сдвинутой набок пилотке паренек, все пер и пер напролом, ни к чему вроде бы не приглядываясь. Как он находил дорогу — неизвестно, спрашивать — неудобно. Евдокимов начал было уже опасаться, не сбился ли уверенный связной с пути и не заведет ли он его прямехонько к немцам, как неожиданно открылась небольшая поляна с выстроившимися в один ряд землянками, где размещался КП батальона.

В тот же день лейтенант принял 3-й взвод 9-й роты, которой командовал хмурый и неразговорчивый, как показалось вначале, лейтенант Демьянюк.

— Ты будешь стоять почти на правом фланге полка, да и дивизии, но что делается за тобой, покажу ночью,

а теперь пройдемся по соседям, что влево от тебя находятся. Заодно и оборону посмотришь,— сказал Демьянюк.

Еще на КП полка Евдокимова удивили выложенные между землянками толстые стены из дерна.

— Зачем они? — спросил у пожилого бойца.

— Да чтоб не побило кого — пули-то ведь и сюда долетают.

— В земле надо было ходы сообщения вырыть,— со знанием дела вразумил он старожила.

Тот не согласился:

— Стенку-то проще выложить. Да и привыкли мы к ним — у нас вся оборона такая.

Передовая и на самом деле оказалась ни на что не похожей: две стенки из тех же дерновых кирпичей — вот тебе и окоп и ход сообщения. Только не в земле, а над ней, на болоте,— понял Евдокимов,— в землю не втиснешься. Чуть выгибаясь, бежали такие стенки от дзота к дзоту, иногда уводили в ближайший тыл. Землянок не было. Вместо них с обратной стороны дзотов были пристроены не то сараюшки, не то кладовушки, в которых и спали, и обедали, и занимались всякими другими хозяйственными делами. И еще, отметил про себя Евдокимов, все построенные военные сооружения по мере приближения к переднему краю становились все более ненадежными. На КП полка землянки срублены из могучих бревен и сверху прикрывались тремя, а то и четырьмя накатами. На КП батальона они были уже поменьше, с двумя-тремя накатами, а дзоты на передовой слеплены вообще черт знает из чего, больше двух накатов не имели, а уж о пристройках к ним и говорить нечего. Их крыши разве что от дождя спасали. То ли не надеялись, что крепкие стены и крыши могут спасти от снарядов, то ли не нашлось подходящего материала. Как построили зимой на скорую руку, так все и осталось. Расспросить ротного обо всем этом Евдокимов постеснялся — испытывал перед фронтовиками необъяснимую робость. Каждый командир и боец вызывал в его душе восхищение и уважение. Видел в них людей каких-то необыкновенных и непонятных.

Подросткового роста Демьянюк сначала шел впереди и не нагибался — невысокие траншеи скрывали его полностью,— но скоро, заметив, что новенький то и дело останавливается, чтобы разглядеть вражескую обо-

рону, пропустил его вперед и предупреждал, когда надо было пригнуться. Так и дошли до 3-го взвода.

Взвода!.. В училище Евдокимов командовал отделением, в котором было одиннадцать молодцов-удальцов. Став лейтенантом, получил под свое начало... четырех человек. Оружия, правда, хватало на полный взвод: ручной пулемет Дегтярева, два танковых «дегтяря», винтовки, гранаты, патроны.

Впереди, за редким кустарником, тоненькими стволами осин и ольхи со сбитыми пулеметными очередями вершинками, пучились из земли огневые точки и траншеи врага. Позади лежала вся страна, которую он, лейтенант Евдокимов, должен был защищать со своим... взводом.

Доверенный ему один-единственный дзот почему-то вышагнул вперед из обороны и был ближе всего к позициям испанцев, однако справа его надежно прикрывал огнем «максим» пулеметной роты, а слева дзот с ручным пулеметом. Держать оборону можно было. А вот правее «максима» простиралась «смерть-поляна», появляться на которой в светлое время было равносильно самоубийству. Где-то посередине ее начиналась и под прямым углом уходила к вражеским траншеям прерывистая цепочка дзотов. Последний почти упирался в подбитый немецкий танк. Фашистская оборона охватывала эту цепочку дугой. Попасть на это гиблое место можно только ночью по единственной тропке: шаг вправо, шаг влево — и взлетишь. По ней и сводил Евдокимова к ближайшим соседям командир роты лейтенант Демьянюк, чтобы узнал новый взводный особенности обороны на своем участке, ее сильные и слабые стороны.

Демьянюк появился на точке вечером и всю ночь неторопливо и негромко рассказывал, как шуршат снаряды, которые падают близко, как свистят те, которым и кланяться не надо, как ведет себя противник, как строить взаимоотношения с бойцами, посвятил в десятки других фронтовых премудростей.

— Бойцов жалеть не надо,— внушал Демьянюк, прищуривая светлые, отдающие голубизной глаза,— их любить надо. И уважать! Беречь, само собой. Вот они устали, с ног валятся, и зарываться в землю им не хочется. А ты заставь, через «не могу» заставь — потом тебе спасибо скажут. Во взводе все тебе в отцы

годятся, но ты не стесняйся и дисциплину держи. Без нее и взвод погубишь и сам без головы останешься.

Держа в памяти советы старшего, новый лейтенант стал обживать доверенную ему точку, привыкать к жизни на передовой.

После училища его сначала поражал, но скоро пришелся и по душе окопный быт, отношения между командирами и подчиненными. В училище все официально, все бегом или строевым. Подход, доклад, отход — строго по правилам, с точным соблюдением устава. Здесь строевым по болоту не зашагаешь, даже козырнуть иногда некогда, да и необходимости нет. Официальный рапорт старший по должности примет равнодушно, зато потом обо всем расспросит дотошно и заинтересованно. Приказы часто отдаются под видом практических советов, однако не выполнить их дело постыдное. Доверие порождало доверие. И уважение.

Кое-что и угнетало. Идя на фронт, он думал, что сразу получит настоящий взвод и сразу же пойдет с ним в наступление, будет бить фашистов, мстить им за свое Вельяминово. Взять его деревню немцы не смогли — помешала река Истра, сожгли дотла снарядами. Но вместо наступления попал Евдокимов на тихую оборону. Рассказать кому, так и не поверят — за два месяца один бой всего и был — с испанскими разведчиками. Потом опять все стихло.

Ночью еще на что-то похоже. Ночью фашисты палят без передыху, опасаясь русских разведчиков, а днем схватятся иногда два пулемета, прогремят одиночные выстрелы, и все. Скука-докука в светлое время суток. Вот только когда за нейтралкой обед подвозят, перепалка начинается. Как только загремят по деревянному настилу колеса телеги, так Евдокимов сам за пулемет ложится и начинает бить на звук. «Максим» часто к нему присоединяется, дзот слева. Противник отвечать начинает, иногда крики и стоны с его стороны доносятся, а потом опять тишина до наступления темноты. Такая вот оборона досталась Евдокимову — без артподготовок, без атак и контратак, без рукопашных схваток. Спросил как-то у командира роты:

— Товарищ лейтенант, все их огневые как на ладошке. Почему не уничтожаем?

— Время еще не приспело, Евдокимов, да и снарядов у нас мало. Не до жиру.

В этих словах была горькая правда. Артиллеристы открывали огонь в редких случаях. Батарея 120-миллиметровых минометов имела лишь неприкосновенный запас и совсем не стреляла. Батальонных минометов не было. Ротные только постреливали трофейными минами из трофейных же минометов. Да что там артиллерия и минометы? Почти все вражеские солдаты вооружены автоматами, а наши красноармейцы — винтовочками образца 1891—1930 года. Вот и кричали зимой испанцы: «Рус, дай шапку — два автомата отдам». А весной: «Рус, скоро буль-буль, буль-буль». Имея в виду, что прогонят на правый берег Волхова, вышибут с плацдарма. Так-то оно так, но почему они не разбивают наши дзоты? Тоже ведь каждый на учете и внесен в схемы.

— А потому, Евдокимов, что знают: сегодня разобьют — завтра новый вырастет. Нет смысла снаряды тратить.

Демьянюк был на семь лет старше его, в армии служил с тридцать седьмого года, не раз контужен и ранен. Такого ротного, на удивление спокойного, выдержанного, никогда не повышающего голоса, поискать надо. В его присутствии Евдокимов чувствовал себя подготовишкой и, так понимая свое положение и разницу между ними, дальше спорить не стал, однако не во всем и согласился.

Этот осенний день обещал быть теплым. Таким и выдался. Поднявшееся над лесом солнце светило ярко. На небе не было и облачка. К полудню воздух стал тугим и жарким. Хотелось спать, как спали, не шелохнувшись и единым листиком, деревья. В это время он и уловил что-то недоброе в тишине на передовой. Свои иногда постреливали, а фашисты молчали. Немцы — испанцев перевели на другой участок фронта.

Демьянюк в своем недалеком КП тоже забеспокоился и послал с новым ординарцем — Михалев недавно попал под шальную ночную пулю — записку: «Будь внимателен! Что-то очень уж тихо у тебя».

А тишина продолжалась и все сильнее била по нервам. Уж не затевают ли фрицы новую разведку?

Обычно день на передовой проходит незаметно: кто спит, кто пишет письма, кому-то надо помыться, что-то починить, почистить оружие, газеты и письма прине-

сут — опять дело есть, два раза поесть надо, глядишь, и темнота подкрадываться начинает. А этот тянулся и тянулся, еле обеда дождались. Потом Евдокимов сам прострелял нейтральную полосу. К нему присоединился «максим» и дзот слева. Немцы ответили — выходит, нет никого на ничейной земле. Взглянул на старшего сержанта Кузнецова, прибывшего во взвод вместо откомандированного Крылова. Тот махнул своей лапищей:

— Нормально, лейтенант.

— Так-то так, но бери-ка ты один танковый, побольше дисков и иди в свое «логово».

Логовом он называл расщепленный березовый ствол, оставшийся после удара молнии. Пастухи в мирное время жгли подле него бесконечные ночные костры. Ствол обгорел, стал черным и, как броня, крепким. Все это учел бывший пастух Кузнецов, сам, как этот пень, крепкий, и предложил:

— На бугорке стоит — с него вся нейтралка как на ладони. Если пробить в пне амбразуру, отличная запасная получится.

— Дело говоришь,— одобрил лейтенант.— Действуй.

За несколько дней могучий Кузнецов прорубил амбразуру, выкопал окопчик, чтобы двоим в нем просторно было, с нишами для гранат и дисков, и вот приспело время опробовать новую огневую, если немцы, конечно, решатся сунуться.

А они сунулись. Да еще как. Первые орудийные выстрелы еще были слышны, а потом — только разрывы. Один за другим. Один за другим. Без перерывов. Сплошной гул по земле пошел. Заходил ходуном дзот, посыпалась сверху земля. Из амбразуры дзота никакой видимости.

— Оставайтесь пока здесь,— приказал лейтенант бойцам, а сам, схватив второй танковый пулемет и пару дисков к нему, выбежал в траншею.

— Идут? — спросил у Леонова, стоявшего на посту правее дзота.

— Ничего не видно. Дым.

На нейтральной полосе, где-то на середине ее, перебивая друг друга, рвались тяжелые снаряды. Рассмотреть, что творилось за ними, было невозможно.

— Мины подрывают. Значит, пойдут. Увидишь что — дай знать,— прокричал на ухо Леонову и побежал на огневую по другую сторону дзота.

Огневой вал медленно приближался к траншеям. Снаряды подвывали и над головой. Эти рвались позади, где-то у КП роты, а может, и дальше. Пулеметный огонь был такой, что головы из траншеи не высунешь и попробуй разбери в этом грохоте, откуда бьют. Со своих позиций или уже с нейтральной полосы? Неужели в наступление пошли, чтобы в Волхов, как обещали, скинуть?

Близкий разрыв снаряда оглушил, заставил вжаться в землю. Еще два рванули рядом. Потом еще и еще. В траншею полетели комья земли, грязи, забарабанили по спине. Лейтенант оказался в центре круга, куда по какой-то счастливой случайности пока не прилетал ни один снаряд, но какой-то из них мог, должен был рвануть здесь и разнести его в клочья. «Заколдованный» на время круг все сужался, и лейтенант едва сдерживал себя, чтобы не убежать под прикрытие стен и накатов, но справился с охватившим его страхом и даже высунулся из траншеи, иначе зачем он здесь, в открытой ячейке? Он обязан первым увидеть наступающих и только тогда вывести своих бойцов из дзота. Лейтенант поднялся во весь рост, покрутил головой, но не мог рассмотреть даже солнца.

Оглушающий грохот вдруг словно бы надломился. Снаряды продолжали свистеть над головой и рваться позади, поднимали землю, кусты и деревья в небо справа и слева, а впереди и на линии обороны ни одного. Дым медленно рассеивался. Стало светлеть, и взору открылся его дзот с переломанными, разбросанными вокруг бревнами. Забыв обо всем на свете, бросился туда — может, живы? Снаряд угодил в переднюю стенку, остатки дзота отбросил назад, завалил ими траншею. Еще дальше, прижатый бревном, лежал Леонов. Пульс у него не прощупывался. Дзот пулеметчиков тоже был разбит, траншея до него наполовину разрушена.

Второй налет был мощнее первого. Снова все заволокло дымом, снова взрывы стали подступать к лейтенанту. И тут кстати вспоминились слова старшего сержанта Кузнецова: «В одно место снаряды два раза не падают, поэтому лучшее спасение от них в свежей воронке». Евдокимов так и поступил — перебежал в воронку правее дзота. Это спасло его еще раз. Когда кончился второй налет, на месте его ячейки зияла громадная, еще чадящая паром воронка.

Чуть посветлело, и немцы пошли. Они шли в рост, не пригибаясь и не стреляя из автоматов, уверенные, что никого живого не могло остаться на этом дважды простреленном орудиями клочке земли. Их было не меньше роты. Лейтенант ахнул и сжал зубы — пропадать ему этим днем.

Вражеская цепь приближалась. По ней открыл огонь левый сосед.

Неожиданно, еще левее, заработал трофейный МГ-34 — кто-то поспешил на помощь и стрелял длинными, захлебывающимися очередями.

Цепь дрогнула, разорвалась, но, подгоняемая криками офицеров, стремясь быстрее выйти из-под фланкирующего огня, рванулась вперед. Евдокимов, экономя патроны, стрелял короткими прицельными очередями. Начал бить по врагу и Кузнецов. Цепь залегла.

— Вот так вам! Вот так! — приговаривал лейтенант, продолжая выбивать тех, кто пытался подняться.

Схватился за грудь и опрокинулся навзничь офицер. Рядом с ним ткнулся в землю связной или денщик, черт его знает, как у фрицев называются такие люди. Но и лейтенанта засек какой-то острый на глаз фашист. Засвистели над головой близкие пули, следующая очередь брызнула в лицо пригоршней земли. Только приподнял голову, зазвенела каска от разрывных.

Бросил гранату и под прикрытием ее взрыва перебежал в другую воронку.

Встретиться с четырьмя пулеметами немцы не ожидали, но и отступать не хотели. Залегли и вызвали огонь минометов, а мины без доброй крыши над головой пострашнее снарядов — падают густо, осколки по земле стелются. Мины и в воронке достать могут. Лейтенант опустился вниз, где уже начала копиться вода, саперной лопаткой вырыл углубление, вдавился в него спиной, подобрал ноги, ступни укрыл комом земли. Больше для своего спасения он ничего сделать не мог. Тут уж как повезет. И ему повезло третий раз за день. Осколки залетали в воронку, шипели, попадая в воду, но ни один не задел его.

Еще три раза поднимались немцы в атаки, кое-кому удалось даже достигнуть полуразрушенных траншей, но смельчаков выбивали с захваченного рубежа, постоянно меняя позиции, пулеметным огнем да гранатами Евдокимов и Кузнецов, на нейтральной полосе не да-

вали поднять головы пулеметы соседей, а когда на помощь пришла полковая артиллерия, прорвались сквозь заградительный огонь врага свои разведчики, фашисты бежали, оставив на поле боя свыше шестидесяти трупов...

В конце октября деревенская почтальонка, пряча глаза от Марии Ильиничны Евдокимовой, протянула ей письмо. В конверте! Номер полевой почты 5781 был Ванюшкин, а адрес написан чужой рукой. Защемило в предчувствии беды материнское сердце.

— Что в нем? — спросила почтальонку не своим, вдруг осевшим голосом, разорвала конверт торопливыми руками, стала читать четкие, отпечатанные на машинке строчки:

«Уважаемая Мария Ильинична!

Ваш сын, Евдокимов Иван Васильевич, находясь на фронте борьбы против германского фашизма во вверенном мне полку, проявил себя стойким и мужественным, беспредельно преданным партии Ленина — Сталина и социалистической Родине воином Красной Армии. Участвуя в отражении вражеских атак, Ваш сын проявляет мужество и героизм, своим личным примером воодушевляет бойцов на выполнение поставленных задач и, как смелый и мужественный командир, пользуется любовью и уважением среди личного состава полка...»

Прочитала вслух, и задохнулась от счастья, и, еще не до конца веря этому, все еще ожидая самого худшего — вон сколько похоронок пришло в Вельяминово с фронта,— впилась глазами в конец письма — если что плохое, то там.

«Вам, русской женщине, за воспитание такого храброго воина от командования полка большое спасибо!

Вы можете быть спокойной за своего сына, можете честно и добросовестно трудиться на благо Родины и знать, что Ваш труд, Ваш отдых крепко охраняют бойцы Красной Армии, в первых рядах которых находится Ваш сын Евдокимов И. В.

Командир 299 сп
подполковник Петров 9 октября 1942 г.»

Подняла голову, схватила за рукав почтальонку:

— Да подожди ты, быстроногая! Какой человек-то,

а? Какой человек — Ванюшкин-то командир! Нашел время. Сам написал! Ой, побегу — своих надо порадовать. А Ванюшка-то мой цел, выходит. Цел! О нем как о живом пишут.

А в тот самый день, вернее вечер, когда отогнали фашистов, Евдокимов не узнал старшего сержанта Кузнецова — до того был тот худ, черен, до того неуверенно держался на ногах. И Кузнецов не узнал своего лейтенанта — тот выглядел не лучше. Поразглядывали друг друга, обнялись и, не сговариваясь, попросили:

— Пи-и-ить!

Припали растрескавшимися за день губами к фляжкам и не могли оторваться от них, пока не выцедили до последней капли воды.

Представления о наградах командир полка сделал незамедлительно, но Марии Ильиничне об этом не написал — вдруг не пройдут. Прошли. Лейтенант Евдокимов и старший сержант Кузнецов за этот бой были удостоены орденов Красного Знамени!

Комбат Иван Васильевич Евдокимов пришел в себя утром. Прислушиваясь к острой, пронзительной боли в правом плече, возвращаясь к жизни, скосил глаза на повязку и стянул простыню с правой руки. Рука была цела, но капитан ее не чувствовал. Даже не мог согнуть пальцы. Перебит где-то нерв... И на том спасибо! Могло быть хуже, а руку ампутировать он не даст. Не даст! Осторожно потянулся — разорванное плечо откликнулось на движение новой, все нарастающей болью. Капитан закрыл глаза.

После форсирования неширокой, но быстрой и глубокой пограничной реки Утроя дивизия преследовала отступающего противника на латвийской земле, то и дело вступая с ним в скоропалительные схватки.

Вчера он шел со своим вторым батальоном впереди дивизии. В указанном командиром полка месте, на опушке рощи, остановил батальон на кратковременный отдых, а впереди, в каких-то пятистах метрах, дозорные обнаружили большое скопление противника и даже два танка. Силы были явно неравные, но фашисты не ожидали столь скорого появления здесь русских и вели

себя беспечно. Танкисты даже загорали на броне своих машин.

О сложившейся обстановке он доложил по радио командиру полка. Встреча с немцами была неожиданной и для него. Полковник Слесаренко приказал:

— Пока в бой не ввязывайтесь.

Ждать под носом у противника, когда даже покурить нельзя, пришлось долго и слушать, без конца слушать немецкие голоса, стук топоров, визжание пил. Нелегкий выдался денек.

Приказ выбить противника из хуторов и рощи пришел вечером. Это помогло скрытно выйти к шоссе и обрушиться на немцев внезапно. Танки не успели сделать и выстрела. Четвертая рота быстро овладела рощей, пятая очистила от врага овраг, шестая ворвалась в правый хутор. Однако, как всегда, немцы пришли в себя быстро, подбросили свежие силы и стали теснить четвертую роту. Судя по вспышкам, бой там покатился в обратную сторону.

Он развернул пятую роту, уже подходившую к хутору, для флангового удара по роще и сам побежал в цепи атакующих. Прямо на него плеснуло пламя, вырвавшееся из недалекого пулеметного ствола. Его сильно, будто кувалдой, ударило в плечо, бросило на землю. Больше он ничего не помнил, не знал, что с его батальоном, как закончился бой и закончился ли?

Осторожно повернул голову — нет ли в палате своих? Не увидел. Плечо, казалось, поджаривают паяльной лампой. Порой чудилось, что десятки пчел впились в него, поэтому плечо и разбухает на глазах, впиваясь в повязку. Он знал, что боль будет держаться долго и надо к этому привыкать, приучать себя к мысли, что так и должно быть и надо терпеть, тер-пе-еть, а разорванная живая ткань, обнаженные нервы молили о помощи, кровоточили, пульсировали, будто кто-то методично отщипывал от плеча маленькие кусочки.

Два года назад, в первые его окопные дни, бойцы рассказывали фронтовое поверие:

— Бойтесь первой пули, товарищ лейтенант, потом четвертой и седьмой. Остальные — ерунда.

— Как это? — не понял он.

— На фронт страшно идти первый раз. Чувствуешь себя слепым кутенком, которого и ненароком раздавить

могут. Новенькие, между прочим, чаще всего и гибнут. А если первая пуля и осколок только поцелуют, то до четвертого ранения можно жить спокойно — редко кого в это время убивает. Пронесет на четвертый, еще два раза может ранить, а убить должно на седьмой раз. Не знаем почему, но так чаще всего получается.

Позднее не раз приходилось слышать то же самое. Примеры приводили, о себе рассказывали, о том, как трудно возвращаться на передовую после третьего или шестого ранений.

— Вперед топаешь, а сердце назад рвется, как на казнь идешь.

Какое по счету ранение у него? Летом сорок второго года по каске ударили сразу три разрывные пули. Обычные — пробили бы тонкую сталь. Пройдись та очередь чуть пониже, задень какая-нибудь пуля гимнастерку, тоже неизвестно, чем бы дело кончилось. Разрывные — они страшные, раны наносят большие. Повезло ему тогда.

В марте сорок третьего, уже командиром роты был, ранило осколком в спину. С поля боя вытаскивал ординарец. Неумело тащил, как-то боком, обхватив руками грудь. Дышать было нечем, казалось, что вот-вот задохнется и умрет не от осколка, еще неизвестно что натворившего, а от недостатка воздуха, но он из последних сил помогал своему спасителю, отталкиваясь от земли ногами. Так и добрались до санитарной роты.

Следующее ранение получил в январе сорок четвертого, когда освобождали Новгород. Батальоны полка вышли на шоссе Шимск—Новгород и оседлали его, отрезав пути отхода в этом направлении. Его рота оказалась на правом фланге, он лежал в цепи первым от города, а от деревни Воробейка пыталась прорваться к городу легковая машина «БМВ» шоколадного цвета. По ней начали бить, едва она выскочила из деревни, и он был последним, кто мог остановить ее, а остановить надо — наверняка офицер или несколько офицеров решились на такой отчаянный шаг. Бросил гранату. Машина крутанулась на дороге и встала. Шофер и сидящий рядом с ним офицер в кожаном коричневом пальто с меховым воротником признаков жизни не подавали. Он побежал к «беэмвушке», чтобы забрать документы, рванул дверцу. Офицерский автомат ожил, дернулся снизу вверх: одна пуля — в пятку, другая — в бедро,

третья — в лицо. В мозгу полыхнуло фронтовое поверие. И протест: «Вранье все! Второе же ранение, пусть третье, и уже конец?!» Он повалился на стрелявшего и, теряя сознание, вцепился в него зубами. Его вытащили, спасли, даже Красной Звездочкой наградили, и он снова вернулся на фронт. Выходит, правильно говорили солдаты.

Июльское солнце поднялось высоко, и в палате стало душно. Морщась от боли, он сдвинул простыню вниз. Рана продолжала кровоточить. На бурое пятно повязки набросились мухи — до крови они жадные, чуют ее издалека. Мухи ползали по лицу, лезли в глаза, в рот, и он не мог их отогнать. А в голове бились мысли, свивались в клубки, растекались в стороны. Но о чем бы ни думал, он все еще жил вчерашним боем. Когда приносили новеньких, тянул шею: не свои ли, нельзя ли узнать, большие ли потери в батальоне, кто остался живым, кого назначили вместо него. Но свои не поступали, узнать что-либо было не у кого. О родном своем доме вспомнил, спохватился: надо сегодня же попросить кого-нибудь написать письмо, сообщить, что жив, здоров, легко ранен. Много будут значить для отца с матерью и сестренок эти слова. Легко ранен — значит, два-три месяца за него могут быть спокойны. О брате Пете только станут волноваться. Недавно письмо от него получил — жив, здоров, командир роты, скоро тоже капитана присвоят...

Они были первенцами в семье крестьянина большой подмосковной деревни Вельяминово Василия Ивановича Евдокимова. Время было не сытное, и потому близнецы родились такими хиленькими, что и посмотреть не на что. Однако к пятому классу догнали сверстников, а в седьмом, на удивление всей деревни, стали богатырями-муромцами, связываться с которыми опасались даже парни постарше. Получилось так, наверно, потому, что с малых лет не были ленивыми. Матери, отцу ли, как старшие в семье, наперегонки помочь бросались. На сенокос выезжали с радостью. Едва машины на току заработают, братья тут как тут и сразу работу себе находят. Приехали в деревню топографы — к ним в помощники напросились, два лета в партии отработали, между делом карту читать научились, по азимуту ходить, на местности без всякого компаса ориентироваться.

Ивану четырнадцать исполнилось, а председатель колхоза заговорил с ним о том, чтобы поработал в половодье перевозчиком. Заговорил и сам же испугался: мальчонка еще, случись беда, не с него, а с главы колхоза стружку снимать будут. Спросил с сомнением в голосе:

— А ты, Ваня, сам-то как думаешь? Справишься?

«Мальчонка» поднял на него удивленные глаза:

— А чего там? Только мне весел не надо.

Тут председатель удивился:

— Руками, что ли, грести будешь?

Тот вздернул нос-пуговку:

— Я к деревянной лопате привык. Она здорово загребает.

— Вот как? А ну пойдем — попробуем.

Лодка шла ходко, управлял парнишка ею умело, обильной воды и волн не боялся, и больше у председателя о перевозе голова не болела.

А что было Ивану бояться воды, если сызмала речка Истра была перед глазами, до нее добраться — только с берега скатиться. Купайся, сколько душеньке угодно. Он и плавал летом до одури, а осенью — чуть не до первого снега. Не из-за бахвальства и не ради закалки, а потому что моряком мечтал стать. Встанет на Истре лед, лучшего катка во всей округе не найти. Весной же, когда лед тронется, до чего же весело и жутко кататься на льдинах. Случалось, что в промоины попадал, со льдин в воду, как с горки, скатывался. Это когда они сталкивались друг с другом и вставали на дыбки, как необъезженные кони. И никогда не болел после такого купания. Отцом, правда, был бит, но без этого разве вырастешь?

В палату вошла сестра, громко и требовательно спросила:

— Комбат Евдокимов из сто пятьдесят седьмого гвардейского здесь лежит?

— Здесь,— отозвался он.

— К вам командир полка прибыл! Приготовьтесь!

Полковник Слесаренко вошел в сопровождении военврача, женщины. Окинул взглядом палату и направился к носилкам капитана.

— Ну, здравствуй, Евдокимов! Как чувствуешь себя?

— Хорошо, товарищ гвардии полковник,

Командир полка хмыкнул, но возражать не стал:

— Рад, что живым вижу и врачи тебе жизнь гарантируют. Поправишься — возвращайся в полк.

— Спасибо, товарищ гвардии полковник! А как батальон?

— Твой батальон такую брешь пробил, что вся дивизия в нее устремилась, а немцы из Балв уже на запад посматривают.

Женщина-врач подошла к носилкам, поставила под левую руку, чтобы можно было дотянуться, кружку, доверху наполненную черникой:

— Это вам для скорейшего выздоровления.

— Спасибо! — пробормотал Евдокимов. Глаза его предательски заблестели — и неожиданный приход командира полка тронул, и подарок врача.

— Не могу больше задерживаться, комбат,— словно извиняясь, сказал полковник.— Поправляйся.

На улице сказал хирургу:

— Вчера утром был здоров, как бык, вечером вот этот хутор брал...

— И отличился?

— Еще как! К ордену Александра Невского представлять буду. С комдивом вопрос уже решен. Хороший парень этот Евдокимов!

Врач удивилась:

— Парень? Сколько же ему лет?

— Пацан еще — капитану Ивану Васильевичу Евдокимову в апреле двадцать один годок стукнул.

А комбат Евдокимов тем временем дотянулся до кружки, ухватил горсть ягод. Почувствовал, как свежи и холодны они, зажмурился от удовольствия, и показалось ему, что боль, донимавшая все утро, стала стихать.

А. Абрамов

Вертикаль майора Краснова

> Весь под ногами шар земной.
> Живу. Дышу. Пою.
> Но в памяти всегда со мной
> Погибшие в бою.
>
> С. Щипачев

Истребитель Миг-3, пилотируемый Николаем Красновым, вблизи Новгорода вогнал в землю «мессершмитт». Но и советский самолет получил повреждения, к тому же белая стрелка прибора предупреждала пилота, что горючее на исходе. Только немедленное приземление могло спасти летчика и машину. Куда же садиться? Под крылом лес. Но вот прямо по курсу показалась небольшая поляна с редким кустарником. Этот крохотный зеленый островок был последней надеждой летчика. И Николай направил истребитель на вынужденную.

Сбив верхушки деревьев, самолет коснулся колесами земли. Запрыгав по неровностям почвы, машина постепенно замедляла бег.

И вдруг Краснов увидел впереди скрытые кустарником завалы деревьев и торчащие пни. Николай понял, что самолет, сохранявший еще скорость, при столкновении с препятствием скапотирует. Мгновенным нажатием кнопки он убрал стойки шасси. Если бы его спросили, каким образом ему удалось в считанные доли секунды принять единственно верное решение, он вряд ли смог объяснить. Укрощенный «Миг» послушно опустился на «брюхо», пропахал почти всю поляну и, уткнувшись погнутыми лопастями винта в сломанное дерево, замер. Краснов, уронив голову на приборную доску, долго сидел без движения.

Это произошло в конце августа сорок первого.

Николай Краснов подал рапорт на второй день войны: «В момент, когда на мою Родину напал злобный и коварный враг, я считаю, что мое место сейчас там, где льется кровь, где сражаются сыны нашего Отечества против коричневой чумы. Можете на меня положиться — не подведу. Пока руки держат штурвал, в груди бьется

сердце, а глаза видят землю, буду бить, уничтожать фашистского зверя до полного его истребления».

Приняв во внимание большие потери, которые понесла наша авиация 22 июня 1941 года на прифронтовых аэродромах, Советское правительство разрешило командованию ВВС сформировать шесть авиационных полков специального назначения из опытных летчиков-испытателей.

402-й истребительный авиаполк, в который попал Николай Краснов, дислоцировался в полосе Северо-Западного фронта, в районе станции Крестцы. Против советских летчиков действовали асы из эскадры «Рихтгофен», одной из лучших у немцев. Командиром полка Николая был опытный летчик-испытатель майор Константин Афанасьевич Груздев. Это он с первых дней войны стал собирать под свое начало добровольцев. Получив назначение, Груздев сел в машину и, объехав знакомых испытателей, каждому оставил записку: «Получил полк. Если хочешь воевать вместе — звони».

Так в полку Груздева оказались Николай Краснов с Григорием Бахчиванджи. С тем самым Бахчиванджи, который впоследствии, будучи отозван с фронта в НИИ ВВС, 15 мая 1942 года первым в мире поднял в небо принципиально новый в авиации самолет-ракету БИ-1 [1]. Голубые петлицы на гимнастерке Краснова не имели знаков отличия, он был рядовым. Ему не сразу довелось встретиться с противником. В те тяжелейшие и горькие для страны дни не хватало машин, кое-кто из летчиков в ожидании новой техники ходил в «безлошадных».

С рассвета и до захода солнца командиры эскадрилий руководили тренировочными полетами. Назначались два условных противника. Поднявшись на две-три тысячи метров, они разыгрывали воздушный бой. Напарником Николаю Краснову комэск назначал, как правило, молодых пилотов. Во время поединков каждый стремился использовать широкий арсенал фигур высшего пилотажа. Краснов успешно применял свой излюбленный вертикальный маневр, глубокие виражи, бочки и полубочки, иммельманы, петли и перевороты через крыло.

---

[1] Бахчиванджи погиб в 1943 году во время испытательного полета. Ему посмертно (в 1973 году) было присвоено звание Героя Советского Союза.

Многие летчики научились вовремя уходить от «огня противника» с помощью пикирования.

С пронзительным свистом носились над аэродромом новые «Миги». Скорости развивали такие, что иной раз от непривычных перегрузок у молодых пилотов ломило спину, в глазах плавали разноцветные круги, а первый шаг после приземления давался с трудом — подкашивались ноги. Краснову же легче было выдерживать сильные перегрузки благодаря большой практике летчика-испытателя.

В какой уж раз Николай заступал на очередное дежурство, но еще не доводилось ему сразиться с врагом. Все время его тревожила мысль: «Может быть, это произойдет сегодня?»

Наземное дежурство в готовности номер один требовало от летчика большого напряжения. Иногда приходилось долгими часами находиться без движения в тесной кабине истребителя. Уставало тело, деревенели ноги, но Краснов терпел, стараясь отвлекать себя делом или воспоминаниями. Сидя в самолете, еще слегка пахнущем заводской краской, он по привычке опробовал рули управления, тумблеры, запускал и прогревал двигатель. В машине он не сомневался, тренировочные полеты вселили уверенность в надежности Миг-3. Теперь по сигналу тревоги ему с товарищами предстояло идти на перехват противника.

Незаметно мысли перенеслись в мирные дни. Вспомнилось ему, как после окончания с отличием школы летчиков ГВФ в Тамбове его направили в Свердловск, в шестой отряд специального назначения. Именно здесь начались его самостоятельные полеты, здесь выросли и окрепли его крылья. Он с энтузиазмом выполнял скромные обязанности летчика связи. С неизменной охотой совершал рейсы в дождь при низкой облачности, в жару и стужу, перевозил почту, документы и все, что можно было втиснуть в кабину самолета. Приходилось доставлять врачей и геологов в глухие уголки Среднего Урала.

...Стоял декабрь 1935 года. В Уктусском аэропорту не слышалось гула моторов. Лишь посвистывал ветер, разгоняя по летному полю снежные вихри. Непогода сократила видимость до трехсот метров. Неожиданно к телефону пригласили командира отряда. На другом

конце провода взволнованный женский голос умолял: «Помогите, человек погибает! Завтра будет поздно!»

Командир вызвал Краснова, у которого за плечами было всего полтора года работы в гражданской авиации.

— Жизнь человека в опасности, а погодка, как видишь, нелетная,— объяснил ситуацию командир.— Дело добровольное. Решай сам.

Николай долго не раздумывал:

— Человека надо спасать.

И полетел. А спустя полтора часа доложил о выполнении задания.

В то время Краснов, посмеиваясь, говорил о себе: «Я — почтарь, воздушный извозчик и разносчик новостей...»

В Свердловске у Николая зародилась сокровенная мечта: стать летчиком-испытателем. Вскоре просьбу его удовлетворили, направив работать на авиационный завод в Пермь. Он стал испытывать в полетах винты и поршневые двигатели, созданные знаменитым конструктором А. Д. Швецовым. Сложность заключалась в том, что летчик подчас должен был сам искусственно создавать в воздухе аварийную ситуацию. По заданию конструктора новая техника опробовалась при разных режимах. Испытательные полеты требовали от пилота не только мужества, разумного риска, но и большого физического напряжения. Бывало, что во время испытаний из-за огромных перегрузок у него лопались кровеносные сосуды, оставляя на теле синие подтеки.

...Над аэродромом взвилась сигнальная ракета и, прочертив небо, погасла. Боевая тревога прервала раздумья Николая. Тут же подбежал авиамеханик Чухустов, убрал из-под колес колодки.

— От винта! — крикнул Краснов.

— Есть от винта,— отозвался Чухустов.

Быстро запустив двигатель, Николай вырулил на старт. Вслед за ним еще два истребителя ушли на запад.

Противника встретили недалеко от аэродрома: шесть «юнкерсов» под опекой четырех «мессершмиттов». В завязавшемся воздушном бою сначала нашим пришлось туго, но через несколько минут на выручку подоспело звено однополчан. Строй «юнкерсов» рассыпался, они стали сбрасывать бомбы где попало. Один из бомбардировщиков, маскируясь в облачности, прорвался в направлении аэродрома. Краснов устремился за ним, открыв

прицельный огонь. Вражеская машина вспыхнула и, заваливаясь на крыло, пылающим факелом понеслась к земле.

Наконец-то Краснов испытал радость победы. Первой большой личной победы с начала войны.

Потом у него будет еще много боевых вылетов, много воздушных схваток, но этот первый бой запомнился ему навсегда.

Бывали дни, когда приходилось вылетать на задания по три-четыре раза в день. Поднимаясь в небо, Николай видел израненную родную землю, сожженные селения с торчащими печными трубами, дороги, изрытые воронками, по которым в сторону фронта двигались нестройные колонны солдат, орудия с конными упряжками, пылящие машины. А навстречу им в глубокий тыл тянулись беженцы, повозки, скот.

Наблюдая эти страшные картины, Краснов чувствовал, как в нем все сильнее и сильнее закипала ненависть.

Командир полка майор Груздев собрал летчиков у штабной землянки. По последним данным армейской разведки, в районе Сычевки была обнаружена крупная немецкая авиабаза. Более семидесяти самолетов, готовых к вылету.

— Наше командование уверено,— сказал командир полка,— что гитлеровцы накапливают авиацию для очередного наступления. Нам поручено,— Груздев выждал, пока все раскрыли планшеты с полетными картами,— вместе с полком штурмовиков разгромить это гнездо. Сами понимаете, что Сычевку немцы прикрывают плотным противовоздушным щитом. Поэтому капитану Бахчиванджи выделить из своей эскадрильи авангардную шестерку, которая займется только подавлением зениток. Для покрытия расстояния до цели и обратно требуется горючего чуть больше, чем вмещают баки наших истребителей. Однако выход есть: надо проявить смекалку и с абсолютной точностью определить, на какой высоте и при каком наиболее благоприятном режиме полета будет самый экономичный расход бензина. Расчет сделают инженер, штурман и бывший испытатель самолетных двигателей Краснов. Готовность — восемнадцать ноль-ноль,— заключил Груздев.

Впервые с начала войны Краснов увидел с воздуха

такое скопление вражеских самолетов. Они стояли аккуратными рядами, будто выстроенные для парада. По конфигурации можно было отличить «юнкерсы» от «хейнкелей», а «мессершмитты» от «фокке-вульфов».

Для гитлеровцев налет советской авиации в самом конце дня оказался громом среди ясного неба. Только после первой атаки зенитчики спохватились: густой паутиной потянулись в небо огненные трассы. Казалось, что сквозь эту заградительную завесу невозможно пролететь даже птице. Вокруг советских машин заклубились грязно-серые шапки разрывов. Однако атакующие наносили удар за ударом. Звенящий рев моторов, стрекот крупнокалиберных пулеметов, четкий перестук авиационных пушек — все слилось в сплошной грохот.

А на земле рвались бомбы, вспыхивали и опрокидывались самолеты, все стонало, гремело, дрожало. Словно бы проснулся дремавший вулкан, взметая в небо багровые сполохи. Это были ошеломляющие атаки. В панике метались фашисты, стремясь укрыться от разящего свинцового дождя. Пикируя на врага, Краснов вкладывал в истребитель всю свою силу, всю свою неистребимую ненависть. Только двум «мессершмиттам» удалось подняться с пылающего аэродрома, но один сбили на взлете, а второй сумел удрать. Зенитки повредили три наших штурмовика, и они со снижением ушли к линии фронта.

Когда штурмовики использовали весь бомбовый запас, ведущий подал условный сигнал: «Работу закончили. Всем собраться!»

Истребители вернулись домой без потерь. Бензина хватило в обрез, баки были почти сухие.

Исподволь присматриваясь к своим подопечным, Груздев постепенно убеждался, что у Краснова чкаловская хватка, та же неуемная страсть к небу, пытливый ум, сильная воля и открытый, прямой характер. Назначив Краснова командиром звена, он подписал представление на присвоение ему внеочередного звания.

И Груздев не ошибся в своей оценке. Однажды в воздухе Николай получил ранение в руку, но не покинул поле боя и даже сумел сразить «фокке-вульфа». А когда пришло распоряжение направить бывших летчиков-испытателей в тыл на авиационный завод, Краснов категорически заявил: «Мое место здесь».

Минула неделя после разгрома немецкого аэродрома,

и фашистское командование, не желая смириться с таким неожиданным поражением, предприняло попытку нанести ответный удар по стоянкам груздевского полка. Но немецкие асы получили сокрушительный отпор.

О боевых делах 402-го авиаполка рассказал в военной газете «Красная звезда» писатель Петр Андреевич Павленко. В своем материале он назвал Николая Краснова «гражданским» летчиком.

«В ответ на разгром, учиненный Груздевым,— писал в очерке Павленко,— фашисты предприняли налет на аэродромы его полка. 18 бомбардировщиков уже делали заход для бомбежки, когда первым по тревоге взлетел Краснов. Он один бросился в середину вражеского строя и сразу деморализовал фашистов.

Бомбардировщики вынуждены были изменить боевой курс и не смогли бомбить. Тем временем истребители груздевского полка уже были в воздухе и ринулись в атаку. Потеряв пять самолетов, немцы ушли...

В течение трех месяцев полк участвовал в 300 воздушных боях, сбив 63 фашистских самолета, 74 уничтожив на земле, а сколько еще, по выражению летчиков, ушло, «трепыхая плоскостями»! Груздев сбил 11 самолетов, капитан Бахчиванджи — 5, летчик Краснов — 5...»

Был случай, когда Краснова посчитали погибшим. Тот день выдался безветренным и ясным.

Жаркая схватка завязалась километрах в пяти от линии фронта. Четверка «Мигов» перехватила шесть «мессершмиттов». Ведущего гитлеровца Краснов взял на себя. Верный своей тактике — всегда начинать бой, имея преимущество в высоте,— он свечой взмыл вверх. Получив позиционное превосходство, Николай молнией устремился на врага. Но, видимо, немец был опытным пилотом: успел-таки ускользнуть из-под удара. Краснову пришлось вновь набрать высоту, чтобы иметь простор для маневра. Откуда было знать фашистскому асу, привыкшему к легким победам в небе Европы, что через минуту-другую все будет кончено. Краснозвездный истребитель, искусно выполнив вертикальный маневр и два переворота через крыло, оказался так близко к «мессершмитту», что Николай уже различал в его кабине самодовольное лицо летчика, расстегнутый шлемофон. Небольшой доворот, и «Миг» зашел в хвост противнику. Поймав прозрачную кабину «мессершмитта» в крестик

прицела, Краснов с силой вдавил пружинистую клавишу гашетки. В момент атаки он яростно бросал вдогонку удирающему немцу:

— Ага-а! Не нравится! На тебе еще! Подавись! На! На! Наелся?!

Фашисту не удалось уйти от метких очередей. Самолет потерял управление, сорвался вниз.

И только теперь Николай заметил, что на него, неизвестно откуда появившись, несутся два «фокке-вульфа». Ясно, что они видели финал поединка и торопились расправиться с победителем. Гитлеровцы заходили с двух сторон, намереваясь взять «Миг» в клещи. Пунктиром потянулись к нему огненные шнуры. Краснов опять применил свой излюбленный вертикальный маневр. И вдруг почувствовал, что ранен в голову. Кровь застилала глаза. Он подшлемником вытер лицо. И в тот же момент потерял сознание. Нетрудно представить безнадежное положение пилота, потерявшего сознание в воздухе, в бою. Что стоит противнику расстрелять беззащитный истребитель?

Наши летчики, участвовавшие в схватке, видели, как машина Краснова со снижением направилась в сторону аэродрома, как ее атаковали два вражеских самолета, как «Миг» вошел в последнее пике... Пустив ему вдогонку несколько очередей, фашисты отвалили, полагая, что дело сделано.

В полк раньше других возвратился на поврежденной машине один из наших летчиков. Он-то и принес печальную весть о гибели Краснова.

Но Николай остался жив. И, как ни странно, спасли его... немцы.

Произошло вот что. Когда он потерял сознание, неуправляемый истребитель стал быстро терять высоту. В это время вражеские пули пробили колпак кабины, миновав самого Краснова. Однако осколки плексигласа посекли лицо и грудь, отчего он и очнулся. Придя в себя от боли, Николай схватился за ручку управления, постепенно набрал высоту и вывел машину в горизонтальный полет. Через несколько минут показался аэродром.

Первым, кто встретил изрешеченный истребитель на летном поле, был механик. Его лицо выражало одновременно и восторг и изумление.

— Товарищ командир! Вот здорово! А нам тут натрепались, что вы это... ну, что вас сбили. Вот пустомели!

Заметив кровь на лице летчика, встревожился:

— Да вы никак ранены!

— Поцарапали малость, сволочи,— буркнул Краснов, спрыгивая на землю.

К самолету быстро шел командир полка. Краснов шагнул навстречу, доложил:

— Товарищ майор! Задание выполнил. Вел бой, одного «мессера» сбил. Рядовой летчик Краснов.

— Отставить! — вдруг скомандовал Груздев.

Не поняв, в чем дело, Николай обескураженно оглядел себя. Не заметив лукавых искорок в глазах командира, снова начал рапортовать. Командир полка опять остановил:

— Отставить! Вольно! Николай, ты уже не рядовой, а капитан. Поздравляю! — Груздев пожал руку летчику.

За ужином в полковой столовой боевые друзья весело подшучивали: «Ну и Краснов — «погиб» рядовым, а с того света капитаном явился. На всякий случай поделись опытом, как ты воскрес?»

Ранение у Николая оказалось легким, в строй он вернулся быстро. И снова начались фронтовые будни: и прикрытие наземных войск, и сопровождение штурмовиков, и «свободная охота». И почти ежедневные бои. Все чаще он возвращался с победой. О его боевых успехах писали военные корреспонденты.

Армейское командование заинтересовалось «хейнкелем», совершавшим полеты на большой высоте над расположением наших войск. Предполагалось, что это новая модель немецкого самолета-разведчика. И вот солнечным декабрьским днем Краснов с младшим лейтенантом Колошенко вылетели на боевое задание. За линией фронта они увидели на заснеженном поле движущуюся группу гитлеровцев без маскхалатов — сверху они смотрелись как мухи на сахаре. Заслышав гул моторов, фашисты начали разбегаться. Снизившись до бреющего полета, наши летчики атаковали вражеских солдат, и многие их них остались лежать на снегу. На обратном маршруте набрали высоту более четырех тысяч метров. Только оказались над своими позициями, как заметили идущий «хейнкель». Тот или не тот? Краснов первым бросился в атаку, а Колошенко бил по немцу сверху. Трасса Николая попала в кабину нижнего стрелка, и его пулемет смолк. Атака следовала за атакой. Яростный

огонь по «хейнкелю» не давал результата. Неприятельский самолет продолжал идти своим курсом. Тогда Краснов передал по радио команду ведомому, и они с двух сторон перекрыли путь вражескому самолету завесой огня. Фашист вынужден был свернуть на восток. Николай хотел заставить приземлиться гитлеровца на полковом аэродроме, но второй верхний стрелок остервенело строчил по машине Колошенко.

— Командир! — услышал Краснов в наушниках.— Я ранен...

— Давай немедля домой! Я прикрою.

— Вас понял,— отозвался ведомый.

С новой атаки Николай всадил в противника весь оставшийся бронебойный крупнокалиберный запас. И «хейнкель» наконец задымил. От него отделились два черных клубка, а следом раскрылись белые парашюты. Вражеская машина, клюнув носом, потянула за собой черный шлейф и, ударившись о землю, взорвалась.

Потом, на аэродроме, латая пробоины на плоскостях, техник сказал Краснову:

— Товарищ командир! Знаете, какую крупную птицу вы свалили? Говорят, у него вся грудь в крестах. Второй немец — рядовой, а этот полковник.

На допросе в штабе фашистский летчик признался:

— Меня сбил настоящий ас, за всю войну не встречал такого.

Выяснилось, что у «хейнкеля» тросы управления имели надежный дубляж, а бензобаки были экспериментальные, обтянутые трехслойной резиной с каучуком. При попадании пуль отверстие сразу затягивалось, бензин не вытекал и потому «хейнкель» не загорался. Воспламенился он лишь благодаря прямому попаданию в моторы.

— Откуда такая машина? — спросил командир полка у пленного.

— Это личный подарок фельдмаршала фон Браухича,— не без хвастовства заявил немецкий полковник.— В Европе я летал на «мессершмиттах» и сбил двадцать семь неприятельских самолетов. Восемь — во Франции, девять — в Англии и десять — в Греции. За каждый сбитый мне платили две тысячи марок.

— А каковы успехи в России? — поинтересовался комиссар.

— Только недавно прибыл, еще не успел...

— Значит, у нас остался без заработка? — с иронией заметил комиссар.

Пленных отправили в штаб авиакорпуса.

Нередко приходилось выполнять особые задания.

Однажды Краснова и его боевых товарищей вызвал командир подполковник Шатилин. Лучшей четверке эскадрильи Краснова поручалось сопровождать в Одессу специальный самолет «дуглас». В нем летел с инспекторской проверкой по вопросам снабжения армии член Государственного комитета обороны, нарком Анастас Иванович Микоян.

— Надеюсь, товарищи, вы понимаете всю ответственность возложенной на вас задачи,— сказал Шатилин.— Если возникнет серьезная угроза «дугласу»,— подполковник испытующе оглядел лица летчиков,— надо идти на риск, но чтобы ни одна пуля не коснулась этого самолета. Счастливого возвращения!

Полет и посадка прошли без происшествий. Двух «фокке-вульфов», пытавшихся атаковать «дуглас», красновцы легко отогнали.

На аэродроме в Одессе Микоян пожал руку Краснову и поблагодарил летчиков за отлично выполненное задание.

С лета 1943 года Николай воевал в 116-м авиаполку. К этому времени за плечами Краснова были бои на Брянском, Сталинградском и Юго-Западном фронтах. Он стал майором, командиром эскадрильи, его приняли в ряды коммунистов. В Центральном архиве Министерства обороны СССР хранится личное дело Н. Ф. Краснова. Вот лишь одна по-военному лаконичная выдержка из наградного листа, подписанного в декабре 1943 года командующим 3-м Украинским фронтом генералом армии Р. Я. Малиновским и генерал-майором авиации В. А. Судцом:

«...За период с июня 1941 года по октябрь 1943 года имеет на своем счету 279 боевых вылетов, провел 85 воздушных боев, в которых лично сбил 31 самолет противника...»

Октябрь сорок третьего выдался хмурый. Зачастили дожди. В один из таких дней майор Краснов в паре со старшим лейтенантом Чуносовым вылетел на патрулирование в район нашего переднего края. Через некото-

рое время из облаков вывалились четыре «фокке-вульфа». В круговерти схватки Краснову удалось сбить один вражеский самолет, но получила повреждение и машина Чуносова, он вышел из боя. Николаю пришлось прикрыть отход ведомого. Силы были слишком неравны: один против трех. Такое превосходство противника вынудило советского летчика драться до последнего патрона. Он бросал свою машину в головокружительные виражи, уходил в облачность, отчаянно отбивался короткими очередями, но фашисты продолжали наседать. Николая тяжело ранило. Когда иссяк весь боевой запас, он ушел от преследования затяжным пике. Над самым лесом вывел истребитель в горизонтальный полет и на бреющем взял курс домой.

На аэродроме уже начали тревожиться, его с нетерпением ждали, поглядывая на часы.

И вот над перелеском показалась машина. При посадке все увидели бортовой номер Краснова. Зарулив на стоянку, летчик откинул колпак кабины, однако вылез из самолета лишь с помощью техника.

Ступив на землю, он не смог сделать и двух шагов, едва не упал. Его подхватили чьи-то руки...

Из медсанбата Николая транспортным самолетом эвакуировали в глубокий тыл. Ранения оказались гораздо серьезнее, чем предполагали: повреждены кости руки и ноги. Особую тревогу вызвала рана в области спины — пуля прошла в сантиметре от позвоночника. К тому же он потерял много крови.

Внимательно осмотрев Краснова, хирург распорядился:

— Немедля в операционную!

Прошло около часа. Перебинтованного летчика доставили в палату после операции. Теперь раненому требовался полный и длительный покой.

Через несколько дней при очередном врачебном обходе Николай спросил, сумеет ли он летать?

Хирург, сочувственно посмотрев на раненого, ответил:

— Грех тебя, братец, обманывать. Жить будешь, а о полетах забудь.

Выздоровление шло медленно. Наконец сняли гипс. А еще через месяц разрешили подняться с постели. Первые шаги он сделал с помощью костылей. Потом их сменил на палочку.

Долечивался Краснов в свердловском госпитале и в

санатории Верх-Нейвинска. По предписанию врача начал заниматься лечебной гимнастикой. Упорно. До пота. Не щадя себя.

Однажды хирург увидел, как Николай, морщась от боли, выполнял физические упражнения.

Приподняв в изумлении брови, хирург сказал своему коллеге:

— У этого летуна железная воля и стальные мышцы...

Стало припекать солнце, зазеленело все вокруг. В палатах настежь распахнули окна. Незадолго до выписки из госпиталя в медицинской карточке Николая Краснова появилась запись: «Годен к летной работе».

И вновь фронт. Столь же часто, как и в сорок первом, менялись аэродромы. Но теперь самолеты перелетали каждый раз все дальше и дальше на запад, а вечерами пилоты вымеряли по картам расстояние до Берлина.

...Возвратившись как-то с очередного задания, Краснов попал в объятья боевых друзей: его горячо поздравили с присвоением высокого звания Героя Советского Союза.

Как-то полковой комиссар, передавая Краснову армейскую газету, сказал:

— Возьми, майор, на память, о тебе тут говорится.

Он развернул газету. В глаза сразу бросилась подчеркнутая красным карандашом его фамилия:

«В районе Никополя немцы всеми силами пытались оказать поддержку отрезанным дивизиям. Для этой цели они использовали транспортные самолеты Ю-52».

Наши истребители, несмотря на тяжелые метеорологические условия, действуя методом «охотников», выискивают вражеские транспортные самолеты и успешно ведут с ними борьбу. Особенно отличается прославленный на нашем фронте летчик, Герой Советского Союза майор Краснов. Барражируя в одном пункте, тов. Краснов встретил четыре немецких транспортных самолета, которых сопровождали два Ю-87. Майор немедленно атаковал эту группу и первой меткой очередью сбил один Ю-52. Остальные вражеские самолеты пытались скрыться в облаках. Но Краснову удалось нагнать их, атаковать вторично и сбить еще один Ю-52.

Таким образом, в одном коротком воздушном бою майор Краснов уничтожил два вражеских транспортных самолета, увеличив счет сбитых им немецких машин до тридцати шести».

Получив новый истребитель Ла-5, он почувствовал себя еще увереннее. Эта модель «лавочкина» пришлась по душе всем летчикам: две пушки на борту, маневренный, легко управляем и, что особенно важно, скорость на пятьдесят километров выше, чем у «фокке-вульфа». Теперь Краснов мог, не теряя времени на земле, прямо в полете, по радио, объяснять подчиненным боевую задачу. Он все чаще стал летать на разведку по тылам противника, на свободную охоту. Немцы узнавали его «по почерку» и старались избегать с ним встречи.

Вражеская служба наведения, настроив свою радиостанцию на волну рации советских авиаторов, пыталась однажды сорвать боевой вылет Краснова.

Стояла осенняя непогодь.

Над аэродромом нависли клочковатые тучи, не позволяя летчикам подняться в воздух. Неожиданно командир полка Шатилин получил от командования безотлагательное задание.

— Где-то в этом районе,—объяснял подполковник Краснову, указав место на крупномасштабной карте,— немцы пристроили недалеко от передовой блуждающий бронепоезд и прицельно лупят по нашим позициям. Ты должен установить координаты немецкого бронепоезда, а остальное завершат штурмовики.

— Ясно, товарищ подполковник,— Краснов захлопнул планшет.— Разрешите выполнять?

— Погоди,— жестом остановил Николая командир.— При таких метеоусловиях я не могу тебе приказывать. Синоптики дают почти по всему маршруту низкую слоисто-кучевую облачность.

— Как-нибудь пробьюсь...

— Только в бой не ввязывайся, твоя главная цель — координаты бронепоезда.

Не успел Краснов появиться над территорией, занятой противником, как услышал в наушниках свой позывной:

— Двадцать третий! Я «Сатурн», как слышите?

— Я двадцать третий, слышу вас нормально. Прием.

— Двадцать третий, немедленно вернитесь! Задание выполнять запрещаю!

«Неужели из-за погоды?» — засомневался Николай и хотел спросить, но связь оборвалась. Он был немало озадачен: «Сатурн» вышел на связь, забыв назвать пароль. Такого в его практике еще не случалось.

— «Сатурн»! — вызвал Краснов.— Я двадцать третий. Назовите пароль.

Ответа не последовало. Николай догадался, что выход в эфир неизвестного «Сатурна» не что иное, как фашистская липа. Но тут же в наушниках прозвучал условный пароль настоящего «Сатурна». Выяснив у летчика воздушную обстановку, станция наведения распорядилась:

— Двадцать третий! Продолжайте выполнять задание!

Так сорвалась вражеская провокация. Краснову удалось обнаружить и установить точные координаты движения немецкого бронепоезда.

Николай научился сохранять хладнокровие и ясность мысли даже в самых критических обстоятельствах. Это позволяло ему подчас найти выход из очень трудного положения, принять единственно верное решение в любой сложной ситуации. В бою у него ни разу не дрогнула рука, не подвел зоркий глаз.

Случались в полку траурные дни, когда провожали в последний путь погибших боевых друзей. На длительные сроки эвакуировали в тыл тяжелораненых. А на смену им из училищ прибывала молодежь.

Спустя многие годы после войны однополчанин Краснова подполковник в отставке В. Д. Соколов вспоминал:

«В полку было у кого поучиться мастерству воздушного боя. Здесь служили такие прославленные асы, как дважды Герой Советского Союза Николай Скоморохов[1], Герои Советского Союза Петр Якубовский, Григорий Ануфриенко, Михаил Цикин. У всех у них за плечами богатый боевой опыт. Однако больше всех прислушивались летчики к голосу опытнейшего воздушного бойца Николая Краснова...»

В нелетную погоду, в перерывах между полетами, Краснова часто можно было увидеть среди молодых летчиков.

— На земле надо думать, а в воздухе и думать и действовать,— говорил он им.— Исход боя решают секунды, и каждая секунда может стоить жизни. Кое-кто из вас поговаривает, что с «мессершмиттом» трудно тягаться. Согласен, немца с кондачка не возьмешь. Но на него

---

[1] Ныне — маршал авиации.

надо идти смело, решительно, дерзко показать свои «клыки», чтобы психологически сломить наглую самоуверенность вражеского пилота. Чем раньше освоите покрышкинскую формулу воздушного боя — высота, скорость, маневр, огонь,— тем быстрее начнете бить фрицев! Во всех случаях всегда в воздухе помните: осмотрительность и еще раз осмотрительность.

Следуя советам старших товарищей, молодые летчики со временем становились умелыми воздушными бойцами.

В одной тяжелейшей схватке Краснов срезал «фокке-вульфа», применив свой излюбленный вертикальный маневр. А его ведомый Колошенко вернулся на аэродром раздосадованный. Ему несколько раз удавалось поймать в прицел «фоккера», изо всех сил он жал на гашетку. Следовали пушечные очереди, а враг ускользал как ни в чем не бывало.

На аэродроме он с пылом доказывал Краснову:

— Эти гады так бронированы, что их никакой пушкой не прошибешь.

— Объясни-ка, куда ты его бил?

Колошенко энергичными жестами демонстрировал, как он атаковал гитлеровца.

— Все ясно,— заключил комэск.— Ты же брал слишком малое упреждение. Поэтому твои снаряды прошли за хвостом «фоккера».

А спустя два дня радостный Колошенко докладывал о своей победе над вражеским истребителем.

...Николай появился в штабной землянке в тот момент, когда подполковник Шатилин, закончив телефонный разговор, возвратил трубку связисту.

— Наша пехота залегла между своими и немецкими траншеями, атака захлебнулась,— обратился он к Краснову.— Знаю, что твоя эскадрилья сегодня уже трижды работала, но выхода нет — надо помогать. Мало того что немцы пустили в ход артиллерию и минометы, так еще и «юнкерсы» не дают поднять головы. Ты должен очистить небо от бомбёров.

Через двадцать минут шесть «лавочкиных» во главе с комэском подходили к передовой полосе обороны. Взору открылась обожженная земля. Вдоль извилистой линии наших окопов стелилась пороховая гарь, сквозь которую вздымались багровые фонтаны взрывов. Это «юнкерсы» бомбили ничейную полосу и наши окопы.

Там-то и были прижаты к земле пехотинцы, ожидавшие помощи авиации.

— «Маленькие»! Я — двадцать третий. Атакуем «лаптежников» с ходу! — скомандовал Краснов.

«Лаптежниками» фронтовики называли Ю-87 за неубирающиеся шасси. Вихрем врезались истребители в строй бомбардировщиков. Преимущество «лавочкиных» в высоте сразу сказалось: один «юнкерс» неуклюже перевернулся вверх колесами и потянулся вниз. Выбрав себе цель, Николай выверенным маневром приблизился к противнику. Перед ним вырос стабилизатор со свастикой. Однако вражеский стрелок не дремал: по плоскостям «лавочкина» забарабанили пули. Николай изменил направление атаки, зашел с задней полусферы. В прицеле открылись наиболее уязвимые части фашистской машины. Это был шанс. Одна за другой последовали пушечные очереди, и по «юнкерсу» заплясали огненные языки. Окутанный облаком черного дыма, он потащился на запад. Пилоты остальных Ю-87, увидев бесславный конец двух экипажей, решили, видимо, не испытывать свою судьбу.

— Командир! «Фоккеры» слева! — послышался в шлемофоне тревожный голос лейтенанта Пантелькина.— Вызвали, гады, помощь...

Мгновенно рванув ручку управления на себя, Краснов огляделся.

— Пантелькин, Улитин! — скомандовал он.— Преследуйте бомберов! Остальные — за мной! Атакуем «фоккеров» в лоб!

«Лавочкины» и «фокке-вульфы» неслись на встречных курсах, поливая друг друга свинцовым градом. Когда расстояние сократилось до предела, самолеты закружились в вихревом клубке.

Пехотинцы, наблюдавшие с земли за схваткой, не могли различить, где краснозвездные, а где меченные черными крестами машины.

Но вот клубок постепенно стал разматываться, противники разбились на пары. Поймав немца на обманный маневр, Краснов прицельной очередью прошил подставленное брюхо «фокке-вульфа». Но и его машину крепко изрешетили, то и дело стал давать перебои мотор, а левая плоскость зияла двумя огромными пробоинами.

И вдруг фашисты, словно по команде, враз повер-

нули восвояси. Причину бегства немцев Николай понял, когда увидел, что с востока к ним на выручку приближается группа советских истребителей.

— Всем сбор! — передал по радио Краснов.— Идти домой самостоятельно. Я подбит, за меня — Пантелькин.

Удастся ли ему дотянуть до своих? Он затратил неимоверные усилия, пока преодолел линию фрота: кое-как слушались рули, заметно терялась высота, угрожающе чихал двигатель. Сваливаясь на крыло, «лавочкин» норовил сорваться в штопор.

Ясно сознавая, что попытка произвести посадку на неуправляемом самолете наверняка закончится аварией, Николай вовремя покинул машину и благополучно приземлился с парашютом в расположении наших войск.

После шестого ранения Краснову предложили заняться подготовкой молодых пилотов в военно-авиационном училище. Но Николай не выбирал легких путей. Он добился отправки в действующую авиачасть и продолжал громить врага.

Осенью 1944 года Советская Армия вступила на территорию Венгрии. Разгорелась ожесточенная битва за освобождение страны. В центре Европы в ту пору Венгрия оставалась единственной союзницей гитлеровской Германии. Военные действия здесь затянулись на несколько месяцев. Шли упорные бои на подступах к Будапешту, где была окружена крупная группировка противника. Немецкие генералы приказали Будапештскому гарнизону «оборонять город до последнего солдата». Венгерская столица была превращена в крепость с целой системой подземных ходов и сооружений.

Наши летчики непрерывно помогали наземным войскам с воздуха.

Из фронтового письма Н. Ф. Краснова жене Евдокии Никифоровне:

«7. 11. 44

...Сейчас я возглавляю группу асов и за несколько дней работы в очень сложных метеоусловиях мы много принесли неприятностей фрицам. Я лично сбил три самолета типа Ю-52... Весь мой коллектив представляется к наградам...»

В декабре газета воздушной армии в передовой статье «Железный закон» писала:

«Четыре советских истребителя во главе с Героем Советского Союза майором Красновым за несколько минут воздушного боя сожгли семь немецких бомбардировщиков. Эта серьезная победа была выиграна без потерь с нашей стороны.

Когда у майора Краснова, имеющего на своем счету около сорока сбитых вражеских самолетов, спросили, что решило успех боя, он сказал: — «слетанность группы».

Слетанность — это прежде всего высокая организованность летчиков, строгая дисциплина и крепчайшая их спайка. Это, наконец, высокое мастерство воздушных бойцов и умелое руководство командиров...»

Николай Краснов провел над венгерской столицей двадцать шесть воздушных боев, в которых сбил восемь вражеских самолетов. Теперь на его счету было сорок пять самолетов противника. Более половины из этих побед он одержал, применив вертикальный маневр.

29 января Николай, как обычно, отправился на задание. Светило солнце, видимость была хорошая. Едва он появился над городом, как увидел три немецких самолета. Покрутившись в отдалении, они внезапно исчезли. Было ясно, что фашисты замышляют какую-то хитрость.

Пока три вражеских самолета отвлекали внимание советского летчика, со стороны солнца вынырнули еще два «мессершмитта». Но Краснов вовремя обнаружил их. Николай мгновенно сбросил обороты двигателя. Немцы проскочили, не успев среагировать, а наш «лавочкин» оказался в хвосте у своих преследователей. Выстрел из пушки, и задымил первый вражеский истребитель.

Однако фашистские летчики вскоре пришли в себя и набросились на «лавочкина». Неравный поединок был скоротечным: еще один охваченный пламенем «мессершмитт» получил сполна и закончил свой полет. Гитлеровцы предпочли ретироваться.

Горючее у Николая кончалось, почти весь боезапас истрачен, и летчик взял курс домой. Минут через двадцать он должен зарулить на стоянку. Однако боевые друзья не дождались своего комэска. Лишь к вечеру в полк поступило печальное известие: летчик погиб. Его

настигли четыре «фокке-вульфа». Краснов отстреливался, уходил из-под огня противника. И, оказавшись совершенно безоружным, не отступил, не уклонился от боя.

Пошел на таран.

А до конца войны оставалось всего три месяца. И здесь на память приходят пронзительные слова выдающегося полководца Константина Константиновича Рокоссовского о последних боях Великой Отечественной.

«Обидно и горько терять солдат в начале войны. Но трижды обидней и горше терять их на пороге Победы, терять героев, которые прошли через страшные испытания... рисковали жизнью, чтобы своими руками завоевать родной стране мир...»

Ю. Левин

Четверо отважных

Из огромного числа героев, которых мне — фронтовому корреспонденту — довелось встречать в боях и в послевоенное время, я выбрал четырех. А мог бы значительно больше, ибо там, где бывал — и под Ржевом, и в пылающем Сталинграде, и на Днепре-реке, в испепеленной Варшаве и в поверженном Берлине,— всюду воочию видел воинскую доблесть солдат, сержантов и офицеров.

Среди тех, кто не знал страха в борьбе с врагом, кто первым подставлял свою грудь опасности и поднимался в атаку, были и наши земляки — сыны земли уральской. Недаром среди фронтовых песен звучала такая: «Уральцы бьются здорово!»

1

Андрей Ильич Жадяев живет вблизи Свердловска, в поселке Кедровка. Ныне он человек почтенного возраста, пенсионер с большим стажем. Но я-то знавал его двадцатилетним розовощеким сержантом-гвардейцем. Силен

был, зоркие глаза имел, отчего и снайпером стал, да таким, что весь наш Южный фронт его меткостью восторгался.

Встретились мы впервые за Миус-рекой в небольшом хуторе. У меня была цель написать очерк о нем, рассказать читателям фронтовой газеты о премудростях снайперского мастерства.

Мне повезло. Утро началось с ошеломляющей новости, которая катилась, будто сказочный колобок, из уст в уста:

— Слышали? Жадяев приволок немецкого снайпера.

— Живого?

— А на кой ляд ему мертвый? Конечно, живьем взял. Того самого фрица, который нам покоя не давал!

И я в душе ликовал: будет о чем писать!

Но увы! Встреча наша была такой короткой, что я лишь успел отсыпать Жадяеву табачку из своего кисета да записать в блокнот, откуда родом, когда на фронт попал. И все: улетучился снайпер, получил новую срочную задачу. Сам комдив отправил сержанта на задание...

Остался я один на завалинке хуторского дома с надеждой, что вскорости мы снова встретимся. Но мне объяснили: ждать придется долго, ибо сложное дело поручено снайперу. Пригласили приезжать в другой раз.

Уехал я из части огорченный: многое уже знал о Жадяеве, но не столько, чтобы написать очерк. Товарищи, конечно, рассказали о нем, о его мастерстве и скромности, а в политотделе дивизии показали заявление снайпера с просьбой принять в ряды Коммунистической партии. Я переписал те строки в блокнот: «Прошу первичную парторганизацию принять меня в члены ленинской партии, так как я хочу быть коммунистом. Я буду до конца верным делу Ленина и в боях за Родину клянусь драться до последних сил, до последнего истребления фашистов».

Очень интересным оказался для меня разговор с командиром роты лейтенантом Шишовым, который знал всю подноготную снайперских приемов Андрея Жадяева.

Лежал как-то снайпер у самого переднего края и внимательно всматривался в сторону фашистов. Глаза его прощупывали вражеские окопы, траншеи, искали цель. Но, как назло, никто не появлялся.

Муторно лежать без дела. Жди, пока гитлеровцу

вздумается вылезть из окопа. То ли дело в штыковую пойти... Сотни врагов перед тобой — бей любого.

Пока Андрей так размышлял, появился фашист. Он полз с телефонным аппаратом из глубины своей обороны к переднему краю.

Жадяев «посадил» телефониста на мушку. Но в момент, когда палец лег на спусковой крючок, ствол винтовки качнулся. Отчего это? Неужто заволновался? Так не пойдет. Придержал себя, успокоился, чтоб нервы не шалили...

Еще крепче прижался щекой к прикладу. Вот теперь — огонь! Выстрелил. Фашист упал сраженный.

Появился еще один связист. Этот полз с катушкой. И его уложил.

Сменил позицию и заметил вражеский блиндаж. Присмотрелся — рядом густой сухой ковыль. Было ветрено. И тут возникла мысль. Не устроить ли фашистам пожар! Заложив в патронник зажигательную пулю, выстрелил. Ковыль загорелся. Ветер понес пламя на блиндаж. Враги, как и предполагал Жадяев, стали выскакивать наружу. Прогремело четыре выстрела — четыре гитлеровца нашли себе могилу в горящем ковыле...

Андрей Жадяев — снайпер смекалистый. Командир роты так и сказал: «Силен на выдумку...»

Однажды, когда фашисты долго не появлялись, а уходить с огневой позиции не солоно хлебавши никак не хотелось, Жадяеву вдруг пришла мысль достать старый автосигнал с грушей. Нажмешь на нее, а он дудит. Жадяев видел такой сигнал у старшины.

— Нам бы старшинский сигнальчик сгодился,— вслух произнес Андрей.— Как думаешь, Петро?

Петр Бадьянов, напарник снайпера, сразу догадался, что к чему, и обещал мигом раздобыть сигнал.

И верно, Бадьянов не задержался: вскоре «подарок старшины», как выразился напарник, был доставлен на снайперскую позицию.

Жадяев обрадовался и, похвалив товарища за проворство, сказал:

— Теперь, Петро, бери эту музыку — и вперед, ближе к фашистам. Понял?

Бадьянов улыбнулся: понравилась ему затея снайпера.

Напарник в точности все исполнил. Сигнал «разбудил» фашистов. Вот один, видно любопытный, первый

среагировал и выглянул из своей норы. Жадяев ударил. Гитлеровец клюнул носом в землю.

Перешли на новое место. И там сигнал сработал. Еще переползли — и снова удача.

Все эти записи, конечно, должны были пригодиться, но главное, чем я жил,— это предстоящая встреча с Андреем Жадяевым. Из головы не выходил тот случай, когда он «приволок немецкого снайпера». Рассказал эту быль кое-кому из своих товарищей. Не верили, говорили, что на мушку взять снайпера и то трудно, а чтоб живьем схватить — невероятно. Но я не терял надежды, что все-таки скоро «поймаю» Андрея Жадяева и все прояснится. Да и редактор торопил: «Где очерк?»

И вот у самого Дона мне довелось очутиться на участке наступления дивизии, в которой служил снайпер. Там меня полоснула тяжелая весть о том, что Жадяев погиб. Рассказывали, что он во время одного боя, выдвинувшись вперед, вел огонь по огневым точкам врага, мешавшим нашему наступлению. Фашисты накрыли площадь, где находился Жадяев, минометным огнем... И не стало снайпера...

С того времени прошло много лет.

Как-то меня пригласили в Кедровку на молодежный вечер. Попросили поделиться воспоминаниями о минувшей войне. Возвращался в Свердловск на «газике». Со мной ехали двое молодых людей.

— Вы говорили о пятой ударной армии, о боях в Сталинграде, на Дону,— нарушил молчание один из них.— Может, знаете Андрея Ильича Жадяева?

— Снайпера Андрея Жадяева?

— Да, снайпера,— ответили оба в голос.— Он живет в нашем поселке.

Вот так «воскрес» для меня Андрей Ильич. И через несколько дней у нас состоялась прерванная долгими годами встреча...

— Помните, мы с вами сидели на завалинке? В 1943-м. Вы тогда фашистского снайпера приволокли. Как это было?

Андрей Ильич взял карандаш, вычертил на белом листе бумаги две линии и начал рассказ.

— Вот это наш передний край, а за той чертой — враг. Между ними — ничейное поле, изрытое балками. Там и обосновался снайпер. Метко стрелял. Вызывает

меня генерал и спрашивает: «Не пора ли убрать фашиста?» Я ответил: «Постараюсь!»

Вместе с напарником Мельниковым выследили мы его. Он устроился на нейтральной полосе, под своим покореженным танком. Как достать немца? Пулей? Трудно. А может, живьем взять? Посоветовался с напарником. Тот одобрил. Доложил план командиру. Тоже получил «добро».

Стемнело. Вдвоем с Мельниковым поползли к танку. Обнаружили под днищем пустой окоп. Никого нет, а снайперская винтовка прочно закреплена на месте. Значит, немец ушел на ночь, к утру вернется. Захватили затвор немецкой снайперской винтовки, у гусеницы вырыли окопчик и залегли.

Немец вернулся на рассвете и сразу прильнул к прицелу. Тут мы его и накрыли. Фашист было схватил винтовку, а затвора-то нет. Ну и поднял руки.

Быстренько фрица-снайпера превратили в «языка»: уложили на землю, вставили кляп в рот — и вперед. С полкилометра ползли по-пластунски: впереди Мельников, за ним немец, а я позади... Сам комдив нас тогда принял: хвалил и благодарил... «Язык»-то был ценный. Ну, во-первых, он же снайпер, немало бед нам принес. Теперь с ним покончено. А во-вторых, важные сведения сообщил... Такая вот история тогда вышла.

Что и говорить, случай весьма редкий. Не раз за войну мне доводилось общаться со снайперами, всяких историй наслышан был, но с такой, когда снайпер снайпера в плен взял, только один раз посчастливилось столкнуться.

— Наградили вас тогда? — спросил я.

— Обоих — медалями «За отвагу».

Дома я снова перелистал фронтовые блокноты. О снайперах были разные записи. Внимательно перечитал каждую. Бросились в глаза слова, подчеркнутые черным карандашом,— «Нерасшифрованный подвиг». О чем же это?

Всего несколько строчек, суть которых сводилась к следующему.

Район Сталинграда. Кольцо вокруг немцев замкнулось. Бои идут круглосуточно. Наш снайпер занял позицию на церковной колокольне. Удобное место. Вокруг все как на ладони. Заметил немецкую кухню. Два выстрела — и повара не стало. Немцы остались без пищи.

Вот и вся запись.

Напрягаю память: когда и как попали эти строки в мой блокнот? Когда — ясно: в дни боев за Сталинград. А при каких обстоятельствах? Вспомнил. Мне в руки попало донесение политотдела дивизии. И там говорилось об этом эпизоде. Но почему же в записи нет имени снайпера? Непонятно. Или я случайно пропустил его, или в донесении не было указано.

И вот при встрече с Андреем Ильичом я рассказал ему об этом случае. Может, он слышал про снайпера, который немецкую часть оставил без пищи.

— Это про меня вы рассказали,— улыбнулся Андрей Ильич.— Было у меня такое под Сталинградом. Помню, как просидел я тогда на колокольне несколько часов. Все ждал, когда фашисты обнаружат убитых поваров и вместо них новых к кухне приставят. Не приставили. Видно, не до того было. Кухня с часок одиноко подымила, а затем огонь погас. К полудню пришли едоки. Засуетились, забегали. Спустился я с колокольни и к артиллеристам: так, мол, и так, большое скопление немцев в таком-то районе. Артиллеристы ударили. И удачно. В самую кухню угодили...

Спросил Андрея Ильича о его «гибели».

— Пролежал я тогда раненый на нейтральной полосе много часов. Кто меня обнаружил — не знаю... В беспамятстве был... Сестрица, видать, какая-то натолкнулась на меня и спасла. А то кто же? Ну, а нынче живу ладно, в достатке, правда, старые раны частенько голос подают, но креплюсь, не поддаюсь им... И с винтовкой не разучился обращаться. Да-да, не удивляйтесь!

И рассказал мне Андрей Ильич про свое недавнее посещение воинской части. Пригласили его нынешние солдаты-снайперы и попросили кое-что вспомнить из боевой практики. Рассказал, конечно, обо всем, что на ум пришло, а в завершение на стрельбище побывал и тряхнул стариной — пострелял из новенькой снайперской винтовки.

— Ну и как? — спросил я.

— Точно в цель! Ни одного выстрела мимо!

2

Был у меня друг. Говорю «был» потому, что его уже нет. Жил он в Шале. Мы встречались, изредка переписывались. Это — Макурин Николай Ермилович.

Все началось с Мамаева кургана. В день открытия памятника-ансамбля в 1967 году, осмотрев весь мемориальный комплекс, я вспомнил о танке, который, по рассказам участников боев, превратился в памятник и стоит на кургане. Где же он?

Обратился к милиционеру. Услышали мой вопрос ребята-школьники.

— Про какой танк, дяденька, вы говорите? Про танк Канунникова?

Объяснил, что меня интересует танк, который в 1943-м первым встретился с защитниками Сталинграда.

— Мы знаем. Пойдемте, мы вас проводим,— обрадованно предложили двое мальчиков.

Пошел следом за ними. Игорь и Саша повели меня от скульптуры «Родина-мать зовет!» прямо на северо-запад по узенькой тропинке.

— А вы, дяденька, не из экипажа Канунникова? — спросил Игорь.

— Вот придумал,— помог мне Саша.— Весь экипаж погиб на Курской дуге, только один механик-водитель Макурин жив.

— Без тебя знаю,— отмахнулся Игорь.— Про Макурина тоже говорили, что погиб, а вот ведь жив. Может, и дяденька в живых остался...

Я внимательно слушал ребят. Они все знали. Рассказывали о том бое, в котором отличился танк Канунникова, о встрече войск двух фронтов в январе сорок третьего и о том, что к ним в школу приезжал сам Макурин Николай Ермилович.

— Мы его в пионеры приняли,— сообщил Игорь.

— А вы не видели Макурина? — спросил меня Саша.

— Нет,— ответил я.

Ребята наперебой сообщали все, что знали о знаменитом механике-водителе.

— Живет он на Урале, в Свердловской области, в поселке Шаля,— сказали они мне.

Вот так на Мамаевом кургане началось мое знакомство — пока заочное — с земляком.

Мы подошли вплотную к танку. Стоит он у подножия Мамаева кургана. Стоит грозно, во всеоружии, будто только что вышел из боя и поднялся на пьедестал, чтобы оглянуться окрест.

Две таблички, припаянные к его башне и постаменту, гласят:

«Танк Т-34 № 18 «Челябинский колхозник» бывшей 121-й танковой бригады, которой командовал Нежвинский. Командир танка Канунников, механик-водитель Макурин, командир башни Колмогоров, радист Семеновых».

«Здесь 26.I.43 г. в 10.00 произошла встреча этого танка, шедшего с запада впереди танковой бригады полковника Нежвинского, с частями 62-й армии, оборонявшей Сталинград с востока: соединение 121-й танковой бригады с частями 62-й армии разделило немецкую группировку на две части, что способствовало ее уничтожению».

Мне вспомнился январь сорок третьего. Мы, находясь на берегу Волги, чутко прислушивались к гулу боев, который доносился с запада. Каждый защитник Сталинграда знал, что там, в районе Вертячего, Калача, наши еще в ноябре сорок второго замкнули кольцо окружения врага. Сталинградцы, геройски сражаясь, трепетно ждали встречи с теми, кто теснит фашистов с запада.

И дождались. Произошло это в конце января. Во главе наступающих сталинградцы увидели танк Т-34.

Надпись на башне «Челябинский колхозник» точно указывала, откуда танк № 18. И мне хотелось подробнее узнать родословную этой боевой машины. Из Волгограда я поехал в Челябинск.

В областном партийном архиве мне на глаза попался документ, в котором было сказано о том, что патриотический почин колхозников Тамбовской области, организовавших в декабре 1942 г. сбор средств на строительство танковой колонны, нашел широкий отклик у челябинцев. Повсеместно колхозники отдавали свои сбережения на постройку танковой колонны «Челябинский колхозник».

За короткий срок была собрана большая сумма денег. «К 1 января 1943 г.,— сообщал в Государственный комитет обороны секретарь Челябинского обкома пар-

тии тов. Патоличев,— уже внесено на текущий счет Госбанка 90 млн. рублей. Завод по просьбе колхозников принял заказ на строительство танковой колонны. Сегодня, в канун Нового года, уполномоченные колхозников области приняли от завода и передали бронетанковым частям Красной Армии первые 150 танков. Сбор средств на строительство танковой колонны «Челябинский колхозник» продолжается».

В новогоднюю ночь челябинские танки были погружены на платформы и доставлены в самую горячую точку войны — в район Сталинграда. А через двадцать шесть дней уральские Т-34 уже взошли на Мамаев курган. И первым среди них был танк № 18.

Поездка в Челябинск прояснила родословную танка. Теперь оставалось узнать об экипаже боевой машины. И поэтому после Челябинска я поехал в Шалю, познакомиться с Николаем Ермиловичем Макуриным, расспросить, как он — солдат из Шали — дошел до волжского берега.

Начиналась его служба на Украине в тридцать седьмом году. Хоть годов ему в ту пору было чуть более двадцати, однако ж рабочий стаж солидный имел. Владел любым инструментом — и топором, и ломиком, и кувалдой. Мог слесарить, в токарном деле не промах и в электросварке толк знал. Словом, мастеровой был человек. Поэтому в танковый экипаж определили: сначала мотористом, потом механиком-водителем стал. А танк какой был — махина! Весом 50 тонн. Пять башен имел, одиннадцать пулеметов. Дом на гусеницах.

— Служил вроде справно,— вспоминал Николай Ермилович.— А когда пришел черед увольняться, снова на Урал потянуло, не мог жить без своей Шали.

Не успел обзавестить костюмом,— все в гимнастерке да брюках галифе ходил,— как снова пришлось в армейский строй становиться — война. И как-то нескладно получилось: всех дружков-приятелей сразу на фронт отправили, а его, Николая Макурина, в Челябинск привезли, повели на завод, где танки делают, и определили в механики-испытатели. А душа на фронт рвалась...

Бывало, как выедет на танкодром, даст машине полную нагрузку, пропустит ее через разные препятствия — хороша техника, с ней бы вместе в бой. Так нет, танк — на фронт, а он снова в цех. Рапорты начальству подавал, доказывал, что, мол, раненые с войны возвращают-

ся, пусть они в испытателях походят. Четыре рапорта подал. Начальство на каждом писало: «Отказать!»

И все-таки отпустили Макурина с завода. Но опять же не на фронт, перевели в учебную часть и назначили инструктором — учить молодых солдат танковому делу, вождению машин КВ.

Год обучал новобранцев. Уходили его подопечные на войну, писали с фронта письма, благодарили за науку, а он продолжал писать рапорты, которые командир роты аккуратно складывал в стопку. И когда стала она весьма солидной, вызвали Макурина в штаб и сказали: «Отправляйся-ка на завод, а оттуда вместе с танками — на фронт».

В сентябре сорок второго прибыл Николай Макурин в район Котлубани, в то место, которое в сводках Совинформбюро именовалось «северо-западнее Сталинграда».

Везучим считал себя Макурин: танк горел, рядом друзей убивало, а его пули стороной обходили.

Как такое объяснить? Может, действительно везло. Тогда, в сорок втором, раздумывать об этом не приходилось. Воевал как надо, лез в пекло, всегда знал, что задача должна быть выполнена.

Однажды, когда направил свою боевую машину на вражеское орудие, чтобы раздавить его, что-то вдруг грохнуло, аж броня зазвенела, и танк, вздрогнув, заглох. На мину напоролся, или снарядом шибануло — танк омертвел. Когда выбрался наружу, все понял: отрубило опорный каток и искромсало гусеницу.

А экипаж как? Что-то командир не подает голоса? Снова залез в танк.

— Ребята, живы аль нет?

В ответ — стон. Пробрался в башню и увидел окровавленное лицо командира танка Леонида Буренкова.

— Убило его,— еле произнес радист Всеволод Овсянников.— И мне худо.

— Ты, Сева, оставайся здесь, а я командира вытащу,— распорядился Макурин.

С Буренковым долго возился: отяжелело мертвое тело, а когда просунул его в люк, над башней просвистели пули.

Макурин, оставив командира на броне, нырнул в танк и занял место в башне. Теперь он увидел, как у орудия, которое было примерно в полкилометре, копошились фашисты.

— Ну, держитесь, фрицы,— шептал Макурин,— гусеницами не достал, снарядами доконаю.

И ударил из пушки. Потом из пулемета. И снова из пушки.

— Теперь мы квиты,— сорвалось с уст Макурина в пустой башне, когда увидел, что и орудия нет, и с прислугой покончено.

Командира похоронили под днищем танка. Из его кармана вынули пробитый насквозь комсомольский билет. Овсянникову стало еще хуже, бинты набухли от крови.

Стали соображать: где наши и куда ползти следует...

И вдруг случай: загудели автомашины. Макурин привстал и отчетливо увидел двигавшийся в их сторону автомобиль.

— Видать, наши. Дорогой из Котлубани едут, значит, точно наши.

Проголосовал. Машина остановилась.

— Кто такие? — спросил офицер, приоткрыв дверь кабины.

Объяснил. Офицер вышел из кабины.

— Сержант Макурин? Не ошибаюсь?

— Точно. Я и есть Макурин.

— А я — Терещенко Михаил. Помните?

Не припоминал Макурин.

— Курсантом был у вас... В Челябинске. Вы меня на механика-водителя выучили.

Теперь вспомнил. Да, был такой курсант у него. Парень, кажется, с головой. Машину быстро освоил, хорошо водил ее.

— Ну а нынче кем будешь?

— Политрук роты.

— Во как?! — удивился Макурин.— Слышь, Сева, из моей академии не только механики-водители вышли, но и политруки. Оцени, друг!

Эта встреча у подбитого танка благополучно разрешила все вопросы: Овсянников был доставлен в медсанбат, а Макурин — в роту политрука Терещенко, где стал механиком-водителем танка ротного командира. В этой роте Николай Макурин вступил в партию. «В Сталинград хочу прийти коммунистом»,— писал он в заявлении.

— И снова пошли мы на Сталинград,— продолжал вспоминать Николай Ермилович.— Поверьте, хотелось

скорее к Волге пробиться. Особливо ходко пошли в январе. На новеньких танках. Все из Челябинска, с моего завода прибыли.

А январь свирепым был. В необозримой приволжской степи бушевала метель, гоняя снежные вихри. Туго пришлось войску Паулюса, не рассчитывали фашисты долго воевать под Сталинградом, думали захватить город до наступления холодов — летом. Но не вышло: надолго завязли у стен Сталинграда, а в ноябре оказались в кольце.

Нам мороз тоже был не в радость, но все-таки мы привычны к его суровому нраву. Да и одежда с обувью — валенки, полушубки, меховые жилеты — вполне защищали нас от пронизывающих ветров. А немцев в их шинельках да ботиночках мороз до костей пробирал. На пленных, обмороженных да скрюченных, страшно было смотреть.

— Зимушка что надо,— вспоминал Макурин,— как у нас, на Урале. Броню голыми руками не тронь — пальцев не оторвешь, навсегда к металлу прилипнут. А мотор на морозе еще звонче работал, будто песню пел. Радовался, что Мамаев курган близко.

Мамаев курган был километрах в четырех, когда танковая рота лейтенанта Канунникова, врезавшись острым кинжалом в оборону врага и разрубив ее, устремилась вперед. Направляющим шел командирский танк, за рычагами которого сидел старшина Макурин. Огонь и натиск ошеломили фашистов. Изгнанные из сравнительно теплых окопов и блиндажей и подгоняемые свирепым ветром, они забивались в балки, густо изрезавшие волжскую степь. Многие сдавались в плен. Уже почти у самого кургана перед макуринским танком появилась группа немцев с поднятыми вверх руками. Пришлось притормозить.

— Кто такие? — спросил по-немецки лейтенант Канунников.

Вплотную к танку подошел немец-офицер и доложил, что он командир пехотной роты, а с ним его подчиненные.

— Сколько вас? — спросил лейтенант.

— Двенадцать,— ответил обер-лейтенант.

— Это — вся рота?

— Так точно! — произнес немец.— Остальные убиты. В начале января нас было в шесть раз больше.

Танки не задерживались. Их строй походил на журавлиный клин, в голове которого был вожак — танк № 18. «Тридцатьчетверка» мяла все, что попадалось на ее пути,— окопы, траншеи, давила вражеские орудия и пулеметные точки.

— Осторожнее, старшина,— шутил ротный командир,— так ненароком и самого Паулюса придавишь.

— Попадется, и его припечатаю,— отвечал Макурин и еще пристальнее вглядывался в белоснежную даль. Казалось, Мамаев курган медленно плыл навстречу танкам, готовый принять их на свою израненную грудь...

Вдруг на кургане появились люди. Они сначала шли, потом побежали. С каждой минутой их становилось все больше и больше. Макурин плотнее прильнул к триплексу. Люди бежали навстречу танкам.

— Наши! — услышал механик-водитель голос Канунникова.

Макурин открыл люк. Командир тоже поднялся над башней.

Курган гудел многоголосым «Ура!».

Т-34 застыл у самого подножия кургана. Танкисты выскочили из машины и тотчас очутились в объятиях защитников Сталинграда.

Это было 26 января 1943 года, в час, когда рассеченная на части и зажатая в железном кольце вражеская группировка Паулюса судорожно металась по сталинградской земле, а сам фельдмаршал вместе со своим штабом зарылся в подвале городского универмага. Близилась развязка. Она наступила через несколько дней. Паулюс со своим штабом сдался в плен 31 января, а 2 февраля в Сталинграде воцарилась тишина — бои прекратились. Враг, располагавший 330-тысячным войском, был разгромлен.

А танк № 18 навечно остался на кургане. На том самом месте, где он встретился с воинами 62-й армии, его подняли на пьедестал...

3

Стоит солдат на высоком постаменте в самом центре Каменска-Уральского. Отсюда Григорий Кунавин ушел на войну живым, а вернулся изваянным из камня.

Было это июльским днем сорок четвертого. Рота, в которой служил ефрейтор Кунавин, получила боевой приказ: овладеть опорным пунктом врага — деревней Герасимовиче. Парторг роты Григорий Кунавин собрал коммунистов.

— Предстоит бой,— сказал он.— Наша рота будет участвовать в прорыве обороны врага. Задача трудная и ответственная. Помните, товарищи, в той деревне, которую нам предстоит освобождать, томятся под гнетом фашистских извергов трудовые люди, наши братья — поляки. Освободим их из неволи! Мы, коммунисты, будем на передовой линии огня. Где тяжело — там наше место. Примером и подвигом вдохновим своих товарищей.

Настало 26 июля. Рассвет. Рота приготовилась к атаке. Вскоре после артиллерийской обработки вражеских позиций раздался голос командира:

— За Родину, вперед!

Рота, оставив траншеи, пошла на врага. Пройдена первая сотня метров, уже остался позади мелкий кустарник... Но с высоты, которая прикрывала подступы к деревне, застрочил вражеский пулемет. Рота залегла, замедлился темп наступления. Выход был один — подавить огневую точку. Кто выполнит эту задачу? Командир окинул взглядом лежащих стрелков. Первым подал голос Кунавин: он готов! Командир не колебался: «Действуй!»

Сколько раз ему, еще совсем молодому лейтенанту, приходилось опираться на опыт и волю своего парторга. Он так и говорил: «Мне с тобой, Григорий Павлович, легче ротой командовать». И верно, парторг во всем подпирал командира. Как-никак на тринадцать лет старше своего лейтенанта был ефрейтор Кунавин. Командир знал: у парторга слово — золото, посоветует — в точку угодит, скажет — выполнит.

Вот и теперь лейтенант был вполне уверен, что Кунавин с задачей справится.

Кунавин свернул в высокую рожь и по ней побежал к высоте, затем метров тридцать прополз по-пластунски в густой траве. Отсюда из-за бугорка он открыл огонь по огневой точке. Фашистский пулемет не смолкал. Кунавин еще ближе подполз к нему.

Теперь можно по немцу ударить гранатой. Чуть-чуть приподнялся и метнул ее. Раздался взрыв, и все стихло.

Подумал — угодил в пулемет. И тут фашистский пулемет снова застрочил. «Уцелел, гад!» — в сердцах проговорил Кунавин. Послал еще гранату, последнюю. Взрыв, тишина... Но пулемет продолжал жить. Лежит рота, товарищи головы поднять не могут. Как быть? Что предпринять? Может, ухватиться за ствол и придавить его так, чтоб пули шли в землю?

Пополз ефрейтор к огнедышащему дзоту. Подобрался к нему и попытался как-то ухватиться за ствол, но ничего не вышло. Не поддавался пулемет: продолжал поливать роту огнем.

Бегут секунды... Но мысли обгоняют их. Как заткнуть глотку фрицу? Есть ли у него, ефрейтора Кунавина, еще какая-либо возможность?..

Взглянул в сторону роты — лежат товарищи, ждут... Надеются на него, знают, никогда не подводил парторг и нынче не должен оплошать...

Что ж, есть еще одна и, кажется, последняя возможность.

И Кунавин, поднявшись во весь рост, кинулся всем телом на амбразуру дзота... Захлебнулся пулемет. Стало тихо.

Кто-то прямо на поле боя написал листовку-молнию, которая пошла по цепи наступающих. «Его имя было известно в узком кругу боевых друзей,— читали солдаты всего полка.— Его знала только сплоченная им семья одной роты. Там любили его за отвагу и мужество, за чуткость к товарищам, за ум и скромность. Теперь он — олицетворение воинской доблести, бессмертной отваги. Своим боевым подвигом он вписал еще одну страницу в великую летопись славы и доблести русской земли».

— Вперед, товарищи! Отомстим за смерть нашего парторга! — раздался голос командира.

Рота оторвалась от земли и пошла в атаку. Теперь ничто не могло остановить стрелков. Подвиг парторга проложил им дорогу — только вперед. И они бежали по ржаному полю с такой стремительностью, будто не ноги несли их, а крылья. Немцы не сдержали натиска — покатились. Польская деревня избавилась от оккупантов.

У места гибели ефрейтора Григория Кунавина состоялся митинг. Здесь собрались его боевые друзья и товарищи. Сюда пришли жители деревни Герасимовиче.

— Клянемся тебе, дорогой товарищ, что мы разгромим врага и завоюем победу! — обещали воины.

Настал час хоронить героя.

— Панове,— услышали солдаты и крестьяне голос из толпы.— Давайте похороним Григория Павловича в моем саду. А, панове? Прошу вас...

Так и порешили. Ефрейтора Григория Кунавина похоронили в крохотном садике крестьянина Станислава Станиславчика...

Пройдет много лет, и в Герасимовиче приедет брат Григория Кунавина — Андрей Павлович, тоже ветеран Великой Отечественной — и, встретившись со Станиславом Станиславчиком, услышит из уст поляка такие слова: «Иногда меня спрашивают: кто мне подсказал похоронить на своей земле советского солдата? Я отвечаю одним словом: сердце. Да, сердце. Это оно мне сказало: Станислав, этот советский солдат погиб, чтобы жил ты, твои дети и внуки, чтобы жили твои соседи. Разве не так? Вот и принял я советского солдата в свою семью, отвел ему участок земли, и пусть он будет навеки моим братом».

4

Степан Андреевич Неустроев — наш земляк. Родился в сухоложской Талице, учился и начал свой трудовой путь в Березовском, а на фронт ушел из Свердловского пехотного училища. Совсем молоденьким отправился воевать, а когда пришел в Берлин, ему было 22.

Отчетливо помню утро 2 мая сорок пятого, когда из подземелья рейхстага гуськом выходили немецкие офицеры и солдаты и складывали оружие. А потом, когда пленных увели, корреспонденты многих газет — центральных, фронтовой, армейской, дивизионной — атаковали комбата Неустроева прямо на ступеньках главного входа в рейхстаг, просили рассказать хотя бы коротко о своем боевом пути. Комбат призадумался. Паузой воспользовался заместитель командира батальона по политчасти лейтенант Алексей Берест:

— Весь путь капитана на груди,— сказал он.— Вот смотрите: два ордена Отечественной войны 1 и 2-й степени, орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Скоро прикрепят и орден Александра Невского, которым наш комбат награжден за смелые и умелые действия

во время разгрома Шнайдемюльской группировки.

— Добавь, Алеша, к пяти наградам,— сказал Неустроев,— и пять ран.

Да, пять раз настигали его пули и снарядные осколки, пять раз раны укладывали его на госпитальные кровати, но после выздоровления он всегда возвращался на линию огня — во взвод, потом стал ротным командиром, а в Берлин пришел во главе батальона.

Весь разговор тогда шел вокруг рейхстага — как да что? Но рейхстаг ведь был в самом конце войны. А шагнул в нее девятнадцатилетний юноша, досрочный выпускник пехотного училища, еще в сорок первом на Северо-Западном фронте. И никто не спросил его, кем хочет быть, а приказали принять командование взводом разведки и тут же, можно сказать, с ходу отправили за «языком».

И пришлось юноше превращаться в мужчину, в разведчика, в командира.

Как-то недавно я попросил полковника в отставке Неустроева рассказать о первой вылазке за «языком» — он улыбнулся:

— Теперь смешно. А тогда не до смеху было...

Темной ночью разведчики совершили лихой налет на траншею противника и там добыли пленного. Радовался взводный: первый поиск — и удача! Однако рано, видать, радовался. Фашисты обнаружили пропажу и ударили по взводу из пулеметов. Как ни оберегали разведчики пленного, все-таки пуля зацепила его.

— Ты кого приволок! — спросил командир полка Неустроева.— Нам нужен живой «язык», а не мертвый! — вскипел командир и выгнал взводного из блиндажа.

Думал ли он, гадал ли тогда, после неудачного первого разведывательного поиска, что дойдет аж до самого Берлина? Думалось, наверно, только об одном: как бы добраться до Старой Руссы. Жил сегодняшним боем и ближайшей задачей. А Берлин в сорок первом, да и в сорок втором, был весьма далек. И только на Одере, когда родная Неустроеву 150-я Идрицкая стрелковая дивизия, входившая в состав 3-й ударной армии Первого Белорусского фронта, вышла на главное направление, все заговорили о Берлине. А в полевой сумке комбата Неустроева уже наготове была карта столицы рейха.

Это началось 16 апреля с Одерского плацдарма. Перед рассветом — в пять часов по московскому време-

ни (в три часа по берлинскому) — тысячи артиллерийских стволов разорвали тишину. Вздрогнула земля. Огонь крушил вражеские укрепления, рушил траншеи и доты, заваливал землянки и блиндажи, калечил танки.

Такого артиллерийского удара по врагу не доводилось наблюдать мне со времен Сталинграда. Что-то невообразимое творилось: одновременно били стволы разных калибров, минометы и «катюши». А зрелище какое: огненные стрелы реактивных снарядов прорезали темноту и со свистом неслись в расположение врага. Снаряд за снарядом, залп за залпом...

И еще чудо: вдруг светом озарилась вся земля, лежавшая перед нашими позициями. А мы — в темноте. Что это? Потом разобрались: командующий войсками фронта распорядился ослепить врага лучами прожекторов.

Вслед за огнем в наступление пошли танковые и стрелковые полки и дивизии. Даже сплошной грохот боя не мог заглушить возгласов, витавших над атакующими цепями: «Вперед, на Берлин!»

Да, впереди был Берлин. До него — совсем близко. Как солдаты в шутку говорили: подумаешь, сто километров — пустяк!.. Именно в шутку, ибо понимали, что те километры будут самыми жестокими, самыми трудными.

Берлин опоясался сплошными оборонительными сооружениями. Каждый куст и бугор, каждый населенный пункт и речушка дышали огнем. Да и Одер был крепким орешком. Фашисты все надежды возлагали на эту водную преграду. Геббельс заявлял: «Одер станет могилой для русских».

Геббельс и на этот раз сел в лужу. Одер не испугал нас. За нашими плечами было немало водных преград — и Дон, и Днепр, и Березина, и Висла,— которые мы прошли. И Одер тоже остался позади.

16 апреля наши войска были у Одера, а 22-го — в день 75-летия со дня рождения великого Ленина — 3-я ударная вела бои на окраинах германской столицы. Теперь, чтобы разглядеть Берлин, уже не надо было прибегать к помощи бинокля — смотри невооруженным глазом!

В моем берлинском блокноте есть одна запись:

«Столб с надписью: «Берлин». Солдат забрался на самую верхушку.

— Сфотографируйте! — кричит.

— Слазь, парень,— смеемся мы,— на Унтер ден Линден подыщем тебе фотоателье.

— Какого еще унтера придумали?

— Унтер ден Линден — это же главная улица. По-нашему — улица под липами.

— А скоро будет эта липовая улица?

— Совсем рядышком, за углом.

Солдаты хохотали. А мой друг — фоторепортер Владимир Гребнев — все-таки щелкнул «лейкой», и солдат, взобравшийся на столб и оседлавший «Берлин», попал в кадр...»

Эта запись — достоверный свидетель приподнятого настроения, царившего тогда в наших войсках. Мы в Берлине! Идем по его улицам, занимаем квартал за кварталом! А там, где-то в центре,— рейхстаг. И есть приказ: водрузить над ним Знамя Победы! У каждого — от солдата до командира — на устах было это чужое слово «рейхстаг».

Войска пробивались вперед, к центру Берлина, и несли с собой Красные знамена. Вспоминая те дни, скажу: красный материал был в большом дефиците: каждый стремился иметь свой флаг.

Мне довелось пробраться тогда в батальон Неустроева. Тяжелый бой вел он в районе тюрьмы Моабит. Я видел, как озабочены те солдаты, у которых еще не было красной материи. Полкам и батальонам выдавали знамена, а роты сами находили красный ситец. Ну, а взводы, отделения? Им флаги тоже нужны. Вот и искали. И это не прихоть, а законное желание. Тысячи километров шагали до Берлина. До этой последней точки. И надо ее, эту самую точку, поставить так, чтобы весь мир видел. Именно на этот случай солдату красный флаг позарез нужен — утвердить Победу.

Приведу еще одну страничку из своей записной книжки:

«У комбата Степана Неустроева связным остроумный парень, зовут Петром. А фамилия — Пятницкий. Спрашивают его: «Ты, случаем, не родич тому Пятницкому, который народный хор сколотил?» Отвечает: «Хором не пою. Предпочитаю соло». Опять пристают к Петру: «На трубе или голосом солируешь?» Шутникам отвечает вполне серьезно: «На сегодня вот мой инструмент» — и показывает красный флаг...»

Эту фразу «солиста» Петра Пятницкого я вспомнил 30 апреля, когда батальон капитана Неустроева, преодолев еще одну реку в центре Берлина — Шпрее, пошел на штурм рейхстага. Неимоверно трудно тогда было батальону. Площадь перед рейхстагом (звалась Кёнигсплац, по-русски — Королевская) всю дымом заволокло. Рвутся мины, снаряды. Головы не поднять. Рейхстаг ощетинился таким огнем, что батальону пришлось вдавиться в землю.

И вдруг солдаты увидели Красное знамя. Оно тронулось с места и, будто на волнах, поплыло к рейхстагу. Это полз младший сержант Пятницкий, тот самый «солист». Он чудом прорезался сквозь адский огонь с поднятым над головой флагом.

— За знаменем — вперед! — раздался голос комбата Неустроева.

Ротные повторили эту команду, и солдаты, уцепившись глазами за знамя, поползли по огнедышащей площади.

Пятницкий первым прорвался к рейхстагу, вскочил на гранитную лестницу главного входа в здание. Вот-вот он должен был проникнуть в рейхстаг, но пуля сразила его прямо на лестнице. Упал Пятницкий. И знамя упало... Но его тут же подхватил другой герой, тезка Пятницкого — сержант Петр Щербина. Он-то и прикрепил алый стяг у одной из шести колонн перед входом в рейхстаг.

Это было первое Красное знамя на рейхстаге.

А вечером 30 апреля — в 21.50 — на самой высшей точке рейхстага, на его куполе, появилось Знамя Победы, которое водрузили храбрые разведчики из 756-го полка сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария. Но вместе с этими именами надо запомнить еще одно — Алексея Береста, который по приказу комбата Неустроева во главе группы автоматчиков пробивал знаменосцам дорогу на крышу рейхстага.

А что в рейхстаге?

Неустроеву трудно. И другим подразделениям, ворвавшимся в здание, тоже нелегко. Битва шла за каждую комнату, за каждый лестничный марш.

И вдруг — пожар. Было чему гореть в рейхстаге: огонь полз по стенам, по сафьяновым диванам и креслам.

Старшему лейтенанту Самсонову (однофамильцу знаменитого комбата Константина Самсонова, который

тоже штурмовал рейхстаг) было приказано во главе роты проникнуть в здание и быть там в должности дежурного по рейхстагу.

С большим трудом провел Самсонов роту через огненную Королевскую площадь, а в рейхстаге приступил к делу: начал сражение с пожаром. Ни брандспойтов, ни огнетушителей у роты не было. Тушили огонь всем, что попадалось на глаза. А глаза дымом слепило. Часто солдаты глушили огонь своей одеждой. И пожар был остановлен.

Знамя Победы Самсонов видел еще перед тем, как оно было поднято на купол рейхстага, и ему, как дежурному, довелось отвечать за его целость и сохранность.

— Все мы очень молоды были, но ответственность имели,— Николай Васильевич Самсонов, наш земляк-уралец, не привык говорить громкие слова. Сказал просто: «ответственность». А в этом слове заключено много — и героизм, и мужество, и смелость. Подумать только: до Победы было «четыре шага», а до смерти — и того меньше. Но никто не думал о смерти, Победой жили все — командующий и солдат, комбат Неустроев и дежурный по рейхстагу Самсонов.

У Победы много красок. Она, будто радуга, сплетается из многоцветия смелых и отважных деяний. Чтоб добыть победу на поле брани, надо проявить мастерство, смекалку, хитрость, волю... И готовность рискнуть.

К вечеру 1 мая фашисты, видимо почувствовав бессмысленность дальнейшего сопротивления, из подвального этажа рейхстага, куда их загнали наши воины, выбросили белый флаг.

— А ну-ка, Прыгунов, узнай, чего фрицы хотят,— распорядился комбат Неустроев.

Рядовой Иван Прыгунов, молодой, низкорослый солдат, совсем недавно появившийся в батальоне, неплохо знал немецкий язык. Еще в начале войны, когда фашисты заняли его село, он в пятнадцатилетнем возрасте был угнан в Германию. За годы неволи парень крепко натерпелся. А вот теперь, будучи солдатом, дрался храбро, смело шел на любое задание.

И сейчас Прыгунов, отправившись к фашистам в подземелье, возвратился очень скоро и доложил, что они согласны на переговоры, но хотят их вести с генералом или полковником.

— А где я им возьму генерала? Да и полковников

здесь не имеется. Небось думают, что в рейхстаг советская дивизия ворвалась.

И вдруг комбата осенила мысль: а что, если на переговоры отправить лейтенанта Береста? Обмундировать его получше — чем не полковник? Такой ладный, широкоплечий.

— Есть полковник! — как бы сообщая всем, громко произнес Неустроев.— Берест Алексей Прокопьевич.

Все взглянули на Береста. Сколько раз ему, боевому замполиту, доводилось выполнять самые ответственные поручения своего комбата.

В подземелье к немцам пошли втроем: Берест, Неустроев и Прыгунов. Комбат в качестве адъютанта, а солдат — переводчиком.

Переговоры были краткими. Правда, фашисты пытались затеять торг: согласны, мол, сложить оружие, но сделаем это тогда, когда вы, русские, выведете своих из рейхстага...

Берест был суров: капитуляция — и только!

— Если не сложите оружие — все до единого будете уничтожены. Капитулируйте — гарантируем жизнь,— поставил точку Берест.

Было это в 4 часа утра 2 мая. В рейхстаге стояла тишина: фашисты рядились, как им быть. Ну, а наши готовились к новому штурму. И только в семь утра из подземелья вышел немецкий офицер с белым флагом и сообщил, что их генерал — начальник гарнизона войск рейхстага — отдал приказ о сдаче в плен.

Неустроев, обращаясь к Бересту, произнес:

— Поздравляю, товарищ полковник!

— С победой, товарищ капитан!..

За штурм рейхстага многие воины батальона Неустроева были удостоены высоких правительственных наград, а комбат — ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Однажды, встретившись с Неустроевым, я спросил его: зачем он пошел в подземелье к фашистам?

— А как иначе? Я ведь командир. Переговоры вроде Берест должен был вести, но решение мне принимать. Поэтому и пошел.

— Риск большой: кто знал, что фашисты затеяли, батальон мог без командира остаться.

— Риск, говоришь? — Неустроев улыбнулся.— Но без риска нет победы. Я все тогда продумал: фашисты

прижаты к стенке, значит, их песенка спета, но, приглашая нас на переговоры, будут вилять, выпрашивать выгодную ситуацию. На этот случай я должен быть рядом с Берестом. Поэтому рискнул спуститься в их логово... Все вышло наилучшим образом. Иначе и быть не могло. Мы сердцем чуяли близость Победы. И она пришла...

Н. Грибачев

Армии

Видела вся планета
в тучах огня и дыма —
слава твоя бессмертна,
воля несокрушима.
Сила твоя стальная
двигалась, как лавина,
по берегам Дуная,
по площадям Берлина.
Мы на огне горели,
мы по сугробам спали,
многие — постарели,
многие — в поле пали.
Многое нынче память
восстановить не может.
Новый день наступает,
старый — со славой прожит.
Только не смеет время
вынуть из песни слова,
только доброе семя
всходит снова и снова —
в новых полках и ротах,
в детях и внуках наших,
в новых твоих походах,
в новых железных маршах.
Вижу иные лица,
штык и строку Устава —
старая слава
длится,
новая
зреет слава!

С. Шмерлинг

Танковый след [1]

1

Опершись на лобовую броню, командир полка легко опустился на низенькое, у самой земли, сиденье механика-водителя. Взобравшись на башню, быстро юркнул в командирский отсек худощавый, гибкий прапорщик Филистеев. Испытывая неловкость за свою медлительность, я пробрался по нагретой утренним солнцем стали и не без труда втиснулся в узкий лаз наводчика.

Все были на местах. Подполковник решил двигаться по-походному: с открытыми люками. Видимо, учел мое желание получше рассмотреть директрису — учебное поле, где ведутся стрельбы, полнее ощутить ход машины, ее маневренность и скорость.

В плотном черном комбинезоне с золотистой эмблемой-танком на груди, в ладно облегающем голову танкошлеме чувствуешь себя собранным, помолодевшим, включенным в «экипаж машины боевой». Особенно в тот момент, когда ровно загудит двигатель.

Гул нарастал. Я оглянулся. Позади поднимался невысокий, изящный павильон с просторным классом, где на покрытых пластиком столах выстроились электронные приборы, обучающие курсантов искусству точной стрельбы. А вдали, на взгорье, вырисовывался парк с рядами по-строевому вытянувшихся танков. Еще дальше, под охраной негустого сосняка,— современные здания казарм, столовой и клуба.

Танк тронулся почти неощутимо, словно вагон метро. Качнулся, призывно кивнул длинный массивный ствол орудия — и поплыл в воздухе.

Впереди расстилалось широкое, круто всхолмленное поле. Его обрамляли, а кое-где вклинивались в него рощицы и перелески — невысокие, кряжистые, под стать танкистам сосенки, сомкнутые остропикие ели, молочные березы, гнездились кустарники, островки цветов и

---

[1] Из кн.: Только две зимы, только две весны. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.

разнотравья, зеркально поблескивали бочажки и болотца. Все это составляло как бы оправу, нарядную огранку сурового поля. Серовато-бурое, бугристое, с налетом летучей пыли, в рубцах, шрамах, размытое вешними водами и подправленное трудягами-бульдозерами, оно было исполосовано танковыми гусеницами.

Бесконечно разматывалось по земле зубчатое полотно. Отпечатки гусеничных траков вгрызались в косогоры, исчезали в водомоинах, спешили наизволок. Следы эти и мчались, и шагали, и карабкались, разворачивались и вновь устремлялись вперед.

Танковая колея. Не она ли в былые годы пересекала едва не пол-России, да еще и другие, иноземные страны. Для фронтовиков служила она путеводной нитью. Сколько раз командиры приказывали: «Держаться танковой колеи!» Мне, например, приходит на память давнее: тревожные сумерки над Уманью, пронизанные сверкающими трассами настырных немецких «эрликонов», не дававших поднять головы. И отчетливый гусеничный след «тридцатьчетверки», ведущей через весенние хляби прямо к городу. По нему, дерзко проложенному среди минных полей, ползли по-пластунски, шли, бежали, пригибаясь, наши пехотинцы, а за ними катили орудия пушкари, тащили свои «самовары» минометчики.

Не только директриса, но и танкодром, тактические поля, окрестные дороги изборовдили гусеницы танков. Их следы углублялись в леса, уходили полями к самому горизонту и возвращались. И казалось порой, что тянутся они издалека и издавна, через годы и расстояния, с той тяжкой, горестной, но победной войны.

2

Поначалу он оставался один, наедине со своими мыслями. Зайдя в комнату боевой славы полка, я старался не отвлекать его, только изредка на него посматривал.

Это был молодой солдат, или, как принято именовать в учебных подразделениях, курсант из тех, кто нынешним утром принял военную присягу. Часа два тому назад на плацу звонко пели трубы духового оркестра. Чеканя шаг, маршировал перед строем знаменный

взвод. Алое полотнище с тремя орденскими лентами полыхало над офицером-знаменщиком и его ассистентами, державшими обнаженные клинки. Полковое знамя проплыло перед восемнадцатилетними парнями, которые месяц тому назад надели военную форму. И наступил момент, памятный для каждого из них: с автоматами на груди, держа в руке красивую папку с вложенным в нее текстом военной присяги, солдаты четко произносили слова торжественной клятвы...

Молодой курсант стоял у стенда, открывающего экспозицию. «22 марта 1942 года в городе Перми была сформирована 118-я отдельная танковая бригада. Личным составом, боевой техникой часть была укомплектована из Уральского военного округа». Прочтя сообщение о рождении Двинского полка, паренек внимательно и долго рассматривал старый портрет: мужественное лицо — высокий, широкий лоб, строгий взгляд из-под мохнатых бровей. Три ордена Красного Знамени на кителе. Было указано: первый командир части подполковник Брегвадзе Леонтий Константинович.

Взор молодого солдата посуровел. Он внутренне переживал все увиденное и прочитанное. Боевое крещение часть приняла 20 июля 1942 года, освободив населенные пункты Верхняя Колыбелька, Большая и Малая Верейка Орловской области. Потом бои 1943 года, ожесточенные танковые схватки. Там отличилось подразделение старшего лейтенанта Джимиева. Кто он? Уж не давний ли командир его роты или батальона?

С октября 1943 по март 1944 года на Калининском фронте часть овладела десятками населенных пунктов, и там прославились майор Жуков, старший лейтенант Щерба, лейтенант Комолкин.

С июля 1944 года на Прибалтийском фронте бригада действовала успешно. 27 июля ею был освобожден город Двинск (ныне Даугавпилс), за что части приказом Верховного Главнокомандующего 9 августа 1944 года присвоено наименование Двинская. А весной 1945 года двинцы участвовали в боях в Венгрии, под Балатоном, а после наступали в Австрии и Чехословакии и вступили в Прагу. Но боевая история полка продолжалась и на Дальнем Востоке. В августе 1945 года, нанеся удар по войскам японских милитаристов, двинцы вместе с другими частями Советской Армии преодолели хребет Большой Хинган и дошли до Порт-Артура.

18 Заказ 501

Три ордена на знамени Двинского полка: Красного Знамени и два — Богдана Хмельницкого. Три Героя Советского Союза вышли из его рядов: батальонный комиссар П. Ф. Тюрнев, старший сержант А. Соколов и сержант В. Чернышенко.

Дольше всего пробыл молодой воин у стенда, посвященного подвигу двух танкистов — А. Соколова и В. Чернышенко. По той неспешности, с которой он перечитывал материал фронтового журналиста, показалось, что солдат старается представить картину схватки.

...Кончался сорок третий год. 17 декабря батальон «тридцатьчетверок» капитана Джимиева у деревни Демешково вышел к небольшой реке. Командир танка лейтенант Ткаченко, механик-водитель Безукладников, стрелок-радист Чернышенко первыми на своем танке ворвались на окраину села, давя гусеницами фашистов. Неожиданно те открыли огонь из хорошо замаскированного дзота, расположенного в стороне от дороги. Ткаченко приказал повернуть к дзоту и уничтожить его. Вдруг танк застрял в болоте в нескольких метрах от фашистов. В щели хлынула ледяная вода, болотная жижа.

По команде Ткаченко дзот был разбит прямой наводкой. Несколько раз гитлеровцы поднимались в атаку, и каждый раз она захлебывалась. Между столбами вздыбленной взрывами земли метались фашисты. Стальная крепость посреди болота продолжала сражаться. Лейтенант Ткаченко и башенный стрелок Ковлюгин выбрались из машины, чтобы осмотреть местность. Ткаченко был тяжело ранен, а Ковлюгин сражен вражеской пулей. Фашисты наступали. Механик-водитель Безукладников вылез через нижний люк и швырнул несколько гранат. Немцы откатились.

Наступила тишина. Чернышенко выглянул в люк. У гусеницы лежал убитый Безукладников. Виктор остался один. К нему на помощь пробрался старший сержант Соколов. Находясь в машине, они продолжали бой. Огнем из пушки и пулемета Соколов и Чернышенко били в наседавших на них гитлеровцев, пока к осажденному танку не подошли наши пехотинцы. Из танка вытащили двух изможденных людей. Алексей Соколов был без сознания. Несмотря на все усилия врачей, спасти его не удалось.

Тринадцать суток, истекая кровью, голодные, в хо-

лоде, мужественно отбивали бешеные атаки гитлеровцев верные сыны своего народа. Оба удостоились звания Героя Советского Союза. Приказом министра обороны СССР Алексей Иванович Соколов зачислен навечно в списки первой учебной танковой роты Двинского учебного танкового полка.

...Солдат рассматривал портреты героев, листал альбом со снимками В. Чернышенко, посещавшего родную часть, читал письма ветеранов. Он еще оставался в маленьком музее, когда я вышел...

В первые недели службы минуты спрессованы особенно плотно. То и дело раздаются команды на построение — проверка оружия, учебные занятия, в том числе строевая подготовка, хозяйственные работы. И все же, как я замечал, в немногие свободные минуты в комнату боевой славы заходят одиночки и группы.

От комнаты боевой славы проходишь по коридору и вступаешь в спальное помещение со строгими рядами кроватей и тумбочек. На видном месте — кровать Алексея Соколова. Заправленная с подлинно армейским блеском постель — по одеялу словно утюг прошел. Тумбочка, макет Золотой Звезды. Ощущение такое, что живет в казарме старший сержант Соколов. Я обратился к воинам с вопросом о первых впечатлениях службы.

— Наши койки с курсантом Спорьятом, моим новым товарищем из Белоруссии, стоят рядом,— сказал недавний десятиклассник и рабочий совхоза Александр Ермолин — тот, что знакомился с комнатой боевой славы.— А по соседству, рукой подать,— койка героя. Встаем и ложимся с мыслью о нем.

— С первого дня хочу побольше узнать о Соколове, о его довоенной жизни, работе. Мечтаю встретиться с Чернышенко,— это слова Алексея Воронова из Ижевска, сына машиниста, в будущем, как надеется, школьного учителя.

— Мой отец служил в танковых войсках. Теперь знает, что я — тоже танкист. Доволен. Написал ему про подвиг Соколова и Чернышенко,— говорит литовец Ясюкайть.

— Мы иногда и сами не понимаем, какие мы есть,— задумчиво сказал белорус из Могилева Сергей Кондак.— А поживешь как бы рядом с героями, поймешь, каким стать тебе хочется.

...Построение на вечернюю поверку. Вытягиваются шеренги новичков, подталкивают друг друга, неловко равняются, шумят — не отговорились, не отсмеялись. Ждут зычного возгласа старшины: «Разговорчики в строю!» Но слышатся негромкие, с ноткой укоризны слова:

— Сейчас я назову фамилию Героя, а вы...— и старшина Каменев бросает взгляд на кровать Алексея Соколова. Строй дружно и почтительно смолкает. Наступает торжественная тишина вечерней поверки.

3

Командир полка вел танк на высокой скорости. Кого в наш век удивишь ею? Но, поверьте, когда с легкостью «Жигулей» несется махина весом в несколько десятков тонн, то испытываешь чувство необыкновенное. Прямая, накатанная дорога кончилась, за ней показался резкий провал. Ствол пушки накренился, и я внутренне приготовился к мощному толчку, покрепче оперся о края люка. Но предосторожность оказалась излишней: сильного толчка не последовало. Плавно притормозив, машина, сохраняя приличную скорость, преодолела солидную ямину и также без рывков вылетела на танковую дорогу. И почти не изменилось ее поведение — все тот же ровный, без львиного рыка гул; не было лязга гусениц, бросков и тряски. Конечно, подумалось, этот танк отделен четырьмя десятилетиями от «тридцатьчетверки», весьма далекий ее наследник. И хотя что-то в обличье, в контурах роднит их, но разница большая. Даже беглый, поверхностный осмотр ее «начинки» поражает обилием кнопок, тумблеров, многоцветием светящихся «глазков» автоматических, электронных приборов.

Хорошая машина. И все же не сама ведь она шла! Водитель управлял ею мастерски, тем более что мчались мы отнюдь не по Невскому проспекту. Еще не раз брали подъемы, скатывались в лощину, опускались в воронки, совершали крутые повороты, месили непросыхающую и в жару болотную жижу — и все это проходило сравнительно легко и слитно. Славно вел танк подполковник Шильдин, как говорится, без «швов».

Когда-то давно на военном аэродроме привелось мне

познакомиться с характеристиками на летчиков высокого класса. И в них, в этих характеристиках, попадалось простое, но яркое определение: «Любит летать». Не правда ли, хорошо сказано? Вот и о командире полка, в действиях которого чувствовались не только высокая техника и опыт, но и увлечение, хотелось сказать: «Любит водить».

Танк лихо взобрался на холм, господствующий над местностью, и замер. Подполковник выпрыгнул из люка. Высокий, стройный, широкоплечий, он снял танкошлем, пригладил вполне современную (без сверхмодных излишеств) прическу. На висках блеснули нити седины. Не часто встречаешь ее у тридцатидвухлетних!..

Мы с Филистеевым последовали за ним и поднялись на вершину холма. Там стояло, устало накренившись, старое самоходное орудие, возможно, военного выпуска.

— Ветеран?

— Так точно. Теперь — на сверхсрочной, нелегкую, между прочим, работу выполняет.

По первому взгляду на пробоины, прожоги, на сталь цвета побежалости стала ясна его роль.

— Принимает удары снарядов из танковых пушек.

На просторах директрисы заготовлено немало современных подвижных целей, имитирующих и танки, и пехоту, и орудия противника, которые обороняются, атакуют и контратакуют. Ими управляют с дальних пультов. Все это есть. Но самоходка-ветеран была наособицу, вживе являя собой подлинную боевую цель..

Подполковник оглядел ее с уважением:

— Долго горит броня, долго...— И стал считать пробоины: — Одна,— он показал на разверстую рану в борту.— А вот — прямо в башне... А эта, эта — снайперская! — Снаряд угодил в ствол орудия, в самый наконечник его — дульный тормоз.— Ловко, а?

В его облике, порывистых движениях было что-то юношеское, и я подумал о вчерашнем разговоре с одним полковым политработником, ветераном части.

— Широко шагает наш командир,— сказал майор.— Звание капитана ему было присвоено досрочно на год, звание майора — тоже, а вот прошлой зимой — снова на год раньше срока — получил подполковника. Три звания подряд досрочно.

Чуть не вырвалось: «Может быть, баловень судь-

бы?» И очень захотелось понять причины столь быстрого продвижения по служебной лестнице. Ведь если рассмотреть путь командира Двинского полка Юрия Петровича Шильдина, то, учитывая академию, на должности взводного, ротного, батальонного да еще начальника штаба части падает едва ли по два года.

Да, это следовало понять.

Танк помчался обратно с прежней легкостью, и то же ощущение не только мастерства, но и любви водителя к технике не проходило. Остановились у учебного корпуса.

— Ну, как машина? — с гордой улыбкой осведомился Юрий Петрович.— Хороша?

— Очень.

— То-то. У нас теперь кругом кнопки да тумблеры. Мы, конечно, в шутку говорим: «От старого танка остались одни только рычаги...»

Усмехнувшись, добавил:

— Впрочем, можно считать, что рычаги еще от кавалерии достались... Те же поводья.

4

Степан Васильевич Шильдин, коренной волжанин, в первую мировую войну сражался на австро-венгерском фронте. Был он уланом, солдатом легкой кавалерии. Довелось, правда, и в окопах сиживать, в пешие атаки ходить, но звездным его часом был Брусиловский прорыв, куда вошел вместе с полком и в конном броске проявил лихость и умение, за что был награжден Георгиевской медалью, а также удостоился унтер-офицерских лычек. Много испытал на фронте вахмистр Шильдин — и бездарное отступление, и напрасные жертвы, и бессмысленную жестокость высших чинов, изведал и горе своей семьи в далеком тылу. Потому с открытым сердцем принял революцию. В восемнадцатом вернулся под Симбирск. А там в ту пору формировалась красная конница. Степан Васильевич, не раздумывая, вступил в нее, и его оценили: как фронтовика выбрали командиром красной казачьей сотни.

И понеслись кони по степям Поволжья. Первый и успешный бой под Самарой, а в девятнадцатом вместе с Чапаевской и Железной дивизиями сотня громила колчаковцев под Бугульмой и Белебеем, штурмом брала

Уфу. Быстро росли ряды кавалеристов, на базе сотни был создан конный отряд в шесть сотен сабель. И командование им принял Степан Васильевич.

...Я знакомился с этими свидетельствами биографа Шильдиных волжанина В. Смирнова в небольшом домашнем архиве, заботливо собранном женой подполковника Светланой Павловной. Читал и думал, как, наверное, трогательно улыбается командир современного танкового полка с его могучей и богатой техникой, перечитывая такой эпизод... Худо был вооружен, голоден и бос конный отряд Шильдина. И командир мучительно думал, как бы обуть в зимние холода своих бойцов. Однажды на ногах часового заметил новехонькие лапти. Спросил: «Твоя работа?» — «Моя».— «Значит, есть выход. Передай опыт всем!»

И в лаптях отряд гнал колчаковцев. Конники рвались по уральским лесам и предгорьям на восток, участвовали в освобождении Златоуста и Челябинска. Был к тому времени Степан Васильевич членом партии, на френче его алел орден Красного Знамени. Долго еще он служил в армии; уволившись в запас, заведовал конезаводом на Дальнем Востоке.

— А рычаги-то от кавалерии!

Старший сын Степана Васильевича — Петр Степанович Шильдин — пошел отцовской дорогой, стал кадровым военным, окончив с отличием 2-е Дальневосточное пехотное училище. Это было перед войной...

...Осенним днем 1968 года курсанта 2-го курса Челябинского танкового училища Юрия Шильдина вызвал к себе генерал.

— Поедете в краткосрочный отпуск на Днепр. Там все ваше семейство собирается. Посмотрите, как ваш отец воевал.

— Есть,— ответил обрадованный Юрий.

И вот он на левом берегу великой реки, рядом с отцом, матерью, братом. На песчаном откосе собрались десятки фронтовиков, участников форсирования.

— На катер, на катер!

Ветераны расселись на скамейках, суденышко поплыло в направлении села Куцеволовки, куда четверть века тому назад высаживался первый отряд десанта. В воображении молодого военного, впитавшего рассказы отца и его товарищей, вставали картины из сорок третьего.

Отец к тому времени был опытным командиром. Дон форсировал, дрался на улицах Серафимовича, был ранен. Вернувшись из госпиталя, принял стрелковую роту. С ней и начал переправу в ночь с 29 на 30 сентября...

Рота 182-го гвардейского стрелкового полка разместилась на лодках, плотиках. Отчалили. Тихо плескалась под веслами вода. Тревожили вспышки ракет, пулеметные очереди с той стороны. Добрались до зеленого островка. И тут началось — немцы обрушили на них минометный огонь. Бойцы прыгали в воду, ныряли, плыли к крутому берегу. Казалось, он близок, а сколько людей погибло на этом коротком пути. Спасибо еще, помогла наша артиллерия — отсекла противника. Шильдинцы зацепились и создали крохотный плацдарм, «пятачок».

Они выстояли. Ротный вызвал по рации огонь гвардейских минометов. Не ошибся в целеуказании кадровый командир. Залпы «катюш» накрыли танки. А. Шильдин повел в атаку своих. Захватив вражеские зенитки, из них уничтожали фашистов.

После боев за плацдарм на Днепре Петр Степанович получил звание Героя Советского Союза.

Итак, внук красного кавалериста, освобождавшего Урал, сын подполковника, Героя Советского Союза, с детства прикипевший к армейской жизни и быту,— налицо военная династия, явление нередкое в советском офицерском корпусе.

5

Танк вернулся на исходную. Наш экипаж вышел из машины. В наступившей тишине звучали команды. Чуть выше учебного корпуса, на пригорке, выравнивался солдатский строй. Офицер поспешил с докладом к подполковнику, а я разглядывал не очень-то ровные ряды, необмявшиеся новенькие кители, сосредоточенные и растерянные лица молодых. Строй был необычен. Вместо боевого оружия танкисты прижимали к плечам палки с красными флажками, напоминая мне детство тридцатых годов, пионерский строй, вооруженный такими же флажками:

Возьмем винтовки новые,
На штык — флажки,

И с песнею в стрелковые
Пойдем кружки.

Те ребята сражались на фронтах с сорок первого года. А эти, молодые, что они собираются делать? Спросил командира полка.

— Первое ответственное задание. Будут прочесывать директрису, отыскивать неразорвавшиеся снаряды. Заметит — в полуметре воткнет флажок.

— Есть риск?

— Конечно. Внимательность нужна. Что ж, они приняли присягу. Вечером — задача посложнее: некоторые пойдут в караул, с оружием и патронами.

— От простого к сложному?

— Да. Впрочем, и простое не просто. Лом — простой, а лопата уже сложная, оттого и ломается...

Солдаты цепью рассыпались по полю. Ступали медленно, осторожно, усердно отыскивая боевую сталь.

— Это первые испытания, а следующие?

— Полевой выход.

Для новичков весеннего призыва этот выход был еще впереди, а для выпускников, нынешних наводчиков, механиков-водителей танков, сержантов — позади.

...Уральский декабрь. Крепенький, звонкий морозец. Ветер шквально налетает в поле, качает деревья в ночном лесу. Ни огонька. Поднятая по тревоге рота шагает по скрипучему насту километр за километром. Поначалу ребят не обременяют автоматы, вещмешки с полной выкладкой, лопата, противогаз. Бодрятся, шутят. Иди себе, ты — молодой, сильный, все можешь. Впрочем, на трехсуточном походе в семьдесят километров, с ночными привалами, чутким сном, вдалеке от теплых казарм, солдатам предстоит испытать тягчайшую усталость.

Остановка у макетов боевой техники (орудий, танков, ракет) вероятного противника, которую надо изучать, когда морозный ветер насквозь продувает шинели и ватники. Стрельбы. Марш-бросок — кители взмокают от пота. И надо спешно занять окопы, потому как прозвучал сигнал:

— Танки!

Над снежными брустверами беспокойно поднимаются головы.

Руки сжимают автоматы, гранаты. А он идет с высотки, растет приземистая махина, мощная, быстрая, прет на тебя. И исчезают головы за брустверами. Лад-

но еще, коли рядом прогромыхает, а если накроет? Выдержит ли окоп? Сдюжишь ли ты сам?

— Привычка вырабатывается прямо на глазах,— рассказывал командир учебного взвода, сын полковника, «военная косточка», как его характеризуют старшие начальники, старший лейтенант Сергей Климов.— Первый взвод робеет. Неверные движения. Редкие очереди из автоматов и броски гранат. Второй — увереннее, третий — совсем храбро.

А марш продолжается. Внезапные нападения «противника». Развертывание в цепь. Отражение атак — с фронта, с фланга. И вот — ночлег. В зимнем лесу. И костер надо развести — не всякий пока горазд, и из плащ-палаток соорудить палатку на отделение, и постель из елового лапника, и пищу сварить в котелках. А наутро — снова в путь, в новый бой. Тяжелеют автоматы, давят плечи вещмешки и лямки противогазов. Ночью — нападение на лагерь, схватка в темноте. А на третьи сутки, ближе к финишу, темп марша увеличивается. Последние километры — бег, кросс с полной выкладкой.

В эти дни и ночи становится яснее, кто есть кто.

Расспрашивая офицеров и сержантов о полевых выходах, я познакомился и с Владимиром Каменевым. Заметил-то его по приезде в полк. Совсем молодой, срочной службы, а на погонах продольные полосы. Старшина и по должности, и по званию. Такое при нынешней сравнительно короткой армейской выучке нечасто встретишь. Видел его повсюду: и на учебном поле, и в классе, на плацу, в казарме, столовой,— а голос слышал редко, да и то негромкий, каким он произнес фразу о Герое на вечерней поверке. Ростом невысок, на вид щупловат. «Какой же это ротный старшина?» — подумал про себя, ибо у меня с фронтовых времен сложился стереотипный образ старшины: крупного сложения, с зычным голосом, властный, хозяйственный — такими были мои первые старшины: Смолин, Завьялов, а тут вроде бы «нетипичный» старшина.

Разговорились. Родом из Гомельской области, отец — рабочий в совхозе, мать — учительница. Владимир окончил железнодорожный техникум.

Начал он рассказ о своем старшинстве опять же с Героя. Приходят вот новобранцы со сборного пункта. Разумеется, сразу в баню, а затем — подгонка обмундирования. Надели его — друг друга не узнают. В глазах —

изумление. И вот, рассказывал Каменев, заходят молодые в спальное помещение — и сразу же видят кровать Алексея Соколова, его Золотую Звезду. И замолкают. Размышляют. Знакомятся друг с другом. Кто учился в ПТУ, техникумах, живал в общежитиях, те сходятся легко, а вот те, кто прямо от мамы,— потруднее. Тоскуют. И пишут, пишут письма, кому только можно: родителям, родственникам, друзьям и, конечно, девушкам. Нетерпеливо ждут ответов. Читают в одиночку, про себя. А через месяц, смотришь, товарищам показывают, обсуждают, смеются, горюют вместе. Это — внешние, для всех обычные перемены, замечает Каменев, куда труднее в характерах разобраться, коллектив создать.

И вот тут-то старшина очень высоко оценил и полевой выход, и парково-хозяйственный день с его обслуживанием техники и объектов учебно-материальной базы. В каждом взводе выявляются отличные ребята, лидеры, как говорят. Про Бабикова слышали? На походе раскрылся. Прямой солдат. А еще: Мурылев, Михеев и другие сильные ребята.

И понятной стала главная ставка старшины Каменева — опора на лучших людей роты, лидеров. Чувствовалось его уважительное, даже почтительное отношение к солдатам с высшим образованием. В прошлом выпуске их было немало. «Колмогоров — юрист, какие лекции нам читал! Одно дело пришлый лектор, другое — свой, ротный. Кошечкин — инженер, технику хорошо понимал. Ропотин, Лебедев — инфизкультовцы, сильные ребята».

— Не зазнавались они, инженеры, учителя, спортсмены?

— С чего бы? В роте все офицеры — с высшим образованием, солдаты — со средним.— Каменев лукаво улыбнулся: — Армия все на свои места поставит... Бежали мы как-то кросс, с оружием. Ну, думаю, инфизкультовцы всех обставят. Нет. Оказывается, они — узкие специалисты — по спортивным играм. И я, знаете, их обошел. У меня — второй разряд по легкой атлетике.

Он только с виду щупловат, старшина Каменев, а на самом деле крепкий, жилистый. Именно таких имел в виду поэт Семен Гудзенко, когда писал:

Быть под началом у старшин
Хотя бы треть пути,
Потом могу я с тех вершин
В поэзию сойти.

Вполне типичным и современным оказался старшина Владимир Каменев и многое унаследовал от своих фронтовых предшественников.

6

Мы вели разговор с Николаем Петровичем Хоменко приблизительно о том же, что и с «нетипичным» старшиной: как в кратчайший срок узнать, сплотить, воспитать солдат.

— В батальоне люди многих национальностей,— говорил майор.— Русские, украинцы, казахи, туркмены, удмурты, армяне, лезгины... И это очень здорово. Сразу начинается взаимное обогащение, знакомство чуть не со всей страной. На политзанятиях два армянина у карты рассказывали о своей республике — заслушаешься. А то заиграл один на дойре — все к нему...

Меня интересовала заветная тетрадь комбата и его анкеты, о которых упомянул знающий все и всех секретарь партийной организации полка Николай Васильевич Разинков.

Показывая только что заполненные солдатами рукописные анкеты, майор объяснял свою педагогику:

— Полагаю, надо очень точно выбрать момент для анкетирования. Представьте себе, юноши облачились в военную форму и сразу — общий интерес и к себе в мундире, и к другим, вспышка, может, еще детского восторга, прыгать готовы... Но вскоре наступает пора раздумья, люди замыкаются, осмысливая уже не только внешний облик службы, но и ее внутренние, нелегкие признаки. Вот в это-то время мы и даем им возможность подумать над вопросами анкеты.

Просматриваю листы, заполненные то убористыми, то размашистыми почерками,— результаты небольшого социологического исследования. Вот одна из анкет, взятая наугад. Вопросы — ответы:

— Что больше всего любите? — Родину.

— Какими книгами увлекаетесь? — О гражданской и Великой Отечественной войнах, приключенческими.

— Кого знаете из героев? — Кузнецова, Матросова, Гастелло.

— Что более всего осталось в памяти до армии? — Школа.

— Что думаете делать после армии? — Поступить в институт.

— Как окончили школу? — Удовлетворительно.

— Чем занимались в свободное время? — Кино, книги, спорт.

— Чем интересовались более всего? — Музыкой.

— Состав семьи? — Отец, мать и я...

Вопросов еще немало, и среди них такой:

— С кем пошли бы в разведку? — С Бурлаковым.

— Ответы эти,— говорит комбат,— повод к размышлению и наблюдению для командиров и политработников. Встречается среди них и этакая бравада, и шутка, а иногда и неправда...

В тетради, которую от призыва к призыву ведет Николай Петрович, занесены самые сложные судьбы. Трудные солдаты. И истоки этих трудностей разные. Вот пометки: «Отец в тюрьме. Что с ним произошло? Как живет без него семья солдата? Какую тот ведет переписку?» Эти вопросы занимают майора. Или — как быть с круглым сиротой? Ему никто не присылает ни писем, ни посылок: «Мать погибла в автомобильной катастрофе». А то: «Паренек с первым приводом в милицию в 15 лет, мать — одиночка». Или: «По профессии машинист. Четыре сестры, три брата. С детства приносил все доходы домой, общительный, развитый. А как без него живет семья?»

Читая анкеты и тетрадь комбата, я думал о том разнообразии солдатских характеров, с которыми встречаются командиры и политработники. Тут встречи и радостные, и огорчительные, ожидаемые и неожиданные.

— Обратите внимание,— продолжает комбат,— судя по анкетам, почти все наши курсанты собираются идти в разведку непременно со своим товарищем Бурлаковым, хотя знакомы-то с ним с месяц всего. Что-то тут есть. Не случайно же такое единодушие.

Николай Петрович, как и старшина Каменев, да и почти все офицеры и сержанты-двинцы, озабочен поиском столь желанных в армейском коллективе лидеров, надежду и опору командиров.

— Большинство солдат рвутся в механики-водители,— не без гордости сказал Николай Петрович.— Вроде и трудное дело: человек под машиной часами возится, комбинезон то и знай стирает. А поди же — уважают, любят.

7

— Два Шильдина не стали генералами,— промолвил однажды Петр Степанович, имея в виду своего отца, красного кавалериста, и себя, комбата Великой Отечественной.— Но кто-то из нас, Шильдиных, должен стать?

«Три воинских звания подряд получил досрочно»,— было сказано о нынешнем командире Двинского полка Юрии Петровиче Шильдине.

Как же не задуматься над этими фразами, отвечая на невысказанный вопрос о молодом подполковнике: «Не баловень ли судьбы?»

...В детстве Юра Шильдин получил тяжелую травму позвоночника, которая надолго приковала его к постели и стала преградой к исполнению мечты, навеянной жизнью, примером отца: в армию, непременно в армию. И, превозмогая боль, мальчик возвращал свою подвижность, силу. Поднялся на ноги, от стенки к стенке шагал, стиснув зубы. В юности, когда мечта оформилась — обязательно в авиацию, он встретил новое препятствие. Стать воздушным асом не удалось: подвел вестибулярный аппарат.

На семейном совете решили: танковые войска. Мнения отца и сына сошлись: и боевой дух, и техника.

Сохранилась групповая фотография 1970 года — первый выпуск Челябинского высшего танкового училища. В пятом ряду — худенький юноша, почти мальчик, с чуть вздернутым носом — это Юрий. Он не входил в число отличников. Возможно, нынешние его подчиненные удивились бы, узнав, что их комполка в курсантские годы создал в училище ВИА (тогда еще внове были вокально-инструментальные ансамбли), вдохновенно пел на эстраде, да еще сам «построил» довольно мудреную гитару и выпросил для ансамбля усилитель от кинопередвижки. А, возможно, нынешние его подчиненные всему этому и не удивятся, если знают его непреходящую любовь к музыке и то, как азартно болеет он за полковую волейбольную команду.

И вместе с тем курсант Шильдин проявлял целеустремленность, когда дело касалось военных предметов. Он, например, неуклонно следовал наставлению пунктуального преподавателя матчасти подполковника Гунько:

— Если взял указку и приложил к плакату устройства двигателя, то указка не должна отрываться от плаката.

У Юрия не отрывалась. Преподаватель тактики майор Никитин именовал курсанта Шильдина не иначе как «начальник штаба», подчеркивая его распорядительность и точность.

Служба лейтенанта Шильдина началась «впереди пограничных застав», в Группе советских войск в Германии. Он принял взвод средних танков, близких родственников «тридцатьчетверки». Солдаты оказались его одногодками. Один из них даже попытался подшутить над юным офицером, пустив в ход стародавнюю танковую «покупку».

— Чем занимаетесь? — спросил новый взводный.

— Клиренс[1] чищу,— серьезно ответил танкист.

— Ну, что ж,— понимающе улыбнулся Юрий.— Только тщательней чистите.

С чего начать? Вспомнил слова отца: «Будь с подчиненными другом, но без панибратства. Благодарить будут строгого, деятельного, а не тряпку». В первую неделю — экзамены:

— Поедете сдавать вождение на классность.

— Так я еще и танкодрома не видел.— Большой соблазн отсрочить испытание, но он отверг его: взвод-то смотрит, каков командир. Готовился тщательно и сдал на второй класс — для начинающего командира взвода это уже успех.

Учиться пришлось нелегко. Весна 1972 года. Большие полевые учения. Танковый марш в полтысячи километров и с ходу — в бой. После утомительных полутора суток — атаки, контратаки, танковый огонь — и все под зоркими взглядами старших начальников. Но вот и кончились учения. Сейчас — на погрузку, на отдых. И вдруг приказ: «Приготовиться к маршу!» Все заново, это после полутысячи километров!

В этом походе особенно трудно было механикам-водителям. Некоторые из них едва не засыпали на ходу. Юрий научил взаимозаменяемости во взводе: за рычаги попеременно садились командиры машин, наводчики, сам взводный. И все-таки сил не хватало. Порой двумя руками передвигал рычаг. Была в изнурительном походе только одна остановка — для заправки горючим. Танки, которые вели, были из другого подразделения. На одном лопнул патрубок — поставили резинку, замотали

[1] Клиренс — расстояние от днища танка до земли.

изолентой. Но вот как заправлять топливом? На машинах и ведер даже нет (может, убрали нарочно, мол, как выйдут из положения?). Ничего, обошлось, придумали. Сапогами солдатскими залили горючку. Уж не вспомнил ли тогда Шильдин-младший про деда-кавалериста, обувшего в лапти свой красноказачий отряд? Заправили танки — и вперед...

В заметке военной многотиражки, хранящейся в архиве Шильдиных, я прочел его фразу: «Нужна сложная обстановка». По какому поводу она произнесена?

— Мы стреляем только на директрисе,— размышлял молодой командир.— А там многим знакомы все дорожки. Надо стрелять и на тактическом поле.

— Так ведь результаты станут хуже,— возражали ему.

— Сначала хуже, а потом и лучше. Разве не важно, в каких условиях достигнем результата: в привычных, знакомых или неожиданных, какими изобилует настоящий бой?

Сложные условия он создавал, где только мог. Быстро и ловко разбирают и собирают танковый пулемет на ровненьком столике. Очень хорошо. А вот соберите-ка его в башне танка, в полнейшей темноте — как на фронте приходилось.

— У Шильдина служить интересно,— говорили солдаты.

Офицер не упускал возможности проверить свои силы, подготовку взвода, потом роты. Как только появится «окно» на полигоне, танкодроме, просил: «Позвольте пострелять. Позвольте поводить». Коли предстоит проверка, просил, чтобы обязательно проверили его подразделение. Почему? «Коллектив всегда должен быть в состоянии ответственности».

Выпадали дни и недели, когда Шильдин забывал и об отдыхе, и о пище. И тогда жена его Светлана, отпросившись из госпиталя, где работала медсестрой, бежала с пирожками в пакетике на учебное поле. Были дни и недели особенно тяжкие для молодой семьи. Как раз круто развернулись полевые учения, когда Шильдиных постигло несчастье. Опасно заболел двухлетний сынишка — произошло тяжелое отравление. Жизнь мальчика едва теплилась. Мать не отходила от него. А отец разрывался между полем и госпиталем, раздваиваясь в своих тревогах и заботах: о ребенке и солдатах. Здоровье

вернулось к сыну. И рота выполнила задачу. «А вот седина у Юры,— вспоминает Светлана Павловна,— появилась как раз с той поры».

Были у него и награды. Много их. Рота заслужила почетный приз соединения — «Бронзовый танк».

Три звания подряд досрочно. Командир полка в тридцать лет.

Ответ на хотя и невысказанный, но волновавший меня вопрос был абсолютно ясен. Конечно же, Юрий Петрович, наследник деда и отца, красного кавалериста и Героя, отнюдь не баловень судьбы, а ее подлинный хозяин.

8

— Может, сами поведете? Попробуйте,— командир полка, разгоряченный поездкой, показал на люк механика-водителя.

То был, безусловно, подарок. Самому хоть минуту повелевать замечательной машиной — мечта! Но я-то бог весть когда держался за рычаги «тридцатьчетверки».

— Какой я водитель. Еще сломаю чего-нибудь.

— Да вот Филистеев покажет, научит.

Филистеев и Ляпин... С первых часов пребывания в полку я был о них наслышан. Мастера вождения, танковые асы.

— Пожалуй, попробую.— И полез в неглубокий люк.

...Исчезло изрезанное колеями поле, о нем позабыл потому, что передо мной возникли кнопки, тумблеры, световые глазки и, конечно, рычаги, за которые немедля ухватился, памятуя, что они-то и остались от прежних танков. Да, «начинка» водительской кабины, ее интерьер изменились за эти годы весьма основательно. Процесс управления: и включение двигателя, и переключение передач, и работа рычагами — стал физически легче, однако потребовал иной ориентировки, большей сообразительности и точности. Разумеется, я оглядывал приборы не без растерянности. Выручил Филистеев. Присев на броню, прапорщик склонился надо мной и спокойно указал, с чего начать.

То, что произошло дальше, оставило двойное впечатление. Выполняя негромкие команды мастера, я испытал восторг от мгновенной реакции кнопок, мягкости,

податливости рычагов, педали тормоза, а главное, от чудесной послушности огромной машины; даже на мои неуверенные посылы она отзывалась чутко, приемисто. Теперь я уже доверял ей полностью и мог следить за извилистыми колеями, спусками и подъемами строгого поля.

Второе чувство — вливавшаяся в меня уверенность от спокойных, немногословных подсказок кратковременного моего учителя. Оробев перед разворотом, услышал тихое, ободряющее слово Филистеева и решительно взял рычаг на себя — тотчас танк, словно цирковая лошадка, повернулся кругом.

Едва ли все это можно было назвать вождением, но сотни метров, пройденные на современном танке, заставили задуматься. И прежде всего возник вопрос:

— Как же за такой сжатый срок выпускают механиков-водителей, способных не просто управлять танком, но и обслуживать его, и преодолевать препятствия танкодрома?

— Люди и техника. Опытные специалисты и современные учебные пособия помогают нам,— ответил подполковник.

Вышло так, что сначала познакомился с обучающей техникой: на следующий день такая возможность представилась.

— Посмотрите кинотренажеры,— посоветовал прапорщик Филистеев.— Они нам верно служат.

В цокольном этаже казарм располагается этот несколько необычный класс. На стене его висели белые полотнища экранов, на возвышении — киноаппарат с пока непонятными приставками, коробки с кинолентами. А в центре стояли невысокие, этак по плечо, макеты танков из тонкого металла. Заглянув в люк одного из них, я увидел точную копию кабины механика-водителя. Она действовала так же, как и настоящая.

Корректный сержант Дмитрий Молодцов включил аппарат, и по экрану побежали кадры цветного видового фильма. Сосновые и березовые леса и перелески, зеленый луг, полевая дорога — то песчаная, то глинистая, просторы полей — глаз не оторвешь. В это время стоявший у тренажера лейтенант нырнул в люк. Было немного странно видеть его усердие и напряжение, замечать, как внезапно вздрагивает или трясется «танк», подкидывая или бросая из стороны в сторону водителя.

— Тренажер ошибок не прощает,— заметил Молодцов.— Реагирует на каждое неверное движение. Даже строже, чем настоящий танк. К тому же работает блок счета ошибок. Съехал с дороги, вышел из габарита, заглушил двигатель — все считает.

Через десяток минут мои наблюдения со стороны сменились личными ощущениями: сержант предложил потренироваться. Я пролез в люк и на месте водителя попытался повести «машину». Про кино забыл через несколько секунд, ибо меня приковала прихотливо вьющаяся в лесу дорога, которая виднелась в триплексе. Какой уж тут пейзаж с его красотами, надо было следить за колеей, за предательски наплывавшими по сторонам стволами сосен, за ухабами. Конечно, дорога в какой-то степени вела меня, по пословице, что порой и хвост вертит лисой, но препятствия возникали ежеминутно, и надо было работать рычагами, тормозом. Двигатель гудел, все происходило взаправду. Не вписался в колею, потащило вбок — тренажер изрядно тряхнул, не притормозил перед ямой — подбросил, наказывал то и дело, я еще подумал, что Молодцов заложил в киноаппарат ленту с самым простым сюжетом, иначе бы душу вытрясло. Сколько уж там насчитал счетчик ошибок и оплошностей — об этом сержант умолчал.

— Приходите еще, включу упражнение посложнее.

Учебные пособия, такие, как тренажер, дают первоначальные навыки будущим водителям, психологическую подготовку, но главные их учителя и воспитатели — инструкторы, мастера своего дела.

Прапорщики Ляпин и Филистеев готовят инструкторов, а те — механиков-водителей. И начал я с «первоисточников». Любопытно, что командир полка, другие офицеры, рассказывая о них, прежде всего упоминали не об их водительском и педагогическом искусстве, а о мастеровитости и трудолюбии.

— В прошлом году подсчитывали,— сказал Ляпин,— Филистеев на танках второй раз вокруг земного шарика пошел.— О себе он умолчал, хотя, судя по срокам службы, его «танковый след» еще длиннее.

Оба они из трактористов. Иван Филиппович Ляпин родом из Удмуртии, а Алексей Григорьевич Филистеев — из Талицкого района Свердловской области. Оба крестьянствовали в юности, окончили: один школу механизаторов, другой техническое училище по той же спе-

циальности, оба поработали на тракторах в колхозе.

...Разговор наш переменился. Анкета кончилась. У собеседников открылось красноречие: заговорили о своей работе. Дополняя друг друга, выразительно рисовали все хитросплетения танкодромных препятствий, их подвохи, опасности, тончайшие приемы и способы преодоления, сложные случаи, методы обучения...

Накануне я побывал на танкодроме, прошел по его препятствиям, казалось, воссоздавшим все то трудное и опасное, что может встретить танкист на поле боя. Тут и узкий проход в минновзрывных заграждениях, в который надо точно вписать машину, и бревно, переброшенное через колею (водителю надо почувствовать точку перевала через него), и коварный участок заграждений и разрушений с многочисленными поворотами между надолбами, пнями, бревнами, воронками, ямами, запретительными знаками; железобетонные панели — мост на грунте — пройти надо тютелька в тютельку. Озадачивает многих остановка на крутом подъеме: разгонишься на максимальной скорости — и стоп! А каково в грязь, гололед — того и гляди, скатишься, да еще вбок, с обрыва. И снова надо двинуться в гору. Проход между столбами — крутись, как легковушка, не задень. А вот и мост через глубокий овраг — гляди, танкист, не сорвись. И наконец, широчайший противотанковый ров, спустишь в него машину, попадешь на дно, в окошечке триплекса — изрытая земля, а поднимаешься по крутому склону, машина вздымается на дыбы, а в триплексе — небо. Если бы только препятствия — нужна и скорость, довольно основательная. Считай секунды, танкист.

Вместе с мастерами я как бы заново прошел все эти преграды, но прежде сложный путь обучения — от первых движений рычагами, преодоления танкобоязни и боязни скорости.

Мне давно хотелось спросить Ляпина про недавний случай, о котором рассказывали и секретарь парторганизации майор Николай Васильевич Разинков, истинный собиратель изустной полковой летописи, и командир части, и комбаты.

— Чудеса храбрости проявил,— сказал Шильдин.

— У нас с подполковником шапки свалились,— улыбнулся комбат Хоменко.— Днище танка увидели...

В устах Ивана Филипповича Ляпина случай этот

выглядит довольно прозаично. Он разогнал машину и на большой скорости бросил ее через глубокий и широкий ров, причем ближний берег его был ниже дальнего, что создавало дополнительные трудности и требовало особенно точного расчета. Многотонный танк, оторвавшись от земли, пролетел по воздуху, приземлившись плавно, не качнувшись, помчался дальше.

— Я еще что, вот прапорщик Поддубный у нас был, так тот пошире этого ров брал, летел, как стрела... Зачем все это? А затем, чтобы молодым ребятам возможности нашего танка показать. Пусть скорости и препятствий не боятся. Лихость, говорите? И она, конечно, но при точном расчете. Может, в бою пригодится...

Много лет тому назад в Перми записал я историю водителя-фронтовика по фамилии Мотырев. И рассказал он такой эпизод.

— Наш танковый батальон атаковал с марша. А на пути — речушка, неширокая, но берег крутой, обрывистый. Я шел головным. Как, думаю, быть? Спускаться, переползать вброд? Это сколько же батальон провозится, а немец — вот он. И решился: скорость прибавил, разогнал «тридцатьчетверку» и перемахнул речку. Дорог почин — за мной другие. И — в атаку...

Издалека, издавна тянется танковый след.

9

Пожилой невысокий, плотный мужчина, в тщательно отутюженном костюме, при орденах и медалях, при ярком галстуке, шагал к танковому парку. Он торопился и, свернув с асфальтированной дорожки, пошел «тропинкой нерадивого солдата», как с улыбкой заметил майор Разинков, который вместе со мной сопровождал ветерана-фронтовика Николая Михайловича Булаева. Майор спросил:

— Кем вы, Николай Михайлович, были на фронте?

— Танкистом, механиком-водителем.

— Вот и хорошо, с водителями и встретимся.

Водители ждали его в беседке-курилке, продутой щедрыми ветрами танкодрома и полигона, крепкие ребята, большинство с сержантскими лычками. То были водители-инструкторы. Николай Михайлович присел рядом с ними, оглядел коллег и с ходу, как знакомился на фронте, спросил:

— Так откуда же вы будете? — Вопрос адресовался круглолицему, с ранним загаром сержанту.

— Я-то? Челябинский.

— Ну,— насторожился Булаев.— А район?

— Аргаяшский.

— Та-ак. А село?

— Байрамгулово.

— Здравствуй, земляк. А я-то из Рождественского, по-старинному — из Тютняр. Знаете Тютняры-то?

— Кто ж их не знает, соседние села от них пошли.

Тут настала очередь и мне порадоваться. В этом селе, что у голубого озера Большие Ирдиги, довелось побывать.

На западном берегу этого озера на высоком постаменте — бюст генерал-полковника. Это — дважды Герой Советского Союза Василий Сергеевич Архипов, первый тютнярский кавалер Золотой Звезды, удостоенный высокой награды еще на войне с белофиннами, а вторую Звезду он получил в Великую Отечественную, командуя танковой бригадой, сформированной на Урале. Николай Иосифович Тузов, совершивший подвиг на Днепре, Иван Тихонович Глухов, штурмовавший Сапун-гору, Иван Антонович Беспалов, офицер из 2-й гвардейской танковой армии...— и эти Герои Советского Союза — выходцы из одного уральского села. Пять Золотых Звезд у тютнярцев.

А сколько там ветеранов минувших войн! Коренные, местные фамилии — Беспаловы, Маркины, Пичуговы, Плаксины, Булаевы, Киприяновы, Силантьевы...— все воевали.

— А фамилия ваша? — осведомился Булаев у молодого танкиста.

— Силантьев.

— Очень знакомая. В вашем селе мой младший брат живет.

— Знаем,— ответили хором Силантьев и его сосед.— Да мы с его сыном Сашкой в одном классе учились.

— И вы — земляк?

— Как же,— улыбнулся младший сержант Ермолаев.

— А я — аргаяшский,— вставил младший сержант Малетин,— из райцентра.

— Вот удача-то! — воскликнул ветеран.— Сколько земляков сразу!

И пошла полоса необыкновенных совпадений, пере-

плетений судеб. Вставь такую историю в роман — не поверят, упрекнут в выдумке. А мир-то тесен, особенно армейский мир. Военная жизнь рождает тысячи разлук, но немало и встреч. А дружба прочна и на больших расстояниях.

Майор Разинков как-то в ходе долгих наших бесед упомянул:

— Есть у меня хороший друг, давно в нашем полку служил, Равиль Валиуллин. Скучаю без него. Как-то в отпуске слетал к нему за четыре тысячи километров. Радость была...

И потекла беседа, захватившая и тютнярцев, и челябинцев, и пермяков, и свердловчан.

— Что сказать, ребята? — погрузился в воспоминания ветеран.— Ушел я в армию из любезных сердцу Тютняр вместе с закадычным другом Пашей Чуличковым. Просились в танковые войска. Повезло: попали в бронетанковую школу под Брестом. Выучились в ней: я — на водителя, Паша — на стрелка-радиста... 21 июня сорок первого года по окончании школы получили мы с ним краткосрочный отпуск в Брест...

Отсюда и началась главная история жизни Николая Михайловича Булаева. Друзья погуляли по городу, посмотрели фильм «Богатая невеста» и устроились на ночлег в крепости, в казармах 455-го стрелкового полка. На рассвете почудилось: разразилась гроза с блеском молний и грохотом грома. Но лишь сбросили одеяла — пахнуло порохом. В проломленные, развороченные окна летели осколки. На полу — неподвижные тела.

— Первое движение, как только оделись,— к оружию. Схватили трехлинейки, патроны у погибших. Побежали к Брестским воротам. Встретил нас град пуль. Мы — к Холмским воротам, а туда уже немцы ворвались. Кинулись к Кобринским. Здесь после рукопашной прорвались. «Куда?» — «К своим танкам».

Нынешние танкисты слушали неотрывно. Мы с майором Разинковым переглянулись: так блестели глаза ребят.

— Тогда-то,— продолжал ветеран,— и произошла та самая танковая атака, которую на всю жизнь запомнил. Атака на рассвете второго дня войны.

В бронешколе готовились к бою. «Пойдемте ко мне»,— приказал тютнярцам инструктор по вождению. Фамилию его Николай Михайлович не помнит. Звали Мишей. «Я —

командир, Булаев — за рычаги, Чуличков — за пулемет». Около пятидесяти легких и средних танков вытянулись в колонну. Вел ее начальник школы подполковник Вержбицкий. Росным утром вышли в долину реки Мухавец, в район Жабинки. А там уже завязался встречный бой: наша дивизия генерала Пуганова сражалась с немецкими танками. Подполковник перестроил колонну в боевую линию.

— Чтобы получше сориентироваться, я приоткрыл люк. В мелколесье увидел много немецких Т-3 и Т-4. Шли на больших скоростях. Мы ударили им во фланг.

Ведя свой Т-26 по лощине, Булаев чувствовал, как содрогается броня от выстрелов, слышал, как командир Миша вскрикнул: «Есть. Попал, попал!» Павел строчил из пулемета по автоматчикам.

Бронешкола остановила фашистскую танковую лавину, повернула ее вспять.

Сердце у Булаева пело: «Гоним, гоним!» Около трех километров очистили от врага.

Когда Булаев примолк, один из слушателей, сержант Иванков (я после встречал его в полковой библиотеке), спросил:

— А сколько танков довелось вам водить за войну?

Подумав, Булаев ответил:

— Пять моих машин были разбиты или сгорели, да еще несколько выработали моторесурс.

23 июня он потерял первый, подожженный фашистской бомбой. Давили «юнкерсы», «мессеры». Тогда Чуличков помог раненому Булаеву выбраться из люка и снял с шарнирной установки пулемет. «Еще повоюем». В воронке хоронили командира Мишу, прошитого очередью «мессершмитта». Исход был долгим. Через Белоруссию, Смоленщину к Москве. И на этом пути был Булаев артиллеристом, командовал огнем сорокапятки, пехотинцем дважды ходил в штыковую, похоронил друга-тютнярца Пашу Чуличкова, участвовал в бою у печально знаменитой Соловьевской переправы; защищал Москву, вернулся на танк, входил в прорыв под Сталинградом.

— В кандидаты партии я вступил на левом берегу Днепра, а в члены партии — на правом.

Сражался под Корсунь-Шевченковским, освобождал Лисичанск, Харьков, форсировал Вислу, воевал и на румынской земле.

— Мне повезло,— закончил рассказ Николай Михайлович.— Я был на Параде Победы. Прошагал по Красной площади и видел, как падают к подножию Мавзолея знамена поверженного фашистского рейха.

После рассказа танкисты жались к ветерану. Ему был приготовлен сюрприз.

— Не хотите ли поработать рычагами? — предложил капитан, командир батальона.

— Я-то? Очень хочу. Только сорок лет прошло... Эх, была не была.

На глазах присутствующих преобразился шестидесятилетний Николай Михайлович. В новеньком комбинезоне, танкошлеме он вышел таким молодцом, что, казалось, даже морщинки на лице разгладились. Отвергнув поддержку, вспрыгнул на броню. Через минуту из люка глядели сузившиеся, прицелившиеся глаза.

Признаться, я забеспокоился. Дело происходило не на танкодроме, а в тесноте парка. Машина стояла в ряду других, неподалеку — бочки с горючим, топливозаправщик. Не слишком ли увлеклись хозяева? Сорок лет не шутка, как бы чего не вышло. Но капитан и все танкисты оставались спокойными, видимо, верили в старого водителя. Однако подстраховали: коренастый капитан склонился над Булаевым, как недавно надо мной прапорщик Филистеев. Но не подсказывал. Коллеги коротко посовещались. Загудел двигатель, а спустя минуту-другую двинулись гусеницы, печатая рубчатый след.

Машина рванулась несколько резковато, двигатель разом заглох, но вскоре танк пошел вновь. Водитель вовремя и осторожно его сдержал перед топливозаправщиком, повернул, и машина покатилась по довольно узкому проходу, обогнула ряды своих собратьев, миновала боксы и, совершив, так сказать, круг почета, точнехонько крутанулась и вошла в свой ряд, ровно в нем притерлась. Булаев по-юношески ловко спрыгнул на землю.

— Эх, еще бы потренироваться в переключении передач! Товарищ капитан, позвольте еще поводить, а? На танкодроме?

— Приезжайте, будем рады.

— Где же я вас найду?

— Я всегда здесь.

10

— Я всегда здесь,— ответил и мне командир батальона учебных танков капитан Александр Вячеславович Головин. Он имел в виду, что неотлучно находится в парке, на танкодроме, директрисе или тактическом поле. Под его началом служили земляки фронтовика Булаева, о них я хотел его расспросить, а также понять недавнее примечательное событие, происшедшее в батальоне.

Но вышло так, что прежде, чем с комбатом, встретился с земляками Булаева. Их было трое: Владимир Силантьев, коренная тютнярская фамилия, Владимир Ермолаев и Валерий Малетин — все водители-инструкторы. Ученики таких мастеров, как прапорщик Ляпин и Филистеев. Да и короткие их биографии повторяли начальные годы службы этих опытных танкистов. Все трое — бывшие механизаторы.

После моей беседы с ребятами комбат Головин дополнил рассказ одного из них — Силантьева — сообщением о пятерке и отпуске на родину.

— Видите ли,— сказал комбат, — когда сержант выполнял самое трудное, зачетное упражнение на танкодроме, то за ним ехал и придирчиво, как у него водится, наблюдал командир полка. И он с удовлетворением отметил, что Силантьев не потерял ни секунды ни на одном препятствии. Блестяще вел машину по весенним хлябям: скорость высокая и ни одной оплошности. «Молодец,— сказал подполковник Шильдин.— Пять!» И поощрил его. Так что сержант только из отпуска вернулся.

Капитан Головин, сын генерала, прошедшего войну и недолго прожившего после нее, обучался и воспитывался в Московском суворовском военном училище. Когда он сказал про это, я вздрогнул от предчувствия.

— Училище в Филях? — спросил капитана.

— Так точно.

— Не встречали там подполковника Фокина?

— Как же, это мой воспитатель, преподаватель математики. Высокий, темноволосый, смуглый.

— Он.

Сходились военные судьбы. Слава Фокин в войну был взводным в моей роте. Учитель математики, он на формировке так тщательно готовился к каждому заня-

тию, что, казалось, собирается объяснять бином Ньютона, хотя изучали мы всего-навсего пулемет ДШК. Его конспекты славились на весь полк, а методика считалась образцовой. В бою, под обстрелом, с пунктуальностью учителя выбирал огневые, чеканил команды. Мы беспокоились за его взвод, который на дряхленьком «газике» застрял в загустевших степных грязях за Корсунь-Шевченковским. «Засел Фокин, не выберется»,— вздыхал начштаба. А тот выбрался, на руках, что ли, вынес утлую машину с четырьмя пулеметами...

— Я всегда здесь,— и эти слова капитана Головина тоже напомнили мне его воспитателя, фронтовика Славу Фокина.

— Два дня занятий,— рассказывал капитан,— а остальные — обеспечение учебного процесса: стрельб, вождения днем и ночью, работа в парке. Вот наша жизнь. А главное в ней — трудолюбие, выдержка. Мы же учим, а это надо делать спокойно, методично (я снова подумал об учителе — взводном Фокине). Гнев — оружие бессильных. Техника — дело важное. Кто с ней знаком, тот у нас легко приживается. Взять хотя бы наших «моряков» — Матросов, Лоцманов, Бакланов,— он улыбнулся.— И фамилии-то моряцкие. Все они речное училище закончили, из водников. Грамотные ребята. И водители первостатейные, как Силантьев, Малетин, Ермолаев. Но помимо мастерства нужны чувство долга, дружба, взаимная выручка, без них нет танкиста. А на учениях бывает всякое. И капитан Головин рассказал такой случай.

Произошло это ранней весной... Оседали, темнели снега, истончился лед на ближайшей речке. И на ту пору выпали учения. Действовали на них участники сборов, призванные из запаса. Их подразделение прибыло по железной дороге на полевые «угодья» двинцев. Водили, стреляли, решали тактические задачи. Настало время отъезда. Потянулись танки на погрузку к железнодорожной станции. Дорога вела через речку. И вот под одним танком проломился лед, и он провалился в воду. Из песни слова не выкинешь — водитель растерялся. Поспешно выскочил из машины, оставив ее на тормозах, с включенной передачей.

Что делать? Тягачи даже в паре в таком положении не сдвинут танк с места. И вот оказавшийся поблизости

сержант Николай Карамышев как был, в зимнем комбинезоне, кинулся в ледяную воду. Нырнул под грозно сдвигающиеся льдины, пробрался в танк и, действуя на ощупь, снял машину с тормозов, выключил передачу.

— Думаю,— закончил капитан,— что случай с Карамышевым, не побоюсь громкого слова, подвиг в мирное время, а рожден этот подвиг нашей повседневной работой.

— К трудностям привыкаешь,— вспомнились слова младшего сержанта Силантьева.— Танкодром, дорожка на директрисе — это еще «цветочки», а вот «ягодки» — это ночные тактические учения с боевой стрельбой. Когда снаряды рвутся и пули свистят.

11

Едва различимые во мраке зимней ночи, тянутся танковые следы с холма на холм, от поворота к повороту. Экипажи, приникшие к триплексам, до предела напрягают зрение: узкие дефиле, обледеневшие склоны, обрывы в каком-то метре, занесенные снегом пни, поваленные ветром деревья, ямы и (во что даже не верится в морозную пору) провальные под прикрытием наста заболоченные участки: коварен «край зеленых болот», как его называют. Да еще понаделаны искусственные препятствия: то ров, то насыпь, завал... Гляди, водитель, в оба!

Танковый батальон приближается к «противнику», танкисты усилены мотострелковой ротой на БМП[1], которые солдаты называют ласково «ласточками» за их летящую скорость и увертливость. Несут они мощное современное оружие и стрелков, ощетинившихся через бойницы настороженными стволами автоматов. И идут по следам гусениц мощный артиллерийский дивизион, колесные машины саперов, связистов, химиков, медиков, везут и боеприпасы. Готовится наступление на долговременную оборону, созданную искусством современной имитации с ее фронтовой подлинностью,— невольно представишь, что перед тобой неприятельские орудия, танки, ракеты, пехота, способные упорно отстаивать каждую пядь земли; они передвигаются, изрыгают огонь — такова эта плотная масса управляемых мишеней.

[1] БМП — боевая машина пехоты.

— Готовность номер один!

Замерли колонны наступающих. Танки на исходных позициях. На огневых примолкшие артиллеристы. Тишина в эфире. И медленно текут минуты.

— Хотя не раз тренировались перед учебным боем,— рассказывает майор Хоменко, командовавший той ночью танковым батальоном,— а на душе было тревожно. Ожидание казалось бесконечным. От волнения навалилась сонливость (чувство, не раз испытанное фронтовиками перед атакой).

Но вот разразилась огневая подготовка. Над головами танкистов полетели снаряды, а впереди, пока еще далеко, вздымая снег и землю, сверкая вспышками пламени, виднелись разрывы. Но как раз в этот момент и началось движение наступающих, и каждый чувствовал, что неумолимо приближается к огненному рубежу, к эпицентру реальной опасности.

Скорее, скорее... В высверках багровел снег. И все преграды становились грознее. В те минуты танки перебирались через овраг. Он давался тяжело, машины скользили по склонам, шли юзом. Одна сползла, ее пришлось сдергивать с помощью другого танка. Работали споро.

— На тренировках,— вспоминал командир одной из рот,— все «спотыкался» механик-водитель Богачанов, сажал машину в замысловатую ямину, а потом долго выбирался. «Кажинный раз на этом самом месте». А тут, в боевой момент, так ладно ее проскочил...

— Боевое напряжение мобилизует, силы придает,— говорил мне когда-то бывалый танкист, Герой Советского Союза Ашот Вагаршакович Казарьян. И рассказал такой случай:

— Мы только что захватили населенный пункт. Я выскочил из машины и зашагал по узкому переулку, стиснутому высокими каменными заборами. И вдруг из-за поворота — немецкий танк. Вот-вот скосит из пулемета. Кинулся я на стену и перемахнул ее ну прямо как циркач. Когда бой миновал, нарочно пытался забраться на этот забор. Куда там!

...Танковые роты первого эшелона перестраивались на ходу в боевую линию. Можно представить себе многосложную работу экипажей, в особенности механиков-водителей, которые направляли свои машины в озаренном дрожащими вспышками мраке по расходящимся,

внезапно возникающим путям и сохраняли при этом положенные интервалы, не теряя «чувства локтя». И еще этот бросок позволил танкистам узнать цену помощи, поддержки. На всем пути без устали работали саперы: перебрасывали мостики через труднопроходимые места, гатили бревнами заболоченные участки. Бревна тонули в жидком месиве, а саперы обновляли гать.

Атака. Мало кому удалось достоверно изобразить фронтовую атаку. Тот, кто наблюдал ее со стороны, пусть даже в самой близи, все-таки видел только общую картину: движение танков и пехоты, разрывы снарядов и мин, горящие танки, падающие тела. Тот, кто участвовал в ней, возможно, сохранил в сознании, взбудораженном схваткой, ощущения страха, порыва, решимости, азарта, боли.

Конечно же, и модель фронтовой — учебная атака — оставила в памяти двинцев далеко не все подробности. Но иные вошли в нее крепко. Броня мчалась по заснеженному полю, а артиллерийский вал вернулся, и гряда сверкающих разрывов встала перед глазами. По опыту минувшей войны пушкари сначала перенесли с переднего края огонь в глубину, где мог отсиживаться «противник», а потом снова обрушили его на первую траншею.

— Разрывы-то перед самым носом,— сказал механик-водитель младший сержант Ермолаев.

— Сзади гремит, впереди рвется, как огневой мешок,— уточнил командир роты.— А тут еще добавили жару мотострелки.

Танковая атака была в разгаре. Машины двигались за перемещавшимся вновь в глубину обороны огневым валом, когда с «ласточек» спешились стрелки. Они бежали за танками, стреляли на ходу. Огненные трассы били в пространство между атакующими танками, и, случалось, пули барабанили по броне. И это было весьма ощутимо.

— Может, кому из танкистов и хотелось приоткрыть люк, все-таки виднее, куда и как вести, да где там,— заметил Силантьев.— Пули-то настоящие щелкают.

Однажды во время учения я проходил по траншее, когда только завершился гранатный бой. На дне ее увидел солдата-стрелка, его голова в каске была склонена, а глаза впились в какой-то маленький предмет на раскрытой ладони.

— Что это?

— Осколок гранаты,— ответил он.— Попробуйте.

Я взял в руки зазубренный клинышек металла, он был еще горячим. Да, подумал, паренька коснулось смертоносное дыхание боя.

— По каске щелкнул.— Солдат спрятал осколок в нагрудный карман кителя.— На память, дома покажу.

Ночные учения продолжались, открывая свои новые и новые испытания. Было солдатами, например, примечено, что когда они вели из танковых орудий и пулеметов огонь, выискивали цели, колдовали над прицелами, заряжали оружие, то притуплялось чувство опасности, за горячей боевой работой как бы не до него. И это ведь чувство фронтовое: когда трудишься, даже в самый тяжкий момент схватки отступает навязчивый, давящий страх.

Довелось двинцам еще раз повидать в непосредственной близости артиллерийские разрывы, причем в минуты сомнений: дивизион сменил позиции и опять открыл огонь. А ну как, стреляя с нового места, ошибутся пушкари на сотню-другую метров? Что тогда? Не ошиблись артиллеристы. «Ослепляющее море огня,— так сказал ротный,— было перед глазами, и прямо к нему, сближаясь, мы направляли танки».

Чередовались атаки и контратаки, маневры на фланг, чтобы встретить «противника», вхождение в стык его флангов, отражения подгянутых им подкреплений и, наконец, успех, преследование отступающих групп и стремительный бросок на оперативном просторе.

— Мне приходилось много раз бывать на подобных учениях,— отметил командир роты.— На этом радовало спокойствие, уверенность, деловая обстановка, которую создавал командир батальона. Он доверял офицерам и сержантам, и те командовали хладнокровно, обдуманно и четко.

— Четыре сотни километров прошли танки во время подготовки к учениям и в самом бою,— сказал комбат.

Хоть и крепок был ночной уральский мороз, потрескивали привычные к нему сосенки, а танкисты вылезли из машин взмокшими от пота. Они громко смеялись, а руки у многих дрожали.

* * *

Мы ехали по дорогам и недолго пустующим учебным полям. За стеклами нашего «газика» прокручивалась

холмистая равнина, стройные вышки, аккуратные домики огневого городка, директрисы и танкодрома, недальний сосновый бор. А когда заехали в этот лес, то на поляне увидели укоренившиеся гнезда армейских палаток, шрамы давних траншей. На сосновом стволе глубоко впечаталась потемневшая подкова.

— Не удивляйтесь,— промолвил мой спутник, местный старожил.— В начале тридцатых годов здесь кавалерия стояла. Сам Ворошилов сюда приезжал. А в войну тут не один боевой полк формировался. В окрестных лесах сохранились еще землянки и блиндажи.

Вдалеке, над просторами тактических полей, вздымалась приметная высота.

— Это, по-нашему, Маршальский холм, или холм маршала Жукова. С него Георгий Константинович, будучи командующим войсками Уральского военного округа, учениями руководил.

Повсюду, где мы проезжали и проходили, нас, не прерываясь, сопровождала танковая колея. Так и не потеряв ее из виду, мы остановились у расположения Двинского полка. За шоссе, перед строевым плацем, поднималась широкая стела с изображением трех орденов, а перед ней на постаменте замерла фронтовая «тридцатьчетверка»... Да, издалека, издавна, через годы и расстояния тянулся танковый след.

Из приветствия ЦК КПСС воинам-интернационалистам, возвращающимся из Демократической Республики Афганистан

Дорогие товарищи!

Горячо приветствуем вас, славных сынов Родины. Вы возвращаетесь домой, честно выполнив свой интернациональный долг на земле дружественного Афганистана.

По просьбе его законного правительства вы, солдаты мира, как и ваши боевые друзья, завершившие воин-

скую службу в ДРА раньше, помогали афганскому народу отстоять свою независимость и свободу, завоевания национально-демократической Апрельской революции, обеспечить прочную безопасность южных границ нашего Отечества.

Советские воины вместе с афганскими солдатами, всеми патриотами страны мужественно противостояли и противостоят вооруженной агрессии враждебных сил, посягнувших на суверенитет афганского государства. Ежедневно рискуя жизнью, вы, бойцы-интернационалисты, спасли тысячи афганских детей, стариков и женщин от кровавой расправы наемных убийц и террористов, дали возможность детям ходить в школу, крестьянам собирать урожай, рабочим трудиться у станка. Этот подвиг навсегда останется символом советско-афганской дружбы. Самоотверженно выполняли и выполняют свой долг солдаты и офицеры, врачи и медицинские сестры.

...Находясь в Афганистане, вы убедились, что классовый враг люто ненавидит все, чем мы гордимся,— свободу и равенство, культуру и демократию, счастье всех людей труда, интернациональное братство народов. Будь его воля — он и на нашей земле сеял бы ту же ненависть и злобу, то же горе и слезы, что принес нашему южному соседу. Советские люди испытали это на себе в годы Великой Отечественной войны.

Вы, дорогие товарищи, воспитаны нашей революцией, партией, комсомолом. Патриотизм и мужество, отвага и воинская честь унаследованы от отцов и дедов, старших революционных поколений. С первых дней создания Рабоче-Крестьянская Красная Армия была армией интернационалистов. Эти традиции она пронесла сквозь горнило тяжелейших испытаний. Им советские воины будут верны всегда.

...Желаем вам, всем, кто достойно выполнил и выполняет интернациональный долг, счастья, новых успехов, славных свершений. Родина гордится вами! Родина благодарит вас! Родина рассчитывает на вас!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
(«Правда», 14 октября 1986 г.)

20 Заказ 501

Ю. Дмитриев

Пароль — дружба[1]

Наш стремительный Ту-154 пошел на второй круг, и в прозрачной утренней синеве открылся древний город. Его дома амфитеатром карабкаются на ближние горы. Кажется, что прямо от каменистых отрогов начинается и бетонная гладь Кабульского аэропорта.

Приветливые, но строгие лица афганских пограничников, зоркие взгляды. Аэропорт усиленно охраняется. Мы выходим из вестибюля и видим место, где незадолго до нашего прибытия взорвались подложенные душманами смертоносные заряды. Пострадали пассажиры международного аэропорта.

Веселые, оживленные улицы, всегда шумные дуканы. На улицах множество ремесленников: ковровщицы, мастера изделий из глины, металла. На каждом углу продавцы зелени и фруктов. Но нет-нет да под вечер или на рассвете ухнет гранатомет, раздастся автоматная дробь или хлопки пистолетных и винтовочных выстрелов. Значит, вылезла из какой-то щели душманская тварь. И тут же послышится гул машин — это бросились на захват врага те, кто охраняет покой города: отряды царандоя — народной милиции — или вооруженные патрули афганской армии.

Неспокойное, тревожное время переживает афганский народ, против которого ведется поощряемая международным империализмом коварная необъявленная война. На помощь ДРА пришли советские воины.

В горах Афганистана

— Выписать пропуск и поставить на довольствие,— коротко приказал начальник штаба мотострелкового полка своему дежурному, узнав о цели приезда. Так началось мое пребывание у воинов ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Майор Иван Руль, начальник штаба, невысокий, кря-

[1] Из кн.: Выполняя интернациональный долг. М.: Политиздат, 1986.

жистый, с цепким взглядом человек. В безупречно отглаженной полевой форме, сапогах, на ремне пистолет. «Окончил танковое училище в Казани, а теперь вот скалолаз...» — шутит майор. Намекает на нелегкую службу в горах. Здесь, в Афганистане, он уже около двух лет.

В армии говорят: каков начальник штаба, таков и порядок в военном городке. Если это так, то майор полностью соответствует этой должности. Все обустроено по-уставному, с заботой о солдатском быте и здоровье. Свой клуб, вместительная столовая с цветами на легких алюминиевых столиках и графинами с холодным квасом.

В центре городка — широкий строевой плац. Шагают к нему солдаты не по пыли, от которой здесь спасу нет, а по асфальтированным дорожкам. Пьют воду из пробуренной своими руками и тщательно проверенной военными медиками глубокой скважины. Рядом со штабом — клумба с цветами и гранитный бюст В. И. Ленина. У ворот городка стоят темно-зеленые бронетранспортеры и боевые машины пехоты с расчехленными пушками. На солдатах дежурной службы пуленепробиваемые жилеты. Постоянно при себе оружие.

Те, кто проникает на территорию страны из соседних государств, особенно из Пакистана, пускают в ход даже дальнобойные ракеты, обстреливая жилые кварталы мирного города. Я сам слышал их шипящий вой в ночи и резкие глуховатые разрывы. А потом утром побывал в обстрелянном жилом микрорайоне. Одна из ракет попала в дом, погибли трое детей. Осколки другой ранили более десяти мужчин и женщин. Чтобы поджечь мирные дома и жилища, били бандиты и так называемыми фосфорными реактивными снарядами. Их вонючая начинка долго тлела, испуская мертвенно-желтый свет...

На что еще обратил я внимание в этом небольшом гарнизоне у подножия высоченных гор? Самое волнующее: на пропыленных, видавших виды солдатских кителях боевые награды, те самые, которые с войны принесли домой их деды и отцы, кто прошел огонь Сталинграда и жестокие танковые бои под Курском, кто прорывал блокаду Ленинграда, штурмовал Берлин, освобождал Прагу. Когда видишь отливающие серебром медали «За отвагу» или «За боевые заслуги» на груди девятнадцатилетнего паренька или орден Красной Звезды на кителе двадцатитрехлетнего лейтенанта, понимаешь, чувствуешь умом и сердцем — перед тобой настоящий боец, герой.

Послушаем этих воинов, познакомимся с ними поближе. С капитаном Виктором Ткачом, кавалером ордена Красной Звезды, приходится говорить накоротке. Поступил приказ: срочный вылет на охрану объекта. Смотрю, как капитан быстро облачается в защитного цвета комбинезон, надевает меховую куртку, шапку: на трехкилометровой высоте — до 20° мороза. Соответственно облачаются и солдаты группы капитана Ткача. У каждого до 30 килограммов груза: банки с тушеным мясом, сахар, хлеб, по две фляги с водой. И конечно, подсумки с запасными комплектами патронов, гранаты.

Короткое построение перед посадкой в транспортные вертолеты, из которых выглядывают стволы пушек и пулеметов. Капитан зорко оглядывает солдатский строй, все ли взято с собой, правильно ли подогнано походное обмундирование. Парни спокойны, подобранны. И, видно, очень верят в своего командира.

Родился и вырос Виктор в семье бывшего фронтового шофера Михаила Павловича Ткача, который привил сыну любовь к Отечеству, его доблестным Вооруженным Силам. После десятилетки поступил в Омское высшее общевойсковое командное училище имени М. В. Фрунзе. Успешно окончил. Служил в степях Забайкалья, в Прибалтийском военном округе. И вот — Афганистан...

Охранял он с группой солдат участок дороги на дальнем заснеженном перевале, было это несколько недель назад. Их группа взаимодействовала с отрядом царандоя, которым командовал совсем юный старший лейтенант Гафар, человек, беззаветно преданный идеалам Апрельской революции.

Обстановка сложилась тяжелая. Душманы то и дело простреливали дорогу, минировали ее в разных местах, устраивали засады. Пришлось дать достойный отпор вооруженным до зубов шакалам. Грамотный командир Виктор Ткач в трудную минуту всегда со своими бойцами. Остался он на перевале даже и тогда, когда пришла скорбная телеграмма о смерти отца. Еще теснее сплотились воины вокруг командира, сражались умело и самоотверженно. Многих вернувшихся с того задания представили к боевым наградам. А вскоре перед парадным строем командир мотострелкового полка прикрепил награды к кителям.

Улетает на задание капитан Ткач. А вслед ему с грустью смотрит другой капитан — Анатолий Колчук,

тоже с орденом Красной Звезды на кителе. Слышал я, как просил он командира: «Разрешите мне идти на охрану, засиделся я в гарнизоне...»

Не разрешил командир: есть дела здесь. Не знал Колчук, что ждет его другое задание — обеспечить безопасность нашей автоколонны, которая скоро выйдет в рейс. Командир уверен: офицер этот из надежнейших. В прошлом году отличился вместе с капитаном Федором Пугачевым, когда наши воины были неожиданно обстреляны из засады в одном отдаленном ущелье. Кругом рвались мины, душманы, укрывшись за камнями, простреливали каждую складку глухой незнакомой местности. Не растерялись мотострелки, быстро справились с бандитами.

Было еще немало трудных боев. Стал Федор Пугачев Героем Советского Союза, пришел срок — уехал служить в один из наших военных округов. Но его лихость и храбрость не забыты. Рассказывают, например, как однажды он проник в загоревшийся бронетранспортер и спас ценную аппаратуру и документы.

Возьми в пример себе героя! Под таким благородным девизом воспитываются воины в полку. Его бравый замполит майор Виктор Белозерковский познакомил меня с любимцами полка — братьями-близнецами Василием и Валентином Свиденюками. Оба — черноглазые, брови вразлет, усы. Широкие зеленоватые панамы со звездочкой, темные танкистские куртки.

Оба — наводчики-операторы на боевых машинах пехоты (БМП), оба — комсомольцы, первоклассные специалисты. Стреляют из пушки и танкового пулемета по-снайперски, в совершенстве владеют гранатометом, автоматом, пистолетом.

Почти за два года службы побывали не в одной переделке. Это когда охраняли стратегически важные перевалы, дороги и выполняли другие не менее серьезные задачи. И, к счастью, ни одной царапины. После службы они собираются вернуться в родное село Малая Горбаша, что на Житомирщине.

— А чем намерены заняться после увольнения? — спрашиваю братьев.

— Как — чем? — удивляются.— В селе дел уйма. До службы мы окончили ПТУ, получили специальность сварщика. Всю колхозную технику — комбайны, прицепы, другой инвентарь — будем ремонтировать...

Советский солдат! Сильный духом и добрый сердцем, он в самых необычных обстоятельствах всегда с честью выполняет свой воинский долг. Встречался я с воинами, которые спасали от огня и душманских пуль афганских детей, женщин, стариков, делились с ними своим пайком, строили дороги, расчищали завалы, добывали воду. Вот почему простые люди Афганистана с благодарностью и надеждой смотрят на советских парней.

Мне довелось быть свидетелем события, которое ярко символизирует эту любовь и уважение народной власти к нашему воину. Я был на торжестве, когда группу советских солдат и офицеров принимали в Центральном Комитете Народно-демократической партии Афганистана. Происходило это в бывшем президентском дворце.

Торжественно замер на брусчатке солдатский строй. Капитан Игорь Казачевский отдал рапорт. Советские воины в ответ на приветственные слова в их адрес о том, что афганский народ, его будущие поколения никогда не забудут бескорыстной помощи советского народа, обещали и дальше крепить дружбу с народом Афганистана, всеми силами помогать ему строить новую жизнь.

Потом из строя вышли лучшие из лучших — капитан И. Козачевский, рядовые Ю. Попков, В. Яковлев, С. Резниченко, С. Славгородский. За образцовое выполнение интернационального долга в деле защиты завоеваний Апрельской революции, за укрепление дружбы афганского и советского народов им были вручены грамоты Президиума Революционного совета Демократической Республики Афганистан.

Батальон четверых

Когда я улетал в далекую горную провинцию, граничащую с Пакистаном, в штабе мне сказали: «Обязательно побывайте в парашютно-десантном батальоне капитана Дементьева. Смелые, достойные парни служат у него».

Наш небольшой транспортный Ан-26 быстро набрал высоту, и вот уже внизу ущелья, каньоны, темные ребристые горные отроги. Кое-где под крылом вдруг появится крохотная долина, и тогда забелеют на солнце плоские крыши одинокого кишлака. Типичный афганский пейзаж.

В одной из таких узких небольших долин садимся. Короткая стоянка, металлический трап спускает совсем юный бортмеханик с лейтенантскими погонами. Самолет пойдет дальше, а мы уже на месте. Вскоре и долгожданная встреча с воинами-десантниками. Их небольшой городок заботливо ухожен. На стенах в помещениях, где живут воины,— фотографии родителей, жен и невест, детей. Вернется воин на отдых с трудного задания, взглянет в родное лицо, теплее на душе станет...

Вот так же незадолго до нашего прибытия возвратился в городок старший лейтенант Игорь Турусунбаев, двадцатипятилетний командир роты. Усталый, осунувшийся, в иссеченных острыми камнями сапогах, в потертой песочного цвета куртке, которую не снимал несколько суток. На плече — расчехленный автомат. Вернулись с ним и его доблестные парни — тоже не в лучшем армейском виде. Но живые, невредимые. Помылись, попарились в жаркой баньке. Поужинали, выпили крепкого чая. И словно не было нескольких проклятых, злых суток. Турусунбаев, дойдя до своей койки, взглянул повлажневшими глазами на двух крох-сыновей, жену Любу, ожидающую от него весточек, жившую у родителей в далеком Борисполе, что под Киевом. Заснул сразу, с тихой и безмятежной улыбкой на чистом, почти мальчишеском лице.

...Рота вылетела в горы на охрану важных объектов. Привычное здесь солдатское дело. Каждый знал, что брать с собой: рюкзак с сухим пайком, фляги с водой, каски, пуленепробиваемые жилеты. И конечно, оружие, боеприпасы. Хороший, опытный солдат отложит в сторону банку с тушеным мясом, но обязательно возьмет лишний диск для автомата, дополнительно прихватит пару гранат. Были у десантников, конечно, и крупнокалиберные пулеметы, и гранатометы. Но и главное было с ними — бодрость духа, товарищеское чувство локтя.

В районе, куда они прибыли, над узкими горными тропами и руслом небольшой высохшей речушки тяжело нависли каменные глыбы. Здесь часто появлялись вооруженные банды мятежников. Поэтому ухо надо было держать востро.

Вместе с Турусунбаевым их было четверо. Младшие сержанты Юрий Суховеев, Бигиджом Хасанов, Василий Мигдаляев. Рослые, плечистые парни, не раз и не два обстрелянные в горах.

У Суховеева, бывшего умелого бетонщика из-под Ташкента, уже красовалась на груди медаль «За отвагу». Командир отделения, лучший следопыт в своей роте, научившийся безошибочно «читать» следы на узких тропах. Таков и узбек Хасанов, работавший ранее на заготовительной базе в небольшом живописном городке Тойтепа. Оставил добрую память о себе в родном Алмалыке и крановщик Василий Мигдаляев. Крепкие, как на подбор, работящие ребята. Очень надеялся на них «старшой», как звали между собой они своего молодого командира. На его мундире, рядом с боевыми наградами, суворовский знак. В строю Игорь Турусунбаев с мальчишеских лет.

Когда группа Турусунбаева подходила к указанному объекту охраны, частая пулеметная дробь раздалась со стороны оставшейся позади крутой скалы.

Командир роты установил связь с подразделениями афганской армии. Этого требовала обстановка. Афганские воины получили разведданные — готовится к выходу большой караван мятежников с оружием. Направляется на территорию ДРА с пакистанской территории. Имеет солидное боевое охранение.

Темнота вмиг накрыла землю. Так всегда бывает в этих местах: упадет солнечный диск за горизонт, и сразу непроницаемый мрак окутывает горы.

Турусунбаев, слыша стрельбу с тыла, понял: это ловушка. Спустя минуту-другую ударили крупнокалиберные пулеметы с флангов и впереди.

Быстро залегли, каждый выбрав для защиты большой камень. Командир приказал рассредоточиться — чтобы душманы посчитали, что их много.

Да, на всю жизнь запомнится нашим парням та жуткая ночь. Бандиты непрерывно палили из автоматов и пулеметов, пускали осветительные ракеты. Хотели разглядеть, из каких укрытий отражают нападение советские воины. Тогда в темноту полетят гранаты, пакеты со взрывчаткой, мины. Но наши ребята, рассчитав боезапас и правильно оценив обстановку, умело, быстро меняли позиции, вели огонь короткими очередями по вдруг возникающим в свете ракет силуэтам.

Командир роты уже передал по рации о случившемся. Путей для отхода нет. Надо продержаться до рассвета. С первым всплеском утренней зари сюда прилетят вертолеты с десантом. И воины держались.

Как та легендарная группа бойцов-черноморцев из военного очерка Леонида Соболева «Батальон четверых». Тогда, в сорок втором, под осажденным Севастополем четыре десантника в флотских тельняшках храбро и мужественно, попав в окружение, отбивались от наседавших врагов. И победили. Когда бой кончился, пишет Л. Соболев, «встали в рост — четыре человека в полосатых тельняшках, в черных бескозырках, окровавленные, перевязанные обрывками форменок, но сильные и готовые снова пробиваться сквозь сотни врагов. И, видимо, сами они поразились своей живучей силище. И Перепелица сказал:

— Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота... Сколько нас? Четверо?.. Батальон, слушай мою команду: шагом... арш!»

Вот так и здесь — четверо отважных против крупной банды. Каждый верил в своего боевого друга. Все трое верили командиру. Он верил в них.

Суховеева, что постарше и поопытнее, офицер поставил на более опасный участок. Было у него достаточно патронов, гранатомет с полным боезапасом. Бандиты засекли младшего сержанта, близко подползли, хотели живым взять. Не вышло. Резанул по ним Юрий кинжальным огнем, потом гранаты в ход пустил. Оставив на камнях несколько трупов, душманы уползли в свои норы.

Яростно отбивались от бандитов Хасанов, Мигдаляев. А старший лейтенант Турусунбаев прикрывал огнем то одного, то другого. Выдвинулся в один из отчаянных моментов и к позиции Суховеева, помог ему.

Не потерял, к счастью, офицер никого из своих парней. Под утро пришла помощь. Позже подтвердилось, что не зря караулили здесь душманы горные тропы. Из Пакистана действительно шел тайком большой караван с оружием. Мулы были навьючены огромными тюками с автоматами, крупнокалиберными пулеметами, минометами, минами, снарядами, снайперскими винтовками.

Когда афганские воины, призвав на помощь советское подразделение под командованием капитана Романа Обзалимова, разгромили караван, мне показали часть из захваченных трофеев. Все оружие новенькое, отливающее вороненой сталью, добротно смазанное, упакованное. Все — иностранного производства.

А как наш героический «батальон четверых»?.. Отме-

чены все высокими наградами. Вот вернутся домой и доложат товарищам:

— Задание Родины и свой интернациональный долг выполнили с честью!..

Последняя граната

Вьюжный январь запуржил, замел обильными снегами тихие зауральские села. В белом саване дороги, проселки. Могучие сосны, словно часовые, застыли у околиц. Узкая среди сугробов дорога ведет к большому и ладному дому в центре села Обухова. Туда наш путь, к родителям не вернувшегося из далекого Афганистана солдата-героя. Выполняю просьбу командования мотострелкового полка, где служил Николай Анфиногенов, его боевых друзей: «Вернетесь в Союз, побывайте на Курганщине, в селе, где родился и вырос Коля, поклонитесь его отцу и матери...»

Вспоминаю тот день, когда был в его военном городке, в родной роте, в домике, где он жил, в Ленинской комнате, где сидел с любимой книжкой, писал письма родным. И вот я в его доме. Отец солдата, Яков Лазаревич, протягивает мне пурпурную грамоту с текстом Указа Президиума Верховного Совета СССР: «Присвоить рядовому Анфиногенову Николаю Яковлевичу звание Героя Советского Союза — за успешное выполнение заданий командования по оказанию интернациональной помощи ДРА и проявленные при этом героизм и мужество».

Одно слово, поставленное в скобках, щемящей болью отдается в сердце — посмертно.

Мать, Валентина Александровна, достает из шкафа армейский мундир сына с новенькой Золотой геройской Звездой и сверкающим золотистой оправой орденом Ленина. Высшие государственные награды страны, навечно переданные в вырастившую героя семью.

Ушел мальчишка из села скромным безвестным новобранцем — а теперь его имя носит восьмилетняя школа, где он учился, анфиногеновские бригады несут вахту на лучших курганских предприятиях, Всероссийские спортивные состязания по боксу среди учащихся ПТУ разыгрываются на приз имени героя-солдата. А в его родном полку видел я, как молодые солдаты борются

за право выполнять боевые стрельбы от имени своего, теперь уже легендарного сослуживца.

В наградном листе, с которым ознакомило меня командование, написано: «...прикрывая отход товарищей с разведданными и израсходовав все боеприпасы, оказался в окружении отряда мятежников. Убедившись, что его товарищи вне опасности, последней гранатой взорвал себя и находившихся вблизи врагов. Геройски погиб, уничтожив при этом восемь мятежников, и тем самым обеспечил дальнейший успех выполнения боевой задачи своей роты, которая, оказывая помощь афганским подразделениям, вела бой с крупным вооруженным отрядом».

Командир его роты, кавалер ордена Красной Звезды капитан Леонид Анохин, рассказывая о нем, очень волновался. Николай был его любимым солдатом — скромным, немногословным и очень храбрым.

В тот погожий сентябрьский день рота получила приказ — срочно выдвинуться на отдаленный горный рубеж. Предстояло взаимодействовать с частями афганской армии, разведать пути для безопасного прохода автоколонны с мирными грузами для попавших в душманскую осаду кишлаков. На пути была горная речка шириной метров пятьдесят. Берега в острых камнях, вода быстрая, холодная, с ледников. Пришлось форсировать ее. Натянули страховочный фал. Один из первых на другой берег перебрался Николай Анфиногенов.

Потом был опасный подъем на вершину, снова марш-бросок через ущелье, когда из-за каждого каменного уступа в любой момент мог полыхнуть огонь.

Рота выполняла поставленную задачу. Разделившись на группы, тщательно обследовала местность. На одной из каменистых террас находился Анфиногенов с несколькими воинами. Вдруг ударили автоматные очереди и гранатометы. Засада! Надо кому-то прикрывать отход. Это взял на себя Николай Анфиногенов.

Остаться один на один с наседающим со всех сторон врагом! Это тот редкий в человеческой жизни случай, когда проверяется, испытывается внутренняя сила и прочность характера.

Откуда взялись они у солдата, даже не дожившего до своего двадцатилетия? Вот это я и пытаюсь узнать.

Семья его простая, хлеборобская. Яков Лазаревич всю жизнь трудился в своем колхозе имени Кирова, за

исключением трех лет, проведенных в танковом полку Белоруссии, где отслужил свою срочную. Был трактористом, плотником, сейчас — здоровье сдало — перешел на ферму, вместе с напарником обслуживает полторы сотни черно-пестрых с хорошими надоями коров. Любовь к технике передалась Николаю. Тот еще мальчонкой убегал по утрам в поле, влезал к отцу на трактор и приходил домой только вместе с отцом.

Кстати, в правлении колхоза любопытную справку дали. Уже когда уехал Коля в город, в ПТУ, все свои летние каникулы обязательно проводил в родном колхозе, помогал урожай снимать: «...1980 г. В июне отработал 25 дней, в июле — 28 дней, в августе — 3 дня. Месячный заработок — 134 рубля». Такая же примерно запись в 1981 году. 245 рублей заработка. А вот запись 1982 года, 30 сентября того года уходил он в армию. Отработал в колхозе в августе 29 дней. Все заработанные деньги отдал матери.

Валентина Александровна вспоминает: «Возвращаюсь, бывало, с работы, увижу, во дворе чисто, снег убран, дрова наколоты, корова и овцы накормлены — значит, Коля на выходные дни из училища приехал. Весь дом помогал он мне в порядке и чистоте держать. А потом шел к деду Лазарю, фронтовику нашему, с фашистскими осколками вернувшемуся с войны,— избу в порядок приводил, дрова на всю зиму заготавливал. Любил работать».

На пороге сельской восьмилетки нас встретила приветливая скромная женщина. Нина Ильинична Григорьева, классный руководитель. Записал ее рассказ: «Коля пришел ко мне в четвертый класс, в котором было семнадцать девочек и семь мальчиков. Высокий, смуглолицый, с чистыми ясными глазами. В школу ходил аккуратным, подтянутым. Не обижал младших. Несмотря на свою недюжинную физическую силу, никогда не лез в драку.

Как-то писали ребята сочинение на тему: «Книга — учебник жизни». У меня сохранилось Колино. В нем такие слова: «Мои любимые книги — о героях. Из книги «Молодая гвардия» узнал я о мужестве и стойкости комсомольцев, защищавших Родину от фашистов. Они сражались в оккупированном врагом городе, их схватили, избивали в камерах до полусмерти, они все равно ничего не сказали... А герой книги «Как закалялась

сталь» Павел Корчагин в 16 лет ушел воевать с врагами и в 18 лет уже был инвалидом. Но, несмотря на это, боролся против врагов до последних сил... Таких героев, как Павел Корчагин, Олег Кошевой, Любовь Шевцова, Ульяна Громова и многих, многих других, никогда не забудешь. Они отдали жизнь, чтобы нам жилось хорошо и счастливо, чтобы никогда не было войны».

В нашем школьном музее приведены слова писателя Алексея Толстого: «Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила — человеческая красота». Разве они и не о нашем питомце?!»

Курганское ГПТУ № 30 расположено в центре города, на проспекте Машиностроителей. Привело Николая Анфиногенова сюда огромное желание получить хорошую рабочую специальность. Учился на слесаря-ремонтника.

В одном из классов на последнем ряду скамейка с алой табличкой: «Герой Советского Союза Н. Я. Анфиногенов». Это было место Николая — самого высокого парня в классе. С училищем знакомила Тамара Ивановна Анисимова, преподаватель группы: «Мы звали Николая с любовью и уважением — наш Добрыня Никитич. За его широкую натуру, доброту, необычайную сердечность. Был он до крайности щепетилен и справедлив. Не выносил никакой фальши. Все шли к нему за советом и помощью. Особенно во время конкурсов по профессии. В нашем музее хранится сувенир «Буратино». Смастерил его Анфиногенов из ключей, молотков, тисочков, зубил, ножниц. Никто не проходит мимо этого оригинального экспоната...»

Трудится до сих пор в ПТУ заслуженный фронтовик, старший мастер Василий Петрович Рогов, бывший танкист с 1-го Украинского фронта, участник штурма Берлина и освобождения Праги. Часто слушал Николай, затаив дыхание, его рассказы о войне, о доблести и мужестве сибиряков, зауральцев. От Василия Петровича услышал Николай высказывание Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского о его земляках: «У нас, фронтовиков, укоренилось глубокое уважение к питомцам седого Урала и безбрежной Сибири. Это уважение и глубокая военная любовь к уральцам и сибирякам установилась потому, что лучших воинов, чем Сибиряк

и Уралец, бесспорно, мало в мире. Поэтому рука невольно пишет эти два слова с большой буквы. Оба они такие родные и настолько овеяны славой, что их трудно и разделить. Оба они представляют одно целое — самого лучшего, самого храброго, упорного, самого крепкого, самого ловкого и самого меткого бойца».

...Стал таким бойцом и Николай Анфиногенов. Писал родителям из учебного подразделения, из одного из древних городов в Средней Азии: «Дорогие мои! Настало время овладеть оружием, военной специальностью. Живем со взводом в палатке. Ребята отличные. Весело, здорово, хотя и трудно. Подъем в шесть утра — и на полную катушку занятия, тренировки, изучение техники, тактики, воинских уставов. Скоро — Присяга, потом в мотострелковый полк...».

В полку Николай освоился быстро. И года не прошло, а он заметно возмужал, набрался опыта, бойцовской смекалки. Об этом свидетельствуют лучшие друзья Николая из его роты, тоже удостоенные высших солдатских наград,— младший сержант Юрий Притенко, рядовые Владимир Белозеров и Виктор Рубашкин, сержант Станислав Шмелев. Все они одного призыва с Николаем. Все они — свидетели его подвига, выносили его тело с места боя.

Боевые друзья не собирались оставлять Анфиногенова в беде. Парни знали: их боевой друг сражается один, и они бесстрашно карабкались вверх по отвесным скалам. Слышали стрельбу, автоматные очереди. Разрывы гранат. Их у Николая было четыре. Прозвучало три взрыва. Потом вдруг тишина. Что это? Неужели все кончено? И вот он, последний взрыв, долгим эхом прокатившийся по ущелью. Они увидели его, лежащего на спине. Приоткрытые глаза смотрели в безоблачное голубое небо...

Смотрю на новенький солдатский мундир. Высшие боевые награды на нем. Вспоминаю погибшего солдата из военного стихотворения Твардовского, его последние слова:

> Нам свои боевые
> Не носить ордена.
> Вам — все это, живые...

Нам, живым, в наследство — его жизнь, его подвиг, его Золотая Звезда Героя.

Содержание

Рассказы о Красной Армии: Воспоминания, главы из повестей, стихи, очерки / Сост. Демидов В. М.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.— 320 с., 16 вкл.
Р24

В пер.: 1 р. 10 к. 50 тыс. экз.

Сборник, составленный из художественных и документальных произведений, рассказывает о героическом пути Советской Армии, посвящается ее 70-летию.

Книга адресована юношеству.

Р $\frac{4803010102-016}{М158(03)-88}$ 59-88 ББК 84Р7

Рассказы о Красной Армии

Редактор Е. В. Черняк
Художник Е. В. Арбенев
Художественный редактор Н. Н. Данилов
Технический редактор И. Ш. Трушникова
Корректоры Т. А. Дрябина, М. Ф. Худякова.

В книге использованы фотографии М. Ананьина, В. Гребнева, В. Вохмина, Г. Чертополохова, А. Титова, С. Новикова, Б. Клипиницера и др.

ИБ № 1673

Сдано в набор 15.10.87. Подписано в печать 19.01.88. НС 12007. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,6. Усл. кр.-отт. 19,1. Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 50 000. Заказ 501. Цена 1 р. 10 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24.

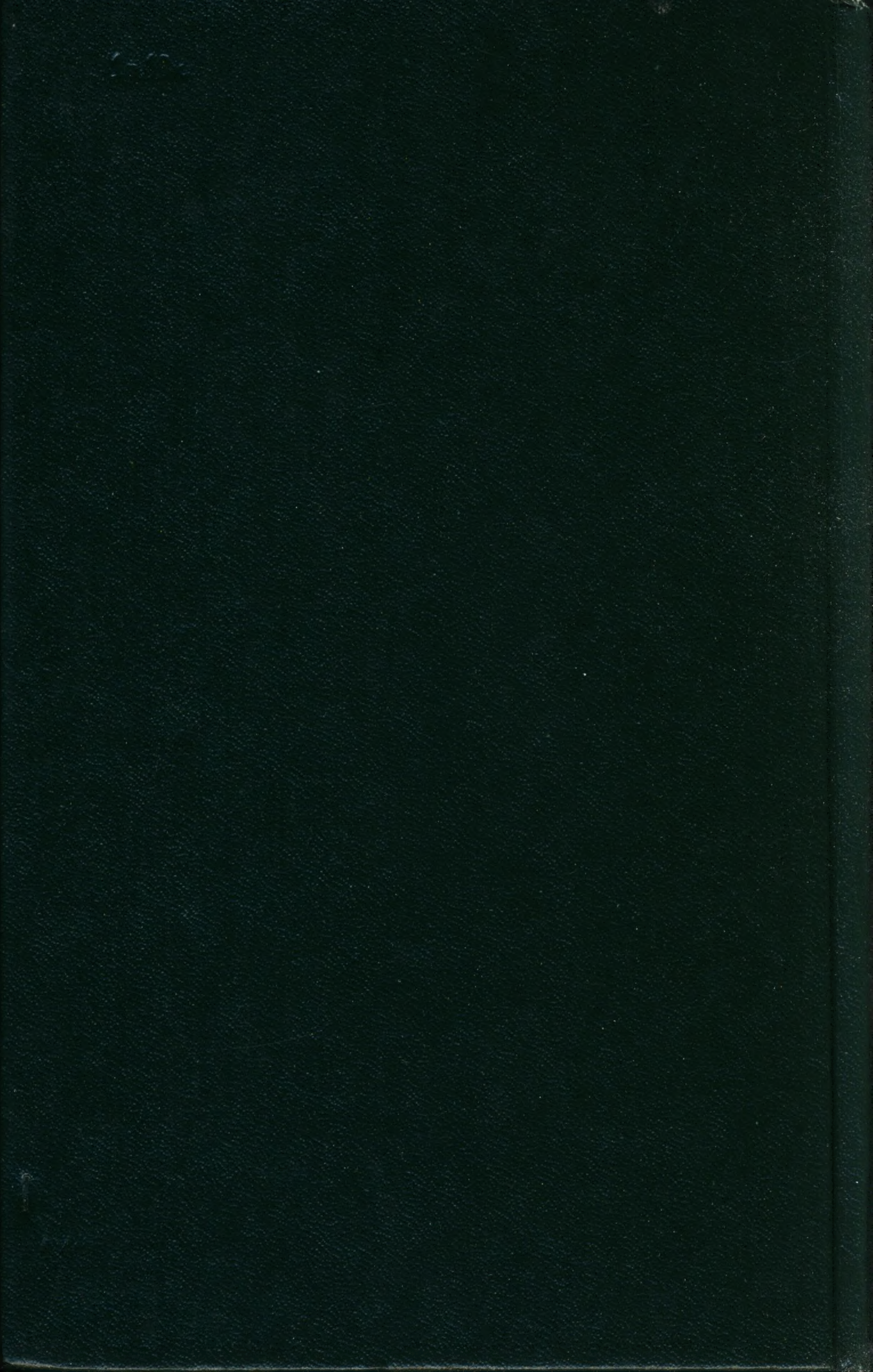
Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

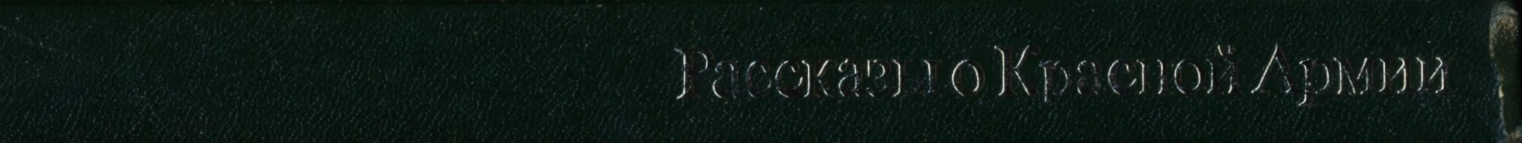

Памятник в Магнитке

Рассказы о Красной Армии